

Пётр Черёмушкин

Ярузельский:
испытание
Россией

Ассоциация исследователей
российского общества (АИРО-XXI)

Проект Стивена КОЭНА
и Катрины ванден ХЮВЕЛ

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Надежда АЖГИХИНА	Ассоциация «ПЭН-Москва»
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН	Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ	Интернет-журнал «Гепфер»
Пол ГОБЛ	Фонд Потوماк
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
Алан КАСАЕВ	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Андрей КУЗНЕЦОВ	Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Александр РЫБАКОВ	Международный центр торговли (Москва)
Борис СОКОЛОВ	Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Катрина ван ден ХЮВЕЛ	The Nation, Нью-Йорк
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Институт востоковедения РАН и Институт российской истории
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме

ПЁТР ЧЕРЁМУШКИН

ЯРУЗЕЛЬСКИЙ:

ИСПЫТАНИЕ РОССИЕЙ

МОСКВА
АИРО-XXI
2021

УДК 94(438.1)(092)
ББК 63.3(4Пол)63-8
Ч46

Черёмушкин П. Г.

Ч46 Ярузельский: испытание Россией. Изд. 2-е, расшир. и дополн. М.: АИРО-XXI, 2021– 394 с.

ISBN978-5-91022-531-6

Первая российская монография, посвящённая биографии и личности Войцеха Ярузельского, в которой детально анализируются факторы, сопутствовавшие введению военного положения в Польше в 1981 году. История жизни Ярузельского, формирование его как политического и государственного деятеля, мотивы и причины его решений рассматриваются в неразрывной связи с СССР и Россией и обстоятельствами, в которых он был вынужден действовать. Книга написана с использованием польских источников, которые не издавались в России и неизвестны широкому кругу исследователей и читателей.

Автор и издательство благодарят полковника в отставке Иосифа Брониславовича Полгоржицкого и Наталию Иосифовну Задорнову (Полгоржицкую) за помощь в подготовке второго издания книги.

На 1-й странице переплета: Председатель Совета министров ПНР Войцех Ярузельский и Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев во время встречи партийно-правительственной делегации ПНР в аэропорту Внуково. *Фото Вячеслава Рунова*

© МИА «Россия сегодня», 2021

УДК 94(438.1)(092)
ББК 63.3(4Пол)63-8

ISBN 978-5-91022-531-6

© Черёмушкин П. Г., 2021
© Волобуев В. В., предисловие, 2021
© Авторы и правообладатели фотографий, 2021
© Фирсов О. Г., дизайн переплета, 2021
© АИРО-XXI, оформление, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вадим Волобуев. Предисловие ко второму изданию	8
Предисловие автора ко второму изданию.....	12
Введение	18
«Почему русские журналисты защищают Ярузельского?»	40
Ссылка в биографии	48
Боевое крещение	62
Дорога на Берлин	70
Послевоенные годы и борьба с антисоветским подпольем	78
Сталинизация Войска Польского	88
Щецин: начало карьерного роста.....	103
Во главе Главного политуправления и Генштаба.....	111
За шаг до поста министра.....	122
1968: вторжение в Чехословакию	132
«О маршале Иване Якубовском».....	138
1970: События на Балтийском побережье.....	141
«Любимец Брежнева»	156
Эдвард Герек: строитель или расточитель?	160
Первая встреча с Польшей	168
Ярузельский и папа римский Иоанн Павел II.....	187
Польша: второе знакомство	205

1981 год: Ярузельский – от премьер-министра до Первого секретаря.....	213
Секретная встреча в Бресте	229
Визит Сулова в Польшу	236
Брежнев: Едва ли поможет полякам наше мясо	240
Положение «W» и операция «Азалия».....	254
Приложение «Война польско-ярузельская».....	272
«Жисть» и реформы».....	293
Визит Горбачева в Польшу в 1988 году.....	302
Польша: студенты и диссиденты	307
1989 год	320
«Польша – за перемены».....	326
Ярузельский – президент	341
Заявление ТАСС от 14 апреля 1990 года.....	347
Генерал-интеллектуал	350
Ярузельский – мат	359
Жизнь после отставки.....	363
Приложение «Фрагмент стенограммы заседания Политбюро 10 декабря 1981 года»	372
Вместо послесловия	376
Список литературы	391
Список иллюстраций.....	394

- Асар, почему поляки судят Ярузельского?
- Потому что он не позволил русским нанести полякам ещё одну рану, которую поляки могли бы долго расковыривать.

Из разговора автора книги с Асаром Эппелем, выдающимся переводчиком польской литературы на русский язык, в августе 2007 года

Интеллигент и в военной форме остаётся интеллигентом.

Генеральный директор ТАСС Сергей Лосев о Ярузельском в беседе с Веславом Гурницким

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Испытание Россией – пожалуй, самое подходящее название для биографии Войцеха Ярузельского. Россия сломала ему жизнь и Россия же возвысила его. Он любил нашу страну и опасался её. Неустанно защищал русских в глазах поляков, и отстаивал польские интересы в Москве. Душител польской свободы, коммунист и русофил, он в конце концов добился от России правды о Катынском преступлении.

Важное достоинство книги Петра Черёмушкина – она показывает Ярузельского обычным человеком, со своими слабостями и пристрастиями. И в то же время не забывает изображать всю панораму событий, на фоне которых довелось действовать генералу. Вот Ярузельский общается с Брежневым, а вот он уже в семейном кругу делится своими переживаниями по поводу жестокого подавления забастовки на шахте «Вуек». Вот он ведёт аппаратную игру с товарищами по ЦК, а вот выслушивает поучения от знаменитого соотечественника – папы римского Иоанна Павла II. Вот его подчинённые пытаются скомпрометировать Леха Валенсу, подделывая аудиозапись его телефонных разговоров, а вот уже сам Ярузельский, лёжа в больнице, принимает пожелания здоровья от того же Валенсы. Автор умело меняет ракурсы, показывая одно и то же с разных сторон, чтобы читатель сам мог оценить, насколько верно действовал герой книги и где он ошибался.

Интересны также личные наблюдения автора за польской действительностью. Петру Черёмушкину повезло – он оказался на берегах Вислы в переломный для страны момент, незадолго перед Круглым столом, который завершил историю ПНР. Личное восприятие происходящего позволило ему не просто понять логику событий, а постичь, так сказать, мысли простого поляка. Без этого трудно было бы ожидать столь проникновенную книгу о генерале Ярузельском – ведь тот, в конченном счёте, тоже был простым поляком, как ни странно это прозвучит.

Ярузельский – одна из главных фигур польской истории второй половины XX века. Без преувеличения, политик мирового масштаба, которому довелось действовать на переднем крае холодной войны. Он пришёл к власти в разгар острейшего кризиса, который бушевал на его родине, зажатой между американским молотом и советской наковальней. Его действия по сей день вызывают яростные споры, а крутые извивы его биографии могли бы послужить сюжетом для политического триллера. Всегда в военной форме и чёрных очках, он был несомненно самым узнаваемым лидером стран «народной демократии» своего времени. Ныне за границами Польши его известность изрядно померкла, но вряд ли можно назвать это справедливым. Ведь именно он первым в советском блоке созвал Круглый стол для переговоров с оппозицией и тем самым проторил дорогу от социалистического тоталитаризма к капиталистической демократии. И как всякий первопроходец, навсегда застолбил себе место в истории.

Важная опция биографии Ярузельского – в ней мы видим человека, прошедшего через мировоззренческий надлом и решительно поменявшего взгляды на жизнь. Воспитанный в католической и патриотической традициях, потомок дворян и повстанцев, сражавшихся против России, Ярузельский сполна хлебнул горя от коммунистов, а потом верно служил им и даже выступил спасителем, когда поляки готовы были

свергнуть просоветскую диктатуру. Автор скрупулёзно, на основании воспоминаний героя, его родных, а также работ о жизни Ярузельского, прослеживает духовную эволюцию своего героя, одновременно показывая исторический контекст событий. Таким образом, читатель может наблюдать происходящее как изнутри, с точки зрения «маленького человека», так и с «высоты птичьего полёта». Благодаря этому даже человек, незнакомый с новейшей историей Польши, способен составить представление не только о жизни главного героя, но и в целом о советско-польских отношениях, о польском менталитете, о причинах нелюбви поляков к России. А заодно о том, почему Ярузельский выглядит «белой вороной» среди своих соотечественников.

Не могу не поделиться собственным впечатлением о генерале Ярузельском. Мне удалось однажды поговорить с ним. Это произошло в июне 2005 г. в его бюро на Иерусалимских аллеях (одной из главных улиц Варшавы). Не скрою, разговор скорее разочаровал: генерал говорил так, будто повторял заученный текст. В сущности, так оно и было. Почти то же самое, слово в слово, я читал в его многочисленных интервью, где он рассказывал о своей молодости, об армейском пути, о партийной карьере. Многолетний член партаппарата, он крепко усвоил привычку не болтать лишнего, даже в интервью ограничиваясь проверенными формулировками. И лишь один раз, казалось, он приоткрыл душу. Это случилось, когда он заговорил о майском визите в Россию на празднование 60-летней годовщины Победы. Генерал посетил тогда места своей алтайской ссылки. «Я думал, там всё осталось как было, – воскликнул он. – А вот нет! Третью пути мы проехали современной трассой!». Запомнилась генералу и встреча с губернатором Алтайского края, популярным артистом Михаилом Евдокимовым. Вместе они спели несколько русских песен, а затем к генералу подошла какая-то женщина из местных и сказала ему: «Берегите его!» (видимо, приняв Ярузельского за высокого гостя из

Москвы). Как мы знаем, Михаил Евдокимов погиб в автокатастрофе 7 августа того же года.

Как это символично! Начав «знакомство» с Россией на Алтае, Ярузельский там же и закончил его. Словно жизнь его завершила круг. В алтайской земле навсегда упокоился отец Ярузельского Владислав. Генерал посетил его могилу (при советской власти у него не было такой возможности), чтобы уже никогда не приезжать в Россию.

И ещё один символический акт: похороны генерала в мае 2014 г. прошли на государственном уровне, с участием трёх других глав государства, в том числе Леха Валенсы. Того самого Валенсы, которого генерал когда-то интернировал и пытался убрать из политики. Прошло время, и старые противники простили друг другу прошлое, ибо поняли, что оба они, так или иначе, служили Польше.

*Вадим Волобуев,
старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН,
кандидат исторических наук*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

За 30 лет, прошедших после распада советской системы в Центральной и Восточной Европе в 1989 году, в Польше несколько раз у власти чередовались различные политические силы и менялись избирательные предпочтения общества. В 1994 году известный польский политик Адам Михник, посаженный в свое время Ярузельским в тюрьму, называл его «человеком чести», который навел порядок своими силами при приведении военного положения в 1981 году. «И если бы это сделал не он, то порядок бы навел Главнокомандующий Варшавским договором, а это уже был бы другой порядок», – говорил Михник в интервью газете «Известия». Ставшие доступными документы Политбюро ЦК КПСС, свидетельствуют о том, что в 1981 году (не в 1980-м) в высшем политическом руководстве Советского Союза господствовало острое и практически единодушное нежелание вводить войска в Польшу. Однако Ярузельского и других польских руководителей вполне могли об этом не информировать в то время и продолжать блефовать наличием такой угрозы, добиваясь от поляков действий собственными силами. Складывалась сложная, многофакторная комбинация, включавшая зондаж позиций друг друга, попытки прояснить намерения, политический нажим.

На заседании политбюро ЦК КПСС 29 октября 1981 года, стенограмма которого рассекречена, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев говорил: «Я не верю, чтобы т.Ярузельский сделал что-то конструктивное. Мне кажется, что он недостаточно смелый человек».

Далее выступает председатель КГБ Юрий Андропов: «Польские руководители поговаривают о военной помощи со стороны братских стран. Однако нам нужно твердо придерживаться своей линии – наши войска в Польшу не вводить».

Министр обороны СССР УСТИНОВ: «Вообще, надо сказать, что наши войска вводить в Польшу нельзя. Они, поляки, не готовы принять наши войска...»

Эти документы заставляют по-новому взглянуть на события тех лет лишь отчасти. После бойкота московской Олимпиады 1980 года, последовавшего после ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 года, советские руководители, конечно, не могли позволить себе новой военной авантюры в Европе, но никогда бы не пошли на то, чтобы отпустить Польшу из Варшавского договора – вопреки мнению некоторых современных польских историков.

Сейчас, когда в польском Сейме преобладает правая партия «Право и справедливость», налицо доминирование крайне критических оценок в отношении опыта пребывания Польши в союзе с СССР и в Варшавском договоре, а также и советского прошлого. История, оказывает сильное влияние на текущую политику в виде декоммунизации, осуществляемую государственной организацией Институтом национальной памяти.

События на Украине и присоединение Крыма в 2014 году возродили польские страхи в отношении российского империализма и усилили трактовку польско-российских отношений во враждебном свете. Это верно и в отношении оценок роли генерала Войцеха Ярузельского, который подавляющим большинством именуется «коммунистическим преступником», спасавшим режим личной власти. При введении им военного положения 90 человек погибло, несколько тысяч было арестовано, лидер «Солидарности» Лех Валенса содержался в закрытом доме отдыха Алармово вблизи польско-советской границы, на шахте «Вуек» («Дядюшка») в Силезии произошла кровавая бойня – теперь там музей.

Институту национальной памяти в 2012 году был передан дневника генерала Виктора Аношкина – адыю-

танта маршала Советского Союза Виктора Куликова (Главнокомандующего объединенными вооруженными силами Варшавского договора), из которого следует, что 9 декабря 1981 года Ярузельский просил советских партнеров ввести в Польшу войска, но получил уклончивый ответ. Подлинность этого документа подтверждает и директор Центра изучения холодной войны Гарвардского университета (США) Марк Крамер.

Внимательное изучение биографии генерала Войцеха Ярузельского, его связей с Россией, воспоминания автора этой книги, как очевидца событий того времени, и многих других современников, показывает, что оценка его роли не должна быть столь прямолинейной и ограниченной. Ярузельский не раз в своих интервью и книгах говорил, что служил той Польше, которая существовал в реальности, а не той, которую кто-то хотел бы видеть. В 1943 году он принял воинскую присягу в советских военных лагерях под Рязанью. Одним из тех, кто принимал участие в формировании и воспитании молодого офицера был заместитель командующего 1-й польской армией Бронислав Иосифович Полторжицкий, с которым Ярузельский поддерживал весьма дружеские отношения вплоть до того времени, когда занял пост президента. И оставался верным принятой присяге до конца.

Сын и внучка генерала-лейтенант Бронислава Иосифовича Полторжицкого – полковник в отставке Иосиф Брониславович и Наталия Иосифовна Задорнова (Полторжицкая) предоставили для этой книги воспоминания и редкие фотографии о послевоенных годах и службе в Польше. Важным источником о формировании польских подразделений на территории СССР и послевоенных годах стала книга воспоминаний И. Б. Полторжицкого «Вот я и вырос...», изданная малым тиражом в 2018 году.

С 14 января 1944 года Б. И. Полторжицкий вступил в должность 2-го заместителя командира 1-го польского

корпуса, формировавшегося в МВО у станции Диво, города Смоленск. С переформированием корпуса в 1-ю Польскую армию в марте того же года назначен заместителем командующего армией по подготовке и переподготовке офицерских кадров. Там же он сформировал 1-е Объединенное училище (позднее переформировано в 1-е пехотное), затем Высшие курсы усовершенствования офицерского состава. В июле 1944 года назначен начальником управления мобилизации и формирования Войска польского, с сентября одновременно исполнял должность начальника управления военно-учебных заведений Войска польского (г. Житомир). Лично занимался формированием новых дивизий для 2-й Польской армии, запасных полков и новых военных училищ.

В установлении советских порядков на территории Польши после 1945 года участвовали многие поляки, находившиеся во время войны в СССР или принимавшие участие в боевых действиях на стороне Красной Армии в составе польских подразделений, сформированных в Советском Союзе, прежде всего в Рязани, в Сельцах.

Следует отметить, что после 1939 года, когда Третий рейх и СССР разделили Вторую Речьпосполиту, большая часть польского населения была депортирована вглубь СССР. В том числе дворянская семья будущего генерала Ярузельского, проживавшая в Виленском крае и владевшая крупными наделами земли. Часть этих поляков, как и Ярузельский присоединилась к польским частям, формировавшимся под руководством полковника Зигмунда Берлинга в 1943 году (В 2019 году памятник Берлингу в Варшаве сбросили с постамента и разбили, а затем перенесли в музей). 20-летний Войцех Ярузельский, проживавший тогда в Алтайском крае, в городе Бийск на улице Горького, 51, был записан в польскую армию и начал свою военную карьеру.

Как отмечают польские биографы, этот выбор не был добровольным: советские чиновники решили за Ярузельского,

что он станет офицером вместе с другими тридцатью поляками, отправленными в Рязань. Ярузельскому удалось скрыть своё дворянское происхождение, потому что проверка биографий поляков, поступавших на службу в армию, видимо, носила весьма либеральный характер.

Первое издание этой книги было написано и подготовлено в печать в 2016 году в Праге при редакторском содействии Екатерины Викторовны Жиляковой, за что выражаю ей благодарность. Тогда у меня не было доступа к российским архивам и большую часть источников составили польские биографии генерала Войцеха Ярузельского и другие книги, и воспоминания на польском языке. После возвращения в Москву в 2019 году при содействии АИРО-XXI я получил доступ к рассекреченным материалам Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), где хранятся протоколы заседаний Политбюро ЦК КПСС 1981 года, записки КГБ в ЦК КПСС о положении в ПНР, и докладные записки советских консульств и посольства СССР в Польше в конце 1970-х годов. В них содержится довольно много сведений о дискуссиях в советском руководстве о положении в Польше.

Важным источником стала статья известного российского дипломата Владимира Ивановича Воронкова «События на 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади», работавшего в ЦК КПСС, в МИД РФ, а сейчас занимающего высокий пост в Секретариате ООН на уровне заместителя Генерального секретаря. Этот содержательный, насыщенный фактами труд, был опубликован в журнале «Вопросы истории» в 1995 году.

Было интересно восстановить в памяти то, как советская печать 1980–1981-х годов трактовала события в Польше, какой стиль использовала газета «Правда» для освещения событий в Польской Народной Республике. Доступ к этим статьям я получил в Государственной публичной исторической библиотеке, где когда-то работала моя мама Марина

Вацлавовна Кретович. Книга дополнена фотографиями и рисунками разных лет и из моего архива, а также из собрания агентства «Россия сегодня» – бывшего Агентства печати «Новости».

В новое издание внесены некоторые исправления и уточнения, сделанные по рекомендации Вадима Волобуева и других специалистов.

Октябрь 2021 года

ВВЕДЕНИЕ

13 декабря 1981 года, в зимнее воскресенье накануне Рождества, проснувшись утром, миллионы поляков не узнали своей страны: на улицах стояли танки и бронетранспортеры, солдаты с автоматами грелись у печек, а по телевизору транслировалось выступление главы государства – человека с большим лбом, в толстых очках и с маленьким подбородком – генерала Войцеха Ярузельского. Генерал говорил строгим, подчеркнуто спокойным голосом, в котором всё же можно было угадать волнение, и обращался к населению со словами: «Гражданки и граждане! Великая тяжесть ответственности легла на меня в этот драматический момент польской истории. Объявляю, что сегодня был создан Военный совет национального спасения. Государственный совет в соответствии с требованиями Конституции ввёл в полночь военное положение на территории всей страны».

За 10 лет до распада СССР генерал Войцех Ярузельский смог сделать в Польше то, чего не удалось сделать ГКЧП в Советском Союзе. Но за спиной Ярузельского стоял «Большой брат», а у путчистов в 1991 году такой поддержки не было.

Профсоюзное движение «Солидарность», объединившее миллионы поляков, справедливо недовольных порядками, которые принесла им советская модель общественного устройства, бросило вызов промосковской власти. И, с одной стороны, стало первым влиятельным антикоммунистическим движением в Восточной Европе, а с другой,

своими действиями усугубило и без того провальную ситуацию в экономике Польши и стало угрожать советским военным интересам в Восточной Европе, которые простирались тогда до Западной Германии.

Меньше всего этот скромный, интеллигентный человек, который ради спасения существовавшего тогда государства фактически пошёл против своего народа, был похож на жёсткого диктатора, каким его изображали: генерала в черных очках, подобного Пиночету. Скорее он напоминал семейного доктора, который в критической ситуации взялся за сложную хирургическую операцию без наркоза. Принимая всю вину на себя, он прекрасно понимал, что лично для него последствия окажутся крайне неприятными, если не сказать – трагическими. Он справился с задачей, поскольку получил хорошую подготовку и был приучен к ответственности.

Но до сих пор в Польше не утихают споры о том, было ли верным решение о введении военного положения, была ли угроза ввода войск Варшавского договора, сохранил ли генерал общественную стабильность в Польше или повёл себя как преданный Советам служака, спасавший собственную шкуру и свое окружение и выполнявший волю Москвы.

Войцех Ярузельский – аристократ по происхождению, военный по воспитанию, русофил ввиду жизненного опыта, польский интеллигент, которому пришлось сломить собственный народ. Ярузельский отлично знал, что соотечественники никогда не простят ему того, что он сделал. В его упорядоченном сознании укладывалось то, что поляки – люди, говорившие с ним на одном языке, понимать не хотели: «Рядом Россия. И мы должны с этим считаться в силу нашего исторического опыта».

* * *

В многовековой истории Польши, в умах поляков и в их мировосприятии Россия занимала и занимает особое ме-

сто. С одной стороны, как страна, за счёт захвата территорий которой в XVI и XVII веках росла польская империя Речь Посполитая, а с другой, как страна-поработитель и угнетатель, лишавшая Польшу независимости и участница её разделов в XVIII и XX веках. Судьбы многих поляков оказались связанными с Россией из-за войн и депортаций, которым подвергались участники восстаний против царизма и простые поляки. В то же время в Российской империи многие поляки состояли на царской государственной и военной службе, участвовали в революционном движении. В России всем известны такие имена, как Константин Рокоссовский и Феликс Дзержинский. Но было и много других, менее известных представителей польского народа, служивших России в разные времена. Каждый из них считал, что интересы Польши совпадают с интересами России. Но зачастую их соотечественники придерживались иного мнения.

Тема России постоянно присутствовала в польской политике. Кредо польских политических деятелей первой величины проявлялось в их отношении к России или к СССР в XX веке. Это относится к таким разным личностям, как Юзеф Пилсудский, Роман Дмовский, Владислав Сикорский, Леопольд Окулицкий, Владислав Гомулка, Ванда Василевская, Александр Квасьневский, Войцех Ярузельский. Многие из них жили, учились или отбывали ссылку в России. В российской культуре и науке есть множество значительных имён польского происхождения, таких как Дмитрий Шостакович или Мечислав Файнберг, Константин Циолковский, Анна Герман или Эдита Пьеха, актер Владислав Стржельчик или мой дед, ученый-биохимик Вацлав Кретович. Целый ряд художников-живописцев таких как Генрих Семирадский, Станислав Жуковский или Витольд Бялыницкий-Бируля считаются достоянием как польского, так и русского искусства. Можно назвать множество этнических поляков, состоявших на русской и со-

ветской военной службе. Были этнические поляки и среди чекистов. Например, активный участник сталинских репрессий Станислав Реденс – комиссар госбезопасности 1-го ранга, расстрелянный в 1940-м году.

В 1918 году, после окончания Первой мировой войны и Октябрьской революции, впервые после многих лет разделов Польша стала независимым государством, которое возглавил Юзеф Пилсудский, участник антироссийского движения сопротивления, революционер-социалист, прошедший ссылку в Сибири. Уже через два года, в 1920-м, Польша подверглась агрессии со стороны Советской России и не стала её жертвой лишь ценой ожесточённого сопротивления. В 1930-х годах советско-польские отношения были чрезвычайно напряжёнными, хотя дипломатические связи сохранялись. В период сталинских репрессий в 1937 году в СССР прошла кампания против поляков, считавшихся шпионами, диверсантами и агентами польской разведки, в ходе которой был уничтожен каждый шестой поляк, проживавший в Советском Союзе. Основой репрессий было закрытое письмо Главного управления государственной безопасности НКВД СССР «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной и террористической деятельности польской разведки в СССР»¹.

Вплоть до 1939 года Польша сохраняла свою независимость за счёт умелого маневрирования и решительных действий Пилсудского, оставаясь при этом постоянным раздражителем для правительства большевиков, считавших Польшу антисоветской, «белопанской» страной. Очередной раздел Польши между Советским Союзом и нацистской Германией в сентябре 1939 года после подписания пакта Молотова – Риббентропа лишил страну независимости, но не укротил независимого духа польского народа. Поляки продолжили сопротивление как против нацистской оккупации, так и против советского доминирования, советизации, начавшихся в 1945 году, после того как Красная

Армия вошла на территорию Польши в её новых границах, утверждённых на Ялтинской конференции. Впрочем, советизация также в значительной степени разделила польский народ на сторонников союза с СССР и приверженцев прозападной линии.

В апреле 1940 года, когда Польша снова исчезла с географической карты, многотысячная группа бывших польских граждан – офицеров и представителей интеллигенции подверглась не только депортации, но была физически уничтожена по приказу Иосифа Сталина вблизи лагерей, где они содержались. На Украине (Быковня), в Белоруссии (Куропаты) и на территории нынешней России в Катыни (Смоленская область), Медном (Тверская область) и Козельске (Калужская область) ныне находятся могилы тысяч убитых поляков. На протяжении десятилетий так называемое Катынское преступление (*польск.* zbrodnia katyńska) трактовалось в Советском Союзе как дело рук немцев. Ответственность за него со стороны СССР опровергалась. Затем в СССР и России Катынское преступление было признано деянием сталинского режима и неоднократно подтверждалось документально.

За время, прошедшее с момента нападения Германии на Советский Союз в июне 1941 года и после установления союзнических отношений с США и Великобританией, Советский Союз установил дипломатические отношения с правительством Польши в изгнании, действовавшим в Лондоне. После этого в отдалённых районах СССР из ранее депортированных поляков начали формироваться воинские подразделения. Часть их руководства в это время находилась в тюрьме на Лубянке, в частности, такие деятели, как генерал Владислав Андерс и Леопольд Окулицкий. Они были освобождены для командования Польской армией, однако как в рядах её руководства, так и среди простых поляков существовало глубокое недоверие к Сталину и советскому режиму.

Советское руководство все же пыталось довести до конца формирование Польской армии в СССР и использовать её в боевых действиях, прежде всего под Сталинградом. Однако в ходе переговоров с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем возник вопрос о выходе этой армии из СССР в Иран. В 1942 году подчинённые Андерса по приказу правительства Польши в изгнании вместе с семьями покинули СССР.

В 1943 году стало известно об убийстве польских офицеров в Катыни под Смоленском. Дипломатические отношения СССР с правительством Польши в изгнании были разорваны. Многие из оставшихся в Советском Союзе поляков присоединились к 1-й армии Войска Польского под командованием генерала Зигмунда Берлинга и вместе с Красной Армией участвовали в освобождении Польши и штурме Берлина.

После того как в ходе Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций западные союзники были вынуждены согласиться на включение Польши в сферу влияния СССР, поляки, воевавшие на его стороне, приняли участие в формировании советской системы на территории вновь образованной Польской Народной Республики. Особую роль в установлении советских порядков сыграли новые вооруженные силы – Войско Польское, которое формировалось по советским образцам под руководством советских военных – зачастую поляков по национальности, прежде всего под началом Маршала Советского Союза Константина Рокоссовского, назначенного министром обороны ПНР в 1949 году.

Одним из таких военных, карьера которого началась в Советском Союзе и успешно развивалась в ПНР, был Войцех Ярузельский (1923–2014), впоследствии занимавший важнейшие посты в партийно-государственном аппарате Польши и в вооруженных силах, входивших в состав Варшавского договора, или, как говорили на Западе,

«советского блока». Семья Ярузельских – знатного дворянского рода – подверглась депортации из Вильненского края в Сибирь. Жизнь в сибирской ссылке способствовала усвоению Ярузельским советских правил поведения и порядков. Это в конце концов не помешало, а скорее всего помогло ему стать главой Польского государства в 1980-х годах: премьер-министром, председателем Госсовета, президентом Республики Польша.

Цель настоящей работы, посвящённой биографии Войцеха Ярузельского, – показать связь его жизненного пути и карьеры с Советской Россией на основе новых документов и материалов, опубликованных за последнее время в Польше, а также открывшихся архивов и книг польских историков, в России не переводившихся и не публиковавшихся. К таким работам следует отнести труды Яна Осецкого, Анджея Пачковского, Леха Ковальского, Петра Гонтарчика, Павла Ковалю, Хенрика Пецуха, Петера Райны и других. Некоторые содержащиеся в них оценки будут также подвергнуты критической оценке. В книге также использованы воспоминания дочери Войцеха Ярузельского Моники, опубликованные в последние годы. В них содержатся интересные детали как его семейной жизни, так и стиля служебной деятельности, а также отношений с советскими военачальниками и военными так называемых «братских армий».

Следует также отметить рассекреченные и опубликованные в Польше документы и шифрограммы с перепиской посольств и руководства стран советского блока друг с другом, изданные Институтом национальной памяти².

В Советском Союзе неоднократно публиковались статьи о Ярузельском, советское телевидение делало интервью с ним как главой союзнического государства. При встречах с ним Генеральный секретарь ЦК КПСС и первый Президент СССР Михаил Горбачев неизменно обращался к нему на российский манер по имени-отчеству –

Войцех Владиславович. Так же называли его и советские военачальники. В 1988 году в Москве в «Политиздате» вышел сборник «Избранные произведения»³, содержащий в основном речи и статьи, написанные при участии Веслава Гурницкого – основного спичрайтера генерала. После распада СССР Ярузельский также охотно принимал российских журналистов, в частности, корреспондента еженедельника «Русский Newsweek» Вениамина Гинопдмана, который сделал о нём очерк «Генерал печальной карьеры»⁴.

* * *

На протяжении последних десятилетий автор этой книги регулярно бывал в Польше как студент, турист и журналист, проходил преддипломную практику в Варшавском университете с 1988-го по 1989 год, работал стажёром отделения ТАСС в Варшаве в 1991 году. В 2004 году лично встретился с Войцехом Ярузельским для интервью, которое было опубликовано в еженедельнике «Профиль».

Мне довелось увидеть Ярузельского трижды: один раз в ноябре 1988 года на приёме в советском посольстве в Варшаве по случаю годовщины Октябрьской революции. Во второй раз – в июне 1990 года в аэропорту Внуково-2 в зале отлёта государственных делегаций, покидавших Москву после последней встречи глав государств Политического консультативного комитета Варшавского договора. Ярузельский вместе с тогдашним первым некоммунистическим премьер-министром Польши Тадеушем Мазовецким вышли из «ЗИЛа» и весьма доброжелательно отреагировали на вопрос молодого корреспондента ТАСС, которым я тогда был. И в третий раз – в 2004 году во время интервью, один на один, в кабинете бывшего президента Польши на Иерусалимских аллеях в польской столице. Тогда мне довелось говорить с Ярузельским довольно долго.

В ноябре 1988 года во время преддипломной практики в Варшавском университете я получил приглашение на

приём в посольство СССР. Генерал стоял в отдельном зале рядом с послом и советскими военачальниками. Меня тогда удивила его выправка, то, как прямо он держался (некоторые даже считали, что генерал носил специальный корсет). Про таких обычно говорят: словно аршин проглотил. На выходе из здания посольства его ждали две автомашины «Пежо» защитно-зелёного цвета: кортеж был весьма скромен.

В 2004 году мне выпал шанс поговорить с Ярузельским около часа под запись. Он произвёл на меня незабываемое впечатление человека, которому идеально подходит определение «государственный муж». Такое впечатление он производил не только на российских, но и на многих западных журналистов, с которыми ему приходилось встречаться. Во время моей журналистской работы я близко видел многих политиков, но Ярузельский отличался каким-то особым классом, которому невозможно научиться и который бывает только врождённым. Это был аристократ, которого жизненные передрыги превратили в верного слугу Советской империи. В его кабинете висел огромный белый орёл – герб Польши, интересы которой он понимал и отстаивал по-своему, считая, что гигантский сосед на Востоке принёс не только страдания, но и спасение для польского народа. После интервью он сказал: «Перед публикацией прошу прислать для авторизации». До суда над ним в 2008 году оставалось четыре года.

* * *

Спор о целесообразности введения военного положения в Польше в 1981–1983 годах продолжается среди историков и простых людей много лет. Опросы общественного мнения показывают, что поляки по отношению к этому вопросу остаются разделёнными ровно пополам. Одни считают, что военное положение спасло Польшу от значительно более серьёзной трагедии. Другие считают, что для введения военного положения не было никаких оснований.

Вводя военное положение, команда Ярузельского утверждала, что спасает Польшу от гражданской войны и экономической катастрофы. Современные историки считают, что никаких фактов враждебных намерений «Солидарности» не существовало, а также что военное положение в значительной степени ухудшило экономическую ситуацию в стране, а не привело к её улучшению.

Хорошо известно, что генерал Ярузельский объяснял введение военного положения необходимостью предотвращения советского военного вторжения в Польшу. Действительно, опасения такого вторжения существовали в польском обществе и основывались на событиях 1956 года в Венгрии и 1968-го в Чехословакии.

По мнению польских историков, ныне доступная информация из архивов государств, входивших в состав советского блока, противоречит этому тезису. Современные польские историки считают, что Москва придерживалась тактики воздержания от военной интервенции в Польшу при одновременном давлении на польские власти, с тем чтобы те решили вопрос собственными руками. Считается, что к подчинению этой тактике Москве удалось склонить всех глав государств Варшавского договора, включая главу ГДР Эриха Хонеккера, который был главным сторонником ввода войск в Польшу.

На основе открытых ныне документов польские историки считают, что генерал Ярузельский использовал угрозу советского военного вторжения как пугало для поляков. И поэтому в декабре 1981 года попросил министров обороны стран Варшавского договора издать жесткое коммюнике на сей счёт. К его удивлению, просьба, поддержанная руководством СССР, не была исполнена. Считается, что Ярузельский обращался за военной поддержкой к Главнокомандующему войсками Варшавского договора маршалу Куликову, но его просьба также не была исполнена.

По мнению польских историков, военное положение было введено не из-за заботы Ярузельского о судьбе стра-

ны, а для спасения коммунистического режима. Как отмечают авторы учебника истории Польши «От независимости до независимости», изданного в 2014 году, военное положение стоило жизни десяткам людей⁵. «Была уничтожена великая надежда, энтузиазм и желание участвовать в общественных событиях, которые не удалось воссоздать после 1989 года»⁶, – пишут авторы. «Тот факт, что власти ПНР в то время находились в этом вопросе под прессом Советов, не может быть никаким оправданием для команды генерала Ярузельского»⁷, – считают современные польские историки. Однако с этим тезисом можно согласиться лишь в том случае, если не учитывать подлинной обстановки того времени.

* * *

Мы уже никогда не узнаем, что было важнее на 90-летнем жизненном пути генерала Войцеха Ярузельского: решение о введении военного положения или ультиматум 1988 года, когда, угрожая собственной отставкой, он добился согласия так называемого «партийного бетона» на проведение «Круглого стола» – переговоров с оппозицией о мирном переходе в управлении Польшей от советской системы к демократической. Решения, которые он принимал, неизменно, вплоть до распада СССР, формировались с оглядкой на советских маршалов и генералов, модель мышления которых он усвоил в сибирской ссылке: «Не можешь – научим, не хочешь – заставим». Как говорил впоследствии известный польский политик, последний Первый секретарь ЦК ПОРП, премьер-министр ПНР и соратник генерала Мечислав Раковский, Ярузельский «принадлежал к поколению генералов, которые вынесли свой опыт из Сибири с верой в то, что Россия является огромной силой и такой мощной державой, что мы должны принимать этот факт и все последствия, из него вытекающие»⁸. В своих интервью бывшим коллегам по еженедельнику «Политика» Раковский

рассказывал, что Ярузельский всегда держал в памяти горящий Будапешт 1956 года и подавление Пражской весны в 1968-м.

Как отмечали многие журналисты, встречавшиеся с генералом и во время его пребывания у власти, и после отставки, во время личного общения Ярузельский совершенно не соответствовал образу «советского Пиночета». «Когда он снял тёмные очки, которые, как выяснилось, ему совсем не нужны, открылось очень усталое, интеллигентное лицо, умные, такие же усталые глаза неопределённого цвета. Ярузельский в спортивном костюме не первой свежести, с красными кругами под глазами, заботящийся о том, чтобы усадить гостя поуютнее, наливающий ему чай из термоса, не вызвал ничего, кроме инстинктивного доверия, даже, если хотите, жалости», – писал о своей встрече с Ярузельским в ноябре 1987 года российский политолог Александр Ципко, который довольно близко общался с генералом, когда тот прибыл в Москву и должен был выступить на заседании в Кремле по случаю очередного юбилея Октября. «В его манерах и поведении, в интонации не было ничего от генерала, а тем более от лидера государства. От него веяло одиночеством, какой-то безысходностью»⁹, – отмечает Ципко, которому не откажешь в проникательности.

Дочь Ярузельского Моника высказывается ещё более прямолинейно. В своих воспоминаниях, изданных в Польше в трёх книгах, содержание которых иногда иронично, а иногда довольно грустно, она пишет, что отец всегда напоминал ей ребёнка, которого забыли за столом, когда все уже разошлись после завтрака. В этих записках-мемуарах, которые многое открывают для понимания личности Ярузельского и раскрывают важные черты его характера, дочь генерала пишет, что её «отец по природе своей пессимист»¹⁰. Даже если ему сообщали что-нибудь хорошее, он всегда отвечал: «А что будет, если...» и немедленно представлял самый мрачный сценарий развития событий. «Этот пессимизм

и ощущение страха определили множество его жизненных решений, включая то, самое важное в жизни»¹¹, – отмечает Моника Ярузельска, подразумевая, конечно, введение военного положения. «Детерминизм в сочетании с военной дисциплиной и офицерской честью сформировали его аскетизм»¹², – пишет дочь генерала.

* * *

Автором было изучено также большое количество материалов и книг, опосредованно имеющих отношение к биографии Войцеха Ярузельского, поскольку его жизнь совпала с важнейшими событиями в истории Польши XX века, такими как Вторая мировая война, установление советского строя и дальнейшая советизация Польши, Познанское восстание 1956 года, вторжение войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968-м, волнения рабочих на Балтийском побережье в 1970–1971 годах и, конечно, военное положение, введённое 13 декабря 1981 года. В данной работе будет предпринята попытка рассмотреть жизненный путь Войцеха Ярузельского на всей его протяжённости, включая также проведение «Круглого стола» между правящей Польской объединённой рабочей партией (ПОРП) и антикоммунистической оппозицией, приведшего к мирной смене власти в Польше в 1989 году.

В 2016 году отмечается 35-летие введения военного положения в Польше, которое стало крупнейшей военно-полицейской операцией XX века. За прошедшие десятилетия в Польше раскрыты многие архивные материалы об этом событии, собраны факты о жертвах военного положения, открыты памятники и мемориалы. Польские историки внимательно изучили материалы того времени и издали не одну книгу, ему посвящённую. Сам генерал написал три книги об этом событии с обзором сопутствовавших введению военного положения факторов и обстоятельств – как внутри-, так и внешнеполитических.

Одна из этих книг («Может быть, это последнее слово...») стала изложением выступления генерала Войцеха Ярузельского перед Варшавским окружным судом осенью 2008 года¹³. В ходе судебного процесса он пытался оспорить выдвинутые против него обвинения в том, что при введении военного положения было совершено преступление против конституционного строя и предпринята попытка сохранить режим личной власти и власти той группировки, которая его окружала.

В современной польской и западной историографии доминирует мнение, что Советский Союз не был готов пойти на военную интервенцию в отношении Польши. В этих новых публикациях прямо говорится, что американская разведка давала неправильные оценки советских военных приготовлений по введению войск в Польшу. В этой связи приводятся фрагменты выступлений советских лидеров Михаила Суслова и Юрия Андропова, которые категорически отвергали возможность ввода советских войск в Польшу. Считается, что Ярузельский «безуспешно упрасивал» Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами стран – участниц Варшавского договора Маршала Советского Союза Виктора Куликова и советского посла Бориса Аристова предоставить военную помощь, а, иначе говоря, ввести войска. И, только осознав, что это не последует, принял решение о введении военного положения.

Во время масштабной конференции историков и бывших политиков, состоявшейся в 1997 году вблизи Варшавы, в Яхранке, Маршал Советского Союза Виктор Куликов без обиняков заявил, что никаких планов советского военного вторжения в Польшу не существовало и никакой подготовки к введению войск не велось¹⁴. Он заявил об этом как бывший Главнокомандующий Вооруженными силами стран – участниц Варшавского договора, который никогда таких планов не готовил и своим подчиненным таких заданий не давал. Маршал категорически отверг мнение гене-

рала Виктора Дубынина, который, как бывший командир танковой дивизии в Белорусском военном округе, в интервью Рудольфу Борецкому признался, что такая подготовка велась¹⁵.

Появление фигуры такого масштаба, как Куликов (хотя и находившегося в отставке), не могло произойти без санкции российского руководства. По всей видимости, участие Куликова в этой конференции и его заверения о том, что СССР не намеревался вводить войска в Польшу, были попыткой России привести еще один аргумент в пользу невступления Польши в НАТО, в направлении которого она двигалась в это время. Об этом говорил Ярузельский в своём заключительном слове на конференции в Яхранке¹⁶.

Конечно, маршал поставил Ярузельского в крайне неудобное положение, а потом, когда бывший Главком представил публике так называемый дневник полковника Аношкина, своего адъютанта, делавшего запись бесед Куликова с Ярузельским в 1981 году, из которого следовало, что польский руководитель просил СССР о военной поддержке в случае неудачи с введением военного положения, генерал оказался абсолютно подавлен своим бывшим союзником и партнером. Вопрос о том, кто тогда соврал на конференции в Яхранке: Куликов или Ярузельский, до сих пор остаётся открытым. Впрочем, бесчисленные визиты Куликова в Варшаву в 1980 и 1981 годах заставляют задуматься о том, что маршал посещал Польшу не для того, чтобы провести время среди красивых девушек или на рыбалке, а для того, чтобы выкручивать руки Ярузельскому или блефовать по поводу советских планов.

Другие участники конференции в Яхранке, как поляки, так и представители США, усомнились в правдивости слов маршала Куликова насчёт намерений СССР в отношении Польши. Бывший помощник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский заявил, что в Соединенных Штатах внимательно следили за передви-

жениями советских войск вблизи польских границ и жесткое письмо президента США Джимми Картера остановило вторжение советских войск в Польшу в декабре 1980 года.

10 декабря 1981 года, за три дня до введения военного положения, Политбюро ЦК КПСС в составе Андропова, Гришина, Громыко, Кириленко, Пельше, Суслова, Устинова, Черненко, Демичева, Пономарева, Соломенцева, Капитонова, Долгих, Русакова под председательством Брежнева приняло решение: советские войска на территорию этой страны не вводить. Как отмечает автор журнала «Посев», единственной «поправкой» к решению можно считать реплику Андропова в ходе заседания: «Что касается коммуникаций, которые ведут из Советского Союза в ГДР через Польшу, то мы должны, конечно, что-то сделать и предпринять для их охраны»¹⁷.

Однако многие советские генералы в своих интервью после распада СССР говорили, что запасной план у военных на случай неудачи с введением военного положения существовал¹⁸.

До конца своих дней Ярузельский продолжал настаивать и утверждать, что угроза введения советских войск в Польшу была реальной, что советское военное руководство во главе с Маршалами Советского Союза Дмитрием Устиновым и Виктором Куликовым было сторонником использования советских войск в Польше и что введение военного положения предотвратило интервенцию. Некоторые историки даже утверждают, что действия Ярузельского были по сути окончанием так называемой «доктрины Брежнева» – доктрины ограниченного суверенитета стран советского блока, что совсем не выдерживает критики. В частности, об этом говорят историки, участвовавшие в документальном фильме «Товарищ генерал идет на войну»¹⁹.

Об обстоятельствах введения военного положения в России вспоминают не так уж часто, и эта работа должна восполнить данный пробел. Хотя и были опубликова-

ны интервью Ярузельского, вышел в свет российско-польский исторический сборник «Белые пятна – черные пятна»²⁰, где этому событию посвящён особый раздел, написанный Инессой Яжборовской и Анджеем Пачковским, и две небольшие книги²¹, посвященные этому событию, но большинство документов того периода в России остаются закрытыми для историков. Тем не менее так называемый советский фактор, участие Польши в Варшавском договоре сыграли важнейшую роль в принятии решения о введении военного положения и оказали значительное влияние на Ярузельского и его окружение. Как справедливо отмечал Анджей Пачковский в сборнике, выпущенном Российско-польской группой по сложным вопросам в 2010 году, за прошедшие три десятка лет в России не было издано ни одной научной работы, посвященной польскому кризису 1980–1981 годов и польско-советским отношениям этого периода. «Может показаться, что этой проблематикой просто пренебрегают, поскольку – что весьма естественно – наиболее проблемными вопросами являются внутренние дела Советского Союза, а также конфронтация с США»²², – пишет Пачковский. Но согласиться с ним сложно, поскольку в России вышли монографии, посвящённые подавлению Пражской весны в 1968 году и Венгерского восстания 1956-го. В 1996 году бывший сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Валерий Мусатов опубликовал монографию «Советский Союз и польский кризис 1980–1981 годов»²³, которую он обновил в 2015-м. Большую статью с обзором событий в Польше в 1980–1981 годах опубликовала историк Евгения Обичкина²⁴.

Как отмечал историк Ярослав Шимов, Ярузельский всегда будет «лакомым блюдом» для историков. В его жизни католика, ставшего коммунистом, патриота, ставшего слугой чужой державы, «польского Пиночета», ставшего «польским Горбачевым», и диктатора, ставшего наконец демократом, немало загадок и много простора для самых

разных версий и толкований. «Но вряд ли кто-то из тех, кто будет изучать 90-летнюю жизнь генерала, откажет ему в очень важном умении для политика – умении вовремя уйти»²⁵, – пишет Я. Шимов.

При оценке Ярузельского и военного положения в Польше мне ближе всего слова Адама Михника, который считал, что если что-то реально и спасло Польшу от катастрофы советского вторжения зимой 1981/82 года, то это были два фактора. «Первый – рассудительная позиция руководителей «Солидарности» и католической церкви, избравших путь длительного марша и пассивного гражданского сопротивления. Второй – это политика группы Ярузельского, которая не стремилась к кровавой расплате и не провоцировала кровавой реакции реванша. Во время военного положения погибло гораздо меньше людей, чем, например, во время майского переворота в 1926 году. К тому же это сняло проблему советской интервенции»²⁶, – пишет Адам Михник в одной из своих статей, опубликованных по-русски.

Однако при всём этом в России и на русском языке не издавалось биографий генерала Ярузельского в монографическом объёме. Настоящая работа должна восполнить этот пробел.

* * *

Как это часто бывает с деятелями, известными за рубежами своей страны, Ярузельский был крайне непопулярен у себя на родине. Он стал объектом анекдотов и всевозможных шуток, высмеивавших его политику и личность. Его представляли «советским генералом в польском мундире», «марионеткой Кремля», «прислужником Брежнева». Институт национальной памяти считает, что в молодые годы Ярузельский был агентом военной разведслужбы под псевдонимом Вольский. В Польше доминирует негативное отношение к роли генерала Ярузельского в исто-

рии и его персоне как к «коммунистическому диктатору». Польские историки трактуют военное положение не как «меньшее зло», а как преступление против собственного народа, а историк Анджей Пачковский называет период военного положения с 1981-го по 1983 год «польско-ярузельской войной». В Польше Ярузельского называют homo soveticus militarus – «персоной, клонированной советским империализмом в массовом масштабе»²⁷.

Генерал не только предстал перед судом в 2008 году, но и подвергся покушению, в результате которого получил травму головы. В Интернете стали появляться грубые и оскорбительные ролики и выступления в отношении его персоны, которые он стоически сносил. Его бывшие сослуживцы, в том числе и военные, выступали в его защиту. И заявляли, что попытки очернить Ярузельского, представить его личность исключительно в черном свете бросают тень на всех, кто служил Польше в советские времена. В укреплении резко негативного отношения к генералу и его роли в польской истории, конечно, немалую роль сыграли падение популярности в Польше левых сил и приход к власти партии «Право и справедливость». Впрочем, за прошедшие после падения соцсистемы годы поляки попробовали разные политические партии.

Лично мне несколько раз пришлось выступать в польских СМИ в защиту генерала как главы государства, принявшего в определенный момент времени ответственное и трудное решение и подвергшегося гонениям в новой исторической обстановке. В этой работе автор попытался взглянуть на роль личности Ярузельского в истории Польши с позиций XXI века, особенно на его взаимоотношения с Россией, без упрощений, попытаться максимально сбалансированно представить все точки зрения и создать наиболее полную картину, которая, надеюсь, заинтересует читателя.

Следует также отметить и личные причины, по которым я решился взяться за биографию Ярузельского.

В доме моего деда, члена-корреспондента АН СССР Вацлава Леоновича Кретовича, всегда присутствовала тема Польши, выписывались польские газеты и журналы, почиталась польская литература, особенно поэзия, которая, впрочем, тогда распространялась во всем СССР в рамках сотрудничества так называемых соцстран. За обстоятельствами, сопутствовавшими появлению движения «Солидарность», введению военного положения, последующими событиями мы следили с волнением, интересом и сочувствием, насколько это позволяла обстановка того времени. Мне также довелось много общаться с известным российским полонистом Николаем Ивановичем Бухариным в последние годы его жизни и обсуждать с ним отношение поляков к личности Войцеха Ярузельского. Эти беседы также подтолкнули меня на это сочинение. Поэтому равнодушного подхода в этой книге читателю ожидать не стоит.

Как писал польский журналист Кшиштоф Бурнетко в декабре 2010 года, «понятно одно: в отношении Ярузельского согласия достичь не удастся. И нет причины, чтобы стремиться к такому согласию. Течение времени делает с образом генерала то же самое, что со старыми фотографиями: всё больше сепии, всё меньше резких черно-белых тонов»²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР» № 59098 от 11 августа 1937 г. Опубликовано: *Судоплатов А. В.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моём отце: В 2 кн. Кн. 1. – М.: Современник, Олма-пресс, 1998. – С. 366–393. Постоянный

адрес в Интернете: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61149>

² Przed i po 13 grudnia. Państwa bloku wschodniego wobec kryzysu w PRL 1980–1982.– Warszawa, 2007.

³ *Ярузельский Войцех*. Избранные произведения. Февраль 1981 – июль 1988 / Под общ. ред. В. А. Светлова. Перевод с польского В. И. Воронкова, Е. А. Зубилиной, В. А. Федоренко.– М.: Политиздат, 1988.

⁴ *Гинодман Вениамин*. Генерал печальной карьеры // *Русский Newsweek*.– 10.04–16.04.2006.– С. 32.

⁵ *Od Niepodleglosci do Niepodleglosci*.– Instytut Pamieci Narodowej, Komisja Scigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2014.– Wydanie 3, poprawione.– S. 444–445.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *Nie badzcie moimi sedziami*. Rozmowy z Mieczyslawem F. Rakowskim. Jan Ordynski i Henryk Szlajfer.– Warszawa: Rosner & Wspólnicy, 2009.– S. 3.

⁹ *Ципко А. С.* Исповедь одессита-антисоветчика. Агент «Солидарности» в команде Горбачева: Мемуары.– М.: Навона. 2011.– С. 52.

¹⁰ *Jaruzelska Monika*. Towarzyszka Paniienka.– Warszawa: Czerwone i Czarne, 2013.– S. 29.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

¹³ *Jaruzelski Wojciech*. Być może to ostatnie słowo (wyjaśnienia złożone przed Sądem).– Warszawa: Comandor, 2008.– 319 s.

¹⁴ *Wejda nie wejda: Polska 1980–1982: wewnętrzny kryzys, międzynarodowe uwarunkowania: konferencja w Jachrance, listopad, 1997*.– London: Aneks, 1999.– S. 140.

¹⁵ *Борецкий Рудольф*. Мой генерал.– М.: Икар, 2008.

¹⁶ *Wejda nie wejda: Polska 1980–1982: wewnętrzny kryzys, międzynarodowe uwarunkowania: konferencja w Jachrance, listopad, 1997*.– London: Aneks, 1999.

17. Цит. по: *Цурганов Юрий*. «Польские события» в рассекреченных документах ЦК // *Посев*. – № 1–22007. Адрес страницы в Интернете: [http:// www. posev.ru/files/articles/58.htm](http://www.posev.ru/files/articles/58.htm)
18. См., например, интервью генерала Виктора Петровича Дубынина в кн.: *Борецкий Рудольф*. Мой генерал. – М: Икар, 2008. – 115 с.
19. *Robert Kaczmarek, Grzegorz Braun*. Towarzysz General Idzie na Wojne. 2011. Produkcja Film Open Group.
20. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. акад. А. В. Торкунова, проф. А. Д. Ротфельда. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 823 с.
21. *Борецкий Р.* Мой генерал. – М., 2008; *Гришин Я. Я.* Братская помощь или военное положение: монография. – Казань: Татар. кн. издательство, 2002.
22. Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. акад. А. В. Торкунова и профессора А. Д. Ротфельда. – М.: Аспект-пресс, 2010.
23. *Мусатов Валерий*. Советский Союз и польский кризис 1980–1981 гг. Постоянный адрес статьи в Интернете: <http://viperson.ru/articles/sovetskiy-soyuz-i-polskiy-krizis-1980-1981-g>
24. *Обичкина Е. О.* СССР в польском кризисе начала 1980-х годов / Е. О. Обичкина // Советский Союз, Франция и международные кризисы 80-х годов XX века / Под ред. М. М. Наринского. – М.: МГИМО, 2008.
25. *Шимов Ярослав*. Умение уйти // Россия в глобальной политике. – 26 мая 2014. Адрес статьи в Интернете: <http://www.globallaffairs.ru/global-processes/Umenie-uiti-16664>
26. *Михник Адам*. Антисоветский русофил. – Москва – Вроцлав: Летний сад, 2011. – С. 97.
27. *Szaniawski Jozef, Jaruzelski* // *Nasz Dziennik*. – 12 grudnia 2007.
28. *Burnetko Krzysztof*. Zdjecie generala // *Polityka*. – № 49. – 4 grudnia 2010. – S. 23–25.

«ПОЧЕМУ РУССКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ ЗАЩИЩАЮТ ЯРУЗЕЛЬСКОГО?»

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Эта статья была написана летом 2013 года по заказу главного редактора «Газеты выборчей» Адама Михника и опубликована. В то время генерал Войцех Ярузельский ещё был жив, а многие материалы, которые вошли в основу этой книги ещё не были прочитаны автором. Кроме того, за три года ещё не произошли многие события, которые придали бы этому тексту более жесткие оценки. По сути дела, именно эта статья сподвигла меня на изучение материалов о жизни генерала Ярузельского и написание более объемного труда с изложением обстоятельств отношений Войцеха Ярузельского и российской действительности.

* * *

Когда в 2008 году начался судебный процесс по делу генерала Ярузельского и других инициаторов военного положения в Польше, я написал очень сердитую и эмоциональную статью для московской газеты «Известия» о том, что в конечном счёте полякам будет стыдно за это деяние. После выхода статьи в редакцию посыпались звонки от польских журналистов, недоумевавших, почему русские стали защищать генерала. Думаю, люди в Польше, которые

считают его диктатором и военным преступником, ответили бы просто: потому что русские защищают своего агента и ставленника. Такой подход мне кажется ограниченным и односторонним. Мне хочется предложить читателю взглянуть на личность Ярузельского немного со стороны, показать точку зрения тех русских, которым небезразличны российско-польские отношения.

Сегодня в Польше нечасто вспоминают о том, какое количество поляков состояло на русской и советской службе в XX веке, почему они сделали такой выбор, сколько из них стало естественной опорой советской власти. Причём речь идёт не только о таких кровавых палачах, как Станислав Реденс (расстрелянный свояк Сталина), или о таких известных деятелях культуры, как прославленный кинорежиссер Станислав Ростоцкий, автор культовых советских фильмов «Доживём до понедельника», «Белый Бим Черное ухо», «А зори здесь тихие». Речь идёт и о менее известных людях – как обычных работягах, так и представителях интеллигенции, какими были мой дед, профессор биохимии Вацлав Леонович Кретович, или сестра кинорежиссера и заведующая отделением детской нейрохирургии в ведущем московском медицинском институте Ванда Иосифовна Ростоцкая. Для многих из них судьбы русских и поляков были настолько взаимосвязаны, что выражение «братская Польша» не было пустым пропагандистским лозунгом советских времён. Именно с точки зрения этой переплетённости я и старался оценивать личность Ярузельского, несмотря на многочисленную критику и поношения в его адрес.

Сегодня уже хорошо известно, что генерал вместе с русским народом прошёл «сталинские университеты». «Бесплатная путевка» в Сибирь позволила понять, что такое «бесчеловечная земля» (польск. *ziemia nieludzka*), как назвал её двоюродный брат Георгия Чичерина, прошедший ГУЛАГ польский аристократ Юзеф Чапский¹. Но этот же опыт позволил Ярузельскому понять, что вполне обыч-

ные люди на той земле терпят и страдают так же, как и поляки. Мне всегда было очевидным, что русофобия, как любое предубеждение, проистекает из незнания и нежелания знать. Жизнь Ярузельского сложилась так, что он чрезвычайно хорошо узнал, что такое Россия в её советском воплощении. Он хорошо усвоил правила поведения и язык этого общества.

Для меня как для журналиста, в силу семейной традиции следящего за событиями в Польше с молодых лет, личность Ярузельского всегда была в немалой степени интригующей. От деятелей советского блока он отличался иностранным флёром, каким-то абсолютно несоветским содержанием. Форма, фуражка, этот воинский салют двумя пальцами выделяли поляков, по крайней мере, внешне на фоне того, что потом стало называться «совковыми манерами». Для советских граждан того времени Польша была страной благородных и аристократичных людей с особым пониманием чести и достоинства. В эту схему Ярузельский вписывался очень точно.

И, конечно, при анализе периода военного положения всегда говорили, что важнейший фактор относительного успеха этой военно-полицейской операции – огромное уважение, которое поляки испытывали к своему Войску Польскому после Второй мировой войны. Об этом сейчас редко вспоминают.

Хотя за 35 лет, прошедших после введения военного положения в Польше, мир стал другим, мы не должны забывать, каким он был тогда. Сегодняшняя Россия не Советский Союз: больше нет ни той военной машины, которую он построил, стремясь соперничать с США по всему миру, ни противостояния двух мировых систем. Тогда миром управляли люди, прошедшие Вторую мировую войну, её ветераны. Их решения, несмотря на милитаристскую оболочку или риторику, чаще всего определялись желанием избежать повторения пройденного.

В то время советские вожди были как будто бы на одно лицо, одинаково смотрели на нас с портретов, но не были одинаковыми в реальности. (Как написал Александр Николаевич Яковлев в комментарии к своему официальному портрету, «На вершинах власти всегда веет холодом»). Это сейчас Ярузельский кажется лучшим другом Каддафи и Кастро и «подобострастным прихвостнем Брежнева». Но, если посмотреть на ситуацию немного под другим углом, можно заметить, что к концу 1980-х годов советская система неожиданно подняла наверх ряд людей, которые сделали всё, чтобы её очеловечить. Далекое не все из них были такими, как Чаушеску и Хонеккер. В сердцевине этой системы к Ярузельскому (и уж точно к Раковскому) советские товарищи относились с подозрением. Когда я начинал свою карьеру в Телеграфном агентстве Советского Союза (ТАСС), мой тогдашний шеф, изгнанный из ЦК КПСС за пьянство, говорил: «Запомните, все поляки заодно. Что Ярузельский, что папа римский – они все заодно!». В этом и заключалась логика отношения советских власть имущих к Польше и её лидерам.

В 1988 году, когда я как студент Московского государственного университета был на преддипломной практике в Варшаве, увидел интервью Ярузельского Центральному телевидению СССР, которое принималось по всей Польше. Вёл интервью журналист-международник Юрий Ульянов, задававший вопросы по-русски. Ярузельский отвечал по-польски, как и полагается главе государства. К этому времени генерал уже публично признал, что всю его семью выслали из Виленского края на Алтай, а его отец умер в сибирской ссылке. Перестройка уже сняла ряд советских табу, хотя ответственности Советского Союза за Катынский расстрел Горбачев ещё не признал. Ульянов спросил: «Товарищ генерал, какой был самый важный урок, усвоенный вами во время жизни в СССР?». Ярузельский неожиданно перешел на русский и ответил так: «Не можешь – научим, не хочешь –

заставим!»). В эту минуту генерал сразу раскрылся для меня. По этой фразе, в сущности, стандартной для Советской Армии, мне стало ясно, сколько пришлось пережить этому человеку, подавить в себе, какой трагический груз несвободы и вынужденности несёт он на своих плечах. Было видно, что, участвуя в такой церемонии, как интервью советскому телевидению, он выполняет свои обязательства: как говорили в СССР, надо – значит, надо.

Не скрою, в тот момент он напомнил мне моего деда и его брата – поляков, родившихся при царском режиме, родителей которых раскулачили и сослали из Крыма в Великий Устюг. Они были вынуждены служить советской власти, стараясь держаться от неё на максимальном отдалении. Хотя и делали это добросовестно: просто таковыми были правила игры и жизни. Люди с научными или музыкальными способностями как-то могли обойтись без политики, сжиться с советской системой без разрушительных последствий для совести и даже почувствовать «преимущества социализма». Другим предстоял более сложный выбор. Ярузельский напомнил мне друга деда, профессора биохимии Казимира Игнатъевича Клечковского, высланного из Белоруссии в Сибирь, где он был вынужден записаться в Красную армию и вернуться вместе с ней в Польшу, которую так любил. Но вот это обращение, всегда по отчеству (Казимир Игнатъевич, Вацлав Леонович, Войцех Владиславович), означало, что поляки – они свои. Всегда ловлю себя на этом наблюдении, когда просматриваю списки с именами и отчествами расстрелянных в Катыни, Медном и Козельске. Там всегда имена и отчества... Тогда, в 1940 году, их убивали так же, как убивали своих.

Наученные горьким опытом жизни, они боялись произнести неточную фразу или написать неверную строчку (а Ярузельский был известен своим педантизмом) и потому, когда советская система начала издыхать, увидели в Горбачеве спасителя и избавителя. В мемуарах советских

партийных аппаратчиков часто встречаются упоминания о том, как Ярузельский давил на партнеров СССР по острым вопросам двусторонних отношений, особенно по историческим, в частности, по Катыньскому преступлению. Будучи тонким политиком, Ярузельский всегда точно знал, чего можно потребовать от советских товарищей в тот или иной момент времени, а чего нельзя, и действовал безошибочно, соблюдая прежде всего интересы Польши. Именно за это его и защищаю я, российский журналист, как ни странно это покажется в современной Польше.

Одним из первых российских журналистов, попытавшихся оценить Ярузельского как сложную и очень неоднозначную фигуру, стал знаменитый телевизионщик Леонид Парфенов. Да, он умилялся метаморфозе, трансформации, в результате которой ученик монахов-мариан сделался оплотом советской власти в Польше. Именно советская военная система подняла Ярузельского на самый верх политической жизни. После 1945 года эта система стала неприкасаемой несущей конструкцией Советского Союза. Она не подлежала критике и могла позволить себе всё. Герои Второй мировой войны, маршалы и генералы были наиболее влиятельными политиками в той стране. Именно в результате конфликта с ними по поводу проблемы разоружения СССР и США Брежнев получил свой первый инфаркт, что ныне хорошо известно из воспоминаний его личного переводчика Виктора Суходрева².

Но советские военные тоже были не роботами, а людьми: они совершали ошибки и в то же время защищали свои интересы. При всём уважении к архиву Буковского, из которого следует, что члены Политбюро ЦК КПСС, имея за плечами Афганистан, никак не хотели вводить войска в Польшу в 1981 году, основным источником по проблеме «введут или не введут», остаются мемуары советских генералов Владислава Ачалова и Виктора Дубынина. Они же всегда подчёркивали существование плана «Б» на тот слу-

чай, если у Ярузельский потерпит фиаско с военным положением. По этой схеме Ярузельский и его люди должны были быть интернированы, а на их место посажены более лояльные Москве. Безусловно, сам Ярузельский отлично это понимал. Он слишком хорошо усвоил правила поведения в рамках советской военной системы и одновременно хотел избавить свою страну от кровопролития.

Когда несколько лет назад мы разговорились со знаменитым российским литературным переводчиком, ныне покойным Асаром Эппелем, большим знатоком польского мышления и словесности, переведшим на русский Нобелевского лауреата по литературе Виславу Шимборску и трилогию Генрика Сенкевича, я спросил его: «Зачем поляки судят Ярузельского?». Его ответ был причудлив и затейлив и в то же время точен: «Поляки судят Ярузельского за то, что он не позволил русским нанести полякам ещё одну рану, которую они смогут долго расковыривать». Пожалуй, более тонкой оценки не давал никто.

Сегодня Польша живет свободной политической жизнью. Она не зависит от мнения Кремля или от целей, задач и обязательств Варшавского договора. Поляки могут отдавать под суд кого захотят. Поляки могут ставить памятники национальным героям борьбы за независимость Юзефу Пилсудскому или поэту Юлиушу Словацкому. И в то же время не должны забывать, что среди них жил человек, который провёл страну по лезвию бритвы только для того, чтобы восточный сосед воспринимался не как извечный враг или неизбежное зло, а как страна, где живут нормальные люди, страдающие и думающие, стремящиеся к счастью и духовно очень близкие полякам. Убеждён: большинство российских журналистов очень хорошо это понимают.

Мне выпала журналистская удача встретиться со многими политиками, дипломатами, деятелями культуры. Несколько раз беседовал со Збигневом Бжезинским, делал интервью с министром обороны США Робертом Гейтсом,

близко наблюдал президента США Барака Обаму и госсекретаря Хиллари Клинтон, сидел за одним столом с Мишель Обамой. В декабре 1989 года в Москве мне повезло сделать интервью с Лехом Валенсой. Был в моём послужном списке и Президент Польши Александр Квасьневский. Но, пожалуй, более всего мне запомнилась беседа с генералом Войцехом Ярузельским в 2004 году. Никто не произвёл на меня такого впечатления, как подлинный государственный муж, человек, знающий цену и себе, и своей позиции в истории и политике, которую не зря называют искусством возможного. Поэтому я призываю рассматривать его личность в полном объёме прожитой жизни, что я и делаю в своей книге.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Чапский Юзеф*. На бесчеловечной земле. – Москва – Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака Езёранского, 2012. – 478 с.

² *Суходрев Виктор*. Язык мой – друг мой. От Хрущева до Горбачева. – М.: Тончу, 2008. – 536 с.

ССЫЛКА В БИОГРАФИИ

Немногие польские семьи могут похвастаться таким генеалогическим древом, как восходящий своими корнями к рубежу XV–XVI веков род Ярузельских герба Слеповрон. Родовым гнездом предков Войцеха Ярузельского было поместье Рус-Стара-Соколы на пограничье между Мазовией и Подлясьем.

Принадлежа к мелкопоместной шляхте и постепенно беднея, Ярузельские хлопотали о различных должностях, но высших постов не занимали никогда. Однако судьбы представителей рода были связаны с национальными катастрофами, восстаниями, вооруженными конфликтами. Дед Ярузельского со стороны отца, тоже Войцех, был участником антироссийского Январского восстания 1863 года¹ и после его подавления провёл 8 лет в Сибири. Через несколько десятков лет отправился в ссылку его внук.

Ярузельские вообще были не только глубоко религиозными людьми, но и настоящими патриотами Польши. Тесно интегрированная в местное сообщество семья принимала активное участие в общественной деятельности на благо своего края. Но, как следует уже из примера деда, позиция семьи была принципиально антироссийской.

Как отмечает биограф Ярузельского Лех Ковальский в своей книге «Генерал с диатезом», никогда не забывая обиды, нанесённые полякам царскими властями, а затем большевиками, Ярузельские воспитывали своих детей в глубо-

кой неприязни, даже враждебности к русским². Усвоили эту науку, как показывает пример будущего президента, не все, хотя, как признавал сам Ярузельский, «русские, а особенно большевики, являли собой воплощение всяческого зла»³.

Отец Ярузельского Владислав-Мечислав был седьмым из восьмерых детей Войцеха Ярузельского-старшего, который после возвращения из ссылки женился на богатой наследнице Хелене Филипковской (в некоторых интернет-источниках, в частности в польской Википедии, – Филиковской) и мог позволить себе многочисленное потомство. Отец будущего генерала был выпускником Сельскохозяйственной академии в чешском Таборе. Он также вписал в свою биографию яркую страницу борьбы с Россией, в 1920 году отправившись добровольцем на Советско-польскую войну.

Отцу Войцеха принадлежала часть семейных владений, однако он предпочёл поработать какое-то время управляющим в близлежащих имениях. Владислав имел репутацию современного земледельца и умелого администратора. Особенно ценили его трудолюбие, честность и порядочность.

Управляя всё более крупными имениями, Владислав оказался в Курове, местечке в 17 километрах к востоку от Пулав. Там он познакомился с Вандой – девушкой из дворянской семьи Заремба, жившей в соседнем Домброво Велько (входившем в поместье Тшечины), выпускницей Сельскохозяйственной школы в Пулавах. 19 сентября 1922 года Владислав и Ванда отпраздновали свадьбу, а через десять месяцев, 6 июля 1923 года, в 9 часов вечера в Курове родился Войцех Витольд Ярузельский. Он единственный из внуков получил своё первое имя в честь деда-повстанца, другие внуки носили это имя в качестве второго. Внешне Войцех был похож на мать, именно от неё он унаследовал тонкие черты лица.

Спустя два года Ярузельские переселились из Курова в поместье, принадлежавшее Зарембам. Владислав взял

в аренду у тестя поместье Тщечины, однако вскоре снова переехал из-за возникших между ними разногласий по поводу методов хозяйствования. На этот раз в Рус-Стару, на принадлежащую ему часть родовых владений в нескольких километрах от Тщечин. Здесь в 1928 году родилась сестра Войцеха Тереза. Через несколько лет Ярузельские вернулись в Тщечины, чтобы вести хозяйство на половине земельных угодий, принадлежавшей Ванде Ярузельской.

В 1933 году десятилетнего Войцеха Ярузельского отправили на учёбу в частную гимназию *Kolegium Księży Marianów na Bielanach* (в то время под Варшавой). Эта гимназия Коллегиум ксёзов-марианов, основанная монахами-марианцами из Конгрегации Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, воспитывала учеников в духе католицизма и почитания польских традиций. Здесь обратили внимание на способности Ярузельского к гуманитарным предметам: уже тогда он отличался хорошим стилем изложения и умением ясно формулировать свои мысли. Войцех был примерным учеником и весьма добросовестно участвовал в богослужениях⁴. В 1935 году он вступил в дружину имени Стефана Жолкевского⁵ Союза польских харцеров (польской национальной молодёжной скаутской организации).

Как пишет биограф Ярузельского Лех Ковальский, Войцех был хорошо воспитанным, организованным, склонным к возвышенным проявлениям патриотизма юношей, о чём, например, свидетельствует его статья «Служение Польше» в школьной стенгазете *Jednodniówka* («Однодневка»). В своей статье он писал о героическом наследии львовских орлят⁶ и харцеров, погибших в 1920 году, «защищая страну от красных захватчиков». За несколько месяцев до начала Второй мировой войны он закончил IV класс гимназии и получил «малый аттестат зрелости» («*mała matura*»).

В сентябре 1939 года Ярузельские, как и многие другие польские семьи, на которых обрушилась война, встали перед выбором: что делать дальше? Ярузельские решили ухо-

дить на восток. Время покажет, что это решение было трагической ошибкой. В то время отцу Войцеха Ярузельского было 50 лет, матери – 38, сестре – 11, а самому Войцеху – 16. Владислав был уже стар, а Войцех слишком молод, чтобы сражаться в рядах регулярной армии.

10 сентября они вышли из Тшечин, чтобы, как выяснилось впоследствии, покинуть их навсегда. Тогда многие думали, что война продлится недолго, и поэтому, как вспоминает сестра Ярузельского Тереза Старнавска, взяли с собой не так много вещей, что имело фатальные последствия, поскольку продавать было нечего. Вот как описывает Тереза их бегство: «Ехал экипаж, набитый вещами, три повозки, запряжённые парой лошадей, наполненные багажом и овсом для корма лошадей. Ехали мы в полную неизвестность через Домброво Велько, Быбытки. Возле деревни Творки попали под обстрел немецких самолетов. С этого момента началось странствие, которое прошло через Литву и Сибирь и закончилось в 1946 году возвращением в Польшу, но уже в дом, которого не было»⁷.

Ярузельские бежали на восток, спасаясь от немцев, но уже через неделю, 17 сентября, узнали, что с востока на Польшу напала Красная Армия. В то время они находились на территории Новогрудского воеводства в одном из имений Лидского повята. Ярузельские решили как можно скорее вернуться в Тшечины, но недооценили опасность, грозившую им и со стороны местного населения, которое приветствовало советские войска как своих избавителей «от ярма польских панов».

Сестра Войцеха Тереза так описала произошедшее на обратном пути в Деречине: «Местечко было украшено красными флагами, какие-то люди – в большинстве своем евреи – бегали по селению с красными повязками и хватали польских офицеров, они запирали их в конюшнях и хлевах и, как говорили, собирались расстрелять. Когда подъехал наш состав, завязалась перестрелка. И тогда в первый

и в последний раз я видела людей, которых вели на расстрел. Это были те самые люди, захваченные польскими солдатами, те, кто совсем недавно издевался над польскими офицерами»⁸.

Направляясь в сторону Гродно и Святска, Ярузельские пересекли литовскую границу в районе Копчёво – скорее всего, вечером 22 или 23 сентября. В Литве они жили в нескольких польских шляхетских усадьбах. После того как летом 1940 года Литва была присоединена к СССР, Ярузельские решили бежать на запад. К сожалению, они отказались от этого намерения под влиянием матери Войцеха, боявшейся разделения семьи при попытке перейти границу. Этот опрометчивый отказ от побега окончательно предопределил их будущую высылку в Сибирь.

Депортация началась 14 июня 1941 года. Железнодорожные составы с отобранными для высылки людьми формировались в городе Вилкавишкис. Простояв здесь полтора дня, ночью состав начал движение и сделал первую остановку в Новой Вилейке в предместьях Вильнюса. Как вспоминает Тереза Ярузельска (Старнавска), к транспорту стали подходить поляки и пытались передать еду, что было довольно небезопасно, поскольку состав охранялся. Раз в сутки двери товарного вагона открывались, и раздавался приказ: «Два человека за водой и кипятком».

Ночью состав начали разделять, и мать сразу поняла, что вагоны с мужчинами будут отцеплены. Отца, Владислава Ярузельского, отделили от семьи и посадили в другой состав. Поезд, в котором оказались Войцех, его сестра и мать, шёл в направлении Новой Вилейки и дальше на восток через Ярославль, Вологду, Киров, Свердловск, Омск, Новосибирск, Барнаул, пересекая сибирские реки Иртыш и Обь, до Бийска, где их застало известие о нападении Германии на СССР.

Тереза вспоминала, что она сидела возле окна и услышала новость по станционному репродуктору. Русский язык она тогда почти не знала, к окну подошли те из её спутни-

ков, кто говорил по-русски. «Излишне описывать, какое впечатление произвело это известие на всех нас. Поскольку по радио мы услышали о быстром наступлении немецких войск, оставалась надежда, что нас не доведут до места назначения. Нам казалось, что в таких условиях следует не блокировать железнодорожные пути поездами со ссыльными, а освободить их для войск, а нас высадить на ближайшей станции. Однако вышло иначе. Мы доехали до места назначения, до Алтайского края, и вся поездка заняла почти месяц», – вспоминает Тереза Ярузельска (Старнавска).

Ярузельских отправили в алтайское лесное поселение Турочак в 300 километрах от Бийска. Последний отрезок пути их везли на телегах. Именно тогда мать Войцеха заболела ревматизмом. В это же время отца доставили в один из лагерей Красноярского края.

В Турочаке Войцех стал единственным кормильцем семьи. Его послали на лесоповал корчевать деревья.

Судьба депортированных поляков была бы предрешена, если бы не началась война между СССР и Германией. Нападение гитлеровской Германии на СССР вынудило Советский Союз присоединиться к антигитлеровской коалиции, в состав которой уже входила Польша в лице лондонского правительства в изгнании. 30 июля 1941 года польское и советское правительства возобновили дипломатические отношения, прерванные 17 сентября 1939 года. Соответствующее соглашение было подписано в Лондоне премьер-министром Польши генералом Владиславом Сикорским и советским послом в Великобритании Иваном Майским.

Договор Сикорского – Майского предполагал признание полного суверенитета Польши, аннулирование советско-германских соглашений, подписанных до 1940 года, предоставление амнистии всем польским гражданам, арестованным и принудительно депортированным в дальние районы СССР, а также создание польской армии на территории Советского Союза.

Последний пункт – создание армии – должно было регулировать особое соглашение, которое было подписано 14 августа 1941 года в Москве. Польскую делегацию возглавлял генерал Шишко-Богуш. Генерал Сикорский намеревался назначить командующим польской армией в СССР Станислава Галлера – одного из генералов, захваченных Советами в сентябре 1939 года. Но советские власти заявили, что не могут найти место пребывания генерала Галлера, хотя им было хорошо известно, что он, как и значительная часть польских офицеров, был расстрелян весной 1940 года. В этой ситуации 10 августа 1941 года Сикорский повысил в воинском звании до генерала дивизии (генерал-лейтенанта) освобождённого 4 августа из московской тюрьмы на Лубянке полковника Владислава Андерса и назначил его командующим польской армией в СССР.

После подписания договора Сикорского – Майского условия жизни ссыльных несколько улучшились. Поляков начали выпускать из лагерей и освобождать от принудительных работ. Они получили возможность вступать в формирующуюся армию Андерса.

Осенью из лагеря выпустили Владислава Ярузельского, который сразу отправился на поиски семьи. В то же время тысячи поляков устремились в районы формирования дивизий, входивших в состав польской армии. В Бийске уже действовала польская делегатура (представительство правительства в изгнании), куда прибывали ссыльные, желавшие вступить в армию Андерса. Добрался до Бийска и отец Войцеха. По словам сестры генерала, отец записал сына в список добровольцев и слал телеграммы в Турочак, чтобы ускорить приезд жены и детей. Мы не знаем, кому именно он слал эти телеграммы: семье? в местные органы советской власти? может быть, он воспользовался посредничеством польской делегатуры в Бийске? Также неизвестно, как Владислав, находившийся в одном из лагерей Красноярского края за тысячи километров от Бийска, смог

сюда добраться, а Войцех, живший в 300 километрах, не сумел приехать вовремя. В Бийске к тому времени находились почти 2 тысячи поляков, прибывших из ближайших мест ссылки⁹.

В соответствии с соглашением от 14 августа организованная на территории СССР польская армия должна была стать частью Вооруженных сил суверенной Республики Польша и вести борьбу против Третьего рейха совместно с войсками СССР и других союзнических государств. Польская армия должна была подчиняться главнокомандующему в Лондоне и приступить к военным действиям после достижения полной боевой готовности. Пунктом формирования армии был избран город Бузулук, находящийся между Оренбургом и Самарой.

22 августа 1941 года генерал Андерс издал первый приказ, провозглашающий создание суверенных польских вооруженных сил в СССР. В Бузулук начали съезжаться тысячи поляков: пленных, узников и ссыльных со всей огромной территории СССР. Ежедневно приезжали люди с признаками недоедания, состояние здоровья которых оставляло желать лучшего. У них за плечами были два года плена и принудительного труда, смерть близких людей, пребывание за тысячи километров от родного дома и родной страны в атмосфере морального террора, который отказывал им в праве на собственную национальность, религию и цивилизацию. Как писал в своих воспоминаниях генерал Владислав Андерс, этим людям казалось, что они вырвались из ада, о существовании которого до того они не имели представления. Среди поляков появилось выражение «Бесчеловечная земля», которое впервые использовал применительно к России Ян Юзеф Чапский в заголовке своей книги воспоминаний о пребывании в ГУЛАГе¹⁰.

Не все поляки сумели добраться до Бузулука. Многие из них не смогли пережить лагерей и условий депортации. Большим разочарованием для Андерса оказался тот факт,

что среди прибывших в Бузулук не было тысяч польских офицеров из лагерей в Козельске, Осташкове и Старобельске. Нашлось только 400 военных из лагеря в Вологодской области. Загадка пропавших офицеров частично раскрылась весной 1943 года, когда немцы обнаружили братские могилы убитых НКВД польских офицеров в Катынском лесу недалеко от Смоленска.

Многие депортированные не смогли добраться до Бузулука: очень часто местные советские власти не информировали поляков о создании польской армии, поскольку не хотели терять дешёвую рабочую силу.

Проблемы создания польской армии обсуждались во время встречи генерала Сикорского со Сталиным в Москве 3 декабря 1941 года. На встрече присутствовали Молотов и генерал Андерс. Польская делегация поставила вопрос о немедленном освобождении поляков, остающихся в тюрьмах и лагерях, предоставлении доступа представителям посольства Польши к лицам, находящимся в лагерях, наборе в польскую армию всех поляков, перемещении всей польской армии на Восток – в Казахстан и Узбекистан, и эвакуации её части в Иран, в более лёгкие климатические условия, а также об облегчении её снабжения Великобританией. После достижения боеготовности часть армии должна была сражаться вместе с союзниками на Западном фронте, а часть – вернуться в Россию.

Сталин принял большинство требований польской стороны. Однако согласился на включение в армию Андерса только лиц польского происхождения, считая украинцев, белорусов, литовцев и евреев с аннексированных СССР в 1939 году польских территорий советскими гражданами. Сталин разделял мнение о необходимости перемещения польской армии на юг СССР, однако выражал недовольство её выводом в Иран. Он полагал, что если армия уйдёт в Иран, то она уже не вернётся в СССР и останется там, где будет сформирована. Сталин также считал, что

Великобритания нуждается в польских солдатах и они будут сражаться там, где им прикажут англичане. Он говорил: если поляки не хотят сражаться, то пускай идут, мы не можем их остановить.

Согласие Сталина позволило генералу Андерсу приступить к перемещению армии на юг. Он также хотел, чтобы вместе с военными на юг переместилось как можно больше гражданских лиц. Андерс издал приказ о том, чтобы в военные эшелоны помещали каждого поляка, который придёт на сборный пункт, а особой опекой окружили женщин и детей. В марте 1942 года Сталин в беседе с генералом Андерсом разрешил эвакуацию 40 тысяч поляков в Иран, а в июле – ещё 70 тысяч. Обе фазы эвакуации продолжались благодаря помощи советских властей всего несколько недель. Сам Андерс перебрался в Тегеран 19 августа 1942 года, передав свои обязанности в СССР генералу Шишко-Богушу. Однако уже в октябре 1942 года советское правительство отказалось проводить дальнейший набор поляков в армию Андерса, мотивируя это несоблюдением польской стороной соглашения от 14 августа 1941 года, предусматривавшего участие польских частей в сражениях на советско-германском фронте.

Как рассказывает Тереза Ярузельска (Старнавска), в октябре 1941 года Войцеха вызвали в местное управление НКВД, где сообщили лишь о том, что был подписан польско-советский договор и «что он теперь будет работать не в тайге, а станет помощником заведующего складом в единственном в Турочаке магазине, а также получит более благоустроенное жильё и увеличенный хлебный паёк». О формировании польской армии не было сказано ни единого слова. Трудно понять, какой прок был для турочакского управления НКВД в утаивании информации о создании Войска Польского и почему оно хлопотало о том, чтобы радикально изменить условия жизни семьи Ярузельских и направить Войцеха на новое место работы, довольно ответственное для

небольшого лесного посёлка. Можно предположить, что беспокоившийся о больной матери и сестре Войцех именно поэтому решил не вступать в армию Андерса, хотя после договора Сикорского – Майского он стал свободным человеком и имел право покинуть место ссылки. Многие поляки преодолевали огромные препятствия, но не сдавались и шли к своей цели, поскольку служба в польской армии давала надежду выбраться из Страны Советов. К большому сожалению, Войцех Ярузельский – с его тогдашней биографией и семейными традициями – не примкнул к этим солдатам. Хотя, сделай он это, его судьба могла бы сложиться совершенно иначе¹¹.

Из последующей части воспоминаний сестры Ярузельского следует, что они решили покинуть Турочак только в январе 1942 года. В Бийске их ждал отец, состояние здоровья которого оставляло желать лучшего. Войцех начал работать лесорубом, Владислав – извозчиком на местном рыбном предприятии, однако вскоре, 4 июня 1942 года, он умер. Его похоронили на местном кладбище. На могилу отца Войцех приехал только через 48 лет во время официального визита в СССР.

Тем временем Сталин вынашивал собственные планы в отношении будущего Польши. Из оставшихся на территории СССР поляков должна была быть создана польская армия, полностью подчиненная советскому руководству. В начале мая 1943 года решением Сталина была создана 1-я Польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко. Её командиром был назначен полковник Зигмунд Берлинг, который числился в составе армии Андерса, однако принял решение остаться в России и, как выяснилось позднее, был доверенным лицом советских властей.

Местом формирования дивизии стал военный лагерь вблизи Рязани, куда съезжались поляки так же, как раньше в лагерь в Бузулуке. К концу июля 1943 года в дивизию записалось около 15 тысяч добровольцев. В августе советские

власти позволили переформировать дивизию в 1-й корпус польских войск в СССР, командиром которого был назначен Зигмунд Берлинг, а его заместителем – Кароль Сверчевский. Обоим было присвоено звание бригадных генералов, что соответствует воинскому званию «генерал-майор». В конце марта 1944 года 1-й корпус был переформирован в 1-ю Польскую армию в СССР под командованием Берлинга и оперативно подчинён командующему 1-м Белорусским фронтом генералу Константину Рокоссовскому. 21 июля 1944 года одновременно с Манифестом Польского комитета национального освобождения был провозглашён Декрет об объединении действующей на территории Польши коммунистической Армии Людовой с Польской армией в единое Войско Польское. Главнокомандующим был назначен генерал Михал Роля-Жимерский, ранее активный деятель польского Сопротивления, до назначения командовавший Армией Людовой.

Войцех Ярузельский прибыл в военный лагерь в Рязани в августе 1943 года и был направлен в 5-й пехотный полк, который входил в состав 2-й Польской пехотной дивизии имени Генрика Домбровского.

Со временем польско-советские отношения начали ухудшаться. Болезненных моментов было много, а взаимных предубеждений – тысячи. К концу марта 1942 года началась частичная эвакуация армии Андерса на Ближний Восток. У Сталина уже имелась иная концепция решения польского вопроса после окончания войны, и нежелательный союзник под боком Красной Армии всё больше его раздражал. Польско-советское сотрудничество прекратилось, когда 13 апреля 1943 года мир узнал (из сообщений Берлинского радио) о том, что под Смоленском, в деревне Катынь, немцы обнаружили массовое захоронение польских офицеров. Просьбу о расследовании Катынского преступления, направленную польскими властями в Международный Красный Крест, советское правительство назвало провокаци-

ей. Разрыв дипломатических отношений с Польшей произошёл в ночь с 24 на 25 апреля 1943 года. Вину за Катынское преступление Кремль возложил на немцев, хотя на документах за 1940 год, в которых идет речь о решении расстрелять польских офицеров, стоят подписи высшего советского руководства во главе со Сталиным.

5 мая посол Польской Республики покинул СССР. Через два дня в Сельцах на Оке началось формирование 1-й Польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко. Вскоре Войцех вступил в армию, которую создавал Союз польских патриотов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Январское восстание, или Восстание 1863 года, – вооруженное шляхетское восстание, целью которого было восстановление Речи Посполитой в восточных границах до Первого раздела 1772 года.

² *Kowalski Lech. Jaruzelski. General ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Poznań: Zysk i S-ka, 2012. – 672 s. – S. 10.

³ *Jaruzelski W. Stan wojenny. Dlaczego...* – Warszawa: BGW, 1992. – 437 s. – S. 20.

⁴ Ярузельский признаёт: «...я был верующим, глубоко религиозным. Потом постепенно отходил от Костёла. Сегодня я вне Костёла, вне религии». См.: интервью П. Найштуба с В. Ярузельским (Niech nie wszystko co powiem będzie użyte przeciwko mnie // «Viva!». – 2001. – № 8. – S. 50).

⁵ Гетман Стефан Жолкевский – победитель русско-шведского войска под командованием Дмитрия Шуйского и Якоба Делагарди в битве при Клушине под Смоленском в 1610 году.

⁶ Львовские орлята – название молодых польских ополченцев, участвовавших в обороне Львова во время Польско-украинской

и Советско-польской войн.

⁷ *Raina Peter. Jaruzelski. Młode lata. 1923–1945.* – Warszawa: Książka Polska, 1994. – 176 s.

⁸ *Ibid.* – S. 56. Возможно, помня об этих событиях, брат Терезы Ярузельской спустя несколько десятилетий, будучи генералом и начальником Генерального штаба Войска Польского, занял именно такую позицию в период антисемитских чисток в армии в 1967 году, а также в отношении событий марта 1968-го.

⁹ *Ibid.* – S. 66.

¹⁰ *Чапский Юзеф. На бесчеловечной земле.* – Москва – Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака Езёранского, 2012. – 478 с.

¹¹ Сам В. Ярузельский в этом вопросе постоянно путается. В одной из его последних биографий периода президентства мы находим такой текст: «Когда в СССР создаётся польская армия...» без указания даты её создания, что должно означать, будто Ярузельский вступил в первую польскую армию, созданную на территории СССР. В то время как, по меткому замечанию К. Вышковского, Ярузельский вступил не в армию, а в ряды дивизии имени Т. Костюшко, т.е. в ряды армии, которая формировалась по приказу Сталина и при поддержке польских коммунистов. См.: *Wyszkowski K. Lukrowany życiorys // Gazeta Polska.* – 1997. – № 51. – S. 17.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

В 1943 году в Рязани началось формирование Войска Польского под советским командованием. В распоряжение командира 1-й Польской пехотной дивизии подполковника Зигмунда Берлинга был выделен тренировочный лагерь примерно в 30 километрах от города. Были сформированы два батальона по 500 подхорунжих в каждом. Позднее здесь же происходило обучение личного состава 2-й и 3-й Польских дивизий.

В таких обстоятельствах 20-летний Войцех Ярузельский, проживавший тогда в Алтайском крае, в городе Бийске на улице Горького, 51, был записан в польскую армию и начал свою военную карьеру. Как отмечает его биограф Лех Ковальский, этот выбор не был добровольным: советские чиновники решили за Ярузельского, что он станет офицером вместе с тридцатью другими поляками, отправленными в Рязань вместе с ним. По мнению Ковальского, Ярузельскому удалось слиться с массой кандидатов в офицеры и скрыть свое дворянское происхождение, потому что проверка биографий поляков, поступавших на службу в армию, видимо, носила весьма либеральный характер¹.

Имя Войцех, или Войтех (*Wojciech*), по-польски провидчески означает «тот, кто приносит силу и утешение войску». И это значение своего имени Ярузельский в результате подтвердил. Однако Ковальский считает, что будущий генерал не достиг крупных успехов в военном обу-

чении, потому что был не приверженцем военной науки, а человеком иного склада. «Личность, интеллект и впечатлительность Ярузельского были скроены по высшему разряду и предназначались совершенно для другой профессии», – пишет биограф.

Рязанская школа была устроена по советским образцам (в т. ч. по-русски были написаны учебники), а значит, классовые барьеры были стёрты. Учебный день начинался в 6 утра с физической зарядки, затем шли короткий завтрак и занятия по тактике пехоты и вооружению. Много времени отводилось политзанятиям, на которых лондонское правительство Польши в изгнании представлялось политическим банкротом, зато о польских коммунистах говорили как о настоящих патриотах, вместе с Красной Армией несущих свободу Польше.

«Рязанцы» станут основой командного состава Войска Польского будущей ПНР. Командиром взвода в Рязанской школе был хорунжий Юзеф Каминский, впоследствии командующий Поморским военным округом, – вместе с ним Ярузельский будет подавлять рабочие протесты на Балтийском побережье в декабре 1970 года. Здесь же учился Флориан Сивицкий, будущий начальник Генерального штаба Войска Польского, участник подавления Пражской весны 1968 года и введения военного положения в 1981 году. В Рязани сформировались характер и жизненные принципы будущих офицеров. Как отмечал автор вышедшей в ПНР книги «Рязанцы»², там они познавали характер солдатского труда, «учились службе народу».

Присягу принимали 11 ноября на лесной поляне между Сельцами и Белооутом. Здесь же находились подразделения 2-й пехотной дивизии имени Домбровского, в ряды которой Ярузельский вскоре вольётся. Перед молодыми офицерами выступала Ванда Василевская³. Как пишет Ковальский, на главном флагштоке был поднят польский флаг, а пулемётная рота, в которой служил Ярузельский, выступала в ка-

честве роты почётного караула. Сохранилась фотографии парада, где в первой восьмёрке марширует Ярузельский. Именно тогда будущий генерал присягнул на верность Советскому Союзу и оставался верен этой клятве до конца своих дней. Как не без сарказма пишет Лех Ковальский, он «до конца оставался нестигаемым воином-интернационалистом»⁴.

23 июля 1944 года солдаты 5-го пехотного полка, где служил Ярузельский, пересекли реку Буг. По воспоминаниям самого генерала, каждый хотел первым оказаться на польской стороне реки: к тому времени тот берег был уже определён как часть новой, послевоенной Польши. Командирам взводов было нелегко навести порядок среди солдат, преисполненных патриотических чувств. Оркестр заиграл «Мазурку Домбровского»⁵, и польские подразделения были направлены на Люблин, на который в это время также наступала Красная Армия. Там должна была обосноваться резиденция нового польского правительства, подконтрольного Москве. Польские подразделения прошли вместе с Красной Армией через город торжественным маршем. В поздних интервью Ярузельский вспоминал, что он ехал на коне во главе колонны полка.

Поляки одними из первых вошли в освобожденный концлагерь Майданек, где ещё были видны следы фашистских преступлений. Зрелище крематориев, газовых печей, где недавно погибли сотни человек, вызывали у военных желание отомстить немцам. Современные польские историки отмечают, что на территории концлагеря был создан фильтрационный лагерь НКВД, в котором размещались партизаны Армии Крайовой – подпольного движения Сопротивления, не подчинявшегося коммунистам и вызывавшего подозрение у советских властей. Многие из них были насильственно депортированы вглубь СССР.

26 июля 1944 года 1-я Армия Войска Польского выдвинулась на передовую. 2-я пехотная дивизия подошла

к Пулавам в 50 километрах от Люблина, где произошло боевое крещение. Вечером 29 июля Войцех Ярузельский на коне доставлял приказ из штаб-квартиры полка, находившейся в фольварке Михалувка, в один из батальонов. Неожиданно поблизости разорвался снаряд. Молодому хорунжему повезло: он каким-то чудом избежал ранения осколком. Однако взрывная волна вышибла его из седла, и он, пролетев несколько метров, упал на землю. Ярузельский вспоминал, что это случилось через 23 дня после того как ему исполнился 21 год, и происходило в нескольких километрах от деревни Куров, где он родился⁶.

Место, в котором 5-й полк форсировал Вислу, находилось далеко от Пулав и имело свои топографические особенности: река здесь разливалась особенно широко, создавая небольшие островки. Пехотинцы перескакивали с острова на остров под огнём неприятеля. Артиллерийский огонь, который должен был обеспечить поддержку наступления, оказался слишком слабым. Первая попытка форсирования Вислы в ночь с 30 на 31 июля 1944 года закончилась неудачей, но уже следующей ночью несколько десятков польских военных смогли перебраться на другой берег и укрепиться на нём. Через сутки к ним присоединились ещё несколько сотен солдат, но на этом успехи закончились. В ночь с 3 на 4 августа генерал Берлинг распорядился отвести все войска на восточный берег.

Ярузельский в это время выполнял задания в тылу, благодаря чему получил возможность увидеть, что стало с родительской усадьбой. Он отклонился от основной дороги, подъехал к дому знакомых его родителей в деревне Бронице, в 10 километрах от родного Курова. Ему открылась малоутешительная картина: дом был практически разрушен, мебель выброшена, вокруг сновали какие-то люди... Стало совершенно понятно, что усадьба национализирована, а бывшие владельцы, едва вернувшие её после прихода Красной Армии, выставлены восвояси.

После того как Люблин был занят советскими войсками, началось наступление на Варшаву. Когда первые советские танки вышли на восточный берег Вислы и заняли варшавский район Прага, руководство Армии Крайовой приняло решение о начале восстания 1 августа 1944 года, вошедшего в историю как Варшавское восстание. Однако после танкового сражения в районе Радзымина советские танки неожиданно перешли к оборонительным действиям. 2-я танковая армия была выведена из-под Варшавы. Польские историки отмечают, что в первых числах августа Сталин, очевидно, ещё не принял решения о неоказании помощи участникам Варшавского восстания. Так, 2 августа 1944 года в газете «Правда» была опубликована статья «На Варшаву!»⁷. Суть её сводилась к тому, что следует сделать рывок на столицу Польши и захватить её.

Солдаты пехотного полка, в котором воевал Ярузельский, конечно, знали о начавшемся восстании. Однако для боевых действий ими было избрано направление на Магнушев, в 65 километрах от Варшавы. Польские историки считают, что это было связано, скорее всего, с намерениями маршалов Жукова и Рокоссовского окружить Варшаву, а освобождение планировалось на конец августа. Однако в конечном счете Сталин принял решение не оказывать помощь восставшим полякам.

Отвечая на вопрос польского историка Яна Осецкого, Ярузельский вспоминал, что узнал о Варшавском восстании во время форсирования Вислы под Пулавами. «Известие о восстании произвело на поляков большее впечатление, если бы мы не были заняты форсированием Вислы», – отмечал он. По его мнению, поляки, воевавшие на советской стороне, считали, что помогают участникам восстания, оттягивая силы противника от столицы.

В конце концов 2-я пехотная дивизия форсировала Вислу 15 августа и пыталась удержать занятые позиции. Вечером 18 августа на участок, занятый 5-м полком, об-

рушился ураганный огонь. Немецкая контратака была отбита только благодаря артиллерийской поддержке. Командование полка приняло решение взять языка и сформировало для этого две группы: одну под командованием поручика Сковорона, а другую под командованием хорунжего Ярузельского. Операция провалилась. Немцы обнаружили разведчиков, и те вынуждены были отступить под огнём. Вторая попытка оказалась более удачной. Вблизи селения Грабув-Залесен разведчики не только обнаружили огневые точки противника, но и увидели в окопах множество мёртвых тел – как русских, так и немцев.

Впоследствии Ярузельский вспоминал, что вблизи от него разорвался снаряд и он почувствовал, как его присыпало землёй, а взрыв оглушил. После этого он всю оставшуюся жизнь практически ничего не слышал правым ухом. Автор одной из наиболее критичных биографий Ярузельского Лех Ковальский подтверждает, что польские солдаты в тот период имели слабую подготовку и фактически не имели боевого опыта, но сомневается в обстоятельствах, при которых будущий генерал был оглушён. С точки зрения Ковальского, в тот момент Ярузельский находился не на передовой, а в разведдозоре вдалеке от противника⁸.

На следующий день один из батальонов 5-го полка получил приказ провести разведку боем, однако немцы снова вынудили атакующих отступить. «Окопы разделяли сотни метров, и мы не только метали гранаты, но и матерились в адрес друг друга», – вспоминал Ярузельский. По его словам, в польском полку служили люди, которые раньше были в вермахте, затем попали в советские лагеря как пленные или дезертиры, откуда были направлены в польскую армию или записались в неё добровольно. «Среди нас были поручик Брандт и капрал Сливка, которые знали немецкий и прямо из окопа уговаривали немцев сдаваться», – вспоминал генерал. Ярузельский не без иронии говорил,

что акции эти были безуспешными, поскольку уговорить кого-то сдаться им так и не удалось⁹.

1 сентября на участке боевых действий 3-го батальона 5-го пехотного полка пропагандисты VII отдела политуправления 1-й Армии Войска Польского начали передавать через рупоры специально подготовленное радиосообщение, призывающее немцев сдаваться в плен. При этом зачитывался текст командующего 6-й Армией фельдмаршала Фридриха Паулюса, находившегося в советском плену со времен Сталинграда. Немцы открыли сильный огонь, не позволив закончить передачу. В этом деле участвовал один из разведчиков, который раньше был призван в вермахт и прилично владел немецким языком. Его звали Александр Шарый, и он происходил из Силезии. Сидя в окопе на расстоянии нескольких десятков метров от немецких окопов, он призывал сдаваться. Свои воззвания заканчивал словами: «Гитлер капут!». К сожалению, его выследил немецкий снайпер и смертельно ранил¹⁰.

Во время боёв под Магнушевом Ярузельский многому научился с военной точки зрения. «В Пулавах мы были ещё желторотиками, но три недели, проведённые лицом к лицу с врагом, сделали из нас настоящих солдат, – вспоминал он. – Например, мы научились тогда: не стоит падать на землю, когда слышишь свист шрапнели, потому что свист означает, что осколок полетел дальше»¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kowalski Lech. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012. – 672 s.

² *Swiecicki Z. Riazanczycy.* – Warszawa: Ministerstwa Obrony Narodowej, 1987. – S. 13. Цит. по: *Kowalski Lech. Jaruzelski. Generał ze skazą.* – S. 28.

³ Василевская Ванда – советско-польская писательница, лауреат трёх Сталинских премий, дочь министра иностранных дел Польши в 1918–1919 годах Леона Василевского. Во время Второй мировой войны в звании полковника работала в Политуправлении Красной Армии и была главным редактором газеты «Советская Польша». В 1944 году вошла в состав Временного правительства Польши.

⁴ *Kowalski Lech. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012. – S. 31–32.

⁵ «Мазурка Домбровского» – гимн Польши с 1927 года, ранее – гимн антироссийских восстаний 1830 и 1863 годов. В песне прославляется знаменитый генерал XVIII века Ян Генрик Домбровский.

⁶ *Kowalski Lech. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012. – S. 55.

⁷ *Zawodny Janusz. Powstanie Warszawskie w walce I dyplomacji.* – Warszawa: PWN, 1994. – S. 92–96.

⁸ *Kowalski Lech. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Poznań: Zysk i S-ka, 2012. – S. 59.

⁹ *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 77.

¹⁰ *Kowalski Lech. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012. – S. 67.

¹¹ *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 78.

ДОРОГА НА БЕРЛИН

После освобождения Варшавы в январе 1945 года солдаты 5-го пехотного полка, где служил Ярузельский, несли службу по охране центра города. На фронт часть вышла только 21 февраля. «Солдаты вынуждены были пройти пешком несколько десятков километров по обледеневшей земле», – пишет Ян Осецкий¹.

«Как офицер войсковой разведки, большую часть пути я преодолел верхом на коне. Если бы не пережил это сам, никогда бы не поверил, что можно заснуть, идя пешком. Это случилось со мной, когда я сошёл с коня и шёл возле него, чтобы отдохнуть. И неожиданно проснулся, потому что упал на солдата, который плёлся передо мной», – вспоминает генерал².

Усталость усугубляло отсутствие сна: из-за опасности налетов немецкой авиации солдаты передвигались в основном по ночам. Они шли мимо брошенных боевых машин механизированных дивизий и полковой артиллерии: не было топлива. После 11 дней марша в направлении от Варшавы 5-й полк пересёк довоенную польско-немецкую границу. Солдат охватил необыкновенный восторг. Ярузельский вспоминает, что все сняли шапки и запели «Мазурку Домбровского» – гимн Польши. Сражения, в которых принял участие 5-й полк в Поморье (Поморье – Балтийское побережье Польши), были самыми тяжелыми в его истории. Солдаты должны были сломить так называемый Поморский вал – систему

укреплений, построенную немцами в начале 1930-х годов и состоявшую примерно из 50 бункеров, связанных между собой сетью подземных туннелей и противотанковых укреплений. Участок этот был практически непроходимым для танков и чрезвычайно трудным для пехоты, в том числе из-за водных преград.

По воспоминаниям Ярузельского, с этого момента пришлось биться буквально за каждый квадратный метр. Именно на Поморском валу подпоручик Ярузельский в третий раз оказался лицом к лицу со смертью: рядом с ним взорвалась шрапнель. Как он сам говорил, по счастью, он был всего лишь легко ранен в бедро, всё обошлось без госпитализации.

Подпоручик Ярузельский получил предложение продолжить службу в штабе полка, однако он не отказался и от участия в операциях войсковой разведки. За одну из них Ярузельский получил медаль «Заслуженным на поле Славы» (*Medal Zasłużonym na Polu Chwały*). В представлении к награде было написано: «Во время разведывательной операции 25 февраля 1945 года противник, осветив ракетой поле и заметив наших солдат, подкрадывающихся к его окопам, открыл ураганный огонь. Подпоручик Ярузельский, не теряя хладнокровия, бросил три гранаты и подавил немецкий пулемёт, чем обеспечил возвращение наших разведчиков практически без потерь. Заслуживает быть представленным к золотой медали «Заслуженным на поле Славы»»³. Вручение награды, правда, не золотой, а серебряной, произошло 27 марта 1945 года.

Каждый день 5-й полк продвигался всё дальше по территории противника, а войсковая разведка действовала всё успешнее. 6 марта подчинённые Ярузельского не только вывели однополчан из окружения близ деревни Грондске, но также помогли пехотинцам зайти в тыл к немцам и взять десяток пленных. 13 марта первые группы солдат 5-го полка вышли к Балтийскому морю. Войсковая разведка, как

всегда, была впереди: она искала дороги, указывала цели, а также принимала участие в уничтожении небольших немецких групп.

В своём письме матери и сестре Ярузельский писал: «Уже почти три месяца, как я сплю по 2–3 часа, на холоде, не раздеваясь, и постоянно нахожусь в огне борьбы, которую мы ведём за Поморье». Как пишет Ян Осецкий, гибель десятков однополчан произвела на Ярузельского огромное впечатление, и будущий генерал задавал себе вопросы экзистенциальной природы⁴. Вот, например, какими размышлениями он делился с родными в своих письмах: «Как это странно, что столько моих друзей, ровесников и подчинённых оказались ранеными и убитыми, а я, несмотря на то что, как правило, всюду бываю первым, постоянно остаюсь живым и невредимым. Вероятно, такова божья воля и провидение»⁵.

В это время в военной характеристике подпоручика (и уже помощника начальника штаба полка войсковой разведки) Ярузельского говорится: «Назначенный на должность командира взвода конной разведки благодаря своей неустанной работе и энергии, исполняет все требуемые задания, обладает хорошей разведподготовкой, достигнутой благодаря практике сражений, которые проводит наш полк. Разведывательные операции организует старательно и точно, стараясь предусмотреть все детали и варианты развития. Отважный и смелый, лично контролирует исполнение поставленных задач»⁶.

Через два дня заместитель командира полка по вопросам политико-воспитательной работы напишет представление на повышение Ярузельского в воинском звании до поручика. В документе в том числе говорится: «Молодой, подающий надежды офицер, обладающий большими способностями. Чрезвычайно заинтересован своей работой, при этом смел и решителен. Благодаря его организации рейды разведки неоднократно давали положительные ре-

зультаты. Хорошо обучен, интеллигентен. Представляется хорошо. В разведывательных взводах, находящихся под его постоянным контролем, царит высокая дисциплина, за которой он следит лично. Полностью заслуживает повышения до звания поручика»⁷. Однако, несмотря на такую позитивную оценку, Войцеху Ярузельскому придётся ждать вторую звезду на погонах ещё месяц.

Ян Осецкий во время интервью спросил генерала, как в то время был организован его быт. Ярузельский ответил, что в его распоряжении, как командира взвода, находился ординарец: «Он приносил из офицерской столовой еду и заботился о том, чтобы мне всего хватало. Капрал Печковский был не только очень умелым, но и обладал ещё одним важным качеством – великолепно играл на аккордеоне». Ярузельский вспоминал, что этот капрал помогал ему во всём: «Временами чистил ботинки, хотя это было делом специфическим: в то время офицеры не носили кожаные сапоги. У нас были так называемые кирзовые сапоги с голенищами из выкрашенного в черный цвет брезента – за ними не нужно было ухаживать так, как за кожаными ботинками»⁸.

«Из-за того, что у меня был ординарец уже во время войны, я так никогда и не научился некоторым вещам. Вообще мной всегда кто-нибудь занимался – дома, в интернате, на войне, даже тогда, когда я исполнял военные и политические обязанности», – вспоминал Ярузельский⁹.

После ординарца были адъютанты, руководитель секретариата... Ярузельский вспоминал, что, когда ушел из армии, был вынужден заново учиться многим вещам. Как-то Ярузельский признался, что даже записи в календаре никогда не делал собственноручно, из-за чего ему было трудно точно определить даты прошлых событий. Но значительно большей проблемой была, как он не без стыда признавал, полная неспособность решать бытовые вопросы, такие как покупки или приготовление еды. Хотя

у него не было необходимости самостоятельно заниматься всеми этими делами вплоть до самого конца, в том числе президентства.

Полк, в котором служил Ярузельский, не принимал непосредственного участия во взятии Берлина. Он участвовал в сражениях на западе от столицы Третьего рейха. «Мы продвигались в направлении к Эльбе через территории, очень трудные с оперативной точки зрения: плоские, болотистые, пересечённые сетью рек и каналов. Перед нами стояли хорошо подготовленные немецкие подразделения», – рассказывал он в своих воспоминаниях¹⁰.

После форсирования Одера войсковая разведка снова не сидела без дела. Наступление началось 16 апреля. Солдаты 5-го пехотного полка должны были взять населённый пункт Нойлитцегёрике (нем. Neulietzegöricke), зай тем железнодорожную станцию Альтреец (нем. Alt Reetz). Первый объект удалось занять быстро, несмотря на обстрел, однако железнодорожную станцию немцы защищали исключительно стойко, и наступление остановилось за полкилометра, прижатое сильным пулемётным огнём.

В представлении Ярузельского на очередную награду (Серебряный крест военного ордена, польск. *Order Wojenny Virtuti Militari*) говорилось, что, после того как 18 апреля 1945 года полк занял деревню Нойлитцегёрике, на станции Альтреец немцы отстреливались, не давая к ней подступиться: «Противник, оторвавшийся от нашего наблюдения, оставался неопознанным. Было неизвестно, откуда он ведёт огонь и какими средствами располагает». Подпоручик Ярузельский был направлен во главе взвода разведки для выяснения обстоятельств. Ночью взвод под его руководством прокрался в окрестности станции Альтреец, ликвидировал группу немцев и выслал гонца к наступавшим батальонам, которые пошли в контратаку в слабых местах обороны противника, обнаруженных поручиком Ярузельским, и заняли станцию»¹¹.

После захвата станции началась подготовка к наступлению на позиции немцев, окопавшихся в 70 километрах от Берлина и блокировавших 5-й полк пехоты. Именно там Ярузельский потерял самого близкого друга – отличного командира взвода разведки Рышарда Кулешу. Ярузельский с горечью вспоминал о том, что он сам послал друга на смерть. Кулеша уже сделал несколько рейдов, но, несмотря на бессонную ночь накануне, потребовалась ещё одна вылазка. Когда пришёл приказ, будущему генералу Ярузельскому ничего не оставалось, кроме как разбудить товарища и снова отправить в разведку. Но обратно с задания принесли тело подпоручика...

Ярузельский и сам не уклонялся от выполнения боевых заданий. В представлении его на Крест храбрых (*Krzyż Walecznych*) командир полка писал, что 1 мая 1945 года на подходе к деревне Ринов (нем. *Rhinow*) – одному из важнейших пунктов сопротивления немцев у Эльбы – Ярузельский командовал конным и пешим взводами разведки. В их задачу входило получение информации о силах неприятеля в деревне и возможности переправы через реку и болото. Пехота двигалась сзади, а её часть с фланга атаковала район лагеря для военнопленных и пороховой фабрики. «Почувствовав достаточную силу немцев, поручик Ярузельский принял решение быстрым и неожиданным ударом использовать разведку и захватить удобное место для ведения наблюдения. Он поднял в атаку 12 человек конной разведки и этим смелым манёвром не только провёл разведку, но и взял в плен двоих офицеров и пятерых немецких солдат, многих убил, а остальные в панике оставили деревню. Деревня была занята взводом конной и пешей разведки под руководством помощника начальника штаба по делам разведки поручика Ярузельского»¹².

5-й полк вышел к Эльбе 5 мая. Ярузельский вспоминал, что на другом берегу реки стояли какие-то солдаты и махали им: «Это были американцы, которые вскоре раз-

вернули плакат «Привет вам, друзья!» Правда, надпись была на чешском языке, но большой разницы для нас это не имело».

Через три дня полк был выведен с берегов Эльбы и переведён на северо-западную окраину Берлина. «Наступила прекрасная ночь. И, когда я задремал, – вспоминал генерал, – меня неожиданно разбудила канонада, какую я не слышал даже в самые страшные минуты войны. Всё небо осветилось, стреляли все из всех видов оружия, горизонт полыхал огнём. Так мы узнали, что война закончилась»¹³.

До возвращения в Польшу Ярузельскому довелось побывать в поверженном Берлине. Он увидел рейхстаг, рейхсканцелярию и поднялся на непостижимым образом сохранившуюся колонну Победы.

В Берлинской операции Войско Польское получило неоценимый оперативный и тактический опыт. В боевых действиях были задействованы две общевойсковые армии, танковый корпус, авиация и другие подразделения. Войско Польское впервые принимало участие в боях на главном направлении удара Красной Армии. Ранее это были вспомогательные направления, где артиллерийская поддержка пехоты была не столь сильной.

Некоторые биографы Ярузельского считают, что он чувствовал некоторую неудовлетворённость своей не слишком яркой ролью во время войны и что якобы позднее пытался подправить свой военный образ. Бывший руководитель охраны Ярузельского полковник Артур Готувко в своём обширном интервью утверждает, что генерал добивался от командующего 1-й Армией Войска Польского Берлинга, чтобы тот включил в свои воспоминания упоминание о роли Ярузельского во время войны. Готувко, который обычно отвозил Берлинга домой, рассказывал, что Ярузельский требовал от старого генерала исключить некоторые фрагменты, которые, с его точки зрения, могли обидеть советских товарищей, и также хотел, чтобы Берлинг написал

несколько фраз о молодом, способном и смелом подпоручике Войцехе Ярузельском¹⁴. Берлинг отказался. Его дневники долго не издавались.

...Итак, на территории всей Польши, за исключением Щецина, который оставался под советской юрисдикцией, власть приняло временное правительство ПНР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Osiecki Jan*. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim. – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 92.

² Ibid.

³ Ibid. – S. 93.

⁴ Ibid. – S. 93.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. – S. 94.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. – S. 95.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ *Piecuch Henryk*. Bylem gorylem Jaruzelskiego. – Warszawa: Agencja Wydawnicza CB, 2001. – S. 26.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ И БОРЬБА С АНТИСОВЕТСКИМ ПОДПОЛЬЕМ

Решение о направлении 5-го пехотного полка в район борьбы с вооруженным подпольем было принято в октябре–ноябре 1945 года. 2 ноября командир 2-й пехотной дивизии издал приказ о перегруппировке 5-го полка тремя железнодорожными эшелонами в район Грубешова для «ликвидации банд». Биограф Ярузельского Лех Ковальский отмечает, что в этот период боевой дух в 5-м полку пребывал в упадке и его «пытались поднять за счёт возбуждения ненависти к бандформированиям».¹ В начале ноября кадровый состав полка должен был измениться на мирный, в два раза меньший, чем в военное время. Однако после получения нового задания реорганизация была приостановлена.

Первый эшелон с подразделениями 5-го полка прибыл в Замостье 11 ноября, два следующих – 12 ноября. Оттуда полк пешим маршем прошел до Грубешова, куда прибыл 14 ноября. Этот марш должен был стать демонстрацией силы, но по прибытии выяснилось, что во время перехода сбежали трое офицеров и 21 рядовой.

На территории Грубешовского повята в это время действовало в основном украинское подполье. Тон в борьбе против новой власти задавала Украинская повстанческая армия (УПА). Кроме неё действовали подразделения, созданные теми солдатами польского подполья, которые и по-

сле роспуска Армии Крайовой выступили против новой коммунистической власти с оружием в руках, а также представители других подпольных военизированных организаций, например, Национальные Вооруженные Силы (NSZ)².

Как отмечают польские историки, в это время в Грубешове находились войска НКВД, местные силы польской милиции и госбезопасности. Ещё в октябре 1944 года на территории Польши появилась Сводная дивизия внутренних войск НКВД (через два месяца переименованная в 64-ю сводную дивизию), которая вела борьбу с польским подпольным государством, пробивая дорогу к власти прокоммунистическим, просоветским силам. Массовые аресты и вывоз солдат Армии Крайовой начались ещё летом и осенью 1944 года.

Лех Ковальский пишет, что 15 ноября Ярузельский подготовил документ, основанный главным образом на материалах, присланных из местных отделений милиции и госбезопасности. Из этого документа следует, что на территории Грубешовского повята действует украинское подполье в виде самостоятельного батальона, насчитывающего 900 человек. Возглавлял эту группу Анатолий Сидорук из Львова (псевдонимы Ягода и Черника)³.

Материалы, которыми располагал Ярузельский, производили сильное впечатление. С их помощью офицеры-политработники подогревали чувства угрозы и ненависти к бандформированиям. Из собранных данных следовало, что силы УПА организованы в курень (батальон), делящийся на 4 сотни. Например, сотня «Жирки» насчитывала 160 человек и подразделялась на 3 чоты (взвода), в каждой из которых было по 53 человека. Чота складывалась из трёх роёв (отделений) по 17 человек. В документе говорилось, что сотня под командованием Сокола (речь шла о Василии Баране, который носил мундир поручика Войска Польского) насчитывала 100 человек. Последней из названных Ярузельским была сотня «Вишни», командир

которой использовал псевдоним Рыгель (скорее всего, речь шла об Иване Луцике из деревни Добрачин). Как отмечает Ковальский, отличающийся весьма критичным отношением к личности Ярузельского, в названиях местности, где действовали польские части, было так много ошибок и искажений, что до сих пор трудно точно понять, о каких географических точках идет речь⁴.

Из доклада следовало, что на следующий день пребывания 5-го полка в районе Грубешова одна из рот была обстреляна в деревне Черничин. Ярузельский тогда пришёл к выводу о том, что УПА имеет прекрасно организованную систему связи и уведомлений и знает практически всё о передвижении противника. Он писал: «В случае приближения Войска Польского они заранее знают направление движения, состав и уклоняются от боя, не оставляя никаких следов. Наши подразделения застают в деревнях только женщин, детей и стариков. Бандформирования в боевые действия не вступают. Имеются сведения о том, что они располагают сильными радиостанциями с мощным радиусом действия и поддерживают связь с другими группами, действующими на Юге»⁵.

По мнению биографов Ярузельского, данные искусственно завышались, чтобы стянуть в эти места как можно больше подразделений Войска Польского. Коммунистические власти были не в состоянии вести работу без поддержки войск. Ситуация была крайне неопределённой, поскольку подразделения УПА часто приходили с территории СССР и туда же возвращались. Как считает Лех Ковальский, в конечном счёте данные Ярузельского об УПА соответствовали действительности только в отношении её организационной структуры⁶.

Вначале у Ярузельского не было концепции, каким образом получать новую информацию о подразделениях УПА в районе Грубешова. Со своими 30 подчинёнными и 11 конями он был не в состоянии разобраться в дея-

тельности хорошо организованного украинского подполья. Многие опытные солдаты разведки погибли во время войны или были уволены в запас. Он располагал только теми разведчиками, которых ещё предстояло учить специфике борьбы с вооруженным подпольем. Да и сам Ярузельский не обладал достаточными знаниями в этой сфере.

В это время усилия УПА были сосредоточены на противодействии переселению украинцев из Польши в СССР, первый этап которого начался 15 октября 1944 года. Хотя предполагалось, что эвакуация в СССР будет добровольной, желающих покинуть свои дома не нашлось. Более того, некоторые из тех, кого вывозили в СССР, возвращались обратно.

Второй этап переселения начался в сентябре 1945 года. 5-й полк и сотрудничавшие с ними органы милиции и госбезопасности, а также советского НКВД выселяли целые украинские деревни. Украинцев, веками живших в этом регионе, лишали возможности быть хозяевами своей судьбы. Такова была воля польских властей, тесно сотрудничавших в этом вопросе с советской стороной.

Насильственный характер переселенческих акций вызвал усиление вооруженного сопротивления УПА, для которой опустевшие украинские деревни означали потерю баз снабжения и мобилизационных резервов. Украинское подполье сконцентрировалось на борьбе с небольшими подразделениями армии, госбезопасности и милиции, непосредственно занимавшимися выселением. УПА ликвидировала комиссии по выселению, уничтожала списки подлежащих выселению жителей, прерывала связь, нападала на охрану транспорта с переселенцами.

Главная задача 5-го полка состояла в уничтожении вооруженного подполья, действовавшего в районе Грубешова. Полк должен был обеспечить безопасность дорог Грубешов – Хельм и Грубешов – Замостье, а также охрану государственной границы. Для исполнения этой задачи нужно было

взаимодействовать с местными органами милиции, государственной безопасности, подразделениями НКВД и Красной Армии. И руководство в таком взаимодействии полка чаще всего представлял Ярузельский. Так, 18 ноября он установил контакты с пограничным полком Красной Армии, находившимся возле границы. Со временем украинское подполье было полностью окружено.

В одном из своих докладов Ярузельский писал: «Во время марша на дороге Крылов – Холубин (22 ноября) найдено большое число листовок на украинском языке, адресованных Войску Польскому, с призывами о том, чтобы солдаты не верили своему правительству и вместе с украинцами ударили по СССР». Пятью днями позже он докладывал: «По данным разведки, банда Зеленого, Рыгла и Сокола» передвинулась на юго-запад Грубешовского повята»⁷. Ярузельский с горсткой полковых разведчиков мог только постфактум фиксировать передвижение вооруженных подразделений украинского подполья. Сделать большее было не в его силах.

Результаты деятельности 5-го полка были весьма умеренными. В своих докладах поручик Ярузельский писал о том, что подразделения подпольщиков обстреливались из автоматического оружия. Однако бандиты ускользали от Войска Польского, и большинство докладов Ярузельского этого периода заканчивались фразой «Группа исчезла». Как отмечает Лех Ковальский, в этот период Ярузельский полностью идентифицировал себя с народной властью, а вооруженное подполье воспринимал как вражеское. Вместе с начальником штаба полка майором Фоминым они составляли «мозг всех операций, планируемых и предпринимаемых 5-м пехотным полком против украинского и польского вооруженного подполья»⁸.

Несмотря на отсутствие крупных успехов, поручик Ярузельский не терял хладнокровия. Организованное им обучение солдат имело новаторский характер, пишет Лех

Ковальский⁹. Ярузельский в этот период тесно сотрудничал со службой госбезопасности, скрупулезно собирая всю информацию о советских подразделениях, действовавших в Грубешовском повяте, учился у них методам действий в борьбе с подпольем. В этой среде всё больше подчеркивалась необходимость полного выселения украинцев, которые оказывали сильную поддержку подполью. В январе 1946 года в докладе о ситуации в регионе Ярузельский пишет, что население на сто процентов поддерживает подполье: «Каждое подразделение Войска Польского, будь то в гарнизоне или в процессе передвижения, находится под постоянным наблюдением населения и бандформирований»¹⁰.

В январе 1946 года начинаются более систематические прочёсывания лесов и деревень. Эти акции наносили ущерб УПА и подрывали процесс снабжения и местонахождения баз для ночлега. Тем не менее Ярузельский докладывал об учениях подполья и, в частности, сообщал о том, что одна из банд, проводивших учения, состояла из 400 человек. После учений подразделения УПА демонстративно прошли через окружающие деревни и спокойно исчезли.

Акции по выселению проходили всё труднее и труднее. В соответствии с докладами Ярузельского у сопротивления была лишь частичная координация. В качестве примера он приводил случай, когда в местности Холубин целые семьи вместе со скарбом или убегали в лес, или уходили в другие деревни. В другом случае был взорван мост через реку Буг, по которому должен был идти транспорт с переселенцами.

В апреле украинцев вывозили уже целыми деревнями, и Ярузельский докладывал, что почти вся молодежь – как юноши, так и девушки – убегает в леса. Также он информировал о том, что опустевшие деревни подвергались грабежам со стороны сотрудников милиции, службы безопасности и солдат 5-го полка. Вывозили украинцев и из Грубешова, оставляя только тех, кто сотрудничал с госбезопасностью, милицией, НКВД и Красной Армией. У неко-

торых украинцев – тех, кто не хотел уезжать, брали взятки. Бывало и так, что население некоторых деревень полностью уходило в леса. Впрочем, часто они возвращались и сдавались в пункты переселения. В ряде случаев на колонны с переселенцами, сопровождавшиеся военными, нападали вооруженные отряды УПА.

Лех Ковальский считает, что если бы Ярузельский хотел избежать кошмара борьбы с вооруженным подпольем, то мог бы воспользоваться шансом, представившимся 22 января 1946 года, когда его рекомендовали в Высшую офицерскую школу в Рембертове на курсы штабных офицеров. Однако он отказался, поскольку хотел продолжать борьбу с подпольем. Ковальский пишет, что на этом этапе Ярузельский стремился быть как можно ближе к офицерам крестьянского и рабочего происхождения и «вёл себя, как любой неофит»¹¹.

В июне 1946 года Польша готовилась к референдуму¹². 4 июня 1946 года Государственная комиссия безопасности¹³ направила воеводским комитетам инструкцию по организации охраны во время голосования. Документ координировал действия всех сил правопорядка, в том числе армии и органов безопасности. Во всех повятах были созданы специальные оперативные штабы, на которые возложили обязанности по обеспечению голосования. В эти дни активизировалось польское подполье, но и украинцы агитировали население голосовать против программной линии коммунистов. Закалённый в боях с «силами реакции» 5-й пехотный полк получил задание обеспечить безопасность окружных избирательных комиссий.

Как известно, референдум состоялся, но его результаты, по мнению многих историков, были сфальсифицированы¹⁴. Несмотря на спорадические акции подполья, как таковых акций, направленных на срыв референдума, не было. Полковая разведка при поддержке батальонных групп участвовала в организации засад на путях передвижения под-

польных групп и отрядов. В эти засады попадали связники, снабженцы, а иногда и патрули УПА. Во время референдума разведчики охраняли членов комиссии, прочёсывали леса. Это были уже последние дни пребывания полка на этих территориях. В одном из последних докладов Ярузельского от 30 июня 1946 года говорится, что в Грубешове после закрытия избирательного участка и подсчёта голосов банда предприняла попытку нападения на здание магистратуры. Группа, охранявшая здание, отбила атаку¹⁵.

В соответствии с приказом от 10 июля 1946 года 5-й полк был перемещён из Грубешова в Пётркув-Трыбунальский (Piotrków Trybunalski), где Ярузельский получил новый опыт в борьбе с внутренним врагом. Именно там он впервые столкнулся с необходимостью систематического планирования и осуществления акций по уничтожению вооружённого подполья, тесно сотрудничал с органами госбезопасности и НКВД. В это время, как пишет Лех Ковальский, Ярузельский также научился разворачивать оружие против тех поляков, которые представляли себе будущее Польши иначе, чем он, «тесно сотрудничал с силами советских специальных служб в деле уничтожения цвета польской молодёжи»¹⁶. У начальства не было никаких сомнений в том, что Ярузельский достоин наград и продвижения по службе.

Ковальский считает, что в Грубешове Ярузельский служил более верноподданно и старательно, чем на каком-либо другом этапе боевого пути 5-го пехотного полка, и делал всё с большим желанием. «Трудно, однако, понять, почему он столь некритично принял новую идеологию, которая воплощалась в жизнь путём преступлений и насилия. Это явно было не то, что он вынес из родного дома», – утверждает Лех Ковальский¹⁷.

Всё это время Ярузельский дисциплинированно документировал свою поддержку коммунистического будущего Польши. И оставался верным ему до конца существования Польской Народной Республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kowalski Lech. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012. – S. 143.

² Narodowe Siły Zbrojne, NSZ – подпольная военная организация движения Сопротивления в Польше во время Второй мировой войны и после неё. После Армии Крайовой и Крестьянских батальонов была крупнейшей военно-политической организацией во время оккупации.

³ *Kowalski Lech. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012. – S. 148.

⁴ Ibid. – S. 149.

⁵ Ibid. – S. 150.

⁶ Ibid. – S. 151.

⁷ Ibid. – S. 153.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. – S. 154.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. – S. 160.

¹² На референдум 30 июня 1946 года были вынесены вопросы о ликвидации Сената, о внесении изменений в будущую новую Конституцию об установлении государственного устройства с национализацией основных отраслей производства при сохранении частной инициативы, о поддержке установления новых государственных границ на западе Польши.

¹³ Государственная комиссия безопасности (польск. *Państwowa Komisja Bezpieczeństwa*) – координационный орган руководства силовыми структурами Польши в 1946–1948 годах. Руководила подавлением антикоммунистического сопротивления, депортацией украинского населения. После образования ПОРП функции перешли к аналогичной партийной комиссии.

¹⁴ *Петров Никита*. Роль МГБ СССР в советизации Польши: Проведение референдума и выборов в Сейм в 1946–47 гг. // Сталин и холодная война.– М., 1998.– С. 102–124.

¹⁵ *Kowalski Lech. Jaruzelski. General ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.*– Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012.– S. 164.

¹⁶ Ibid.– S. 165.

¹⁷ Ibid.

СТАЛИНИЗАЦИЯ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО

В марте 1947 года Ярузельский командирован в распоряжение Центра обучения пехоты в Рембертове. Главным в этом обучении было то, что оно открывало перспективу для продвижения по службе. На курсе, где учился Ярузельский, готовили будущих помощников командиров дивизий по работе с личным составом.

Как и в Рязани, среди слушателей Центра в Рембертове было немного людей такого же происхождения, как Ярузельский: 80 процентов – из рабочих и крестьян, в основном выпускники офицерских школ, которым военный опыт заменял знания. По выражению Ковальского, они были весьма благодатным материалом для политической индоктринации. Неудивительно, что Ярузельский значительно превосходил всех и по общему уровню культуры и знаний, и с интеллектуальной точки зрения.

Школу курировал Главнокомандующий сухопутными войсками Польши генерал Станислав Поплавский, во время войны командовавший 1-й Армией Войска Польского. Как пишет Лех Ковальский, генерал был известен, «деликатно говоря, своей любовью заглянуть в рюмашку» и, как все советские военные руководители того времени, был поклонником сталинского военного искусства. По мнению Ковальского, Поплавский оказал на Ярузельского большое влияние¹.

В поздних интервью Ярузельский с большой благодарностью отзывался о Поплавском и подчёркивал, что

многим ему обязан. Генерал с большим возмущением говорил, что у него не укладываются в голове современные попытки представить Поплавского не этническим поляком, которым он был на самом деле, а перекрасившимся русским по фамилии Горохов. В интервью Терезе Тораньской Ярузельский утверждал, что Поплавский очень прилично говорил по-польски и был настоящим поляком, как и его жена Ядвига. Ярузельский вспомнил об этом в интервью, потому что в 1991 году вышла польская энциклопедия со статьёй о русском происхождении Поплавского².

Среди преподавателей в Рембертове было много советских офицеров, которые плохо знали польский язык и часто вели занятия по-русски. Некоторые слушатели также зачастую использовали русский. «Преподаватели из Советской Армии сделали много положительного для создания дидактической среды в школе», – пишет Лех Ковальский³.

Тем не менее Ярузельский всегда призывал не переоценивать количество советских генералов в Войске Польском после войны. Возможно, они занимали ряд ключевых постов при Рокоссовском, но их было не более трёх процентов, а в 1954 году менее одного процента. То есть в четыре-пять раз меньше, чем офицеров, имевших опыт службы в довоенных Вооруженных силах Польши.

За правильностью политических взглядов курсантов в Рембертове следил политико-воспитательный отдел, состоявший главным образом из офицеров-евреев. Начальником отдела был заместитель коменданта центра подполковник Мечислав Таубе, его заместителем – майор Шимон Альстер, заместителем начальника курса по политико-воспитательной работе, на котором учился Ярузельский, работал майор Леон Гетц. Офицеры, занимавшиеся политико-воспитательной работой, были убежденными врагами предвоенной Польши и фанатиками нового порядка, что определяло царившую в центре атмосферу. Тем более что от характери-

стик, которые давали офицеры-политработники, зависела будущая военная карьера слушателей. Этот отдел поддерживал тесные служебные контакты с Управлением контрразведки, которое с патологической подозрительностью повсюду искало врагов народа.

Ковальский пишет, что перед курсантами выступали генерал Мариан Спыхальский (с докладом «Концепция борьбы Армии Людовой»), генерал Ежи Бордзиловский («Начальник и подчинённые»), Стефан Енджиховский («Банкротство Лондонского лагеря»)⁴. Также был организован выезд на похороны генерала брони, одного из создателей польской армии на территории СССР Кароля Сверчевского⁵. По словам биографа, Ярузельский активно участвовал в общественной работе, сразу понял «секреты новой политической культуры в её разнообразных формах», быстро усвоил иерархию общественных институтов, в которые следовало вписаться.

В июне 1947 года Ярузельский вступил в Польскую рабочую партию⁶. Это решение он объяснял тем, что был возмущён социальной несправедливостью, царившей в предвоенной Польше. Однако если бы Ярузельский не сделал этот шаг, то наверняка не смог бы достичь высокого положения в армии – таковы были требования того времени. Подобным образом вели себя и другие офицеры, которые впоследствии займут руководящие посты в Войске Польском и будут принимать ключевые решения в 1980-е – 1990-е годы: Флориан Сивицкий, Юзеф Каминский, Тадеуш Шацило, Рудольф Дзипанов и Лонгин Лозовицкий.

Обучение в центре стало главным военным образованием Ярузельского. В общей сложности он посвятил военным наукам 13 месяцев, из которых 4 пришлось на школу для польских военных в Рязани. Сюда же можно отнести годичный курс в Академии Генерального штаба в 1953 году. Однако, с точки зрения начальства, по-

сле Рембертова он уже обладал знаниями, достаточными для того, чтобы преподавать самому. 30 ноября 1947 года Ярузельский был назначен на должность преподавателя тактики, соответствующую званию подполковника (старшими преподавателями в это время были в основном советские офицеры).

Уже в декабре Ярузельский показал себя на новой должности с самой лучшей стороны и получил премию в 3000 злотых за хорошую подготовку материалов учений на курсах командиров дивизий и полков. Ему было доверено руководить собранием младших офицеров, которые проводили суд офицерской чести. Он также входил в состав офицерского клуба и стал вице-председателем комиссии по чтению книг. Тем не менее Ярузельский вёл замкнутый образ жизни и проводил отпуск отдельно от сослуживцев.

Власти Польши нуждались в полностью преданных офицерских кадрах. Господствовавшая советская военная дидактика не терпела дискуссий и интеллектуальной самостоятельности. В целом слушатели перенимали образцы поведения советских военачальников или политработников. Например, рекомендовалось жениться на девушке рабочего или крестьянского происхождения – это давало дополнительные преимущества для карьерного роста. Всё следовало делать в соответствии с постановлениями Сталина. Как отмечают польские историки, эти тенденции особенно усилились после того, как министром национальной обороны Польши стал маршал Советского Союза Константин Рокоссовский.

10 июля 1948 года Ярузельскому было присвоено звание майора. В это время в политических верхах Польши шла острая борьба за власть между Болеславом Берутом⁷ и группой Гомулки⁸. Взгляды Владислава Гомулки на польскую политику или Мариана Спыхальского⁹ на военные вопросы в конце концов были названы преступными. Во

власти в наступление перешли политики, отождествлявшие пользу для Польши и интересы Советского Союза. Те, кто не хотел следовать такому мышлению, отстранялись от власти и удалялись из общественно-политической жизни. Наступил период прославления всего советского. Идеи Сталина становились единственным механизмом, регулирующим деятельность государства и армии. Начиная с первых месяцев 1949 года в военном образовании особый акцент ставится на советском опыте в прошедшей войне. Не могло быть и речи о том, чтобы в своих докладах офицеры ссылались на самостоятельные оперативно-стратегические выводы или на опыт других стран.

Как едко замечает Лех Ковальский, этим тенденциям очень соответствовал Войцех Ярузельский, который, как говорится, пошёл навстречу стремлениям и ожиданиям власти. Уже через полгода после присвоения звания майора он становится подполковником.

Как пишет Ковальский, трудно сказать, что привлекло внимание начальства в Ярузельском и почему молодой преподаватель был переведён в командование сухопутных войск¹⁰. Не исключено, что важную роль в этом могла сыграть инспекция под руководством Ярузельского, которая была проведена в пяти пехотных дивизиях. О результатах этой проверки Ярузельский доложил командиру сухопутными войсками генералу Поплавскому. Основываясь на его докладе, Поплавский издал приказ, весьма критически оценивающий деятельность штабов дивизий по исполнению инструкций на 1948/49 учебный год. В документе говорилось, что штабы дивизий ограничивались исполнением указаний только штабов округов. Приказ Поплавского содержал главным образом критические замечания, в нём не было ни одного позитивного тезиса. По всей видимости, предполагает Ковальский, приказ был подготовлен в том числе на основе негативных оценок, сделанных по итогам инспекции, проведен-

ной Ярузельским. Через два дня после издания приказа Поплавский снял с должности начальника штаба сухопутных войск генерала Франтишека Хермана.

21 февраля Ярузельский был назначен в штаб командования сухопутных войск. Повышение оказалось настолько молниеносным, что соответствующий приказ был издан только в марте 1949 года. «Ярузельский не растерялся и на все сто процентов использовал предоставленные ему 5 минут», – пишет Лех Ковальский.

В апреле 1949 года на пленуме ЦК ПОРП Болеслав Берут заявил, что следует уделять особое внимание вопросам обороноспособности государства, армии и военной промышленности. Разумеется, Берут не сам это придумал, а получил соответствующие указания из Кремля.

Политический перелом 1950-го и 1951 годов принёс Польше очередную волну террора, на сей раз особенно сильно ударившую по армии. В 1950 году военная контрразведка начала аресты по так называемому «заговору командоров». Арестованных офицеров Военно-морского флота под пытками заставляли признаваться в шпионской деятельности. Через два года семерых из тех, кто начал службу еще в довоенной Польше, приговорили к смертной казни. Три приговора привели в исполнение, остальные были заменены на пожизненное заключение.

В июле 1951 года Верховный военный суд начал процесс над девятью членами диверсионно-шпионской организации, которая якобы действовала в Войске Польском. Как писала газета «Трибуна люду», на скамье подсудимых сидели руководители преступной организации, подчинённой разведывательным центрам в Вашингтоне и Лондоне. Среди них были генерал бригады, бывший шеф оперативного отдела Армии Крайовой, а затем заместитель начальника Главного штаба польских войск в Лондоне Станислав Татар, полковник Мариан Утник, полковник Станислав Новицкий, бригадные генералы Франтишек Херман и Ежи

Кирхмайер, генерал дивизии Стефан Моссор, полковник Мариан Юрецкий.

После года, проведенного в тюрьме, и допросов, сопровождавшихся пытками, обвиняемые не только признались следователям во всём, в чём их обвиняли, но и давали показания на других. Организаторы процесса пытались собрать материалы для обвинения Гомулки и его окружения. В частности, одним из свидетелей стал Мариан Спыхальский. На процессе, проходившем с 31 июля по 13 сентября, генералам были предъявлены абсурдные обвинения в подготовке терактов против государственных деятелей. Их также обвиняли в «попытках разорвать связи между Войском Польским и Советской Армией» и в намерении лишить Польшу западных земель. Генералов приговорили к пожизненному заключению, однако позже некоторых из них казнили.

Ярузельский вспоминал, что в 1951 году его вместе с другими офицерами посылали на процесс в качестве зрителей. И в тот момент, по его собственному признанию, происходящее не вызывало сомнений. Обвиняемые были нормально одеты, однако у них был странный цвет лица, который уже тогда показался Ярузельскому подозрительным. В разговорах с Осецким он вспоминал, что этот цвет лица, видимо, свидетельствовал о пытках, через которые они прошли¹¹.

В это время отношения Москвы с Западом было настолько плохими, что Сталин должен был связывать свои надежды на укрепление позиций СССР с мощью армии и государств-вассалов, в том числе ПНР. Интересам Вооруженных сил стали подчиняться все государственные задачи. Требовались также профессиональные военные определённого типа: безоговорочно преданные социализму, генералам и высшим советским руководителям, которых Сталин начал направлять в Польшу. В марте 1949 года Берут лично обратился к Сталину с просьбой командиро-

вать в ряды Войска Польского советских генералов. В Кремле к его просьбе отнеслись с пониманием. 6 ноября 1949 года с должности министра обороны был снят маршал Роля-Жимерский, место которого занял Рокоссовский. За день до назначения Рокоссовскому было присвоено звание маршала Польши. После вступления в должность Рокоссовский вызвал из СССР около 450 генералов и старших офицеров, назначив их на высшие должности в Войске Польском. Выходцы из СССР стали заменять польских офицеров предвоенного периода.

21 февраля 1949 года Поплавский назначает Ярузельского на должность начальника отдела школ и курсов офицеров резерва Управления школ и курсов штаба сухопутных войск. Ему подчинялись две высшие офицерские школы, 12 офицерских школ и 5 военных факультетов в гражданских учебных заведениях.

В это время Ярузельский часто ездил в командировки, в основном с инспекцией. Это позволило ему хорошо изучить ситуацию в армии. Он завязывал полезные знакомства, в том числе с высшими советскими офицерами, служившими в Войске Польском. Повсюду его принимали с большим уважением, поскольку знали, что за ним стоит сам Поплавский. В мае Ярузельский был избран членом Суда офицерской чести офицеров штабов.

Ярузельский докладывал Поплавскому о состоянии классового сознания в офицерских школах. В частности, он проинформировал Поплавского о реакции на назначение Рокоссовского, которое в целом оценивалось как позитивное, «вытекающее из здорового классового подхода». Вопросы подчинённых о том, вернутся ли в Польшу маршалы Василевский и Соколовский, которые, по мнению слушателей, тоже являются поляками, Ярузельский счёл провокационными¹².

С прибытием Рокоссовского началось ещё более яростное насаждение сталинских форм и методов управле-

ния армией. Те, кто воспринимал Вооруженные силы иначе, в категориях национальной армии, вытеснялись. Некоторые офицеры и сами не хотели служить в таких условиях, перед другими открывались широкие перспективы для карьеры.

На второй год службы Рокоссовского в Войске Польском стало очевидно, что польские Вооруженные силы становятся всё больше похожими на Советскую армию: организационная структура принимает идентичное состояние, происходит унификация военной техники, даже военная форма подобна советской. В инструкциях, поступавших сверху, подчёркивалось, что военное образование будет строиться в духе дружбы и союзнической верности в отношении СССР, любви и преданности «вождю прогрессивного человечества» Иосифу Сталину, «братства по оружию» с Советской Армией.

Сталинская практика продолжалась, пока Рокоссовский занимал пост министра обороны ПНР – до ноября 1956 года. Его указания принимались безо всякой критики. В этих условиях в программу политического и общеобразовательного обучения офицерских школ включили произведения Адама Мицкевича, в т.ч. стихотворение «Друзьям-москалям» (в каноническом советском переводе – «К русским друзьям»), популяризирующее контакты с российским революционным движением и дружбу Пушкина и Мицкевича. Исторический роман Сенкевича «Потоп» оценивался как односторонний образ Речи Посполитой в период шведской интервенции и прославления шляхты. В биологии идолами, конечно, были Трофим Лысенко и Иван Мичурин. На основе их работ подвергались критике «реакционные и идеалистические направления в биологии», а также подчёркивались достижения «прогрессивной советской науки». Темы из новейшей истории звучали так: «Генералиссимус Сталин – вождь мира во всём мире, большой друг народной Польши», «Болеслав Берут – Главнокомандующий польски-

ми Вооруженными силами, вождь польского рабочего класса и простого народа». Тема, посвящённая Рокоссовскому, звучала так: «Маршал Польши Константин Рокоссовский – славный герой Великой Отечественной войны Советского Союза, сын рабочей Варшавы»¹³.

Ярузельский очень нравился Поплавскому своим усердием в освоении советской военной науки и уже в ноябре 1954 года был настолько приближён к генералу, что стал влиять на решения об обучении офицерских кадров. В тех случаях, когда ему не хватало аргументов, он использовал выражение, работавшее безотказно: «Достижения передовой советской науки пропагандируются недостаточно»¹⁴. Эта фраза встречается практически в каждом письме и докладе Поплавскому, но всё зависело от того, в какую часть документа она вписывалась – в начало, середину или конец.

В 1954 году Ярузельский вновь повышается в звании и становится полковником во главе комиссии, которая проверяет Военно-политическую академию. Ярузельский лично провёл экзамен и поставил неудовлетворительные оценки, в частности, капитану Ендрущику, который впоследствии стал профессором Польской академии наук. Одна из этих оценок относилась к строевой подготовке.

1955 год был для Ярузельского очень удачным. Он закончил Академию Генерального штаба с отличными оценками. «Советская наука допускала, чтобы шеф надзорной организации учился экстерном в подчинённом ему учебном заведении, и Ярузельский такой возможностью воспользовался», – комментирует Лех Ковальский¹⁵. В архивах сохранился документ за подписью Станислава Поплавского, который в отсутствие маршала Рокоссовского подписал приказ от 9 июля 1955 года «Об окончании полковником Ярузельским обучения в Академии Генерального штаба».

Ковальский пишет, что неизменно ответственный полковник Ярузельский скорее всего действительно обладал зна-

ниями очень хорошего уровня. Тем не менее биограф сомневается в беспристрастности экзаменовавших Ярузельского его подчинённых¹⁶.

14 ноября 1955 года Ярузельский был назначен на должность начальника Управления военных академий, школ и офицерских курсов.

К этому времени его позиции в сухопутных войсках значительно укрепились. В своём письме генералу Поплавскому он писал, что одной из важнейших задач управления является контроль за жизнью и обучением в учебных заведениях Войска Польского. Обращал внимание на необходимость усиления подготовки подхорунжих с акцентом на том, как они проводят свободное время, что читают и чем интересуются, сожалел, что среди военных кадров слабо развито чтение профессиональной военной литературы, в т.ч. таких изданий, как «Военная мысль», «Красная Звезда» и «Жолнеж Вольности» (печатный орган Министерства обороны ПНР).

Новый шеф Управления военных академий внимательно следил за всем, что происходило в советском военном образовании. При этом в результате нового политического курса Хрущева в советских военных училищах уменьшилось число часов политического образования: с 500 до 370. Ярузельский по согласованию с Главным политуправлением решил снизить часы политучёбы до 400 часов. Кроме того, в это время подразделения Советской Армии постоянно проводили учения и находились на полигонах, как правило, в поле. Ярузельский также рекомендовал подчинённым училищам и академиям дважды в год проводить учения на полигонах и продлил срок практики до трёх месяцев. По мнению Леха Ковальского, это было правильное решение с военной точки зрения.¹⁷

Полковник Ярузельский был соавтором программы военного и марксистско-ленинского образования в сухопутных войсках, подчиненных генералу Станиславу Поплавскому.

Утверждённая Поплавским программа действовала с января по сентябрь 1956 года, а Ярузельский стал руководителем обучения корпусной группы, насчитывавшей 18 офицеров. По указанию Поплавского он направлял представителей Академии Генерального штаба на курсы по техническим основам противоатомной обороны, организовал научно-техническую конференцию, на которой слушатели и преподаватели знакомились с устройством атомной и водородной бомб и способами обеспечения безопасности от воздействия атомного оружия. Мода на обучение ликвидации последствий применения ядерного оружия также шла из СССР. Как считает Лех Ковальский, такого рода обучение, рассчитанное на внешний эффект, не способствовало подлинному пониманию солдатами и офицерами угрозы, исходящей от ядерного оружия¹⁸.

Во второй половине 1956 года Ярузельский при полной поддержке Поплавского вывел из состава Центральной квалификационной комиссии при Польской академии наук представителей Вооруженных сил, среди которых были советские генералы Михаил Арефьев, Василий Говядкин и полковник Ежи Терехов, и заменил их более подходящими.

Ковальский затрудняется сказать, как вёл себя Ярузельский в июне 1956 года во время подавления рабочих протестов в Познани и в октябре во время броска советских танковых войск на Варшаву¹⁹. В архивах не сохранилось никаких следов документов на эту тему. Однако хорошо известно, что наставник Ярузельского генерал Поплавский принял участие в подавлении Познанского протеста. В октябре Ярузельский получает своё первое генеральское звание. А спустя полгода, 7 марта 1957 года, он становится заместителем начальника Главного управления боевой подготовки.

В интервью Терезе Тораньской Ярузельский рассказывал, что должен был стать генералом на год раньше. Однако что-то в его документах вызвало такое подозре-

ние, что пришлось кого-то отправить в родовое поместье Тшечины проверить биографию родителей: были ли они землевладельцами.

На церемонии присвоения генеральского звания в Бельведерском дворце присутствовали Эдвард Охаб – тогдашний Первый секретарь ЦК ПОРП и маршал Константин Рокоссовский. За несколько дней до этого Ярузельскому были специально сшиты два мундира: повседневный и парадный, который состоял из белого кителя, подпоясанного серебристым ремнём, и синих брюк с красными лампасами²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kowalski Lech. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012. – S. 183.

² *Toranska Teresa. Byli.* – Warszawa: Swiat Ksiazki, 2006. – S. 35.

³ *Ibid.* – S. 186.

⁴ *Ibid.*

⁵ Во времена ПНР Кароль Сверчевский считался одним из национальных героев Польши, был участником Гражданской войны в Испании. Убит украинскими националистами в 1947 году. В ПНР его именем были названы многие улицы и поставлено много памятников. Сейчас они сносятся и переименовываются в рамках декоммунизации.

⁶ Польская рабочая партия, или ППР (*Polska Partia Robotnicza*,) – коммунистическая партия, которая была создана в январе 1942 года и заняла нишу Коммунистической партии Польши (КПП была распущена решением Коминтерна в 1938 году, а её руководители репрессированы). В декабре 1948 года Польская рабочая партия и Польская партия социалистов объединились в Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП), правившую страной до 1989 года.

⁷ Болеслав Берут (1892–1956) – первый секретарь сначала ЦК ППР, затем ЦК ПОРП (1948–1956), первый президент Польской Народной Республики (1947–1952), председатель Совета министров ПНР (1952–1954). Последовательный сталинист, сыгравший решающую роль в установлении в Польше просоветского режима.

⁸ Владислав Гомулка (1905–1982) – генеральный секретарь ППР в 1943–1948 годах (предшественник Берута на этом посту). Отстаивал идею польского пути к социализму. В сентябре 1948 года обвинён в правонационалистическом уклоне и снят с поста генерального секретаря ППР. Арестован в 1954 году. После освобождения и реабилитации избран первым секретарем ЦК ПОРП (1956–1970).

⁹ Мариан Спыхальский (1906–1980) – маршал Польши, один из создателей Армии Людовой, член ЦК и Политбюро ПОРП. В ноябре 1949 года за националистический уклон и неподчинение линии партии выведен из состава Политбюро и отправлен во Вроцлав. В мае 1950 года арестован. Во время следствия признался в шпионаже в пользу Великобритании и других «преступлениях». Реабилитирован после смерти Берута в 1956 году. Был министром обороны (1956–1968) и председателем Госсовета ПНР (1968–1970).

¹⁰ *Kowalski Lech. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012. – S. 198.

¹¹ *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 168.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. – S. 216.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. – S. 223.

¹⁶ Ibid. – S. 223.

¹⁷ Ibid. – S. 225.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Познанские протесты (1956) – несколько крупных выступлений рабочих в Познани, сопровождавшихся беспорядками, раз-

громом здания городского комитета ПОРП, штурмом тюрьмы и т.п. Во время событий погибли, по разным оценкам, от 50 до 70 человек. Проходили в контексте ожесточённой борьбы между соратниками Берута и группой Гомулки за освободившееся в результате загадочной смерти Берута место первого секретаря ЦК ПОРП. Накануне решающего VIII пленума ЦК ПОРП в Польшу прилетел Хрущев, а в ночь на 19 октября на Варшаву двинулись части размещённой в ПНР Северной группы войск и – по приказу Рокоссовского – моторизованные части Польской народной армии. Группу Гомулки поддержал Корпус внутренней безопасности под командованием генерала Вацлава Комара. Однако, несмотря на демонстративное бряцание оружием, Гомулка был утверждён первым секретарем ЦК.

²⁰ *Toranska Teresa. Byli. – Warszawa: Swiat Ksiazki, 2006. – S. 40.*

ЩЕЦИН: НАЧАЛО КАРЬЕРНОГО РОСТА

Восхождение Ярузельского на вершину военной и государственной власти началось в Щецине, приморском городе на Северо-Западе Польши, где размещалась база Военно-морского флота СССР. Щецин, который Польша получила по итогам Второй мировой войны, находился на границе с ГДР и раньше принадлежал Германии под названием Штеттин.

Как пишет Ян Осецкий, дивизия, которую принял Ярузельский, считалась едва ли не самой худшей в Войске Польском. Однако он быстро поднял её на такой уровень, что тогдашний министр обороны Мариан Спыхальский дал ей самую высокую оценку. (Стоит отметить, что сам Спыхальский был не профессиональным военным, а архитектором. При этом в 1963 году он стал последним, кому было присвоено звание маршала Польши.)

Как и многие поляки, стремившиеся сделать карьеру в ПНР, Ярузельский хотел попасть на учёбу в Москву. Несколько раз он подавал рапорты о зачислении в Академию Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова, где готовили не только советских офицеров, но и руководящий состав войск союзнических армий. Первое заявление с просьбой послать его в московскую академию Ярузельский написал в 1954 году. Как пишет Осецкий, «лица, принимавшие решения, не видели проблемы в том, чтобы отправить Ярузельского учиться в Москву. В очередной раз провери-

ли его биографию, получив заявление, и сотрудник управления кадров наложил резолюцию: «Компрометирующих материалов не обнаружено»¹.

Однако просьбу отклонил тогдашний министр обороны ПНР Константин Рокоссовский. Официальное объяснение: Ярузельского нечем заменить в случае отъезда. Но и на следующее заявление ответил отказом новый министр обороны Мариан Спыхальский, который решил, что Ярузельский уже «обладает необходимыми знаниями, позволяющими ему с успехом исполнять текущие служебные обязанности без дополнительного обучения»². К тому же министр считал, что у кандидата прежде всего нет достаточной для командования практики.

В начале 1957 года Ярузельскому объявили о грядущем назначении на службу в армию. По словам Осецкого, в тот момент Ярузельский даже не мог представить, сколь важным в его карьере окажется командование дивизией в Щецине. Как вспоминал сам Ярузельский, в то время он обладал достаточными теоретическими знаниями по военной тактике, но, хотя и проводил много времени на полигонах, не имел возможности проверить эти знания на практике. «Я чувствовал, что с точки зрения теории гораздо лучше подготовлен для командования подразделением, чем многие из моих ровесников, которые сразу попали в войска»³, – говорил генерал.

Ярузельскому предложили на выбор 4-ю или 12-ю дивизию. 4-я дивизия находилась в Кросно-Оджаньске (бывший немецкий Кроссен-на-Одере), а 12-я в Щецине. Несмотря на то что это подразделение считалось самым худшим в Вооруженных силах, Ярузельский выбрал Щецин, где было больше возможностей, где можно было ходить в театры и музеи, и впоследствии с большой теплотой вспоминал этот период. Командование дивизией он принял 12 октября 1957 года.

Плохая репутация его новых подчинённых как мало дисциплинированных и нерадивых оказалась совершен-

но заслуженной. Офицеры не проявляли никакой инициативы во время обучения и особо не стремились повышать свою военную квалификацию. Новый командир дивизии начал с реорганизации тактических, огневых, артиллерийских, инженерно-саперных учений и учений связи и всё равно во время первой проверки готовности получил низкие оценки. Вторая проверка состоялась через семь месяцев после назначения Ярузельского. На этот раз комиссия решила, что задачи, поставленные в приказе министра обороны на текущий год, полностью выполнены. И всё же инспекторы отметили низкий уровень политической подготовки офицеров и слишком терпимый подход к прогульщикам политзанятий.

Зато проверка констатировала изменение «внутренней эстетики в казармах» 12-й дивизии. Да и местные газеты в то время писали, что казарменные помещения преобразились буквально на глазах. Например, в газете «Курьер Щечинский» 7 мая 1959 года вышла статья с такими словами: *«В солдатских спальнях помимо образцово застеленных кроватей нет рюкзаков и сменной одежды. На полу лежит вычищенный ковёр, а на окнах висят чистые занавески. На стенах горшки с цветами и репродукции картин знаменитых художников. Специальные швейные и сапожные уголки, утюги, щётки. Столики, лампа с абажуром и приборы для маникюра. Всем, кто знает серую казарменную жизнь, трудно в это поверить. Тем не менее мы видели солдатские клубы с телевизорами, бильярдные залы, залы для настольного тенниса и даже комнату с аквариумом для любителей золотых рыбок. Естественно, экскурсоводом по казармам для журналистов выступил сам командир дивизии, который не только заботился о солдатах, но умел показать прессе, что называется, товар лицом»⁴.*

В ноябре 1958 года началась реорганизация 12-й дивизии из пехотной в механизированную. Командующий Поморским военным округом 20 декабря 1958 года от-

мечал, что генерал Ярузельский, «несмотря на отсутствие командирской практики, достиг положительных результатов и свои обязанности исполняет очень хорошо. Служебные обязанности исполняет с большим запалом, а отсутствие командирской практики ликвидирует за счёт трудолюбия и систематичности. Умело и радикально реагирует на все замечания подчинённых и командиров, внедряет их в жизнь и, что самое главное, проявляет при этом много личной инициативы»⁵. «Гражданин генерал Ярузельский видит и понимает недостатки в хозяйстве дивизии, а также в дисциплине и предпринимает решительные шаги для их ликвидации», – писал далее командующий округом.

По словам Осецкого, в это время Ярузельский становится всё более заметной политической фигурой. В марте 1959 года на партийной конференции Поморского военного округа он избран делегатом III съезда ПОРП. В мае дивизию посещает делегация Народно-освободительной армии Китая. Гостями из Поднебесной подготовили для показа три полка, и при этом полякам удалось произвести впечатление.

После визита китайской делегации в Щецин приезжает министр обороны ПНР Мариан Спыхальский. Во время заседания военного совета дивизии с участием министра Ярузельский жалуется на подчинённых. «Недостаточно интересуются политической жизнью и чтением»⁶, – говорит генерал и предлагает открыть средние офицерские военные школы, которые позволили бы улучшить подготовку кадров. Ярузельский даже не предполагал, что это предложение сыграет важную роль в его военной и политической карьере: Мариан Спыхальский принимает к сведению предложение комдива.

В июне 1959 года в Щецине начинается так называемый Праздник моря, который продолжается семь дней. На него приезжают первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка

и премьер-министр Юзеф Циранкевич. Во время праздника прошёл военный парад, в котором не только приняли участие подразделения Военно-морского флота, но и торжественным маршем прошли подразделения 12-й механизированной дивизии.

В это время Ярузельский впервые получил возможность встретиться с представителями высшего советского руководства. В связи с празднованием 15-й годовщины образования ПНР 22 июля 1959 года поездку по Польше совершает Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев. 17 июля, накануне торжеств в Варшаве, советский лидер прибывает в Щецин. Среди прочих на встрече с Хрущевым присутствует начальник Щецинского гарнизона генерал Ярузельский. Впоследствии в интервью польской журналистке Терезе Тораньской Ярузельский вспоминал, что ничего особенного в этой встрече не было. Знакомство с советским руководителем закончилось рукопожатием. «Ладонь была теплой и пухлой», – сообщил генерал в интервью 2004 года⁷.

Примерно в это же время комдив снова пишет заявление на учебу в Москву. Однако в середине 1960 года его неожиданно вызывают в Варшаву к министру обороны. По воспоминаниям самого Ярузельского, «подсознательно он рассчитывал на продвижение по службе, поскольку 12-я дивизия показывала высокие результаты». Генерал надеялся, что министр предложит ему должность начальника управления в Генштабе или начальника штаба в одном из военных округов. Неожиданно для Ярузельского ему предлагают пост начальника Главного политуправления Войска Польского.

Предшественник Ярузельского на этом посту генерал Януш Зажицкий впал в немилость у Первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки – по всей видимости, из-за своих аполитичных гражданских привычек. Широко было известно, что Зажицкий вместо форменных ботинок надевает

к мундиру мягкие мокасины. Но даже не это было главной претензией: генерала обвиняли в ослаблении идеологической работы в Вооруженных силах.

Кандидата на должность начальника ГлавПУРа искали долго. Начальник управления кадров привёз министру целую кипу папок с личными делами, и после внимательного изучения выбор пал на Ярузельского, который, по всеобщему мнению, явно отличался от всех остальных. Кандидатура Ярузельского в первый момент вызвала возражение Гомулки, поскольку он мало что знал об этом генерале. Однако товарища Веслава убедили два влиятельных и близких ему человека: замминистра внутренних дел, лидер влиятельной фракции в ПОРП Мечислав Мочар и начальник управления Генерального штаба генерал Гжегож Корчинский. Сам Ярузельский вспоминал, что предложение не умещалось у него в голове: он считал себя совершенно не подготовленным для такой работы. Разговор с министром был долгим и тяжёлым, вспоминал Ярузельский. Министр внимательно выслушал подчинённого и напомнил ему, что тот с отличием окончил вечерний Университет марксизма-ленинизма и прекрасно подходит для такой должности.

Спыхальский долго уговаривал генерала, и, как рассказывал Ярузельский, «к счастью, это были уже не те времена, когда министр диктовал: «Решение принято. Вам надо стать по стойке смирно и выполнить приказ». Ещё пять лет назад я мог быть назначен командующим ракетными войсками или саперами и ничего бы не мог возразить. Когда мы прощались, Спыхальский попросил ещё раз обдумать предложение»⁸, – вспоминал Ярузельский.

Перед возвращением в Щецин генерал написал письмо Спыхальскому и попросил одного офицера из ближнего круга министра передать ему лично в руки. В письме говорилось, что руководство ГлавПУРОм превышает его возможности и силы, а с другой стороны, может вызвать

сопротивление некоторых представителей партийного руководства: «В такой ситуации моё согласие принять эту должности могло бы стать проявлением недоверия к другим сотрудникам ГлавПУРа»⁹. Ярузельский высказывался в том ключе, что, мол, у него не будет поддержки со стороны сотрудников управления, а в сочетании с отсутствием достаточного опыта политработы может привести к обвинению в несоответствии занимаемой должности.

Ответ на письмо обескуражил Ярузельского и оказался совсем не таким, как он ожидал. В кабинете командира 12-й дивизии раздался телефонный звонок от заместителя министра обороны Зигмунда Душинского, который предложил срочно встретиться. Поскольку Щецин расположен довольно далеко от Варшавы, замминистра назначил встречу на полпути – на полигоне под Познанью. Душинский приехал вместе с начальником управления кадров министерства обороны. Два генерала сразу взяли быка за рога и сообщили Ярузельскому, что начальника ГлавПУРа всё равно придётся менять и поэтому нужно сделать всё, чтобы на его место не пришел какой-нибудь сталинист.

«Они горячо убеждали меня принять предложение Спыхальского и уже тогда рассматривали меня в качестве меньшего зла. Так уж, видно, звёзды на мне сошлись»,¹⁰ – сетовал Ярузельский в беседе с Яном Осецким. Генералы из Варшавы убеждали Ярузельского в том, что назначение будет временным и что после года службы он сможет поехать учиться в Москву. Вскоре, 1 июня 1960 года, Ярузельский стал начальником ГлавПУРа Войска Польского.

Впоследствии Ярузельский так вспоминал о судьбе своего письма министру. Поскольку документ прошёл не по служебным каналам и ни в каких личных делах его не было, генерал опасался, что письмо может стать достоянием гласности и выставить его в невыгодном свете. В 1990-е годы, уже после отставки, Ярузельскому позвонил новый начальник секретариата министра обороны некоммуни-

стического правительства, где должность министра обороны занимал Януш Оньшкевич. Он сообщил, что письмо найдено в хранилище списанной мебели, в столе, который некогда принадлежал Спыхальскому. Министр явно засунул его подальше в ящик и больше к нему не возвращался.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Osiecki Jan*. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim. – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 186.

² *Ibid.* – S. 187.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* – S. 189.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Toranska Teresa*. Byli. – Warszawa: Swiat Ksiazki, 2006. – S. 17.

⁸ *Osiecki Jan*. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim. – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 194.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.* – S. 196.

ВО ГЛАВЕ ГЛАВНОГО ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ И ГЕНШТАБА

Назначение на должность начальника Главного политического управления Войска Польского (ГлавПУРа) стало для Ярузельского началом карьерного взлёта не только в армии, но также в партии и правительстве. Как остроумно заметил биограф Ян Осецкий, «развязался мешок с повышениями и назначениями». Ярузельский вошёл в узкий круг людей, имевших реальное влияние на Вооруженные силы и государство.

К тому времени, когда он заступил на пост начальника ГлавПУРа, от оттепели, начавшейся с приходом к власти Владислава Гомулки, остались лишь лёгкие воспоминания. Товарищ Веслав (как звали Гомулку однопартийцы) довольно быстро отказался от попыток либерализовать систему. Разворот в обратную сторону начался вскоре после октября 1956 года, а подавление случившегося чуть позже Венгерского восстания показало, что власти СССР не допустят серьёзных перемен внутри советского блока.

В Польше окончание так называемых «октябрьских надежд» было связано с закрытием в 1957 году еженедельника «По просту» («*Po prostu*») – журнала, который, по сути, способствовал взлёту Гомулки на вершину партийной власти. Протесты, начавшиеся в Варшаве из-за ликвидации влиятельного общественно-политического издания, подавила милиция.

Сигнал к полной смене курса пришёл из Москвы после перемен в Кремле 1958 года, когда главу правительства Николая Булганина отправили в отставку и вывели из ЦК КПСС. Председателем Совета Министров стал первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев, который отказался от своего провозглашённого ранее принципа коллегиальности власти и полностью сосредоточил её в своих руках. В странах-сателлитах было принято к сведению, что начатая после смерти Сталина либерализация системы заканчивается. Вскоре после этого, ночью с 15 на 16 июня 1958 года, в Венгрии после тайного суда был осуждён и расстрелян премьер-министр Имре Надь, руководивший страной во время восстания 1956 года. Смерть Надя и его соратников была для Гомулки ясным указанием на то, что следует вернуться к жёсткому курсу.

Начало польского похолодания ознаменовалось наступлением на Римско-католическую церковь. Когда епископы начали готовиться к празднованию тысячелетия крещения Польши, власти объявили о подготовке к празднованию тысячелетия Польского государства¹. Но даже такое мирное соперничество вскоре закончилось. В июле 1958 года вооруженный отряд милиции вторгся в помещение Института Примаса в Ясной Горе в Ченстохове². Верующих не просто побили, но и конфисковали у них законно изданные книги. Затем началась кампания против настенных крестов в школах, а в 1959 году церковь обложили новыми налогами.

Очередным этапом стала перестановка в руководстве ПОРП, где усилились позиции людей, отстранённых до 1956 года.

Вооруженные силы ПНР по советскому образцу были полностью подчинены Польской объединенной рабочей партии, поэтому офицеры-политработники занимали важную позицию в военных структурах. Без их согласия командиры не могли повесить своих подчинённых в звании или

должности. В беседах с Осецким Ярузельский вспоминал, что министр обороны потребовал от него навести порядок в политическом аппарате, укрепить дисциплину и исполнять указания партии. Ярузельский признавался, что делал это с излишней старательностью, хотя, по его оценке, Спыхальский не был таким догматиком, как Гомулка.

Должность начальника ГлавПУРа дала Ярузельскому огромную власть. Он стал членом Военного совета Министерства обороны, в состав которого входили представители различных родов войск и военных округов. Также он получил влияние на военную контрразведку, и ему на стол ложились доклады о политических настроениях среди личного состава. В беседах с Осецким генерал вспоминал, что он не испытывал никакого нажима со стороны секретарей ЦК, признавая при этом, что в то время он был гораздо ближе к партийным догматикам, чем к так называемым ревизионистам. Как он сам, так и люди из его окружения не поддавались влиянию ни со стороны партийной оппозиции, ни со стороны польских интеллектуалов.

13 июля 1960 года Ярузельскому было присвоено следующее генеральское звание – генерал дивизии. Вскоре после этого, в августе, Ярузельский едет на Олимпийские игры в Риме в составе группы офицеров-болельщиков. Это была первая в его жизни поездка в западную страну. Как отмечает Осецкий, увиденное в Италии парадоксальным образом и очень сильно повлияло на его политические взгляды. Польские спортсмены добились неплохих результатов. Но было нечто другое, что произвело на генерала наибольшее впечатление: он признавался, что во время Олимпиады утвердился в своём мнении о превосходстве социализма над капитализмом.

Зрелище беднейших районов Неаполя стало для него открытием или, скорее, подтверждением ранее имевшейся информации. «Всё, что я слышал или читал о капитализме, эксплуатации человека человеком, нищенских условиях жиз-

ни рабочего класса в странах Запада, оказалось правдой»³, – говорил он. Вид обшарпанных домов, детей- Попрошайек, с протянутыми руками кружившихся вокруг польской делегации, стали для него доказательством превосходства социалистического строя. «Понадобилось много лет и много заграничных поездок, чтобы осознать всю сложность этой проблемы»⁴, – признавался Ярузельский.

В то время ему подчинялась киностудия Войска Польского, где снимались фильмы о революционной борьбе и о дружбе с Советским Союзом. Например, в 1964 году вышел фильм «Люди с винтовками», представлявший Советскую армию «от момента её создания до наших дней» (до Гагарина и других космонавтов). Главное управление Войска Польского также организовывало обучение военных, в том числе высокопоставленных офицеров. Экономист Збигнев Левандович рассказывал, как его пригласили прочитать лекцию об экономике Советского Союза. Одно из занятий посетил близкий сотрудник Гомулки Рышард Стшелецкий. Как вспоминает Левандович, во время его выступления царил полная тишина, а ученики сидели с отсутствующим выражением лиц. В перерыве к Левандовичу подошёл генерал Ярузельский, протянул ему десять пустых карточек и «попросил написать на каждой карточке какой-нибудь один вопрос по теме доклада». Профессор всё написал, не до конца понимая, зачем это нужно. Тайна открылась после перерыва: вокруг доклада «разгорелась» дискуссия, которая заключалась в чтении вслух вопросов с карточек – генералы даже не могли их запомнить. Ярузельский же хотел показать присутствовавшему в зале партийному работнику, что тема живо интересует военных⁵.

В апреле 1961 года Ярузельский был избран в Сейм от Щецина и оставался депутатом парламента до 1989 года: сначала от Щецина, позднее от Вроцлава. В июне 1962 года, в возрасте 39 лет, он стал заместителем министра обороны. В 1964 году во время IV съезда ПОРП был избран в состав ЦК.

Летом 1964 года в Советском Союзе начал готовиться дворцовый переворот против Никиты Хрущева. Свой план заговорщики осуществили 14 октября 1964 года, когда Хрущева на должности первого секретаря ЦК сменил Брежнев.

Гомулка решил использовать перемены в СССР для кадровых перестановок в Вооруженных силах Польши и отодвинуть на второй план начальника Генерального штаба генерала Ежи Бордзиловского⁶, который одновременно был генералом Советской Армии и, как многие этнические поляки, прибыл в Войско Польское из СССР вместе с Рокоссовским. Польские авторы называют его «русским польского происхождения» и одним из тех последних близких сослуживцев «маршала двух народов», которые сохранили свои высокие посты в ПНР и после возвращения Рокоссовского в Советский Союз.

Бордзиловский прославился тем, что в июне 1956 года приказал коменданту Танковой школы в Познани использовать оружие против протестующих рабочих, назвав их провокаторами. Как деятель ПОРП, в 1950-е годы он был связан с партийными консерваторами. По воспоминаниям современников, отстранение от должности стало для Бордзиловского большой неожиданностью: он находился в отпуске, его вызвали в Варшаву настолько внезапно, как будто завтра должна была начаться война. Как вспоминал генерал Тадеуш Пюро, Бордзиловского проинформировали о перемещении с поста начальника Генштаба на менее важную должность. В Москве восприняли это спокойно и приняли предложенную кандидатуру Ярузельского без возражений. Отстранённый генерал Ежи Бордзиловский, которого в Советском Союзе называли «Юрий Вячеславович», став главным инспектором боевой подготовки и одновременно заместителем министра национальной обороны, занимая эту должность еще три года, пока в 1968 году не вернулся в СССР.

Лех Ковальский приводит в своей книге любопытный документ, который он называет карикатурной формой туристического обмена между министерствами обороны СССР и Польши (польское ведомство находилось под патронажем Ярузельского). Начальник отдела военных атташе Генштаба Войска Польского 12 июня 1963 года докладывает начальнику одного из отделов ГлавПУРа о приезде в Польшу на отдых советских маршалов: «В соответствии с докладом начальника иностранного отдела Минобороны СССР генерал-майора Маслова в Польшу должны приехать: 1) маршал Судец В. А. с женой и ребёнком на две недели, 2) маршал Захаров М. В. с женой на один месяц. Затем Маслов пишет, что маршал Малиновский приехать не сможет, поскольку в октябре прибудет уже с официальным визитом, а маршал Крылов вместо летнего отдыха предпочитает осеннюю охоту в польских лесах». В конце письма говорится, что некоторые другие советские военачальники, получившие приглашения в Польшу, также не смогут ими воспользоваться, поскольку приняли приглашение других братских армий: «Если вас интересует, то товарищ Епишев А. А. ранее уже обещал поехать в отпуск в Болгарию»⁷.

В 1965 году Ярузельский отправляется в составе делегации в Москву на празднование 20-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. На банкете в Георгиевском зале Кремля собралось много маршалов и генералов. Неожиданно к группе польских гостей подвели Маршала Советского Союза Климента Ворошилова. «Тогда мы, конечно, не знали, что он был одним из тех, кто подписал документ о расстреле польских офицеров в Катыни. Когда старичок подошёл совсем близко, кто-то из сопровождавших сказал ему: «А это польская делегация». У Ворошилова был такой взгляд, будто он не очень хорошо понимает происходящее, но пытается реагировать. Внезапно маршал произнёс: «А, поляки?», на какое-то мгновение замолчал, а затем продекламировал молитву на польском языке «Здроваш Марио,

ласки пелна»⁸. Стоявшие рядом русские не могли понять, что пробормотал 84-летний бывший соратник Сталина. Поляки же не поверили собственным ушам. Ярузельский вспоминал, что, оставшись одни, члены польской делегации начали выяснять, откуда Ворошилов знает эту молитву. Кто-то вспомнил, что маршал родом с Украины, где его соседями были поляки. Скорее всего, на Ворошилова нахлынули воспоминания молодости, и он стал читать молитву, не очень понимая смысл своих слов⁹.

Биограф Ярузельского Лех Ковальский пишет, что, вступив в должность начальника Генерального штаба, он появился в Москве ещё раньше, в конце апреля 1965 года, для представления руководству Вооруженных сил СССР. Ярузельского встретили тепло, поскольку, как считает Ковальский, решение о его назначении было принято и одобрено Москвой. В мае он побывал во Львове на учениях Прикарпатского военного округа – вместе со Спыхальским, Ежи Урбановичем и Бордзиловским, а также другими высокопоставленными генералами и офицерами Войска Польского. Гостям из Польши продемонстрировали новую автоматизированную систему управления войсками. Как считает Ковальский, приглашение делегации означало, что поляки должны вводить у себя аналогичные системы управления – по образу и подобию Советской Армии. Однако, отмечает биограф, это не означало повышения динамики обмена информацией, что подтвердила интервенция в Чехословакию в августе 1968 года.

В январе 1966 года началась работа над проектом соглашения Министерства обороны и Министерства внутренних дел о взаимной координации действий, так как в 1965 году внутренние войска вошли в состав Министерства обороны. Была создана комиссия для разработки проекта соглашения в сфере безопасности и поддержания общественного порядка. «Таким образом, как начальник Генштаба Ярузельский вникал в проблематику принятия совмест-

ных решений двух министерств», – пишет Ковальский¹⁰. Сотрудничество двух ведомств в полной мере проявилось в марте 1968 года и в декабре 1970-го при подавлении беспорядков. Эти качества и знание механизмов функционирования двух министерств пригодились Ярузельскому во время подготовки военного положения.

В 1966 году, когда умерла мать Ярузельского, генерал оказался перед драматичным выбором и в каком-то смысле стал заложником собственной антирелигиозной деятельности во времена руководства ГлавПУРОм. Мать Ярузельского Ванда была человеком верующим, и похороны, организованные сестрой Войцеха Терезой, выпускницей Люблинского католического университета, проходили по католическому обряду. «Однако в то время невозможно было представить, чтобы военный, особенно столь высокого уровня, появился на богослужении», – пишет Ян Осецкий¹¹. Ярузельский прекрасно отдавал себе в этом отчёт, тем более что в бытность начальником ГлавПУРа он получал доклады о присутствии высших офицеров и членов их семей на церковных службах. Формально такое участие не было запрещено, но могло повлиять, и очень часто влияло, на продвижение по службе. Например, была хорошо известна история командующего Поморским военным округом генерала Зигмунда Хушча, который в 1961 году участвовал в католических похоронах своего отца, хотя и шёл в стороне и в гражданской одежде. На следующий день его начальству доложили о «религиозной манифестации генерала», после чего этот вопрос вынесли на Политбюро ЦК ПОРП. Дело закончилось партийным выговором.

Перед отъездом на похороны в Люблин Ярузельский встретился с министром обороны маршалом Марианом Спыхальским и сообщил, куда и зачем едет. Маршал не высказал одобрения, но и не запретил Ярузельскому ехать, сказав лишь, что это его личное дело. В конце концов Ярузельский приехал на похороны в гражданской одежде, однако в костёл не вошёл.

Ярузельский вспоминал, что принял участие в отпевании на кладбище, где три ксёндза читали молитвы. Впоследствии он жалел о своём решении и говорил, что подвергся нажиму и исходил из принципов, которые в то время в армии были обязательными. Он также опасался, что, если переступит порог костёла, это будет нелояльно по отношению к Спыхальскому. Позднее, оглядываясь в прошлое, Ярузельский признавал, что бессмысленное соперничество с Римско-католической церковью было одной из самых больших ошибок ПОРП, вытекающей из советской модели взаимоотношений церкви и государства, которой польские коммунисты следовали в большинстве случаев безоговорочно.

В конце 1966 года Ярузельский командует в Москву для консультаций группу офицеров из отдела военной цензуры нормативно-административного управления Генерального штаба, которую возглавил начальник отдела полковник Станислав Ксёндзкевич. В СССР их принимал генерал-лейтенант Бодриев – начальник Управления военной цензуры Генерального штаба Вооружённых сил СССР. Речь шла прежде всего о том, какую информацию о Вооружённых силах СССР можно распространять в Войске Польском. В частности, с советской стороны было указано, что из дивизий можно упоминать вместе с названиями только 7 оперативно-тактических соединений, в том числе Таманскую и Кантемировскую дивизии. Также было определено, имена каких советских военачальников могут называться в польской прессе в течение года: на один военный округ 5 имен командиров полков, 3 фамилии командиров батальонов и 10 фамилий ротных командиров. Ярузельский признавал, что в Войске Польском цензура была куда более мягкой¹².

В отношении Северной группы дислоцировавшихся в Польше войск СССР можно было называть только данные, ранее уже опубликованные в советской прессе. В этой связи

разрешалось упоминать только один советский гарнизон в ПНР, располагавшийся в Легнице. Однако у Ярузельского было иное мнение: нужно шире пропагандировать присутствие советских войск в Польше и чаще об этом писать. Он считал, что граждане должны знать о том, что воины Советской Армии приносят большую пользу польскому обществу, особенно во время пожаров и наводнений. Однако эта идея не встретила понимания у советского руководства. Дело дошло до вмешательства Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами стран – участниц Варшавского Договора Маршала Советского Союза Ивана Якубовского. Похвалив Ярузельского за то, что в польской прессе не появляется информация о пребывании Северной группы войск, он дал понять, что так должно оставаться и впредь. При этом Якубовский положительно оценил то, что польская сторона придерживается принятых решений о сохранении военной тайны. Ярузельский проинформировал маршала, что эти требования будут соблюдаться и дальше. Именно такой ответ хотела услышать Москва.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тысячелетие крещения Польши отмечалось в 1966 году, но уже в 1957-м, в частности, началась т.н. Великая новенна – 9-летний период поста и молитв (обычно новенна продолжается 7–9 дней). О начале молитв объявил примас (архиепископ) Польши Стефан Вышиньский, который во время гонений на церковь в 1950-е годы находился под домашним арестом, а в 1980-е стал посредником между властью и «Солидарностью».

² Ченстохова (Częstochowa) – город и главное место паломничества в Польше. Здесь в одном из старейших польских католических монастырей Ясна Гора находится святыня католического мира – чудотворная Ченстоховская икона Божией Матери.

³ *Osiecki Jan*. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.– Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.– S. 200.

⁴ *Ibid.*– S. 200.

⁵ *Osiecki Jan*. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.– Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.– S. 202–203.

⁶ Бордзиловский Юрий Вячеславович (16 ноября 1900 года– 5 апреля 1983 года)– советский и польский военный деятель, генерал-полковник инженерных войск (1954).

⁷ Цит. по: *Kowalski Lech*. General ze Skaza. (Kontakty Zagraniczne, GZP, Kierownictwo, Archiwum IC MON, sygn. 380/92/658 – T. 34.) – S. 279.

⁸ Zdrowaś Maryjo, łaski pełna – «Ангельское приветствие», то же, что в православии на церковнославянском «Богородице Дево, радуйся» и в католицизме на латинском «Ave Maria».

⁹ *Osiecki Jan*. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.– Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.– S. 207.

¹⁰ *Kowalski Lech*. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.– Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012.– S. 341.

¹¹ *Osiecki Jan*. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.– Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.– S. 207.

¹² *Kowalski Lech*. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.– Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012.– S. 345.

ЗА ШАГ ДО ПОСТА МИНИСТРА

Вплоть до кризиса декабря 1970 года Ярузельский не участвовал в спорах внутри Польской объединенной рабочей партии. Впоследствии генерал неоднократно подчеркивал, что, как бы парадоксально это ни звучало, он не стремился заниматься политикой. Его интересовали исключительно военные вопросы, но при этом он совершенно не планировал и становиться государственным деятелем общепольского масштаба, которому будет доверено руководить Вооруженными силами. Однако день, когда он стал полноценным политиком, неумолимо приближался.

Считалось, что Ярузельский был связан с группой так называемых «партизан» Мечислава Мочара¹. Со второй половины 1960-х годов догматики, которых называли «партизанами», задавали тон в польском руководстве. В оппозиции к ним находились так называемые «ревизионисты» – группа партийных и беспартийных, стремящаяся к переменам в аппарате и во всей системе управления страной. Из «ревизионистов» со временем вышли лидеры оппозиции и трансформации 1989 года.

Название «партизаны» происходило из военного прошлого членов этой неформальной фракции, начинавших свою карьеру в Гвардии и Армии Людовой. (Неформальной, потому что как таковых фракций внутри ПОРП не было.) И, хотя на словах они демонстрировали

свою лояльность Гомулке, на деле стремились к увеличению своего влияния в ПОРП и смене первого секретаря, пытаясь провести на это место амбициозного Мочара. Эта группа добивалась популярности, разыгрывая две карты: националистическую (включая антисемитизм) и антиинтеллигентскую.

Ревизионистов объединяло разочарование в политике ПОРП и возглавлявшего её Гомулки. Консолидация фракции росла вместе с усилением нажима государства на интеллигенцию. По сути дела, процесс создания этой фракции начался в 1964 году, когда 34 писателя и учёных написали открытое письмо премьер-министру Юзефу Циранкевичу. В этом «Письме 34-х» они протестовали против ограничения тиражей прессы и книг и всё более грубого вмешательства цензуры. В ответ власти арестовали одного из подписавших – Мельхиора Ваньковича², обвинив его в очернении ПНР. Позднее, под конец 1964 года, открытое письмо к партии написали двое молодых учёных – Яцек Куронь и Кароль Модзелевский³, обвинившие руководство партии в отказе от социалистических идей и проведении бессмысленной экономической политики. В марте 1965 года они были арестованы и приговорены к тюремному заключению.

К этому моменту Мочар уже обладал огромным влиянием. Он использовал в свою пользу не только должность министра внутренних дел, но и позиции в Союзе борцов за свободу и демократию – общественной организации, объединявшей писателей, ученых, журналистов и художников, прошедших войну и концентрационные лагеря. Его квартира стала одним из самых популярных салонов тогдашней Варшавы. На приёмах у Мочара регулярно бывали высокопоставленные лица, иногда приходил сам Гомулка. Ярузельского также иногда приглашали к Мочару.

Как позднее говорил Ярузельский, в его глазах это были люди, придерживающиеся концепции национального согласия. Их взгляды можно было трактовать и как некую

оппозицию тому, что называется «примитивным интернационализмом». Однако Ярузельский, по воспоминаниям современников, держался в этой компании очень осторожно: не пил, говорил мало, тем более о себе, в общем, вёл себя правильно и осмотрительно. Участником таких встреч была и жена генерала Барбара, которая иногда высказывала, что называется, непопулярные мнения.

Свою силу «партизаны» проявили после так называемой Шестидневной войны в июне 1967 года, когда израильская армия разгромила Египет, Сирию, Иорданию, Ирак, заняла Синайский полуостров и вышла на восточный берег Суэцкого канала. Удар был неожиданным для арабских стран, поддерживаемых СССР. Их потери исчислялись тысячами убитых, раненых и пленных. Для социалистических стран поражение арабских государств оказалось серьёзной проблемой. Как египтяне, так и сирийцы использовали советское оборудование и проходили обучение в СССР. Как пишет Ян Осецкий, «масштаб их поражения силами обороны Израиля автоматически ставил под вопрос военные возможности всего социалистического содружества»⁴.

9 июня 1967 года на встрече глав государств – участников Варшавского договора было принято решение разорвать дипломатические отношения с Израилем. Исключением стала Румыния, отказавшаяся подчиниться общему мнению. Чаушеску всегда держался особняком, чем вызывал недовольство и подозрительность Кремля. В ПНР это решение было исполнено 12 июня. Однако принятые в Москве решения имели неожиданные последствия в Польше. В стране началась кампания против поляков еврейского происхождения, «симпатизирующих Израилю»: свой шанс использовали деятели из близкого окружения Мочара, заявившие о необходимости удаления евреев с важных должностей. Сигнал к расправе дал сам Владислав Гомулка, который, выступая 19 июня на VI съезде профсоюзов, стал пугать присутствовавших «растущей еврейской пятой колонной».

Ярузельский вспоминал, что так называемым «партизанам» было достаточно получить донос о том, что тот или иной человек или кто-то из его родственников публично или частным образом празднует победу Израиля. Каждое из таких обвинений подкреплялось доказательствами, полученными по линии МВД. Впоследствии выяснилось, что большинство из этих «фактов» оказались фальшивками. Тесно связанный с Мочаром начальник военной контрразведки полковник Теодор Куфель и генерал Юзеф Урбанович, занявший должность начальника ГлавПУРа после Ярузельского, сыграли решающую роль в кадровой чистке от «ревизионистских и сионистских элементов». Атмосферу подогревало то, что часть отправленных в отставку офицеров эмигрировали в Израиль, и среди них были люди, знакомые с системой Военно-воздушных сил ПНР и Варшавского договора.

В течение года около 200 военных были вынуждены уйти в отставку. Хотя Ярузельский не подписывал никаких приказов, он, конечно же, должен был отдавать себе отчет в том, как ситуация выглядела в действительности. Одним из примеров стало дело командующего войсками противовоздушной обороны генерала Чеслава Манкевича. В начале июля 1967 года Гомулке донесли, что высокопоставленные офицеры ПВО отмечали успех Израиля в борьбе с Военно-воздушными силами Египта. Сообщалось, что в их кругу была замечена жена генерала Манкевича. На совещании у министра обороны Спыхальского было принято решение о том, что делом должно заниматься Главное политическое управление. В совещании 6 июля 1967 года принимал участие генерал Ярузельский. Начальник ГлавПУРа убеждал министра в том, что Манкевича следует немедленно снять с должности, поскольку он утратил авторитет. Спыхальский сопротивлялся недолго. Кроме Манкевича с Вооруженными силами попрощались еще несколько офицеров войск ПВО⁵.

Ярузельский признавался, что события того времени оставили в его душе крайне неприятный осадок, и он до конца своих дней жалел о том, что не смог достаточно решительно выступить против этой кампании. Что делать – положение обязывало!..

В первые дни января 1968 года общественная ситуация в Польше оказалась на грани взрыва. Поводом стал спектакль Национального театра «Дзяды»⁶ по пьесе Адама Мицкевича. Спектакль, приуроченный к 50-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, входил в программу гастролей Национального театра в СССР. Одно из варшавских представлений посмотрела группа советских писателей, которым оно очень понравилось. Но неожиданно атмосфера вокруг «Дзядов» начала сгущаться. Органы госбезопасности докладывали, что каждый спектакль превращался в антисоветскую демонстрацию. Это было особенно странно, поскольку пьеса Мицкевича не один раз шла на сценах Польши и до сих пор никто не замечал в ней ничего оппозиционного.

Однако к этому моменту в ПНР значительно изменилась ситуация. Усилившийся нажим на Римско-католическую церковь привёл к тому, что пьеса, имевшая мистическое измерение, начала вызывать у публики соответствующую реакцию. К тому же в «Дзядях» встречалось не слишком дружелюбное отношение к восточному соседу. Зрители поднимали одобряющий шум в тот момент, когда в сцене бала у сенатора русский офицер произносил короткую, всего в четыре предложения, реплику. Её можно было бы перевести так: «Нет ничего удивительного в том, что нас тут проклинаят, сколько бы ни прошло веков, потому что из Москвы в Польшу присылают только одних негодяев».

Эти слова Мицкевича касались царской России, но в 1968 году зрители воспринимали их как очень актуальные и встречали овациями. Какое-то время власти закрывали на это глаза, но в конце концов приняли решение о запрете

спектакля. Режиссера Казимежа Деймека не только исключили из партии, но и сняли с должности директора театра.

Последний спектакль, сыгранный 30 января 1968 года в переполненном зале, где были в основном студенты, быстро превратился в политическую манифестацию. Когда опустился занавес, зрители начали скандировать: «Независимость без цензуры!». Около 200 человек подошли к памятнику Мицкевичу на улице Краковское Предместье. На транспарантах было написано «Требуем продолжения спектакля!». Поначалу милиция не вмешивалась, однако затем жестоко разогнала демонстрантов дубинками и арестовала 35 человек. Через несколько дней были задержаны двое студентов Варшавского университета: Адам Михник и Хенрик Шлайфер⁷. Им предъявили обвинение в распространении фальшивой информации, наносящей вред интересам государства. Речь шла прежде всего о том, что Михник дал интервью французским СМИ о протесте против запрета спектакля «Дзяды».

Эти события консолидировали так называемых «ревизионистов». На собрании Союза польских литераторов была принята резолюция, требовавшая отмены цензуры и возвращения творческой свободы. Студенты Варшавского университета начали сбор подписей под петицией о возвращении спектакля на сцену Национального театра. Министр просвещения и высшего образования Генрик Яблоньский лично распорядился исключить из университета Михника и Шлайфера. Началась новая волна беспорядков. Сначала студентов атаковал так называемый «рабочий актив», а затем на территорию университета вошли подразделения милиции и избивали участников демонстрации. Тем временем в трудовых коллективах по инициативе властей начались массовые манифестации, осуждавшие студентов. Лозунги на всех предприятиях были одними и теми же, словно сделанные по одному лекалу: «Студенты – на учёбу, литераторы – за перо, сионисты – на Сион!». Временами, однако,

когда рабочие-активисты проявляли собственное творчество, доходило до анекдотов: в Польше до сих пор не могут забыть знаменитый лозунг «Сионисты – на Сиам!».

Тезис об участии евреев в разогреве молодёжных протестов подкрепил своим авторитетом Владислав Гомулка. В своём выступлении в прямом радио- и телеэфире он поддержал идею еврейского происхождения некоторых организаторов и лидеров студенческого протеста.

Партия и правительство приняли решение немедленно расправиться с бунтовавшими студентами. 17 марта 1968 года генерал Ярузельский издал знаменитый приказ: призвать в армию и отправить в отдалённые гарнизоны призывников, ограниченных в студенческих правах, направить их в специальные батальоны – по одному в каждом военном округе, а службу в этих батальонах нести без оружия с особым вниманием к политико-воспитательной работе.

Первой жертвой приказа должен был стать Адам Михник – предводитель студенческих протестов, особенно раздражавший партийных руководителей. Проблему с Михником хотели решить радикально. По воспоминаниям самого Ярузельского, ему позвонил министр обороны и сказал: «Следует сделать всё, чтобы Михник прошёл военную службу как следует». Михника вызвали на медицинскую комиссию. Однако вскоре с призывного пункта доложили, что медкомиссия признала его не годным к службе из-за речевых отклонений. Ярузельский был возмущён: на митингах он выступать может, а в армию, где требуется только слушать, мы его отправить не можем. В общем, Михника в армию не взяли. По воспоминаниям Ярузельского, гораздо позднее он сам рассказывал Михнику, что в 1968 году, ещё не зная его лично, вёл с ним войну. И всегда добавлял: не исключено, что в конечном счёте это он лишил Михника возможности стать генералом⁸.

Одной из жертв спора Гомулки с «партизанами» стал министр национальной обороны Мариан Спыхальский.

В марте 1968 года произошла встреча, на которой он подвергся резкой критике. Сторонники Мочара сумели пошатнуть позиции министра. Как вспоминал сам Ярузельский, распространялись листовки с намёками на то, что Спыхальский и его жена – евреи⁹. Значительно позже мы узнали, что эти листовки печатались в недрах МВД.

В начале апреля 1968 года министр пригласил Ярузельского на беседу, которую сразу назвал очень важной. Он сообщил, что уходит с поста и что руководство, то есть Политбюро, видит новым министром Ярузельского. Неожиданно для себя Спыхальский получил отказ. Подчинённый сказал ему, что не имеет никакого желания участвовать в большой политике и хорошо себя чувствует на нынешней должности. Министр, который был человеком гражданским, схватился за голову и отреагировал совершенно не по-военному: «Генерал, а что же я тогда скажу Веславу?»¹⁰.

На следующий день Ярузельскому позвонил не довольный отказом Гомулка и тоном, не терпящим возражений, заявил, что тот должен принять предложение. Надо сказать, что, как вспоминает в своей книге Франтишек Шляхчиц, Ярузельский не был фаворитом Гомулки, однако Мочар и Корчинский убедили товарища Веслава в оптимальности этой кандидатуры¹¹. Эдвард Герек также поддержал Ярузельского.

Впоследствии Ярузельский признавал, что согласие занять должность министра было одной из самых больших его ошибок. «Если бы я тогда окончательно отказался, мне бы не пришлось пройти через всё то, через что пришлось пройти потом. Это повышение стало переломным моментом в моей биографии. Это был момент, который предопределил всё»¹².

В это время Ярузельскому было 45 лет, но он не был широко известным руководителем, а тем более политиком. Даже в Большой польской энциклопедии, изданной в 1965 году, его имя не упоминалось.

Главной задачей, которая стояла перед Ярузельским-министром, было прекращение митингов и дискуссий внутри Вооруженных сил. По воспоминаниям Ярузельского, он был вынужден убрать из армии группу офицеров, которые не смогли усвоить, что антисемитская кампания «не может повториться». По его словам, в то время, когда он возглавил армию, не произошло ни одного случая увольнения по поводам, не имеющим отношения к дисциплине¹³.

9 июля 1968 года Ярузельскому было присвоено звание генерала брони, что соответствует воинскому званию генерал-полковника. До начала чехословацких событий оставалось чуть больше месяца...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мечислав Мочар (Миколай Дёмко, 1913–1986) – генерал дивизии, в 1960-е – 1970-е годы министр внутренних дел ПНР, секретарь и член Политбюро ЦК ПОРП (также входил в Политбюро в 1980–1981 годы). Куратор органов внутренних дел и госбезопасности, лидер националистического крыла партии. До войны – один из основателей подпольной организации, на базе которой была создана Польская рабочая партия. После войны показал себя беспощадным карателем врагов нового режима. Некоторые историки прямо называют его «палачом Армии Крайовой».

² Мельхиор Ванькович (1892–1974) – офицер и военный журналист, издатель и писатель. После войны несколько лет жил в США. Прославился как автор трёхтомника мемуаров «Повесть о битве под Монте-Кассино», который в Польше был издан в усечённом цензурой виде. В 1995 году Ассоциация польских журналистов открыла в Варшаве Высшую школу журналистики имени Ваньковича.

³ Яцек Куронь (1934–2004) – политик и диссидент, один из создателей Комитета защиты рабочих (1976), в 1989-м – участник

«Круглого стола». Впоследствии – министр труда и кандидат на выборах президента Польши в 1995 году. Кароль Модзелевский (1937) – действительный член Польской академии наук, один из основателей «Солидарности», человек, придумавший это название.

⁴ *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 212.

⁵ *Ibid.* – S212.

⁶ «Дзяды» (деды)- драматическая поэма, одна из идей которой заключается в особой миссии польского народа.

⁷ Хенрик Шлайфер менее известен в России, чем главный редактор «Gazeta Wyborcza» Адам Михник. Шлайфер (1947) – политолог, профессор Варшавского университета, руководил Постоянным представительством Польши при ОБСЕ, возглавлял департаменты МИД Польши.

⁸ *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 219.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.* – S. 220.

¹¹ *Szlachcic Franciszek. Gorzki smak władzy: wspomnienia.* – Warszawa: Fakt, 1990. – 350 s.

¹² *Ibid.* – S. 221.

¹³ *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 222.

1968: ВТОРЖЕНИЕ В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

Одним из первых испытаний для нового министра национальной обороны Польши стало взаимодействие с генералитетом Варшавского договора, войска которого вошли в Чехословакию в августе 1968 года. Как отмечают современные историки, участие Войска Польского в подавлении Пражской весны аукнулось эхом через 13 лет, когда у западных и южных соседей Польши появилось большое желание оказать «братскую помощь» во время «карнавала «Солидарности»».

В январе 1968 года первым секретарем ЦК Коммунистической партии Чехословакии был избран Александр Дубчек. Ярузельский рассказывал, что впервые встретился с Дубчеком в начале 1968 года на заседании начальников генеральных штабов стран – участниц Варшавского договора¹. По воспоминаниям Ярузельского, Дубчек производил впечатление человека симпатичного и доброго, но также была видна и его слабость: он не являлся лидером, скорее, личностью, не совсем уверенной в себе. С одной стороны, Дубчек отдавал себе отчёт в том, что в Чехословакии сложилась напряжённая ситуация, а с другой, считал, что люди выступают за социализм и стремятся к дружбе между всеми народами. В целом же он вёл себя как человек, который понимал, что оказался в ловушке, говорил Ярузельский².

Вскоре после избрания Дубчек объявил о проведении не только общественных, но и экономических реформ.

В прессе и дискуссиях всё чаще звучала критика в адрес Коммунистической партии и Советского Союза. Дубчек официально объявил о том, что в течение последних 20 лет правительство допустило много ошибок. Вместе с тем уровень развития Чехословакии был одним из самых высоких в социалистическом лагере. В стране практически не чувствовался продовольственный кризис, было множество товаров широкого потребления. Чехословакия поставляла свою продукцию во все страны социалистического содружества. Как известно, по улицам Москвы и других городов бывшего СССР ходили, и до сих пор ходят, трамваи, изготовленные на заводе «ЧКД-Прага».

7 февраля 1968 года в Оставе Дубчек встретился с Владиславом Гомулкой и попытался объяснить причины перемен, предложив двум странам сотрудничать. Однако Гомулка решительно ему отказал, прекрасно понимая, что идеи Дубчека могут привести не только к ослаблению социалистического лагеря, но и к эрозии всей системы. Как вспоминал Ярузельский, уже тогда Гомулка не терпел никакой оппозиции в ПОРП и, естественно, не принимал всерьёз аргументы Дубчека. Гомулка не мог признать правоты Дубчека ни в одном вопросе, хотя сталинские репрессии в Чехословакии носили менее жёсткий характер, чем в Польше.

В конце марта в Дрездене состоялась встреча руководителей СССР, Болгарии, ГДР, Польши и Венгрии, на которой лидеры «братских партий» начали поспешные консультации о том, что делать с непокорным соседом. На встречу с «пятеркой» пригласили представителей Чехословакии, однако участвовать в дискуссии им не позволили. Дубчека упрекали в том, что он «допустил контрреволюцию». Перемены в Чехословакии критиковали прежде всего первый секретарь Социалистической единой партии Германии Вальтер Ульбрихт и Владислав Гомулка. У последнего был особый повод для беспокой-

ства: одним из последствий Пражской весны стали заявления группы польских интеллектуалов о том, что Польша должна пойти аналогичным путём. Во время мартовских протестов в Варшаве одним из популярных лозунгов был такой: «Польша ждёт своего Дубчека».

Как вспоминает Ярузельский, первые секретари Гомулка и Ульбрихт особенно нажимали на Брежнева, чтобы тот наконец решился на радикальные меры. В своих более поздних воспоминаниях он высказывался в том духе, что Гомулка и Ульбрихт хотели быть более святыми, чем сам папа римский. Гомулка считал события в Чехословакии угрозой политико-идеологического характера, которая может привести к серьёзному нарушению всего общественно-го устройства соцлагеря³.

После вступления в должность министра обороны Ярузельский первым делом назначил своего близкого сослуживца генерала Флориана Сивицкого на должность командующего Силезским военным округом. Вскоре после этого Войско Польское начало готовиться к вторжению в Чехословакию. В конце апреля прошли штабные учения, в которых участвовали представители Силезского военного округа и 5-й танковой дивизии. Затем вблизи чехословацкой границы прошли совместные маневры польской 10-й танковой дивизии и советской 24-й механизированной стрелковой дивизии, которая прошла из СССР практически через всю Польшу. Подготовкой к операции руководил министр национальной обороны Войцех Ярузельский, который, по воспоминаниям современников, был перфекционистом⁴. Советское руководство оценивало польскую армию как подготовленную лучше других. Вероятно, поэтому, когда поляки попытались обратить внимание на то, что участие немцев во вторжении не будет хорошо воспринято чехами и словаками, Москва прислушалась к этим аргументам, и в конце концов Национальная народная армия ГДР не вошла в Чехословакию.

Последней проверкой боеготовности войск Варшавского договора перед операцией стали учения «Шумава», которыми руководил главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран – участниц Варшавского договора Маршал Советского Союза Иван Якубовский. Они проходили с 18 июня по 2 июля вместо, как планировалось ранее, осени.

В июле и августе Брежнев предпринял последнюю попытку мирного решения ситуации. Политбюро ЦК КПСС в полном составе во главе с Брежневым встретилось с руководством Чехословакии в Черне-над-Тисой на границе СССР и Чехословакии в советском железнодорожном салоне-вагоне. Но, несмотря на взаимные объятия, договориться не удалось.

В начале августа 1968 года премьер-министр Юзеф Циранкевич дал согласие на то, чтобы Ярузельский отправился в отпуск в Крым. Однако отдых пришлось прервать, поскольку вскоре министр получил приказ отправиться специальным военным самолетом в Москву, чтобы 6 августа 1968 года представлять Войско Польское на похоронах Маршала Советского Союза Константина Рокоссовского. Во время похорон Ярузельский оказался на трибуне Мавзолея между первым секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым и тогдашним министром обороны СССР Андреем Гречко. Брежнев спросил: «А где вы отдыхаете?».- «В Крыму»,- ответил Ярузельский. «Хорошо, отдыхайте»,- сказал Брежнев. Тогда Ярузельский спросил: «Как там, в Чехословакии?». Брежнев ответил словами, которые Ярузельский запомнил на всю жизнь: «Тяжело на душе. Но, может быть, уладится. Поезжайте, отдохните»⁵. И он вернулся на Черное море к жене и дочери.

Однако неожиданно 17 августа ему позвонил начальник Генштаба Войска Польского генерал Болеслав Хоха и передал, чтобы Ярузельский немедленно прибыл в Варшаву. В новых донесениях из Праги содержалась информация о появлении на территории ЧССР офицеров бундесвера под ви-

дом туристов из Западной Германии. Поступали доклады об обнаруженных складах оружия и намерениях Чехословакии выйти из Варшавского договора. Ярузельский вспоминал, что ни на минуту не сомневался в подлинности этих сообщений: информация поступала из штаба Объединенных вооруженных сил Варшавского договора, а также передавалась через братские партии по дипломатическим каналам⁶.

Наиболее критично настроенный биограф Ярузельского Лех Ковальский считает, что генерал в своих воспоминаниях лукавит, когда не говорит ни слова о том, что накануне отпуска он принял участие в подготовке к вторжению в Чехословакию, а отдыхать отправился только тогда, когда «было застегнуто всё до последней пуговицы». Только после этого он спокойно уехал, чтобы набраться сил перед предстоящими событиями⁷.

29 июля 1968 года генерал Сивицкий получил шифрограмму с приказом маршала Якубовского, в которой определялись задачи для подразделений 2-й армии на территории Чехословакии. Одновременно это было началом второго этапа учений под условным названием «Дунай» и означало, что окончательный сигнал к проведению операции поступит через несколько часов.

20 августа 1968 года Ярузельский прибыл в Легницу, где находилось командование Северной группы войск, а затем отправился во Вроцлав на встречу с польскими офицерами, делегированными для участия в операции «Дунай». К этому моменту генерал Сивицкий получил советскую директиву, требующую пересечь государственную границу ЧССР 20 августа в 00 часов. Документ подписал командующий группой «Север» генерал армии Павловский, который не был начальником генерала Ярузельского. После ознакомления с директивой Ярузельский передал её содержание секретарю ЦК Мечиславу Мочару. Когда Сивицкий ставил последние задачи войскам, Ярузельский уже находился в Легнице, где встретился с маршалом Иваном Якубовским.

Во вторжении в Чехословакию приняли участие 450 тысяч военнослужащих Варшавского договора, из них 24 тысячи – солдаты и офицеры Войска Польского. Для руководителей Чехословакии ввод войск оказался неожиданностью. По информации, поступившей из братских стран, Дубчек до последнего момента не верил в то, что дело дойдёт до военного вторжения.

Вскоре после ввода войск Варшавского договора Дубчек и его ближайшие соратники были вывезены самолетом в Москву. Несмотря на то что президент ЧССР Людвик Свобода призвал граждан оставаться дома и не сопротивляться, уже в первый день погибло около 50 человек. Одновременно советские власти начали переговоры с лидерами Пражской весны, в результате которых Дубчек подписал так называемый Московский протокол⁸. В соответствии с ним Коммунистическая партия Чехословакии и Правительство ЧССР должны были нормализовать ситуацию в стране, что де-факто означало отход от всех реформ. После возвращения чехословацкие лидеры подписали соглашение с Советским Союзом, позволившее присутствие Советской Армии в Чехословакии. С учетом популярности Дубчека его временно оставили на должности главы партии, однако уже весной 1969 года его сменил пользующийся полной поддержкой Москвы Густав Гусак.

В беседе с Яном Осецким Ярузельский говорил о том, что после событий 1968 года он сделал два главных вывода. Первый: никогда не следует пренебрегать первыми предупреждениями. Второй: когда сказано «А», то следует ожидать, что вскоре будет сказано «В», а затем и «С».

«Я часто размышлял о Дубчеке и поведении чехословацких лидеров в конце 1980-го и в 1981 году. Зная, сколько стоила их слабость, я дал себе обещание, что мы никогда не покажем, что не владем ситуацией. Кто-то припомнил мне, как в 1981 году во время одной из поездок в Москву я ироничным тоном сказал: «По крайней мере, мешки нам

на головы не наденут!». А именно это произошло с чехословацкими руководителями, которых вывезли в СССР после ввода войск. Во всяком случае, никто не осудит меня за трусость. Я был в ссылке, был на принудительных работах, был узником НКВД, командиром взвода, который несколько раз чудом избежал смерти. Что еще могло бы меня испугать? В то время я скорее думал о достоинстве польского государства и его представителей. А я в то время был одним из них. Но кто знает, может быть, наш народ почувствовал бы себя лучше, если бы мне действительно надели мешок на голову и вывезли в Москву, как Дубчека? Тогда моя биография была бы сегодня прекрасной и геройской. Однако я не знаю, какой бы тогда была судьба Польши»⁹, – признавался генерал.

Спустя 22 года после операции «Дунай» Войцех Ярузельский, как президент Польши, принёс извинения Вацлаву Гавелу – тогдашнему президенту Чехословакии за участие в агрессии. Несколько лет позднее в своём выступлении на чешском телевидении генерал заявил, что «ввод войск Варшавского договора был ошибкой и глупостью!»¹⁰.

«О МАРШАЛЕ ИВАНЕ ЯКУБОВСКОМ»

Из интервью Ярузельского Терезе Тораньской в 2004 году

– Каким был маршал Якубовский?

– Он был огромным, тяжёлым, больше 150 кг веса. Во время войны командовал танковой бригадой, освобождал Сандомир и Ченстохову, очень хорошо воевал, получил звание Героя Советского Союза. Когда мы вошли в Чехословакию, он был Главнокомандующим Объединённых вооружённых сил Варшавского договора, координировал действия союзных войск, ездил между Легницей и Чехословакией, посе-

щал Варшаву. Однажды он рассказал мне историю, случившуюся в ЧССР после ввода войск. Толпа на улице какого-то чешского города кричала: «Долой Советский Союз!». В первом ряду громче всех кричал молодой парень, высокий, кудрявый и рыжий. Якубовский подошёл к нему, поднял свой кулак (рассказывал Якубовский), а ручища у него была, как буханка хлеба, и сказал: «Я тебя, ё... (извините, госпожа, не смогу точно повторить его слова), я тебя, как гвоздь, в землю забью». И тогда кудрявый начал кричать: «Да здравствует Советский Союз!».

– **Вы считаете, что это смешно?**

– Нет, нет. Для Якубовского эта перемена точки зрения молодого чеха не была смешной, это было доказательством силы армии.

– **А почему вы смеётесь при этом?**

– Я очень люблю чехов, очень люблю. Вы можете представить такую смену реакции в Польше?

– **Могу себе вообразить.**

– А я не могу. А потом помню, как они нас благодарили.

– **Кто благодарил?**

– Чехословацкие власти. Меня прежде всего благодарили военные. Министр национальной обороны Джур и другие. Когда встречался с ними, каждый раз они возвращались к тем событиям и постоянно подчёркивали, что благодаря интервенции могут нормально жить и работать.

– **Дубчек, Смирковский и Млынарж¹¹ тоже благодарили?**

– С Дубчеком у меня контактов не было¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 223.

² Ibid.– S. 224.

³ Ibid.– S. 225.

⁴ *Szlachcic Franciszek. Gorzki smak władzy: wspomnienia.*– Warszawa: Fakt, 1990.– S. 108.

⁵ *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.*– Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.– S. 227.

⁶ Ibid.

⁷ *Kowalski Lech. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.*– Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012.– S. 412.

⁸ «Программа выхода из кризисной ситуации», состоявшая из 15 пунктов. Один из членов делегации ЧССР отказался подписывать протокол. Это был Франтишек Кригель, бывший военный врач, прошедший войну в Испании. В 1968 году был членом ЦК КПЧ и председателем Национального фронта Чехословакии – объединения политических партий и общественных организаций Чехословакии (1945–1980).

⁹ *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.*– Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.– S. 231.

¹⁰ Ibid.– S. 232.

¹¹ Йозеф Сморковский – председатель Национального собрания ЧССР при Дубчече. Зденек Млынарж – секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии в 1968–1970 годах, главный идеолог Пражской весны, после разгрома которой был исключён из партии (а впоследствии после событий 1977-го был вынужден эмигрировать).

¹² *Toranska Teresa. Byli.*– Warszawa: Swiat Ksiazki, 2006.– S. 50.

1970: СОБЫТИЯ НА БАЛТИЙСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

Первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка особо не вникал в доклады о недовольстве в обществе. Он искал успеха в делах международных. 7 декабря 1970 года после долгих дискуссий премьер-министр Юзеф Циранкевич и канцлер Вилли Брандт подписали мирный договор между ПНР и ФРГ. Тем самым было закреплено признание Германией западной границы Польши, проходящей по Одере и Нейсе. Это событие стало огромным успехом Гомулки, который таким образом утвердил свою относительную независимость в глазах Кремля. Прежде всего потому, что СССР считал себя главным и единственным гарантом стабильности польских границ.

На декабрьском пленуме ЦК ПОРП планировалось обсудить именно внешнеполитические успехи. Однако во время заседания к членам Политбюро начали подходить помощники и что-то шептать им на ухо. Вице-премьер Станислав Кочёлек вышел из зала и о чём-то обеспокоенно заговорил с первым секретарем Гданьского воеводского комитета ПОРП Алоизием Каркошкой, а затем, написав что-то на листе бумаги, передал его Гомулке. Так Гомулка узнал о рабочих волнениях в Гданьске и о предложении немедленно отправить туда партийную делегацию. Первый секретарь пошептался с Циранкевичем и сказал Кочёлеку, чтобы тот лично отправился в Гданьск. Заседание продолжалось, как

будто ничего не случилось. Гомулка не счёл необходимым организовать отдельную встречу Политбюро, чтобы обсудить тревожные новости, поступающие с Балтийского побережья¹.

Общая экономическая ситуация складывалась неблагоприятно для коммунистов. На это в немалой степени влияла демографическая ситуация. Бессмысленное подчинение производства плану зачастую усугубляло проблемы. В начале 1970 года некоторые предприятия Гданьска не выполнили план из-за нехватки материалов. А это означало, что работники не получают премии. Затем оказалось, что на судовой верфи имени Ленина в Гданьске большая часть коллектива может выполнить только 60 процентов нормы. Таким образом, часть судостроителей потеряла половину своей зарплаты. Подобная ситуация сложилась на большинстве предприятий ПНР.

Остро ощущался дефицит практически всего: квартир, товаров для домашнего хозяйства, автомобилей. Серьёзной проблемой стало обеспечение населения основными продовольственными товарами. Засуха, случившаяся в конце 1960-х, привела к уменьшению поголовья скота. В октябре и ноябре 1970 года Гомулке поступили данные о значительном снижении производства мяса.

Чтобы ограничить аппетиты поляков, в узком кругу партийного руководства было принято решение поднять цены на мясо и мясные продукты, муку, молочные товары, джемы, каши, лекарства и так далее. Повышение касалось 46 групп товаров, прежде всего продовольственных. Мясо должно было вырасти в цене на 18 процентов, мука – на 17. Одновременно на 10 процентов увеличивалась цена на уголь, которым пользовались для отопления помещений. Гомулка хотел ввести новые цены немедленно, но в конце концов его уговорили перенести этот шаг на вторую половину декабря – время, крайне неподходящее, поскольку люди начинали искать продукты для рождественского стола.

Власти, несомненно, ожидали взрыва общественного недовольства. Это следует из того факта, что 8 декабря 1970 года министр Войцех Ярузельский подписал приказ о принципах взаимодействия Министерства обороны и МВД в борьбе с враждебной деятельностью и охране общественного порядка. Приказ позволял в случае ухудшения ситуации вывести на улицу войска для поддержки милиции.

В субботу 12 декабря на всех предприятиях было зачитано письмо Политбюро ЦК ПОРП о повышении цен. Вечером того же дня Владислав Гомулка выступил с теле- и радиообращением и проинформировал о принятом решении всю страну. На следующий день в очередях за покупками люди не жалели крепких выражений в адрес партии и правительства.

14 декабря в 7 утра на Гданьской судоверфи начался рабочий протест с требованием компенсации за повышение цен. Сначала забастовка была немногочисленной: на работу не вышло около 50 человек. Однако вскоре число забастовщиков достигло 200. Они подошли к зданию администрации, но руководство не могло выполнить их требования. Толпа росла на глазах. Когда стало ясно, что администрация предприятия ничего не сможет сделать, рабочие отправились к зданию воеводского комитета ПОРП.

Перед зданием комитета собралось около тысячи человек. Однако никто из сотрудников долго не решался выйти к протестующим, поскольку первый секретарь Алоизий Каркошка находился на пленуме ЦК в Варшаве. Рабочие запели «Интернационал». Наконец, появился Збигнев Юндзилл, занимавший должность секретаря по организационным вопросам. Он попытался выступить, но его голос утонул в криках и свисте. Собравшихся особенно распалило известие о том, что в здании будто бы арестована делегация демонстрантов, которые вошли туда с требованием приостановить повышение цен. Ничего такого не произошло, но слух немедленно радикализировал настроение толпы,

а когда подъехал автомобиль со специальными звукоусилителями, люди разозлились ещё сильнее. Юндзилл попробовал вступить в переговоры и успокоить людей, однако совершил самое глупое, что можно было сделать: призвал вернуться на рабочие места. Рабочие выбросили Юндзилла из автомобиля и захватили микрофон. Водитель не заставил себя долго ждать, схватил ключи от машины и убежал.

Через громкоговоритель на крыше автомобиля раздался призыв продолжить демонстрацию возле воеводского комитета ПОРП и объявить забастовку на всех гданьских предприятиях. Толкая перед собой фургон с громкоговорителями, толпа двинулась к судоверфи, а затем к политехническому институту: участники протеста хотели привлечь на свою сторону студентов. Там с рабочими попытался поговорить профессор Януш Сталинский, однако это закончилось плачевно: кто-то из толпы толкнул его, а кто-то другой дал по физиономии. Ещё в одного профессора, который попытался протестовать против такой формы ведения дискуссии, бросили каской. Рабочие-судостроители разошлись по аудиториям, призывая студентов идти вместе с ними к воеводскому комитету. Однако молодежь не отреагировала на призывы².

В это время в Варшаве в перерыве заседания Пленума ЦК премьер Циранкевич вызвал к себе Ярузельского и начальника Генерального штаба генерала Болеслава Хошу. Циранкевич проинформировал их о событиях в Гданьске и сообщил, что по просьбе городских властей 13-й полк внутренних войск получил приказ взять под защиту общественные здания. Ярузельский вспоминал, что он выразил удивление и сожаление о том, что его проинформировали об этом постфактум. А также сказал, что ситуация, когда министр обороны узнаёт обо всём последним, хотя дело входит в его компетенции, по меньшей мере удивительна. Около 13.15 из Варшавы в Гданьск вылетел правительственный самолет, на борту которого находился

замминистра внутренних дел Генрик Слабчик со своими сотрудниками. Впоследствии Слабчик рассказывал, что по его просьбе самолет перед посадкой на военном аэродроме сделал два круга над городом: «Я увидел пылающее здание воеводского комитета, перевернутый трамвай и людей на улице»³.

Ближе к 15 часам толпа рабочих на улицах Гданьска росла с каждой минутой. К протестующим постепенно присоединялись неизвестные авантюристы. Около 16 часов на мосту над железнодорожными путями возле улицы Бледник, за километр до воеводского комитета, был выставлен милицейский кордон. Начались первые серьезные столкновения, в милицию полетели камни. В ответ она применила слезоточивый газ. Разозлённая толпа сумела прорвать кордон и двинуться к зданию комитета, где эскалацию насилия уже невозможно было остановить. Милиция отбивалась дубинками. Никто не смог остановить хулиганов, которые подожгли киоск, разбили витрины магазинов и начали мародёрствовать.

Уличные столкновения продолжались до поздней ночи.

Как пишет Ян Осецкий, до сих пор покрыта тайной поездка в Гданьск заместителя министра обороны Гжегожа Корчинского, одного из самых близких сотрудников Гомулки. Это был старый коммунист, воевавший ещё в интернациональной бригаде в Испании в 1930-е годы, а во время Второй мировой войны – командир одного из подразделений Гвардии Людовой. Рассказывали, что он хладнокровно стрелял не только в своих людей при попытке бунта в его подразделении, но и в жителей как польского, так и еврейского происхождения в одной из деревень в Люблинском воеводстве.

Гомулка доверял Корчинскому⁴ безгранично. Когда они вместе были арестованы за «правый националистический уклон», Корчинский в отличие от Спыхальского не сломался на следствии и не признал фальшивые доказательства.

Хотя и был приговорён к смерти, после чего несколько лет провёл в камере, ожидая исполнения приговора. В 1956 году Корчинский был одним из тех, кто подготовил возвращение Гомулки к власти. Позднее, когда предстал перед партийной комиссией, изучавшей события на Балтийском побережье, Корчинский заявил, что отправился в Гданьск по указанию «товарища Мочара, подтверждённому затем товарищем Ярузельским, а также членами Политбюро товарищами Клишко и Лого-Совиньским»⁵.

Однако Ярузельский утверждал, что вечером 14 декабря он разговаривал с генералом Корчинским и тот сказал ему, что Гомулка приказал немедленно выехать в Гданьск, не спрашивая разрешения Ярузельского. По воспоминаниям Ярузельского, его просто поставили перед фактом⁶. Вероятно, Гомулка хотел, чтобы в ситуации, которая развивалась в Гданьске, на месте был человек, которого он знает и которому полностью доверяет. Кроме того, генералу Корчинскому подчинялись войска внутренней обороны, поэтому его присутствие в центре событий имело оправдание. А как член ЦК, он мог сразу информировать партийное руководство обо всех событиях. 15 декабря Гомулка назначает генерала Корчинского начальником кризисного штаба в Гданьске. Тем самым, как считает биограф Ярузельского Ян Осецкий, лишает министра обороны возможности предпринимать какие-либо действия⁷.

Ярузельский не ушёл в отставку, да в тех условиях она и не могла быть принята. По его воспоминаниям, прошение об отставке было бы воспринято как каприз обиженного мальчика, который не дорос до руководства Вооруженными силами. Но было ещё одно обстоятельство. Если бы отставка была принята, исполняющим обязанности министра обороны немедленно стал бы генерал Корчинский. «Я считаю, что передача полноты власти над армией в руки Корчинского привела бы только к увеличению масштаба трагедии», – позднее объяснял Ярузельский⁸.

В беседах с Осецким Ярузельский описывал свое положение в те дни как полную изоляцию в кабинете на улице Кленовой в здании Минобороны. Ходили сплетни о том, что после 15 декабря его якобы держали под домашним арестом, опасаясь его нелояльности. «Это, конечно, полная ерунда», – говорил Ярузельский, но при этом подтверждал, что у него не было никакой власти. По его собственным словам, на побережье разворачивалась драма, на которую он не мог повлиять. Общая ситуация складывалась так, что было совершенно понятно: руководство партии попало в ловушку. «Я не ушёл в отставку, потому что был уверен в том, что смогу остановить кровопролитие», – говорил Ярузельский⁹.

Спустя годы Гомулка оправдывал своё решение применить против демонстрантов оружие тем, что в столкновениях с ними были убиты двое сотрудников милиции, причём одного из них линчевали. Несколько десятков милиционеров были ранены. Толпа штурмовала здание воеводского управления милиции и подожгла его.

Утром 15 декабря в здании ЦК ПОРП состоялась встреча, участники которой считали, что первый секретарь пришёл с готовым решением, основанным на информации от доверенных людей. Кстати, Ярузельский говорил, что лично к нему доклады о развитии ситуации поступали с большим опозданием.

Утренняя встреча у Гомулки происходила, когда в Гданьске начался очередной штурм воеводского комитета партии. Первые попытки поджечь здание ничем не закончились, поскольку забаррикадировавшиеся изнутри милиционеры и военные успешно гасили огонь. Гомулка страшно разозлился, узнав о штурме. Премьер-министру досталось за то, что «милиция проявляет либерализм и не умеет или вообще не хочет ликвидировать контрреволюцию». Товарищ Веслав страшно нервничал и, несомненно, находился на грани психической устойчивости. Был издан приказ о том, чтобы немедленно стянуть находившиеся по-

близости танковые войска в Гданьск. Затем последовало решение о применении оружия. Гомулка приказал, чтобы войска и милиция стреляли в случае поджога, уничтожения объектов или нападения на силы правопорядка, а также угрозы человеческой жизни. Он принял и такое решение: если после предупредительных выстрелов в воздух толпа будет по-прежнему наступать на милиционеров, стрелять по ногам. Первый секретарь также приказал объявить через мегафоны: милиция и армия получили разрешение на применение оружия.

Позднее участники этой встречи в ЦК все как один утверждали, что Гомулка решил всё единолично, без обсуждения. Как говорил Ярузельский, это был разговор оперативной группы, не имевшей никакого официального статуса: просто встреча руководителей различных государственных структур. Некоторые из присутствовавших считали, что решение о применении оружия следовало принять значительно раньше, а на этой встрече обсудить вопросы введения комендантского часа и чрезвычайного положения.

Сам же Гомулка в письме 6 февраля 1971 года к VIII пленуму ЦК ПОРП писал, что решение не принималось им единолично: «Это решение было принято коллективно, при участии тов. Циранкевича, Спыхальского, Мочара и других членов руководства, после доклада о ситуации в Гданьске бывшего министра внутренних дел тов. Святло и тов. Мочара»¹⁰. Ясно одно: никто из присутствовавших не возражал. Тем более что во времена Гомулки возражение означало потерю должности.

В своих поздних воспоминаниях Станислав Каня (тогда заворотделом, а позднее секретарь, член Политбюро и первый секретарь ЦК ПОРП) писал, что, хотя решение о применении оружия и шокировало всех, возражения участников встречи не изменили бы ничего¹¹. Ярузельский же говорил, что, если бы он выразил протест, министром обороны стал генерал Гжегож Корчинский, который исполнил бы любой

приказ Гомулки. Принципиальным в данном случае является то, что решение о применении оружия и использовании армии для подавления протестов могло принимать исключительно правительство. И правительство это сделало вечером 17 декабря после расправы на судоверфи в Гдыне, узаконив тем самым решение, принятое за два дня до этого в ЦК ПОРП.

Итак, Ярузельский утверждал, что в свете представленной ему информации о событиях в Гданьске никаких возражений быть не могло. Тем более что на встрече в ЦК ПОРП присутствовали председатель Комитета обороны страны Юзеф Циранкевич и председатель Государственного совета маршал Мариан Спыхальский, которые не возражали. Циранкевич позвонил генералу Корчинскому и передал устное разрешение на применение оружия милицией и армией.

Примерно в это время рабочим, окружившим воеводский комитет, удалось поджечь здание. Огонь распространялся очень быстро. На место примчалась пожарная команда, но толпа не хотела её пропускать и подожгла одну из пожарных машин. Милиция сначала самостоятельно, а затем вместе с военными пыталась оттеснить протестующих, чтобы разблокировать вход и дать возможность покинуть здание тем, кто в нём находился.

В это время в Варшаве Гомулка обсуждал с Ярузельским, как спасти находившихся в здании воеводского комитета сотрудников и солдат. Ярузельский позвонил командующему Поморским военным округом генералу Юзефу Каминскому и дал ему указание немедленно выдвинуть танковую дивизию из Эльблонга в Гданьск. Между 14 и 16 часами к Гданьску подошла 16-я Кашубская танковая дивизия, которую 16 декабря использовали для блокады судоверфи имени Ленина. Премьер-министр Циранкевич позднее настаивал на том, что именно танки, вызванные Ярузельским, позволили эвакуировать людей из горящего здания.

Ярузельский вспоминал, что провёл совещание с сослуживцами, проинформировал их о решении Гомулки и поставил вопрос о том, как поступить, чтобы не пришлось применять оружие. Среди рассмотренных вариантов был и такой: пропустить на низкой высоте сверхзвуковые самолеты-истребители, чтобы заставить протестантов бежать. Самолеты не нужно было бы перебрасывать из других регионов страны, поскольку рядом с Гданьском находился 34-й полк ВВС, оснащённый МиГ-21, способными летать со скоростью, в два раза превышающей скорость звука. Но у этого замысла был один недостаток: звук распугал бы толпу, но мог разрушить здания, дороги, железнодорожные пути¹².

По словам Ярузельского, несмотря на то что армия изначально должна была стоять за милицией, де-факто ей нельзя было применять оружие, так как солдаты оказались на первой линии. Тем временем перед зданием воеводского комитета появилось около 250 военнослужащих 35-го десантного полка, вызванных на помощь запертым в горящем здании. Толпа не позволила военным подойти к комитету. Тогда, несмотря на то что до назначенного Гомулкой часа икс (времени начала применения оружия) оставался ещё час, солдаты начали стрелять.

Как только рабочих отодвинули от стен, из горящего здания стали выбрасывать ковры и на них начали выпрыгивать люди. Так спаслись 7 политических сотрудников комитета, двое технических, а также солдаты и милиционеры. Некоторых из них избивали. Особенно жестоко расправлялись с офицерами. Затем протестующие разрешили пройти военным, но милиционеров останавливали, отбирая у них оружие и ремни. Участники протестов захватили в общей сложности 17 пленных, которых отвезли на судоверфь.

Когда эвакуация уже заканчивалась, толпа оттеснила солдат и снова окружила здание комитета. Упоённые своим успехом рабочие начали поджигать другие этажи. Двоим

Катовице.

Рисунок Германа Черёмушкина, 1970 год

последним милиционерам огонь помешал сбежать с верхних этажей и выскочить на улицу.

Когда до Гомулки дошла новая информация о происходящем, первый секретарь лично приказал немедленно выслать вертолеты и распылять с них слезоточивый газ. На эту операцию вылетели два вертолета Военно-морского флота. Сначала пилоты попытались забрать двоих последних милиционеров с крыши здания, а когда затея провалилась, распылили газ над головами протестующих. Толпа, однако, не отступила. Газ также не удалось распылить и военным служащим 35-го десантного полка, которые снова стреляли в воздух.

В 13.30 Гомулка снова собрал партийных деятелей. Первый секретарь явно нервничал. Он говорил, что силы правопорядка действуют недостаточно решительно, и назначил на должность начальника штаба в Гданьске генерала Корчинского. Гомулка хотел, чтобы войска взяли под контроль все самые важные объекты в городе. По совету премьер-министра Циранкевича Гомулка принял решение о том, чтобы генерал Болеслав Хоха вылетел в Гданьск на помощь Корчинскому. Начальник Хохы Ярузельский возразил, что это решение не имеет смысла, однако Гомулка проигнорировал его слова. Корчинский совершенно не был рад этому указанию и позвонил Циранкевичу из Гданьска страшно раздраженный. И спросил: «На черта мне Хоха?»¹³.

В это время в Гданьск вошла ещё одна колонна бронетранспортеров TOPAS и танков. При поддержке десантников танки пробились через толпу к воеводскому комитету, выстроив перед ней кордон, благодаря чему смогли убежать двое последних милиционеров. Закутавшись в мокрые полотенца, они пробежали через охваченные огнём коридоры и выскочили в окно.

Протестующие рабочие разозлились ещё больше и бросились штурмовать бронетранспортеры. Один БТР захватили, второй уничтожили. Милиция и военные оттеснили

демонстрантов в сторону железнодорожного вокзала, где разгорелась настоящая битва. В результате погиб водитель «скорой помощи» Вольдемар Ребинин, который вёз лекарства на вокзал. Его смертельно ранил в голову милиционер. Число жертв стремительно росло. Были застрелены 19-летний работник судоверфи Анджей Пержиньский и Казимеж Заставный. Протестующим удалось захватить бронетранспортер, но при попытке поехать с него упал и разбился насмерть один из рабочих, в крови которого потом обнаружили 2,7 промилле алкоголя.

После этого толпа совершенно сошла с ума. На вокзале подожгли газетный киоск, почту и камеру хранения. Бронетранспортеры своим ходом перегнали на судоверфь. Столкновения на улицах Гданьска продолжались до глубокой ночи.

Позднее генерал Корчинский, отчитываясь о своих действиях, говорил, что военные стреляли не в людей, а только в землю и то лишь после того, как не подействовало ни одно предупреждение.

Тем не менее общий подсчёт жертв событий на Балтийском побережье показывает, что в ходе столкновений погибли 46 человек, 1200 были ранены. Сгорело 17 зданий и десятки автомобилей, в том числе бронетранспортеры. Милиция и госбезопасность задержали 2 тысячи человек, причем 32 человека оказались членами партии.

При попытке оценить роль каждого участника тех событий, прежде всего Ярузельского, важно, что ни один из приказов стрелять не был написан на бумаге, чтобы на местах это не воспринималось как единственно возможный вариант. Бывший первый секретарь ЦК ПОРП Станислав Каня говорил, что если присутствие на встрече, на которой Гомулка объявил о решении применить оружие, можно считать участием в принятии решения, то генерал Ярузельский принимал в этом участие. Однако затем пытался сделать всё возможное, чтобы максимально смягчить это реше-

ние¹⁴. Начальник личной охраны Ярузельского полковник Готувко в интервью Мечиславу Пецуху настаивал на том, что его шеф не мог не знать или быть в стороне от событий на побережье. Как министр обороны он руководил происходящим из Варшавы, считает Готувко¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 240.

² Изложение событий даётся по: *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.

³ *Ibid.* – S. 243.

⁴ По мотивам биографии генерала брони Гжегожа Корчинского (1915–1971) можно написать авантюрный роман. Кстати, как и советские революционеры, он жил под партийной кличкой, а рождён был как Стефан Ян Киланович. Пройдя гражданскую войну в Испании, несколько лет пробыв во Франции, Ян «Гжегож» в 1942 году стал командиром польского партизанского отряда, но в этом качестве не только воевал с оккупантами, но и руководил еврейским погромом, и даже устраивал вылазки против подразделений Армии Крайовой. После освобождения Польши в том числе командовал депортацией украинского населения. В период партийных чисток в 1950-м году был приговорён сначала к казни, потом к пожизненному заключению (формально – за еврейский погром), вышел в 1956-м и при Гомулке поднялся до уровня члена ЦК ПОРП. Командовал расстрелом рабочих на Балтийском побережье в 1970-м, после чего вместе с другими организаторами кровопролития был отправлен в отставку. После служил послом в Алжире, где и умер при невыясненных обстоятельствах.

⁵ *Ibid.* – S. 244.

⁶ *Osiecki Jan*. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.– Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.– S. 247.

⁷ *Ibid.*– S. 246.

⁸ *Ibid.*– S. 247.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*– S. 253.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*– S. 256.

¹³ *Ibid.*– S. 259.

¹⁴ *Osiecki Jan*. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.– Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.– S. 261.

¹⁵ *Piecuch Henryk*. Byłem gorylem Jaruzelskiego.– Warszawa: Agencja Wydawnicza CB, 2001.– 286 s.

«ЛЮБИМЕЦ БРЕЖНЕВА»

1970-е годы многие в Польше вспоминают как благословенное время, отмеченное некоторым ростом благосостояния поляков и относительной политической стабильностью. Избрание Первым секретарем ЦК ПОРП Эдварда Герек — главы Катовицкого воеводского партийного комитета — стало надеждой на улучшение жизни. И поначалу эти ожидания во многом оправдались. После кровавых событий на Балтийском побережье Герек обратился к народу по-простому: «Поможете?». Рабочие ответили аплодисментами. Герек вообще производил впечатление симпатичного, обаятельного человека, как бы сказали теперь — харизматичного: крупный мужчина с большим носом и короткой стрижкой.

Практически сразу после своего избрания Герек вместе с новым премьер-министром Петром Ярошевичем отправились в Москву, где состоялась встреча с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым, который тогда ещё был полон сил.

Испытания для нового лидера начались уже в конце января 1971 года, то есть почти сразу после событий в Гданьске. На этот раз взбунтовались рабочие на судостроительном заводе имени Варского в Щецине. Искрой, из-за которой полыхнуло восстание, стала статья в местной газете «Глос Щечиньский». Журналист бодро отрапортовал: «Рабочие готовы повысить производственные нормы и даже выйти

на работу в воскресенье». Статья вызвала страшный гнев у судостроителей. На судовой верфи имени Варского началась так называемая оккупационная забастовка (люди пришли на работу, но ничего не делали).

Вскоре верфь окружили кордоны армии и милиции, а со стороны моря заблокировали военные корабли. 23 января на заседании секретариата ЦК ПОРП прозвучало предложение разогнать забастовщиков.

24 января, в воскресенье, утром домой к Гереку приехал новый министр внутренних дел Франтишек Шляхчиц. Он хотел срочно обсудить ситуацию в Гданьске и при этом сам выступал за переговоры с рабочими. Разговор прервал телефонный звонок. Звонил Брежнев. Как вспоминает Шляхчиц, советский генсек был глуховат и говорил так громко, что всё было слышно в другом конце комнаты¹. Брежнев пытался успокоить Гереку и предостерегал от применения силы.

Герек решил, что должен лично участвовать в переговорах с забастовщиками. По воспоминаниям Шляхчица, Герек немедленно позвонил министру обороны Ярузельскому, который не только поддержал намерение Первого секретаря, но и выразил желание лететь вместе с ним в Щецин.

Как справедливо оценивают биографы, решение отправиться в Щецин было для Ярузельского гораздо более серьёзным шагом, чем для многих других членов партийно-правительственной делегации². Ярузельский отдавал себе отчёт в том, что именно он, как министр обороны, должен будет объяснять рабочим, почему в Гданьске пришлось применить силу и стрелять в их товарищей-судостроителей. К тому же Ярузельский был депутатом Сейма от Щецина. Как отмечает Ян Осецкий, совершенно нельзя было исключать, что разъярённая толпа именно на министре выместит всю свою злобу и агрессию³.

Поэтому, выйдя к щецинским рабочим, Ярузельский, чтобы сбить агрессивный настрой, начал разговор с контрнаступления. Он сразу задал риторический вопрос:

почему в Гданьске для подавления рабочих протестов была использована армия? И тут же пояснил: потому что польские Вооруженные силы поддерживают власть и государство. «Хотите ли вы такую армию, как в Латинской Америке или Африке, которая свергает власть, если недовольна её решениями? Хотите ли вы правительство, состоящее из полковников и генералов? Нет! Наши солдаты будут защищать народную власть, и будут это делать вместе с вами! Мы дадим оценку случившемуся, но вы должны знать, что в этой ситуации наши солдаты вели себя достойно»⁴, – заявил Ярузельский⁵. Он пытался убедить рабочих в том, что в Гданьске дело не дошло до ещё большей трагедии именно благодаря позиции офицеров и простых солдат: «они не открыли огонь, когда протестующие начали уничтожать армейские бронетранспортеры», хотя могли бы это сделать, поскольку имели соответствующее разрешение.

Затем он напомнил, что Балтийское море остаётся «открытой границей», которая неустанно патрулируется западногерманскими кораблями и самолетами-разведчиками. Тем самым Ярузельский намекнул, что за протестами на судоверфи могут стоять западные силы, которые пытаются поставить под сомнение нерушимость границы по Одере и Нейсе. Он заверил судостроителей, что в армии и милиции зарплаты и после повышения цен остались старыми. Слухи о высоких зарплатах для избранных «распускают враждебно настроенные люди, которые хотят оторвать народное Войско Польское от рабочего класса!» – заявил министр⁶.

«В отличие от Герека, который на митингах чувствовал себя как рыба в воде, генерал выглядел не лучшим оратором, но рабочие приняли его объяснения», – пишет Ян Осецкий⁷. Более того, Ярузельскому устроили овацию.

В ночь с воскресенья на понедельник забастовка была закончена. Окрылённый успехом Герек в тот же день отпра-

Железнодорожный мост в Сопоте.
Рисунок Петра Черёмушкина, 1988 год

вился в Гданьск, где произнёс своё знаменитое «Поможете?». Тем не менее другие забастовки не прекращались, а к протестам присоединялись всё новые предприятия.

В феврале 1971 года, после того как забастовали ещё и текстильщицы в Лодзи, злополучное решение Гомулки о повышении цен наконец отменили. Однако власти тут же приняли решение начать денежную эмиссию. Иначе говоря, печатать деньги.

9 декабря 1971 года состоялся VI съезд ПОРП, на котором Ярузельский был избран членом Политбюро, то есть вошёл в высшее партийное руководство. Через два года, 23 сентября 1973-го, ему было присвоено звание генерала армии.

Период правления Герека был относительно спокойным для военной верхушки ПНР, временем стабильности и процветания. Тем не менее именно при нём в Войске Польском начались первые приготовления к введению военного положения. Из открывшихся сегодня материалов польских архивов следует, что власть, особенно органы госбезопасности, стремилась проникнуть в рабочую среду, завербовать агентов, всеми способами и средствами разложить солидаризирующееся сообщество, чтобы избежать дальнейших протестов, у которых были не только политические, но и экономические причины.

Эдвард Герек: строитель или расточитель?

- В коллективной памяти поляков Эдвард Герек остался коммунистом новой формации, который, обращаясь к ним, не употреблял в отличие от своего предшественника Гомулки слово «товарищи», а называл их соотечественниками. «Коммунист, в биографии которого не было школы Коминтерна и партизанского прошлого, зато были годы, проведённые на Западе»⁸, — пишет польский биограф Герека Пётр Гайдзинский. В молодые годы Герек

Шахтеры. Гливице.
Рисунок Германа Черёмушкина, 1970 год

работал шахтёром в Бельгии, где и вступил в коммунистическую партию.

Герек привнёс новый стиль в польскую политику. Душную атмосферу гомулковщины начал заменять запах сигарет «Мальборо» польского производства и духов с обнадеживающим названием «Может быть». Появились польский народный автомобиль-«малыш» «Фиат-125», сделанный по итальянской лицензии, и первая в соцлагере кока-кола. Стефан Киселевский называл Герека «Большим усыпителем», который хочет дать народу хлеба и зрелищ, а политику оставить себе. Многим полякам нравился новый курс, который будил надежду после трудных лет послевоенной бедности и сталинской запуганности. После пуританства времён Гомулки для многих были шоком не только фотографии голых панёнок, опубликованные на последней странице еженедельника «Перспективы», но и статьи на темы секса профессора Миколая Козакевича и Михалины Вислоцкой.

В Советском Союзе большую популярность приобрела польская косметика. Когда в Москве открылась выставка польской продукции «Сделано в Польше», сотрудники компании «Pollena-Uroda» раздавали образцы своей продукции, москвички устроили настоящий штурм прилавков. Запасы косметики столь быстро истощились, что пришлось посылать гонцов в Польшу для пополнения. Говорят, Брежнев тогда сказал Гереку: «Эдвард, ты разбогател! Делаете подарки москвичкам!».

В 1972 году в Польше была запущена первая линия производства кока-колы» – напиток, о котором ещё в 1956-м говорилось, что это «американский империализм в пене». Варшавский пивоваренный завод начал разливать колу по бутылкам накануне главного праздника ПНР – 22 июля, затем началось производство фирменных бутылок, а затем в Силезии – одном из самых густонаселённых районов Польши была пущена еще одна линия.

Герек явно хотел понравиться варшавянам. В марте 1971 года он начал большую программу модернизации польской столицы. В результате 22 июля 1974 года были открыты Вислострада и Трасса Лазенковска, а на следующий год к приезду Леонида Брежнева открылся новый Центральный вокзал. На многих фотографиях того времени Герек запечатлён с лопатой на стройке. Не зря некоторые называли его уважительно «Эдвард-строитель».

В попадавшем в СССР журнале «Кобета и Жиче» стали появляться советы хозяйкам, не только как перешить старое пальто, но и как устроить небольшой приём с коктейлями и напитками и что взять с собой в поездку за границу. Польша стала первой страной в соцлагере, которая разрешила безвизовые поездки своим гражданам по странам мировой социалистической системы. Поляки вовсю начали пользоваться новыми возможностями, продавали и перепродавали товары, которых не хватало в советском блоке. Скажем, в СССР покупали золото, икру, цветные телевизоры, а за Буг везли джинсы и другую одежду. В мае 1972 года польская авиакомпания LOT открыла регулярные рейсы в США. Всё это, конечно, было частью политики разрядки, проводившейся Брежневым в отношениях с Западом, с США и ФРГ, но Польша воспользовалась ею максимально.

Необыкновенную популярность приобрела польская эстрада – певицы Ирена Сантор, Анна Герман, Галина Куницка, Анна Янтар, внимание привлекали Международный фестиваль песни в Сопоте, конкурсы советской песни в Зеленой Гуре или солдатской песни в Колобжеге. Произошёл подлинный творческий взрыв польской кинематографии, давший миру таких режиссёров, как Анджей Вайда, Кшиштоф Занусси, Роман Полански и многих других. Крупнейшей фигурой мировой литературы стал такой автор, как Ярослав Ивашкевич.

Свобода творчества была совершенно неограниченной по сравнению с Советским Союзом, что приводило к появлению таких театральных режиссёров, как Юзеф Шайна или Анджей Ломницкий. Канонический советский соцреализм перестал существовать в Польше в живописи и скульптуре. На смену ему пришли новые образы и имена, за которыми с восторгом наблюдала советская творческая интеллигенция.

Одним из важнейших достижений времён Герека нынешние биографы считают исполнение им одного из немногих обещаний – массовую индивидуальную моторизацию страны. К концу десятилетия на польских дорогах было уже более двух миллионов частных автомобилей, прежде всего польских «Фиатов 126 П». «Этот автомобильчик привёз поляков в совершенно новую эру и изменил Польшу и поляков гораздо больше, чем телевидение. И в гораздо большей степени, чем этого хотели власти ПНР»⁹, – пишет Пётр Гайдзинский.

В телевизионных программах, особенно новостных, которые постепенно переходили на цвет, сообщалось об успехах социализма, о новых стройках, мосте или фабрике, успехах Страны Советов, кризисе в странах Запада. Впрочем, как стало известно от перебежавшего на Запад цензора, было запрещено освещение таких тем, как объёмы продажи мяса в СССР, финансирование деятельности ЗОМО – так назывался польский ОМОН, статистика потребления кофе, катастрофы на шахтах. Естественно, нельзя было оспаривать руководящую роль Советского Союза в мировой системе социализма.

В 1975 году в Польше были опубликованы тезисы к VII съезду ПОРП с предложениями внести конституционные поправки, закрепляющие руководящую роль партии в обществе и укреплении дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. Эти предложения вызвали резкое недовольство в польском об-

ществе. Появились письма протеста, которые привели к отмене ряда новых постулатов. В том числе о руководящей роли партии, который затем был заменён на «предводительскую роль». Считается, что протесты против поправок в конституцию сыграли важную роль в формировании новой оппозиции.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев посетил Польшу с официальным визитом 11 мая 1973 года, и принимали его с впечатляющим размахом, всегда сопутствовавшим посещениям Большого брата. На снимках тех дней Ярузельский стоит рядом с Брежневым и Герекком.

* * *

В своих беседах с Яном Осецким Ярузельский вспоминал, что в период с 1971-го по 1980 год он пользовался полной независимостью при принятии решений. К тому же в начале 1971 года секретарем ЦК по вопросам армии и силовых структур был избран Станислав Каня. По словам Ярузельского, вопреки более поздним оценкам Войско Польское не было столь зависимо от руководства Варшавского договора. «Трудно поверить, что несколько тысяч молодых поляков, призванных на военную службу, и 80 тысяч офицеров, хорунжих и младших офицеров с большей или меньшей охотой служили иностранному государству»¹⁰, – утверждает Ярузельский. Он считал, что Польша всегда отличалась от других стран социалистического лагеря, также как и Войско Польское, которое было наиболее независимым в составе Варшавского договора.

В 1970-х годах на военные расходы выделялось менее 4 процентов национального дохода, или 8 процентов бюджетных средств. Ярузельский гордился тем, что ему удалось улучшить бытовые условия жизни солдат и офицеров, и прежде всего провести горячую воду во все казармы и офицерские квартиры. На полигонах построили специальные бараки с одно- или двухместными комната-

ми для офицеров. Кстати, именно в эти бараки в первые дни военного положения вывезли руководителей движения «Солидарность», а также интернированного вместе с оппозиционерами самого Эдварда Герека (его разместили на объекте Глубокое).

В своих поздних интервью Ярузельский оправдывал огромные военные расходы ПНР и с гордостью отзывался о работах польских конструкторов того времени: они улучшили танк Т-54А и создали плавающий танк ПТ-76 для нужд войсковой разведки. Изменились ВВС и силы ПВО. Исчезли последние пехотные дивизии, которые были переформированы в механизированные. При этом Ярузельский не скрывал, что большую часть военных технологий Польша добывала путём кражи военных секретов. Например, вот как удалось получить в своё распоряжение американский танк М-1 Abrams. Польская разведка изготовила фальшивый запрос на один такой танк – якобы от исследовательского центра турецкой армии. И американцы отправили «им» новёхонький Abrams для испытаний. Во время перевозки морем судно с танком остановили в водах Греции и «по ошибке» выгрузили на берег. И танк исчез¹¹.

Ярузельский также вспоминал, что на основе соглашения, заключённого между правительствами СССР и ПНР в 1967 году, на территории Польши планировалось построить склады ядерных боеголовок, которые в случае необходимости могли бы использоваться Вооружёнными силами стран – участниц Варшавского договора. В распоряжении Войска Польского находились тактические и оперативно-тактические ракеты с радиусом действия от 70 до 300 километров. У ПНР были также и атомные бомбардировщики: в соответствии с международными соглашениями Советская Армия в случае необходимости должна была на границе передать Польше ядерные боеголовки, утверждал Ярузельский¹².

Во многих биографиях Ярузельского, особенно в объёмной книге воспоминаний начальника его личной охраны полковника Артура Готувко, говорится, что генерал был любимчиком Брежнева¹³. Сам Ярузельский во второй половине жизни не очень тепло отзывался о «дорогом Леониде Ильиче»: он явно отдавал предпочтение Горбачеву и, вероятно, поэтому старался не афишировать свои прекрасные отношения с Брежневым. Однако существуют знаменитые фотографии, на которых Генеральный секретарь лично встречает Ярузельского в аэропорту Внуково во время официального визита в СССР в 1982 году и вручает ему орден Красного Знамени в 1978-м. Кстати, на этой незаретушированной фотографии агентства ПАП 1978 года в ухе Брежнева очень хорошо виден слуховой аппарат, что на снимках в советской печати никогда не было заметно¹⁴.

Начальник охраны в своих интервью говорил, что Брежнев относился к Ярузельскому как к сыну, который не по своей вине попал в трудную ситуацию. Готувко не без юмора рассказывал, что хотя и видел Брежнева всего несколько раз, тот почти всегда плакал и его слёзы по поводу Польши разделялись на семь категорий: 1) слёзы меланхолии, когда он вспоминал о своей польской невесте; 2) слёзы грусти, когда он вспоминал о своей матери, которая была полькой¹⁵; 3) слёзы радости, когда он вспоминал об ордене Воинской доблести (*Virtuti Militari*), который ему вручил Герек; 4) слёзы смущения и жалости, когда он вспоминал о не прошедших поправках в польскую Конституцию; 5) слёзы гнева, когда он вспоминал Гомулку, который торговался с Большим братом за каждую копейку; 6) слёзы досады, когда он вспоминал о «Солидарности»; 7) слёзы энтузиазма, когда он вспоминал своего любимца Ярузельского, который в конце концов оказался мужчиной и прикончил «Солидарность»¹⁶.

Первая встреча с Польшей

- Первая моя поездка в Польшу произошла в 1977 году. Мы вместе с мамой на поезде «Полонез» поехали за границу. Вагоны у поезда были голубые, внутри пахло чистотой и чаем. Марина Вацлавовна Кретович идеализировала и обожала всё польское. Помню, как долго мы оформляли паспорта, визы и всякие прочие формальности. Поездка могла и не состояться, потому что весной того года я вытащил у деда из стола 29 долларов США и отправился в гостиницу «Метрополь» покупать жвачку. Меня поймали, отвезли в детскую комнату милиции, оформили привод за валютные операции, а доллары отобрали. Мой одноклассник, актёр Михаил Ефремов, часто вспоминает, как завуч перед всем классом показывала на меня пальцем и говорила: «Посмотрите на него! Вот это и есть Мистер доллар!».

Но судьбе было угодно, чтобы мы добрались до Польши. Нас принимал знаменитый польский художник Рышард Винярский, приятель моего отца – Германа Черёмушкина. Сейчас картины Винярского выставляются в Национальной картинной галерее и продаются в галерее Войцеха Фибака на Краковском предместье. К сожалению, он умер в 2006 году. А тогда он жил в квартирке на улице Бонифратерской. Внизу в доме было кафе, из которого исходил запах очень приятной выпечки. За окном виднелся костёл с крестом. Сейчас на этом костеле очень много мемориальных досок, поскольку в этом здании находился госпиталь во время Варшавского восстания и оккупации. Рышард был человеком необыкновенной теплоты и обаяния. Его уже много лет нет на свете, но он считается, как рассказал мне один варшавский галерист, самым дорогостоящим современным польским художником. Тогда, в 1977 году, в это трудно было поверить. Его

абстрактные вещи, состоявшие из специфически соборных кубов, могли вызвать в СССР только удивление. Он постоянно путешествовал на Запад и выставлялся там. Через много лет он стал проректором Академии изящных искусств в Варшаве.

Никогда в жизни я так часто не ходил в театр, как за тот месяц пребывания в Варшаве. У Рышарда были огромные связи в театральном мире. Мы были в театре Ханушкевича, где я впервые увидел на сцене живого Даниэля Ольбрыхского в пьесе Фредро «Муж и жена». Ольбрыхский был молод и источал энергию, по-настоящему заводил зрительный зал. Другим сильным впечатлением стал спектакль «Реплика» Йозефа Шайны. Действие начиналось странно: посередине небольшого зала лежала огромная куча мусора. Постепенно из неё начинал идти дымок и вылезать люди, издававшие нечленораздельные звуки. Таким аллегорическим способом Шайна выражал протест против ужасов войны и тоталитаризма – режиссер сидел в Освенциме и спектакль явно был навеян его лагерными воспоминаниями. Третий спектакль был в «Театре на Воли» и назывался он «Современный Гамлет» по пьесе югославского драматурга. Пикантность спектаклю придавали два факта: во-первых, главным отрицательным героем был секретарь райкома, а во-вторых, на сцене показывали половой акт (и то, и другое в советском театре было исключено). Необыкновенный дух художественной свободы, царивший в Польше, был понятен даже подростку.

Когда мы приехали в Варшаву на только что открытый Центральный вокзал, этот памятник Гереку-строителю, был еще новеньким зданием. На прилавках магазинов лежала жвачка «Дональд Дак», стояли красивые бутылочки с «Кока-колой» (польские дети произносили «Кока-коля») и лежали сигареты «Мальборо» в красно-белых пачках. Мама пыталась удивить польских друзей сигаретами

СССР
КОМИТЕТ

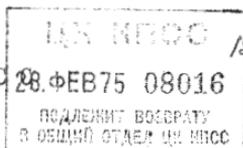
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

«28» февраля 1975 г.

№ 470-246
гор. Москва

РАСЕКРЕЧЕНО

Секретно

15.2/13

Ц К К П С Р 28 ФЕВ 75 08016

О деятельности консульства США в Кракове

Ответственный работник МВД ПНР в доверительной беседе с нашим представителем рассказал следующее о деятельности открытого в августе 1974 года консульства США в Кракове.

Получаемые польскими органами безопасности материалы свидетельствуют о том, что под прикрытием американского консульства, по существу, развернул свою деятельность центр идеологической диверсии в Польше. Штат консульства почти полностью состоит из сотрудников Информационного агентства США (ЮСИА). Основной задачей центра, по данным МВД ПНР, является сбор информации о различных областях народного хозяйства и общественной жизни Польши, пропаганда достижений США и американского образа жизни среди местного населения. За короткое время работники консульства установили многочисленные контакты среди польских ученых, творческой и технической интеллигенции, католического духовенства, студентов и учащихся, наиболее податливых западному влиянию.

В консульстве США в Кракове организуются различные выставки, выступления американских артистов и эстрадных ансамблей, проводятся массовые мероприятия с приглашением на них видных представителей польской общественности. За первые 4 месяца деятельности центром устроено 10 выставок ("Образование в США", "Искусство Запада", об американских исследованиях в космосе и т.д.). Об их популярности свидетельствует высокая посещаемость. Так, выставку "Конфронтации" за 10 дней посетило 3,5 тысячи человек. Некоторые экспозиции разворачиваются в городских выставочных залах, музеях и учебных заведениях. Консульство организует доклады и лекции приезжающих в ПНР из США известных ученых, зачастую приглашает американских специалистов по отдельным отраслям знаний из других стран.

Сурин

28.2.75. 152/13

В отделе ЦК КПСР
отдел по делам
Ю. Д. 11/111111

TK 5325

Ежедневно в консульстве демонстрируются научно-популярные и пропагандистские фильмы о достижениях США в различных областях . Просмотры посещает около трех тысяч поляков в месяц. Кроме того, фильмы выдаются напрокат вузам, учреждениям и предприятиям, которые при возвращении фильма обязаны представить письменный отчет о количестве сеансов и числе зрителей. Выданные напрокат американские фильмы просмотрело свыше 10 тысяч граждан ПНР.

При консульстве имеется библиотека с читальным залом, в котором посетители могут ознакомиться с американской периодической печатью и литературой, с новинками из различных областей. Услугами библиотеки пользуются ежедневно 200 посетителей. В случае отсутствия нужной книги по заявке читателя она присылается из США. С целью привлечения молодежи американцы широко практикуют бесплатное распространение рекламных изданий и проспектов, устраивают коллективные посещения библиотеки школьниками под руководством учителей. Обучение на курсах усовершенствования английского языка, по данным друзей, ведется в виде дискуссий, имеющих направленный политический характер.

По заявлению указанного работника МВД ПНР, пропагандистская деятельность консульства США в Кракове оказывает негативное влияние на население. МВД ПНР предпринимает попытки ограничивать возможности американской стороны для ведения пропаганды, но реального успеха пока не имеет. В связи с этим упомянутый работник МВД ПНР высказал мысль о том, что создание в Кракове советского пропагандистского центра помогло бы им нейтрализовать деятельность ЮСИА.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Г. К. Цинёв ЦИНЕВ

«Союз-Аполлон», которые были первым советско-американским продуктом, выпущенным в 1975 году. И они действительно удивлялись этому продукту разрядки. Тогда я впервые узнал, что такое пирожные «Бликле». Меня пленили запахи стирального порошка в киосках «Рух», мы побывали в королевском дворце Виланув и в Железовой Воле на родине Шопена. И, конечно, нас принимали польские биохимики, друзья деда. Поляки очень симпатизировали маме. Она говорила по-польски, и как потом мне объяснили, это был старый польский диалект, который использовали поляки на Западной Украине и в Западной Белоруссии. Правда, когда Рышард Винярский отвез нас в знаменитую крепость Варшавская цитадель, он произнес саркастическую фразу: «Здесь ваши вешали наших». Этот взгляд как-то сразу заставлял несколько иначе оценивать «братскую Польшу».

В этой поездке я впервые смог оценить элегантность польских военных. Солдаты почётного караула, стоявшие у могилы Неизвестного солдата и у дворца Бельведер, отличались особой выправкой и вышколенностью. Это было Войско Польское, во главе которого стоял министр обороны Войцех Ярузельский, также выделявшийся каким-то несоветским лоском. В газетных киосках продавалась военная газета «Жолнеж вольности» (как я потом узнал, самая догматичная и топорная газета в народной Польше).

Советская мифология Польши, весьма культивировалась в нашем доме. Конечно же в детстве я зачитал до дыр книгу Януша Пшимановского и вместе с другими мальчишками засматривался сериалом «Четыре танкиста и собака», читал книгу «Король Матиуш Первый» Януша Корчака, книги Ежи Ставиньского и других польских писателей, издававшихся в СССР. В школе на уроке химии делал доклад о Марии Склодовской-Кюри. Мама часто

слушала пластинки с Агнешкой Осецкой и Галиной Куницкой. Помню, как Куницка пела: «Па-па-па-пара-ра»...И в конце на пластинке говорилось: «Приз популярности на Сопотском фестивале». Иногда мама напевала польские народные песенки вроде «Карлику, Карлику, цо ты носишь в кошыку...» («Карлик, Карлик, что ты несешь в своей корзине?»)...

* * *

Следует понимать, что система власти, сложившаяся в СССР ко второй половине 1970-х, значительно отличалась от российской 2010-х годов. Советским Союзом тогда руководили люди, пережившие Великую Отечественную войну, которые как управленцы сформировались в сталинское время, а в плановой экономике, как и во всей общественной жизни, господствовала так называемая командно-административная система. Существовали Варшавский договор, мировая социалистическая система, а советские войска размещались в странах Восточной Европы, включая Восточную Германию. (Они были выведены из Румынии и Албании, а в Чехословакию вернулись лишь в 1968 году).

В СССР была построена система информации и пропаганды о странах советского блока, или, как тогда говорили, о социалистических странах. Эта система была глобальной и состояла из редакций соцстран в газетах и журналах, зарубежных корпунктов телевидения и радио, Института экономики мировой соцсистемы в составе Академии наук СССР, сети книжных магазинов «Дружба». Для студентов международного отделения факультета журналистики МГУ, одним из которых был и я, обязательным для изучения вторым иностранным языком был язык одной из соцстран.

Сформировалась даже некоторая потребительская субкультура, связанная с соцстранами. В магазинах «Лейпциг», «Варна», «Власта», «Балатон», «Букур», «Ядран», «Польская мода» и «Польская гвоздика» продавались товары из стран

Краков.

Рисунок Германа Черёмушкина, 1970 год

СЭВ и Варшавского договора. В условиях дефицита и «железного занавеса» эти магазины стали для граждан СССР своего родом окном в красивую заграничную жизнь, где было престижно, как иногда говорили, «отовариваться». Люди стремились в них за бытовой техникой, кожаной галантереей, консервами и прочими товарами, казавшимися предметами мечтаний: тонкими женскими чулками, мылом, миксерами, игрушками...

В сознании граждан СССР сформировался образ социалистических стран как дружественных государств, уровень жизни в которых немного выше, чем в СССР, политическая система разнообразнее, а в Польше и Венгрии не настолько жёсткая.

Присутствие советских войск в этих странах считалось естественным итогом победы СССР во Второй мировой войне. Средства массовой информации создавали приукрашенный образ происходившего в социалистических странах, иллюзию успехов советского образа жизни и дружбы с СССР. Для советского зрителя, читателя и слушателя формировалась благополучная, далёкая от проблем картина происходившего в странах Варшавского договора, освещавшаяся в газетах под рубрикой «Новости из стран социализма». В основе своей это была пропаганда успеха. Общее руководство системой осуществлялось аппаратом ЦК КПСС. Но постепенно этот «прекрасный образ» начал давать трещины, справиться с чем и в ЦК КПСС оказались не в силах.

* * *

В июле 1980 года в Польше начались забастовки рабочих. На юго-востоке оказался парализован железнодорожный узел в Медыке, который обеспечивал прохождение военного транспорта, снабжавшего военные базы СССР в Польше и ГДР. Как пишет Лех Ковальский, «отчаявшееся польское общество враждебно относилось к советским железнодорожным эшелонам, передвигавшимся по тер-

ритории Польши, уходящим в направлении СССР, а также следовавшим транзитом». Были известны случаи, когда в районе Тересполя и Малашевичей в буксы поездов засыпали песок, отказывались менять локомотивы. Однажды советские дивизии в ГДР на три дня остались без снабжения, поступавшего из СССР. Проблема оказалась настолько серьезной, что её включили в повестку дня специального заседания Политбюро ЦК КПСС. «Никогда ещё на протяжении многих лет генерал Ярузельский не занимался этим вопросом с такой решимостью»¹⁷, – комментирует Лех Ковальский.

В августе снова начались забастовки на судоверфи имени Ленина в Гданьске, которые распространились на всё Балтийское побережье. Забастовки охватили Варшаву и Лодзь, а также Силезию. Поначалу рабочие выдвигали экономические требования и обычно прекращали бастовать, если им ненамного повышали зарплату. Первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек в это время отдыхал в Крыму и встретился с Брежневым, который впервые выразил беспокойство по поводу ситуации в Польше.

В Гданьске был создан межзаводской забастовочный комитет, к которому присоединились 156 бастующих предприятий. 21 августа комитет выдвинул список требований из 21 пункта. Наибольшее раздражение у властей вызвало требование о создании независимых профсоюзов, что означало бы утрату властями контроля за рабочей средой, от имени которой Польская объединенная рабочая партия, собственно, теоретически и правила.

Герек стремительно терял поддержку внутри руководства ПОРП. Его «товарищи» уже начали борьбу за партийные посты с таким бесстыдством, будто Герек уже лишился своей должности. Станислав Каня и его подопечные из силовых структур – Ярузельский, глава МВД Ковальчик, а также старые деятели ПОРП, объединившиеся вокруг Эдварда Бабюха, – начали атаку на премьер-министра Петра

Ярошевича, которого хотели выставить козлом отпущения за экономический и финансовый крах страны. Ярошевич был более сильной фигурой в политическом отношении и обладал большой поддержкой Москвы. Без него Герек значительно терял в расстановке сил на партийном Олимпе. Удар по Ярошевичу был одновременно ударом по Гереку.

Ковальский пишет, что кабинет Ярузельского на Кленовой улице в Варшаве стал эпицентром партийных и политических интриг¹⁸. У Ярошевича было много противников в партийном аппарате, и эта группировка усилилась после того, как к ней примкнул Ярузельский. Его фаворитом на место премьера был первый секретарь Катовицкого воеводского комитета Здислав Грудзень (который, к слову, в 1981 году был интернирован в составе группы Герекы и в официальном сообщении о военном положении назван третьим виновным в кризисе в стране).

Первый бой в сражении за уход Ярошевича с поста премьер-министра произошёл на VII съезде ПОРП 11–15 февраля 1980 года. Ярошевич не вошёл в состав нового ЦК, что означало его скорую отставку. 18 февраля Ярошевич подал в отставку на заседании Сейма. Премьером стал Эдвард Бабюх¹⁹. Это назначение вызвало удивление даже в Кремле. Говорят, тогдашний Председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин заявил, что Бабюх не знает ничего ни про экономику, ни про то, как руководить правительством.

Но сам Бабюх совершенно не намеревался ограничиваться местом премьера. Он хотел стать Первым секретарем ЦК ПОРП. В этой ситуации Каня, также примеривавшийся к этой должности, начал активизировать группировку оппонентов уже новому премьер-министру. По оценке Москвы, на VII съезде ПОРП очень хорошо показал себя Войцех Ярузельский, который впервые «блеснул как гражданский политик»²⁰. (Об этом в своих воспоминаниях, опубликованных только на польском языке, пишет Пётр Костиков, в то время работавший руководителем польского сектора ЦК КПСС.)

Избавляясь от Ярошевича, Герек рассчитывал утихомирить противников внутри партии и укрепить свои позиции. К сожалению, Бабюх на должности главы правительства оказался крайне неудачным вариантом. При этом он был страшным интриганом и собрал в своём ближайшем окружении амбициозных политиков, рвавшихся к власти. Бабюх был крайне непопулярен на нижнем уровне чиновничьего класса. Помню, в моей школе в Москве училась девочка, отец которой работал в СЭВ. Она всегда произносила фамилию Бабюха задом наперёд, что по-русски звучало и имело то же значение, что и по-польски.

Однако польскому обществу уже было не до интриг в партийной верхушке. Забастовки охватили всю страну. Проще было назвать предприятия, которые не бастовали, чем те, которые прервали свою работу. Выступив в июле 1980 года с предложением поднять цены, Бабюх только усилил недовольство граждан. Это предопределило его судьбу. Уже 25 августа на IV пленуме ЦК ПОРП он перестал быть членом Политбюро, а затем и премьером. Во главе правительства встал Юзеф Пиньковский – политик, столь же бесцветный, сколь и его предшественник (и продержавшийся в кресле премьера столь же «долго» – полгода). Общий внешний долг ПНР к этому времени составлял 20 миллиардов долларов, что превышало стоимость экспорта товаров и услуг Польши за два года.

Наконец, несколькими днями позже на заседании Политбюро ЦК ПОРП прозвучало предложение ввести в стране чрезвычайное положение. Однако Конституция ПНР 1952 года не предусматривала такой возможности. Тогда Ярузельский впервые высказал своё мнение на сей счёт. Он заявил, что спасти ситуацию может только военное положение, но «как обеспечить суровые меры, если встанет вся страна?».

В Москве только что завершилась Олимпиада, которую из-за советского вторжения в Афганистан бойкотирова-

ли США и страны Запада. 25 августа 1980 года Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «К вопросу о положении в Польской Народной Республике». Была образована секретная комиссия ЦК во главе с Михаилом Сусловым, или «комиссия Суслова» (в 1982 году её возглавил Михаил Горбачев.) В задачи комиссии входили мониторинг ситуации и выработка предложений о необходимых мерах со стороны СССР как гаранта нерушимости социалистического лагеря с точки зрения сохранения Польши в организации Варшавского договора.

Теперь Брежнев начинал день с вопроса «Как дела в Польше?». По мере нарастания протестного движения председатель КГБ Юрий Андропов всё чаще требовал докладов от представителя КГБ в Польше генерала Виталия Павлова, который звонил ему по нескольку раз в день.

Среди вариантов, рассматривавшихся советским руководством, изначально не исключалось и массированное введение в Польшу советских войск для подавления «контрреволюции». 28 августа члены «комиссии Суслова» в записке на имя Брежнева просили на следующий день привести в полную боевую готовность три танковые и одну мотострелковую дивизии. В случае дальнейшего обострения обстановки предполагалось доукомплектовать дивизии нескольких округов до состояния военного времени. Брежнев не торопился с подписанием распоряжения о вводе войск и сказал: «Повременим». Среди противников этой ещё одной военной операции, обременявшей советскую экономику, был и начальник Генштаба маршал Николай Огарков.

Тем временем внимание Москвы, да и всего мира, было приковано к Гданьску, где 31 августа лидер «Солидарности» Лех Валенса подписал исторические соглашения с правительственной комиссией, что привело к созданию независимых самоуправляющихся профессиональных союзов. Трудящиеся, на которых так любили ссылаться советские и польские партийные руководители, приняли решение

самостоятельно позаботиться о себе. Они хотели видеть во главе профсоюзов настоящих лидеров, а не партийных функционеров. В Гданьске собралось огромное количество журналистов. Гостиница «Меркурий» превратилась в пресс-центр. Именно эти события отобразил в своем ставшем легендарным фильме «Человек из железа» Анджей Вайда.

Роль Кани в партийном и государственном аппарате усиливалась всё больше. Он стал руководителем так называемого антикризисного штаба. Герек чувствовал себя всё хуже, часто болел и постепенно отходил от государственных дел. Ярузельский оставался на втором плане. Как отмечают все, даже самые недоброжелательные историки, он не стремился занять пост Первого секретаря ЦК. Хотя такие предложения и звучали, в том числе от Кани, который видел для себя эту должность, что называется, на вырост. Лех Ковальский считает, что Ярузельский проявлял осторожность в этом вопросе, поскольку не знал, до какой степени может рассчитывать на поддержку Брежнева. «Профессиональный военный в роли Первого секретаря компартии – такого ещё не было. Это могло вызвать недоверие в братских партиях. Тем не менее фамилия Ярузельского как наследника Герекки принималась во внимание Москвой. Об этом шептались в кремлёвских кабинетах»²¹, – пишет Ковальский.

В Польше уже не было никого, кроме Ярузельского, кто, заручившись поддержкой Кремля и занимая стратегически важные должности в государстве и партии, обладал таким опытом и такими возможностями. По воспоминаниям Петра Костикова, который в то время отвечал за отношения с Польшей в аппарате ЦК КПСС, Ярузельский хорошо представлял себе ситуацию в Кремле в связи с состоянием здоровья Брежнева. «Мир ждал известий о кадровых переменах за кремлевскими стенами в любую минуту. Ярузельский знал реалии и не хотел рисковать, заключая союз с немощными старцами. Но потом ему объяснили, что центр власти в Кремле переместился из рук стариков в руки

Андропова (он был моложе Брежнева всего на 5 лет) и ближайшее будущее будет определяться его группировкой, к которой примкнёт армия»²², – пишет Ковальский. Только самые осведомлённые люди в Москве знали, что Андропов также неизлечимо болен²³.

По воспоминаниям резидента КГБ в Варшаве генерала Виталия Павлова, Герек пытался убедить Каню в необходимости обратиться к советским товарищам с просьбой введения войск для восстановления порядка²⁴. Правда, не очень понятно, почему он обращался с этим предложением к Кане, а не к Брежневу. Скорее всего, из-за того, что никто из польских руководителей не хотел брать на себя ответственность за приглашение Большого брата. Герек отозвал из Берлина бывшего секретаря ЦК Стефана Ольшовского²⁵, который занимал пост посла ПНР в ГДР и, с точки зрения Гереча, мог бы бросить вызов дуумвирату Кани и Ярузельского. Однако у Ольшовского уже не было возможности объединить вокруг себя противников этого тандема. И, хотя Каня казался достаточно слабым политиком, он не хотел ни на шаг сдавать свои позиции Ольшовскому.

Ночью с 5 на 6 сентября 1980 года во время заседания пленума ЦК ПОРП было объявлено, что Герек «в связи с болезнью перестал исполнять обязанности Первого секретаря». На этот пост был предложен Станислав Каня. С этого момента Каня и Ярузельский стали неразлучной парой. «Они вместе начали искать выход из экономического кризиса и способ разделаться с «Солидарностью»»²⁶, – пишет Ковальский.

Тем временем забастовки в Польше продолжались. В них участвовали уже 1,2 миллиона человек и 2 тысячи предприятий. Оказавшись не в состоянии взять под контроль ситуацию в стране, Каня и Ярузельский решили обратиться за поддержкой к польской Римско-католической церкви. Впервые с 1967 года состоялось заседание совместной комиссии правительства и епископата.

В интервью знаменитой итальянской журналистке Ориане Фаллачи в 1982 году Мечислав Раковский говорил, что в октябре 1980 года, когда Станислав Каня отправился в Москву, Брежнев не требовал от него разгрома «Солидарности». «Он не сказал, что «Солидарность» угрожает мировой системе социализма. Он просто потребовал, чтобы Каня взял ситуацию под контроль. В руководстве Советского Союза существовали две тенденции – польская и антипольская, и Брежнев принадлежал к первой группировке. Он любит Польшу и, поверьте мне, понимает её»²⁷, – утверждал Раковский.

Последние месяцы 1980 года были временем, когда, несмотря на старческую немощь советских вождей, никто не мог представить себе распада Советского Союза и советского блока. В СССР господствовал так называемый застой: только что умер Высоцкий, в Москву устремлялись колбасные электрички из Калуги, Тулы и Рязани и даже из Горького. Руководящие работники аппарата ЦК и министры получали заказы-пайки в закрытых распределителях. Шла война в Афганистане, но в открытой печати её представляли как братскую интернациональную помощь. О потерях и яростном сопротивлении моджахедов говорилось как о происках США. В своих выступлениях Брежнев пытался представить будущее так: «Мы, коммунисты, верим, и не только верим, мы убеждены, что наступающие 1980-е годы будут годами новых успехов в коммунистическом строительстве»²⁸. Именно так он говорил на встрече с избирателями Бауманского округа Москвы, от которого баллотировался в Верховный Совет СССР. Однако события в «братской Польше» вызывали тревогу.

По мере углубления кризиса в советском блоке и, особенно, в связи с появлением движения «Солидарность» в СССР всеми силами пытались заблокировать информацию, поступающую из этой страны. В декабре 1980 года Секретариат ЦК КПСС предпринимает меры по ограниче-

нию распространения информации о событиях в Польше на территории СССР. Специальным решением газеты и журналы из ПНР были запрещены к распространению в СССР. Главному управлению по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР было поручено изымать из розничной продажи и подписки книги и другие издания, направляя их в спецхранилища²⁹.

Советское военное руководство хотело провести в Польше осенью 1980-го военные манёвры «Союз-80» с участием армий Польши, Чехословакии и ГДР. Однако, как вспоминал генерал Грибков, по просьбе поляков и, особенно, Станислава Кани эти манёвры было решено перенести на 1981 год. Вначале Устинов и Брежнев согласились с этим предложением, но потом «обстановка осложнилась», и был получен приказ провести манёвры 8 декабря. С учётом того, что в странах Центральной Европы в это время отмечается Рождество, было принято решение закончить их к 24 декабря. Но после их окончания 21 декабря и подведения итогов из Москвы поступил приказ продолжить манёвры. В общей сложности маневры продолжались четыре месяца. Как вспоминал Грибков, были освоены все возможные войсковые операции: оборона, переход в контратаку, атака, отступление. После этого Грибков переместился в Легницу, в штаб Северной группы войск. Все средства связи оставались в готовности. Неожиданно в Легницу позвонил Устинов и сказал: «Ты что там сидишь в Легнице под семью флагами? Уже ООН говорит, что ты свой штаб перенёс с Ленинградского шоссе в Легницу. Быстро проваливай оттуда!». А до этого Устинов всё время повторял: «Сиди и сиди там» (в Легнице)³⁰.

3 декабря 1980 года президент США Джимми Картер проинформировал по горячей линии Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева о том, что в случае военной интервенции в Польшу Советскому Союзу придётся столкнуться с очень серьёзными последствиями. Збигнев

Бжезинский на конференции в Яхранке вспоминал, что в его распоряжении имеются воспоминания военных из ЧССР и ГДР, которые должны были войти в Польшу 8 декабря и начали передвижение войск. В документах, имеющихся в распоряжении чехословацких военных, говорится о маршрутах передвижения войск, а также содержится карта планируемых военных операций на 12 страницах. В этих материалах также есть предупреждение о необходимости избежать кровопролития.

Однако все эти ухищрения не пошли впровок. Именно с рабочих протестов в Польше, с появления движения «Солидарность», по сути, и началось десятилетие перемен, приведших к распаду системы социализма, Варшавского договора и краха СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Szlachcic Franciszek. Gorzki smak władzy: wspomnienia.* – Warszawa: Fakt, 1990. – 350 s.

² *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 299.

³ Ibid. – S. 299.

⁴ Ibid. – S. 300.

⁵ Ibid. – S. 301.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ *Gajdzinski Piotr. Gierek, Człowiek z Węgla.* – ^{Poznań:} Wydawnictwo Poznańskie, 2014. – 380 s.

⁹ Ibid. – S. 25.

¹⁰ Ibid. – S. 309.

¹¹ *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 311.

¹² Ibid. – S. 312.

¹³ *Piecuch Henryk. Bylem gorylem Jaruzelskiego.* – Warszawa: Agencja Wydawnicza CB, 2001. – 286 s.

¹⁴ В начале 1976 года Брежнев перенёс клиническую смерть. После этого он так и не смог физически восстановиться, и его тяжёлое состояние и неспособность управлять страной с каждым годом становились всё очевиднее. Любопытно, что вышедшие в СССР в 1988 году «Избранные произведения» Войцеха Ярузельского не содержали никаких речей, произнесённых до 1981 года. И никак не отражают его встречи в Кремле с Брежневым. Впрочем, к этому моменту «брежневский застой» стал в Польше периодом умолчания.

¹⁵ Это утверждение мы оставим на совести полковника Артура Готувко.

¹⁶ *Piecuch Henryk. Bylem Gorylem Jaruzelskiego.* – Warszawa, 1993.

¹⁷ *Kowalski Lech. Jaruzelski, General ze skaza: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012. – S. 505.

¹⁸ Ibid. – S. 506.

¹⁹ Эдвард Бабюх (1927) – работал в аппарате Союза польской молодёжи, затем в аппарате ПОРП. Вошёл в состав Политбюро вместе с другими молодыми политиками Герека. Пробыл премьер-министром полгода. В 1981 году интернирован.

²⁰ *Kostikov P., Rolinski B. Widziane z Kremla. Moskwa – Warszawa. Gra o Polsce.* – Warszawa, 1992. – S. 232.

²¹ *Kowalski Lech. Jaruzelski – General ze skaza: Biografia wojskoła wa gerela armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Warszawa, 2012. – S. 509.

²² Ibid.

²³ Очень хорошо помню, что о болезни Андропова ещё до его избрания генсеком мне рассказывал учившийся со мной в одной школе внук Н. С. Хрущева – Никита Сергеевич Хрущев, впоследствии работавший в газете «Московские новости» и весьма осведомлённый в бытовых делах советских вождей.

²⁴ *Pawlow W. General Pawlow: Bylem Rezydentem KGB w Polsce.* – Warszawa: BGW, 1994. – S. 53.

²⁵ Стефан Ольшовский (1931) – политик, сделавший карьеру в Союзе польской молодёжи, примыкал к группе Мочара, один из организаторов антисемитской кампании 1968 года. Как секретарь ЦК ПОРП, курировал идеологию, образование и СМИ. Должность посла в ГДР фактически означала ссылку. Во время кризиса 1980 года вернулся в Варшаву, вошёл в Политбюро, настаивал на военном подавлении «Солидарности». При Ярузельском несколько лет возглавлял МИД ПНР. Был организатором кампании против Иоанна Павла II. Впоследствии женился на американской журналистке и эмигрировал в США.

²⁶ *Kowalski Lech. Jaruzelski – General ze skaza: Biografia wojskowa generala armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Warszawa, 2012.

²⁷ *Ordynski Jan, Szlajfer Henryk. Nie Badzcie moimi sedziami, rozmowy z Mieczyslawem F. Rakowskim.* – Warszawa¹: Rosner & Wspólnicy, 2009. – S. 265.

²⁸ *Брежнев Л. И. Ленинским курсом.* – М.: Изд-во политической литературы. – Т. 6.

²⁹ Постановление Секретариата ЦК КПСС от 4 октября 1980 года «О некоторых дополнительных мерах по организации пропаганды и контрпропаганды в связи с событиями в Польше». См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 59. Л. 4–7; Постановление Секретариата ЦК КПСС от 22 декабря 1980 года № 242/61 гс «О некоторых дополнительных мерах по контролю за распространением польской печати в СССР». См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 81. Л. 1–26.

³⁰ *Wejda nie wejda: Polska 1980–1982: wewnętrzny kryzys, międzynarodowe uwarunkowania: konferencja w Jachrance, listopad, 1997.* – London: Aneks, 1999. – S. 175.

ЯРУЗЕЛЬСКИЙ И ПАПА РИМСКИЙ ИОАНН ПАВЕЛ II

Избрание 16 октября 1978 года Краковского кардинала Кароля Войтылы римским папой, принявшим имя Иоанн Павел II, стало неприятным известием для властей предрержащих в Польше и вызвало тревогу, если не сказать – панику. С не меньшей настороженностью отнеслись к избранию поляка главой Ватикана и в Кремле, и на Старой площади в ЦК КПСС. Для коммунистов он был опасным врагом, остававшимся последовательным христианином-католиком, несмотря на свою жизнь в государстве, где атеизм был официальной доктриной и где власти всячески притесняли католическую церковь (что имело обратный эффект и только способствовало росту её популярности). Авторитет Войтылы был чрезвычайно велик как в Польше, так и за её пределами, а Краков, где он был кардиналом, считался оплотом антисоветского, если не сказать – антирусского сопротивления.

В тот октябрьский день по всей Польше забили колокола. То, что папой римским стал поляк, вызвало у простых людей огромную радость и вселило в них большую надежду. Что касается властей ПНР, то современные историки считают, что для них это событие означало поражение в дипломатической игре, которую они вели с Ватиканом. Отношения Ватикана и Польши – крупнейшего государства советского блока, социалистической страны, 90 процентов

Бюст папы римского Иоанна Павла II.
Пётр Черёмушкин, 2003 год

населения которой считали себя верующими католиками, всегда были предметом особого внимания как польского, так и советского руководства.

Официально власти ПНР выразили удовлетворение в связи с избранием Кароля Войтылы римским папой. Были направлены поздравления от имени Первого секретаря ЦК ПОРП Эдварда Герека, председателя Государственного совета Генрика Яблоньского и премьер-министра Петра Ярошевича.

Уже первое выступление Иоанна Павла II вечером в день избрания принесло ему огромную популярность. Лозунгом его понтификата стала фраза: «Не бойтесь, откройте дверь Христу!». Считается, что Войтыла совершенно изменил дух папства. Он запомнился своим необыкновенным обаянием и открытостью. Как пишут польские историки, своей спонтанностью и непосредственностью он смог открыть сердца миллионов. В своих многочисленных пастырских поездках – а Войтыла посетил более 130 стран – он часто обращался к верующим на языке той страны, куда приезжал, при этом многие его проповеди были обращены к молодежи. Иоанн Павел II любил говорить по-русски, побывал во многих республиках бывшего СССР: в Украине, Грузии, Армении, Казахстане, Литве. Но в Россию его так и не пустили: Русская православная церковь не сняла своё вето на визит папы, несмотря на неоднократные приглашения по государственной линии.

Один из первых визитов Иоанн Павел II совершил в Польшу, куда впоследствии возвращался не раз. Просоветские власти ПНР не могли запретить эту поездку, учитывая восторг, с которым поляки восприняли избрание своего земляка папой. После долгих переговоров и попыток отложить приезд в июне 1979 года римский папа прибыл в Варшаву. По воспоминаниям современников, соотечественники устроили ему овацию. Вся Польша буквально встала на колени. Из Москвы с некоторым недоу-

мением наблюдали за огромным алтарём, воздвигнутым перед сталинской высоткой в Варшаве, и перемещениями папы в открытой «Чайке» по улицам польских городов. В своей проповеди на той огромной площади, носящей теперь имя Пилсудского, Иоанн Павел II обратился к собравшимся со словами: «Пусть снизойдет Дух Святой и изменит облик земли, этой земли!».

По воспоминаниям Ярузельского, когда 10 июня, после завершения визита папы, его самолет поднялся в воздух из аэропорта Краков-Балице (который после смерти Иоанна Павла II назовут его именем), многие в партийном руководстве вздохнули с облегчением. «В тот момент самым главным было то, что визит прошёл спокойно, без инцидентов»¹, – вспоминал генерал и признавался, что власти недооценили значение визита папы римского для укрепления оппозиции. Впрочем, тогда мало кто мог предположить, что всего через год будет создано движение «Солидарность», а сам Ярузельский займет пост премьер-министра, а затем и первого секретаря ЦК ПОРП.

13 мая 1981 года, в разгар польского кризиса, когда «Солидарность» набирала силу, а промосковские власти в Польше были совершенно растеряны, на площади Святого Петра в Риме турок, участник террористической организации «Серые волки» Али Агджа совершил покушение на Иоанна Павла II, выстрелив в него из пистолета. Тяжело раненный папа несколько недель находился в больнице, но выжил. Прежние силы покинули его, хотя он и продолжал совершать пешие прогулки и лыжные походы. Организаторы покушения так и не были раскрыты, хотя на суде были предъявлены доказательства участия спецслужб Болгарии, которая, как известно, тесно сотрудничала с КГБ в политических убийствах. Войтыла считал, что пулю убийцы отвела от него Фатимская Божия Матерь и это было одним из её чудес. Али Агджа был помещён в тюрьму, где его посетил сам Иоанн Павел II, долго беседовал с ним один на

один и в конце концов простил его. О содержании беседы ничего не известно.

Генерал КГБ Леонид Владимирович Шебаршин как-то обмолвился по этому поводу, что, мол, доказательств причастности Москвы к покушению на папу римского найдено не было.

Кароль Войтыла родился в 1920 году в городке Вадовице под Краковом. Родители его рано умерли, а сам он получил строгое католическое воспитание. В молодые годы у Кароля отмечали актёрские способности, он играл в театре, писал стихи. В 1938 году Войтыла поступил в Ягеллонский университет в Кракове, но во время оккупации университет был закрыт. Во время войны он работал сначала на шахте, затем в цехах химического концерна «Солвей». В 1942 году поступил в тайную духовную семинарию, 1 ноября 1946 года был рукоположен в священники и направлен на учёбу в Рим, где подготовил докторскую диссертацию.

В 1948 году Войтыла вернулся в Польшу, служил в разных приходах и одновременно преподавал в семинарии и Католическом университете в Люблине. Защиту его диссертации заблокировало Министерство образования ПНР. Вокруг него собралась большая группа молодежи, на которую он оказал огромное духовное влияние. В легенду вошли поездки молодых людей с ксёндзом, именуемым Дядей, на байдарках и велосипедах.

В 1958 году Войтыла был назначен вспомогательным епископом Краковского митрополита. Активно участвовал в работе Второго Ватиканского собора, который начался в 1962 году в Риме. В 1963 году он стал архиепископом, митрополитом Краковским, а в 1967-м – кардиналом. Его философские труды привлекали всё большее внимание в Польше и за границей. Как следует из открывшихся ныне архивных документов, служба безопасности ПНР вела активное наблюдение за Войтылой, читала его переписку, подслушивала телефонные разговоры².

Во время визитов в Польшу Иоанн Павел II не делал прямых антисоветских заявлений и не призывал к свержению существующего строя. Но характер его высказываний и встреч недвусмысленно давал понять, на чьей он стороне. Портреты Святого отца, появившиеся на воротах Гданьской судоверфи имени Ленина во время забастовок, вполне ясно демонстрировали, на кого уповают рабочие. Войтыла мог себе позволить сделать недвусмысленный намёк в своих выступлениях во время поездок по стране. Однако папа никогда не забывал о том, что он несёт свой крест ответственности как публичное лицо, политик и дипломат. Так сказать, оглядывался на правящую партию, что всегда было важным фактором в деятельности Римско-католической церкви: при том, что ксёндзы призывали не бояться и сохранять национальный дух, они в большинстве случаев волнений и протестов стремились не допустить кровопролития и выступали в качестве сдерживающей силы.

По воспоминаниям лидера «Солидарности» Леха Валенсы, который неоднократно получал аудиенции у Святого отца в Ватикане, тот очень часто задавал первый вопрос о Ярузельском. «Как там генерал? И как у него дела?» – спрашивал папа. Валенса пишет, что первое время он даже возмущался: «При чём здесь Ярузельский? Других поляков, что ли, нет?». Позже Валенса говорил, что оценил прозорливость папы и хорошо понял, почему его беспокоило двусмысленное положение генерала, постоянно искавшего компромисс между интересами Советского Союза, нависшего над ПНР своей военной мощью, и интересами польского общества.

Широко известно высказывание Иоанна Павла II о том, что приход к власти Горбачева был проявлением Божественного провидения. 1 декабря 1989 года в Ватикане состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева с Иоанном Павлом II. Горбачев стал первым советским лидером, который посетил Ватикан

с официальным визитом. Событию предшествовала встреча в 1988 году Михаила Горбачева с Государственным секретарем Ватикана Агостино Казароли, приехавшим в Москву на празднование Тысячелетия крещения Руси. После беседы, состоявшейся с глазу на глаз (переводчиком был польский иезуит Соломон Шловенец – за это уточнение автор благодарит Вадима Волобуева), к ним присоединились митрополит Русской православной церкви Ювеналий, который в 1970-е годы возглавлял Отдел внешних церковных сношений, и кардинал Казароли, выполнявший роль фактического министра иностранных дел Ватикана.

По воспоминаниям Анатолия Черняева, внешнеполитического помощника Генерального секретаря КПСС и Президента СССР Михаила Горбачева, тогда все понимали, что католическая церковь – это не только религиозная, моральная, но и политическая, и экономическая сила. Целью Горбачева на встрече являлось разоблачение представления о Советском Союзе как об «империи зла»³.

В то время считалось большим успехом, что после встречи было объявлено о шагах к установлению официальных отношений между СССР и Ватиканом. Решение в перспективе этих вопросов позволило Горбачеву после аудиенции у Иоанна Павла II заявить: «Мы беседовали со Святейшим папой о первом посещении им Советского Союза».

Встреча стала переломным моментом в дипломатических контактах между СССР и Ватиканом и в процессе возрождения католической церкви в СССР. 15 марта 1990 года между Ватиканом и СССР были установлены официальные отношения, имеющие дипломатический статус. Дипломатические представители государств имели статус дипломатов *ad personam* и ранг апостольского нунция и чрезвычайного посла соответственно. После распада СССР 5 сентября 1991 года Ватикан признал независимость и суверенитет Российской Федерации.

О взаимоотношениях двух выдающихся поляков Войцеха Ярузельского и Кароля Войтылы, чьи молодые годы выпали на ужасы Второй мировой войны и получивших католическое образование, известно не так уж много. Только по косвенным свидетельствам, по воспоминаниям самого генерала и его дочери Моника можно судить, как складывались отношения двух глав государств, один из которых возглавлял бастион западной религии и культуры, а другой волею судеб оказался главным действующим лицом в поддержании советских порядков в своей стране⁴.

Почти девять лет продолжалось это партнёрство-соперничество между генералом Ярузельским и папой римским Иоанном Павлом II. После отставки Ярузельского в 1990 году и избрания Президентом Республики Польша Леха Валенсы при каждом визите папы на родину, при каждой его встрече с бывшим лидером оппозиции тот неизменно преклонял колено перед главой Святого престола. Ярузельский, конечно же, этого не делал. Как не делал и президент Квасьневский. Вообще в бытность Валенсы Президентом Польши порой складывалось впечатление, что у этого государства два главы: папа римский Иоанн Павел II и Лех Валенса. И ещё не известно, кто главнее.

В своей полемической книге «Когда мы стали старше на 30 лет» Ярузельский писал (уже после кончины Иоанна Павла II), что с его стороны было бы «конъюнктурным преувеличением» утверждать, что их мнения всегда или часто совпадали, тем более в оценке военного положения. Если же оценивать отношения в целом, различные контакты, в том числе переговоры Ярузельского с папой, то можно прямо сказать, что переговоры позволяли приходиться к значительному взаимному пониманию⁵. «Это принесло свои плоды на пути исторических перемен, которые произошли в Польше... Церковь была для власти и противником, и союзником. Противником с точки зрения различий в пони-

мании общественного устройства и общественно-политических последствий тех или иных решений. Союзником с точки зрения общего понимания основополагающих национальных интересов, противодействия дестабилизации, смягчения противоречий, прокладывания дороги к согласию»⁶, – пишет Ярузельский.

«Одно является несомненным: доктринальные предрассудки, всевозможные ошибки, идиотизмы, совершённые нами в отношении Римско-католической церкви, особенно в 1950-х и 1960-х годах, более всего нанесли ущерб самой власти. В 1970-е и особенно в 1980-е годы ситуация совершенно изменилась. Иллюстрацией этого в наибольшей степени может служить размах строительства храмов и другие выгодные для церкви решения»⁷, – отмечает генерал. По его оценке, историческая роль Римско-католической церкви всеобщее известна и уважаема, равно как и её моральное учение.

Через пять дней после введения военного положения Иоанн Павел II направил Ярузельскому письмо следующего содержания:⁸

«Господину Председателю Совета Министров Польской Народной Республики Генералу армии Войцеху Ярузельскому, Варшава.

События последних дней, сообщения о соотечественниках, убитых и раненных после введения 13 декабря военного положения, заставляют меня обратиться к Господину Генералу с огромной просьбой и одновременно горячим призывом о прекращении действий, в результате которых проливается польская кровь.

В течение последних двух столетий польский народ, стремясь установить свою власть в нашем Отечестве, познал немало неприятностей и пролил немало польской крови.

В последней войне и оккупации мы потеряли около шести миллионов поляков, сражавшихся за свободную и независимую Отчизну. В этой исторической перспективе нельзя бо-

лее проливать польскую кровь, нельзя этой кровью отягощать совесть и пачкать руки соотечественников. Обращаюсь к вам, Господин Генерал, с настойчивой просьбой и одновременно горячим призывом, чтобы вопросы, связанные с обновлением общества, которое с августа 1980 года шло по пути мирного диалога, возвратились на тот же самый путь. Даже если эта дорога является трудной, она не является невозможной. Этого требует благо всего народа.

Требуется этого и общественное мнение всего мира, всех обществ, которые справедливо связывают дело мира с уважением прав человека и прав народа. Общечеловеческое стремление к миру требует того, чтобы военное положение в Польше не продолжалось.

Церковь высказывается за это стремление. Приближаются праздники Рождества, которые на протяжении многих поколений объединяли всех сыновей и дочерей нашего народа за преломлением Рождественского хлеба⁹.

Следует сделать всё, чтобы нынешние Рождественские праздники наши соотечественники не должны были проводить под угрозой смерти и репрессий.

Обращаюсь к Вашей совести, Генерал, и к совести всех тех людей, от которых зависит в настоящий момент это решение.

Р. С. Это воззвание передаю одновременно в руки Леха Валенсы, председателя «Солидарности», а также примаса Польши ксёндза архиепископа Юзефа Глемпа для всего польского Епископата, а также кардиналу Франтишеку Махарскому, Краковскому митрополиту. О моём обращении будут проинформированы также представители правительств».

Через несколько недель, а точнее – 6 января 1982 года, Ярузельский отвечает папе римскому в пространном письме:

«Ваше Высокопреосвященство!

Отвечая на направленное Вами письмо, благодарю за то, что Ваше Святейшество пожелало непосредственно предста-

вить мне своё беспокойство и пожелания. В настоящее время ситуация стабилизируется. Впервые за 16 лет в жизни нашей страны её не сотрясают бесконечные проявления напряжённости, забастовки, акции протеста и другого рода анархичные действия.

Движущий мотив письма Вашего Святейшества свидетельствует о понятной заботе о благополучии родной страны, а также заботе об избежании народной трагедии, о том, чтобы не пролилась кровь поляков. Разделяю и ещё раз разделяю это желание. Именно во имя предотвращения широкой и острой конфронтации, массового кровопролития мы ввели военное положение, отдавая таким образом опасность гражданской войны от народа с и без того тяжёлым в прошлом опытом. Совершенно необязательно, что она ограничилась бы исключительно внутренними польскими рамками, такая война могла бы повлечь за собой каттаклizm значительно большего масштаба.

Перед применением столь жёсткой меры, как военное положение, идя на различные уступки и компромиссы, мы терпеливо пробовали различные способы прекращения разложения государственного организма и превращения в руины экономики, столь ощутимые в условиях жизни нашего общества. 30 октября в Сейме я указывал, что радикально настроенные подстрекатели из руководства «Солидарности» создают контрвласть, что в сочетании с антисоветской деятельностью опасно и пагубно.

Существуют доказательства, подтверждающие связи вдохновителей и организаторов этих действий с недоброжелателями или врагами Польской Народной Республики в западных центрах. Они стремились воспользоваться внутривосточным конфликтом для изменения европейской и мировой расстановки сил, антагонизации отношений между Востоком и Западом.

Отдаю себе отчёт в том, что введение военного положения стало шоком для общества. Многие люди чувствуют себя обманутыми в своих надеждах, подавленными обстоятельствами, обиженными. Стараемся и будет стараться, чтобы все дей-

ствия по наведению порядка носили гуманитарный характер. Мы постепенно освобождаем интернированных лиц. Однако то, как будет проходить военное положение и сколь долго оно будет продолжаться, зависит только от общества. Прежде всего от того, смогут ли круги, связанные с «Солидарностью», подчиниться ограничениям, провести переоценку своих экстремальных устремлений, наступит ли рецидив беспорядков и политических крайностей.

Польша нуждается в сильном государстве, и мы не можем допустить ослабления. Однако мы знаем, что у государства должна быть сильная общественная поддержка. Будем усердно заботиться об этом. Наша заинтересованность в том, чтобы отношения между церковью и государством складывались и развивались позитивно, остается неизменной. Последний период принёс множество доказательств добрых намерений власти в этом направлении. Это были не только декларации, но и дела. Мы намерены и далее идти по этому пути и надеемся на дальнейшее взаимодействие со стороны церкви. Глубоко верю в то, что Ваше Святейшество поддержит нас в этих стремлениях и усилиях.

*С наивысшим уважением
Генерал армии Войцех Ярузельский».*

При сравнительном анализе двух этих памятников эпистолярного жанра своего времени нетрудно заметить, что оба автора апеллируют к трудным моментам прошлого Польши и предостерегают от их повторения, причём оба с весьма патриотических позиций. Только одного гораздо больше беспокоит соблюдение прав человека, а другого – антисоветские проявления. Во всех своих действиях Ярузельский вынужден учитывать реакцию Москвы, должен принимать решения с оглядкой на Кремль. Несмотря на формальный характер обращения и выверенный стиль, как с той, так и с другой стороны чувствуется взволнованность сложившейся обстановкой.

В 1981 году польский епископат пригласил Иоанна Павла II посетить Польшу. И власти поначалу были готовы подтвердить приглашение, однако после введения военного положения всё изменилось. В сложившейся ситуации у очередного визита папы римского в Польшу, запланированного на 1982 год, не было никаких шансов на то, чтобы состояться. После 13 декабря в окна папского дворца в Риме горели свечи в знак солидарности с арестованными и интернированными польскими соотечественниками. В 1982 году поездка папы в Польшу так и не состоялась.

11 июля этот вопрос рассматривался на заседании Политбюро ЦК ПОРП. Министр внутренних дел Чеслав Кищак докладывал, что вопреки позитивным ожиданиям поездка могла бы вызвать усиление не выгодных власти настроений в различных группах общества, пробудить агрессивность, а также сопротивление в отношении власти. По оценке Кищака, визит мог привести к эскалации невыгодных настроений, которые могли бы стать непосредственным импульсом для возрождения «Солидарности» после декабря 1981 года. По его словам, следует серьёзно принимать во внимание тот факт, что новый визит может также стать детонатором ситуации, на сей раз гораздо более серьёзной своими последствиями, чем та, что сложилась три года назад¹⁰.

В конце концов Кищак предложил дать решительный отпор Римско-католической церкви, которая объявила о визите папы в Польшу без консультаций с властями ПНР. Впрочем, он допускал возможность пастырской поездки папы в первый год военного положения в «случае политической необходимости». Но, конечно, не в августе – месяце, связанном с созданием «Солидарности». С точки зрения главы МВД, это мог быть однодневный или двухдневный визит в сентябре или октябре, ограничивающийся посещением Ченстоховы и с соблюдением целого ряда условий. На первом месте в ходе

визита папы, по мнению власти, должны стоять поддержка папой движения национального возрождения, призыв к прекращению забастовок и конфликтов, осуждение экстремистов. Министр предлагал перенести визит на 1983 год, а лучше на 1984-й, надеясь, что к этому времени властям удастся разрешить внутренние проблемы страны. В этом его поддерживал и Войцех Ярузельский.

В результате под вопросом оказалась не только дата поездки (в итоге она состоялась 16–23 июня 1983 года), но и список городов для посещения, ставший предметом продолжительного спора. Например, в апреле 1983 года министр – уполномоченный по делам религий Адам Лопатка категорически отверг возможность посещения папой памятника жертвам подавления рабочих протестов в Познани в июне 1956 года. Он сказал: посещение Святым отцом познанских крестов отложим до визита Иоанна XXIV или Яна Павла V лет через сто...¹¹

Спорным стал и вопрос о том, с кем папа будет встречаться в ходе поездки. Естественно, речь шла прежде всего о деятелях оппозиции и Лехе Валенсе. Как вспоминал его ближайший соратник кардинал Станислав Дзивиш, главным противником встречи Иоанна Павла II с Валенсой был лично генерал Ярузельский. Однако папа сказал, что, если встреча с Валенсой не будет включена в программу визита, он в Польшу не поедет. Как отмечают польские историки, не помогли даже материалы, компрометирующие Валенсу, которые польская госбезопасность передала в Ватикан, чтобы очернить председателя «Солидарности» в глазах папы римского. В конечном счёте польские власти дали согласие на неформальную встречу.

По данным польских историков, при подготовке визита папы были организованы специальные дежурства территориальных подразделений ПОРП для охраны партийно-правительственных объектов. Были созданы специальные штабы и проведены консультации с союзниками. МВД ПНР

обратилось к КГБ с просьбой о материально-технической помощи в связи с визитом папы римского. Польше были предоставлены бронированные автомашины, оборудование для наблюдения и подслушки, палатки, медикаменты. Поддержку оказывали и товарищи из гэдэровской «Штази». Бывший резидент КГБ в Польше Виталий Павлов пишет, что в начале 1983 года министр внутренних дел Польши Чеслав Кищак находился в состоянии паники из-за того, что терял контроль над положением в стране, несмотря ни на какие репрессивные меры¹².

В рассекреченном докладе МВД ПНР, подготовленном для сведения руководителей страны, содержатся подробности пребывания Иоанна Павла II в Польше. По состоянию на 19 часов 17 июня 1983 года сообщается, что второй день визита проходит в соответствии с планом: *«Не отмечено случаев нарушения общественного порядка. В 9.30 папа отправился на встречу в Бельведер с руководителями партии и правительства. Во время проезда по трассе собрались около 35 тысяч человек. В районе Бельведера 6 тысяч человек. На обратном пути из Бельведера число собравшихся составляло 50 тысяч человек. На трассе проезда не отмечено случаев вражеских выкриков. Некоторые поднимали вверх два пальца, сложенных в форме буквы V»*¹³.

Как и четырьмя годами ранее, Святого отца приветствовали огромные толпы. Сотни тысяч человек приходили на его мессы. В высказываниях Иоанна Павла II слышались отсылки к последним польским событиям. Он говорил: *«Прошу тех, кто сегодня терпит, чтобы вы сегодня оставались со мной. Прошу их словами Христа: «Был болен, и вы посетили Меня. В темнице был, и вы пришли ко Мне». Не могу лично навестить всех, находящихся в тюрьмах, всех, кто терпит. Но прошу, чтобы вы были со мной своим духом, чтобы поддерживали меня так, как всегда поддерживали»*¹⁴.

В своём дневнике один из ближайших соратников Ярузельского вице-премьер Мечислав Раковский записы-

вает: «Впечатление огромное. Войтыла произносит проповедь. В ней много историософии и постоянное возвращение к величю истории Польши. Много очень ясных аллюзий. Постоянно повторяется мотив терпения, тюрем и так далее. Ясно, что решили придать своей поездке очень сильный политический акцент. Плохо»¹⁵.

Особое недовольство властей вызвало выступление 18 июня 1983 года в Ченстохове, когда Иоанн Павел II, обращаясь к молодежи, сказал, что ему известны её «терпение, трудная молодость, чувство неправды и унижения, а также отсутствие перспективы на будущее, соблазн побега в лучший мир». На следующий день церковным властям и папе было передано заявление правительства ПНР, в котором высказывался упрёк не только в нарушении предшествовавших визиту договорённостей, но и в призыве к бунту против власти. В правительственном заявлении слышалась интонация, присущая Ярузельскому, часто употреблявшему в своих выступлениях риторические вопросы: «Хочет ли церковь авантюры и религиозной войны в Польше?» Власти оставляли за собой право на внесение корректив в программу пребывания папы.

Важнейшим элементом визита были официальные встречи папы с Ярузельским в президентском дворце Бельведер и в Кракове на Вавеле¹⁶. В ходе встреч Иоанн Павел II повторил свой призыв отменить военное положение, добивался освобождения политических заключённых, напоминал о необходимости соблюдения права во время общественных мероприятий. На первой встрече с Иоанном Павлом II Ярузельский испытал неожиданные эмоции. Впоследствии он вспоминал это так: «У меня затряслись ноги, а колени вдруг стали ватными. Папа, весь одетый в белое, вызвал у меня странные чувства. Совершенно непонятные»¹⁷. О силе впечатления, которое производил Иоанн Павел II, более всего свидетельствует алтарь, который в своей квартире соорудил один из членов ЦК ПОРП. И выска-

зывание министра юстиции ПНР Сильвестра Завадского, который, увидев и услышав выступление папы на огромном стадионе, назвал увиденное «своим жизненным поражением, а годы, проведённые в левом движении, потерянным временем»¹⁸.

Если вспомнить, что в июне 1983 года в Советском Союзе у власти уже был Андропов и уже полным ходом шла политика «закручивания гаек», приезд папы римского в Польшу на этом фоне был немалым вызовом советскому правлению в этой стране и важным политическим событием. Полякам, участвовавшим в оппозиционном движении, этот визит прибавил надежды. Постоянным элементом поездок папы по стране были плакаты, напоминавшие об интернированных и заключённых: «Святой отец, тебя приветствуют интернированные!», «Солидарность» жива!» и тому подобные. Иногда звучали призывы к милиции присоединиться к участниками протестов и к оппозиции. Опасения властей насчёт того, что могут произойти погромы партийных комитетов, не оправдались. Лозунг поездки Иоанна Павла II звучал так: «Мир тебе Польша, моя Родина!».

22 июля 1983 года, чуть менее чем через месяц после окончания визита папы, власти ПНР отменили военное положение.

В следующий раз Святой отец приехал в Польшу в 1987 году. В Кремле уже находился Горбачев, а на дворе шумела перестройка. Приход к власти Михаила Горбачева в 1985 году стал проявлением кризиса и ответом на кризис как в СССР, так и в странах советского блока. Большинство польских историков, да и не только они, придерживаются мнения, что и переломным моментом для перемен и перехода от советского строя к свободе стало избрание нового Генерального секретаря ЦК КПСС.

Ярузельский уже знал о новых ветрах, подувших в Кремле. 11 сентября 1986 года он объявил об освобождении из заключения всех остававшихся там арестованных

в начале военного положения. Многие политические деятели Польши считают полную амнистию ключевым актом, предвосхитившим дальнейшие перемены в государстве.

Новой поездке папы в Польшу предшествовал визит Ярузельского в Ватикан. 13 января 1987 года лимузин с председателем Государственного Совета ПНР въехал в ворота Ватикана, который придал визиту высокий протокольный уровень: почётный караул из швейцарских гвардейцев, соответствующие приветствия принимающей стороны и проводы. Это была первая официальная встреча главы ПНР и папы римского во время понтификата Иоанна Павла II.

Как отмечает польский историк Павел Коваль, важнейшим элементом встречи Ярузельского и Иоанна Павла II в 1987 году была подготовка почвы для визита Михаила Горбачева в Ватикан. В ходе личной беседы Ярузельский должен был убедить папу римского в том, что новый Генеральный секретарь ЦК КПСС «может не только говорить, но и слушать», а его желание избавиться от ядерной угрозы и улучшить отношения с США имеет не тактический, а стратегический характер. В ходе аудиенции у папы Ярузельский много говорил о позитивном отношении в Советском Союзе к личности Иоанна Павла II и запланированном интервью кардинала Юзефа Глемпа «Литературной газете», а острые антиклерикальные высказывания Кремля относил на счет ислама. Павел Коваль задаётся вопросом насчёт того, насколько эти высказывания Ярузельского координировались с советской стороной. «Весьма правдоподобно, что генерал самостоятельно решился говорить от имени Горбачева»¹⁹, – пишет Коваль. В этом можно усомниться, учитывая, что Ярузельский привык координировать с Кремлём и не такие значительные шаги.

Председатель Госсовета ПНР также попросил папу при посещении Щецина высказаться о роли польских и советских солдат в освобождении Польши и, особенно, о так на-

зываемых возвращённых землях. Однако, как пишет Павел Коваль, папа ему в этом деликатно отказал, сославшись на излишнюю политизированность вопроса.

Польское издание ватиканской газеты «Оссерваторе Романо» воспроизводит фрагмент выступления Ярузельского при встрече с папой. Он говорил: *«При посещении Гданьска и Щецина Ваше Высокопреосвященство будет находиться не на чужбине, а в собственном родном доме. Именно Народная Польша получила широкий доступ к Балтике, вернула народу Вроцлав и Ольштын, Ополе и Западное Поморье. Это стало возможно благодаря боевым подвигам, совместно пролитой крови польского и советского солдат»*²⁰.

Визит Ярузельского в Ватикан пресса ПНР оценивала как исторический. Ближайший помощник генерала и его спичрайтер подполковник Веслав Гурницкий вспоминал, что визит в Ватикан положил конец изоляции Польши, «навязанной Соединенными Штатами другим партнерам Атлантического пакта» после введения военного положения. Дочь генерала Моника, которая также сопровождала Ярузельского во время визита к Иоанну Павлу II, пишет в своей книге, что во время беседы с глазу на глаз её отца с папой римским впервые речь зашла о «Круглом столе». Она также подтвердила, что был разговор о Горбачеве, перестройке и желании примирить польские правительство и оппозицию²¹.

И на сей раз в свой приезд в Польшу в июне 1987 года Святой отец обратился к молодёжи в своем пространном выступлении в Гданьске: «У каждого свой Вестерплатте»²².

Польша: второе знакомство

- Моё полноценное знакомство с Польшей – «страной социализма» началось с преддипломной практики в Варшавском университете в 1988 году. Меня сразу

поразило несоответствие между тем, что нам вкладывали в голову, и польской реальностью.

Картина, открывшаяся мне в Польше, значительно отличалась от того, что я усвоил под воздействием советской пропаганды о соцстранах. 11 ноября 1988 года в Варшаве я стал свидетелем массовой демонстрации по случаю 70-летия независимости Польши. В коммунистической Польше этот праздник не отмечался, но тут решили отметить, хотя коммунизм еще не пал. Через Старый город мимо Кафедрального собора двигалась огромная толпа под лозунгами и хоругвями, с портретами Пилсудского. (Этого политического деятеля в Советском Союзе обычно называли фашистом, но иногда Ярузельского сравнивали с ним.) Всё это было совсем не похоже на тот образ братской Польши, который нам создавали. Это была католическая, националистическая, антисоветская и буржуазная (если использовать тассовские клише), а никакая не «социалистическая» страна, которая совсем не хотела жить по советским правилам и с оглядкой на Москву. Но всё это плохо укладывалось в голове как у меня, так и у моих будущих коллег по ТАСС.

Корреспонденты ТАСС, с которыми я познакомился в Польше в 1988 году, были людьми осведомлёнными и трудолюбивыми. Их интересовало всё. Подготовка «Круглого стола», забастовки, реакция общественности на Ялтинские соглашения 1945 года. Эту тему традиционно «отслеживали», как говорили тогда. Интересовали их и процессы, происходившие среди польской молодёжи и студентов, «Независимое объединение студентов», Конфедерация независимой Польши и Лешек Мочульский, даже Мечислав Раковский был предметом пристального изучения. Однако взгляды их были преисполнены советскими стереотипами. Естественно, никто не употреблял в ТАСС такие слова, как «доктрина Брежнева». Это выражение ис-

пользовалось только в закрытых переводных вестниках, как сугубо западное выражение. И то в основном при переводах иностранных текстов.

Помню, я написал репортаж о студенческой демонстрации перед Варшавским университетом. Милиция не могла войти в ворота университета и через мегафоны увещевала студентов, которые сидели на решётке и бросали в милицию пакеты с кефиром и йогуртом. В СССР это невозможно было себе представить! Когда я написал об этом заметку для ТАСС, шеф отделения в Варшаве вычеркнул упоминание о кефире и сказал: «Ты что, с ума сошёл? У нас в стране люди давятся за кефиром в очередях, а ты решил написать, что поляки им в милицию кидаются. Подумают, что они зажрались там, в этой Польше». Но текст выпустил, и он попал в молодёжный вестник, то есть в открытую печать. В ТАСС ещё цеплялись за старые советские клише и не могли посмотреть правде в глаза. Но ход событий и перемены остановить было уже невозможно.

Летом 1991 года папа римский Иоанн Павел II совершил двойной визит в Польшу, выпавший как раз на то время, когда мне пришлось работать стажёром отделения ТАСС в Варшаве и лично наблюдать, как организован такой визит. Все выступления папы транслировались в прямом эфире, из каждого телевизора слышался его глуховатый, запоминающийся голос пророка. Этот голос запечатлевался в нашем атеистическом советском сознании и заставлял подумать о жизни не только в понятиях марксизма-ленинизма, который нам вбивали в голову со школы, но с каких-то других позиций, где речь шла о Христе, о Духе Божьем, о грехе аборт, о провидении и всяких других понятиях, которыми мы тогда не пользовались. Советский Союз всё ещё существовал, но ему оставались считанные месяцы. В июле Польша фактически открыла свои границы для молодых людей

из СССР, чтобы они могли увидеть папу и отпраздновать Всемирный день католической молодёжи, и они толпами наводнили польские города. Папа говорил, что с распадом СССР и социалистического блока в Восточной Европе открывается возможность новой евангелизации.

* * *

В 1993 году, когда Ярузельский был уже в отставке, генерал и Иоанн Павел II встретились в Ватикане. Моника Ярузельска пишет, что это была вторая аудиенция в Ватикане после 1987 года. Ярузельские находились в Италии в связи с выходом книги воспоминаний генерала. Моника Ярузельска пишет, что, как и в первую встречу, папа римский вспомнил, что дочь генерала по образованию полонистка. «Как неверующая, я не почувствовала духовного контакта с папой, но почувствовала, что это один из самых могущественных политиков мира, обладающий властью более сильной, чем атомное оружие Ким Ир Сена. При этом интеллеktуал и прекрасный дипломат, – пишет она и отмечает: Этими встречами всегда был особенно впечатлен отец – наверняка с политической точки зрения, и наверняка также с точки зрения духовной»²³.

В 1999 году папа Иоанн Павел II снова приехал в Польшу, где в последний раз посетил Краков и свой родной город Вадовице. Ярузельский давно был в отставке. Президентом Польши избрали представителя левых сил Александра Квасьневского. Он не падал на колени перед папой, как Валенса, а просто склонял голову. На колени вставала его супруга Иоланта. Мне довелось быть в это время в Польше в качестве спецкора РИА Новости. (Рассматривался вопрос о моей работе в Варшаве в качестве собственного корреспондента агентства, чему так и не суждено было сбыться.) В Вадовице я стоял на специальном помосте со всеми журналистами и видел, как папа подлетал на вертолете, а по-

том под пение детским хором новой песенки «Вадовице – мой город» вспоминал свои молодые годы в этом городке, когда он сдавал экзамен на аттестат зрелости и где ел пирожные с кремом.

В 2005 году Святой отец скончался. Несмотря на призывы провести суд над Ярузельским, при жизни Иоанна Павла II процесс так и не состоялся. Вряд ли это было случайным совпадением. Слишком многое связывало этих двух людей, один из которых стал безгрешным и абсолютным моральным авторитетом, а второй принял грех за всех, несмотря на все свои оправдания. Ярузельский предстал перед судом через три года после кончины папы римского Иоанна Павла II, в 2008 году. Когда защищать его было уже некому...

После смерти понтифика Ярузельский посетовал на то, что примас Польши, которого он назвал, товарищ Глемп, не заступился за него, когда начались призывы отдать генерала под суд. И как бы между прочим вспомнил, что с папой римским у него было восемь встреч, причем три из них состоялись уже после отставки генерала и его ухода из общественной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Osiecki Jan. General Wojciech Jaruzelski w Rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 308.

² *Szymowski Leszek. Agenci SB kontra Jan Paweł II.* – Warszawa: Penelopa, 2012.

³ *Черняев Анатолий.* 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. – М.: Терра, 1997. – 306 с.

⁴ Важный вклад в изучение отношений Ярузельского и Иоанна Павла II внесла вышедшая в 2015 году в Варшаве книга историк

рика и дипломата Павла Коваля «Конец системы власти. Политика команды генерала Войцеха Ярузельского в 1986–1989 годах» (*Kowal Pawel. Koniec systemu władzy. Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989.* – Warszawa: RIO, 2015. – 524 s.). Коваль всячески дезавуирует тезис о том, что у Ярузельского и папы существовали какие-то близкие, личные отношения.

⁵ *Jaruzelski Wojciech. Starsi o 30 lat.* – Torun: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2011. – S. 123.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Перевод автора. Цит. по: Stan Wojenny, Odtajnione Archiwa IPN // Newsweek extra, Wydanie Kolekcyjne. – Nr. 01/2011. – S. 8–9.

⁹ Opłatki wigilijne – облатка Сочельника, или Рождественский хлеб, преломляемый католиками в Сочельник накануне Рождества. Взаимное деление и преломление хлебов является символом примирения и любви. (Не путать с облатками – опресноками, используемыми для католического причастия.)

¹⁰ Stan Wojenny. Odtajnione Archiwa IPN // Newsweek extra, Wydanie Kolekcyjne. – Nr. 01/2011. – S. 112.

¹¹ Stan Wojenny, Odtajnione Archiwa IPN // Newsweek extra, Wydanie Kolekcyjne. – Nr. 01/2011. – S. 112.

¹² : Ibid. – S. 113.

¹³ Ibid. – S. 114.

¹⁴ Ibid. – S. 113.

¹⁵ Stan Wojenny, Odtajnione Archiwa IPN // Newsweek extra. – Nr. 01/2011. – S. 113.

¹⁶ Вавель – расположенный на холме в Кракове комплекс архитектурных, исторических и культурных памятников, имеющих огромное символическое значение для Польши. Сердце Вавеля – Королевский замок и кафедральный собор Святых Станислава и Вацлава.

¹⁷ Цит. по: Stan Wojenny, Odtajnione Archiwa IPN // Newsweek extra. – Nr. 01/2011. – S. 114.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ *Kowal Pawel. Koniec systemu władzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989.*– Warszawa: RIO, 2015.– S. 316.

²⁰ *Stan Wojenny, Odtajnione Archiwa IPN // Newsweek extra, Wydanie Kolekcjonerskie,*.– Nr. 01/2011.– S. 113.

²¹ *Jaruzelska Monika. Towarzyszka Panienska.*– Warszawa: Czerwone i Czarne, 2013.

²² Вестерплатте – полуостров на польском побережье Балтийского моря под Гданьском (бывш. Данцигом), где в начале сентября 1939 года гарнизон Войска Польского держал оборону против армии Германии.

²³ *Jaruzelska Monika. Towarzyszka Panienska.*– Warszawa: Czerwone i Czarne, 2013.– S. 189.

1981 ГОД: ЯРУЗЕЛЬСКИЙ – ОТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ДО ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ

Вспоминал ли генерал Ярузельский о том, как он, будучи подростком, ехал в теплушке в Сибирь, когда ровно 40 лет спустя, в феврале 1981-го, поднимался на трибуну Сейма, чтобы принять назначение на пост Председателя Совета министров ПНР? Потомок ссыльных и в этот раз, оказавшись под сенью восточного соседа, должен был делать шаг в карьере, где обстоятельства вели его, а не он руководил ими. И снова принимать ответственность на себя, нести свой крест. Во всяком случае, с трибуны он заявил, что «заверяет высокий Сейм в том, что чувствует себя прежде всего солдатом и будет готов уйти в отставку в любой момент, если правительство под его руководством не исполнит возложенных на него ожиданий»¹.

Ранее открывшийся 9 февраля пленум ЦК ПОРП отстранил от должности главу правительства Юзефа Пиньковского и предложил на его место Ярузельского с сохранением за генералом поста министра обороны. К этому времени на Первого секретаря ЦК Станислава Каню нападали со всех сторон политического спектра партийной верхушки – и умеренные, и «партийный бетон». А премьера Пиньковского критиковали за то, что он подписал соглашение с бастующими рабочими.

Советская сторона, в свою очередь, нажимала на поляков из-за «Солидарности» и манипулировала за кулисами пленума, помогая сторонникам жёсткого курса посадить в кресло председателя правительства их человека. Американская разведка была убеждена, что ЦК ПОРП, выдвигая Ярузельского на пост премьера, заручился поддержкой Москвы и, возможно, обговаривал эту кандидатуру с министром обороны СССР Дмитрием Устиновым.

На следующий день после утверждения Ярузельского на посту главы правительства газета «Правда» вышла с поздравительными телеграммами от Брежнева и Николая Тихонова, тогдашнего Председателя Совета Министров СССР. При этом «аналитики американской разведки считали, что русские не поддержали бы кандидата, который, по их мнению, не был бы сторонником необходимости силового решения»², – пишет Дуглас Макичин, автор книги «Американская разведка и конфронтация в Польше 1980–1981». Однако принципиально важно, что, несмотря на сложную подоплёку назначения, Ярузельский считался представителем умеренного крыла ПОРП.

Пленум ЦК ПОРП проходил в атмосфере жёсткой риторики. Пленум открыл Тадеуш Грабский³, который потребовал ужесточить линию партии в отношении профсоюзов и Комитета защиты рабочих за их антисоциалистическую ориентацию и антигосударственную деятельность. Грабский прямо назвал некоторых руководителей партии капитулянтами и резко их раскритиковал. Каня также продемонстрировал боевой настрой. Он заявил, что за проблемы несут ответственность контрреволюционные элементы, и многозначительно предостерёг: «терпеливое понимание», демонстрируемое СССР и «нашими друзьями», может исчерпаться.

Назначение главой правительства действующего генерала казалось беспрецедентным, поскольку ясно показывало: польские власти всё больше склоняются к силовому

выходу из кризиса. Аналитики ЦРУ считали: хотя польские власти всё ещё воспринимали военное положение как крайнюю меру, пост министра обороны сохранялся за Ярузельским, чтобы избежать проблем, связанных с передачей гражданской власти в военные руки в случае такой крайней необходимости.

В Польше военный статус Ярузельского был воспринят в целом позитивно. Общество относилось к армии с большим уважением, которое, несмотря на события на Балтийском побережье, подкреплялось тем, что армия не вмешивалась в политический конфликт между «Солидарностью» и правящей партией. Ярузельского считали отличным офицером, под руководством которого прошла эффективная реорганизация Вооруженных сил. Как писал Дуглас Макичин, новый премьер-министр «не был замазан коррупцией и погоней за материальной выгодой, что стало повсеместной практикой внутри правящей партийной элиты. Его иногда обвиняли в нерешительности, однако, как показали последующие события, скорее это была такая отличительная черта его характера, как стремление детально подготовить каждый шаг»⁴, – пишет Макичин.

Любопытно заявление, сделанное представителем Госдепартамента США на брифинге после назначения Ярузельского: «Если говорить о переменах в польской власти, то мы не видим повода для того, чтобы изменить нашу позицию: Польша справится с внутренним кризисом без внешней интервенции». При этом пресс-секретарь Госдепартамента уточнил: «если бы польские Вооруженные силы включились в происходящее, мы бы считали это внутренним делом Польши». Однако в тот же день было распространено ещё одно уточнение Госдепартамента: «никоим образом не предлагаем считать, что такое событие не вызвало бы у нас серьёзного беспокойства»⁵.

В момент назначения генерала Ярузельского на пост премьер-министра заместитель директора ЦРУ Роберт

Гейтс с обеспокоенностью оценивал ситуацию в Польше и вокруг неё. В течение февраля 1981 года в Вашингтоне усиливалось ощущение, что напряженность в Польше растёт и приближается новый кризис. 30 января ЦРУ опубликовало специальную разведывательную оценку, которая предвидела следующее развитие событий: «Советское давление на режим в Польше будет возрастать в сторону использования мер принуждения самими польскими властями»⁶. В дальнейшем провал мер принуждения, осуществляемых поляками, несомненно, приведет к введению советских войск, говорилось в докладе ЦРУ и отмечалось: «настоящий кризис представляет собой наиболее серьёзный и крупный вызов коммунистической власти внутри Варшавского договора за последние десятилетия»⁷. При этом подчеркивалось, что возобновившаяся конфронтация режима и профсоюзов ещё ближе придвинула Польшу к возможности советской военной интервенции. ЦРУ утверждало, что советское руководство было гораздо менее уверено, чем в декабре 1980 года, в том, что Каня сможет взять ситуацию под контроль. Поскольку, с точки зрения СССР, к началу февраля 1981 года проявились чрезвычайно негативные тенденции. Вывод, который делало ЦРУ, сводился к следующему: «Советское давление на польский режим будет нарастать, и в случае продолжения внутренней конфронтации проявится тенденция к вторжению»⁸.

В секретной телеграмме Александра Хейга от 24 января 1981 года – первой после назначения его госсекретарем и адресованной министру иностранных дел СССР Андрею Громыко – он так излагает позицию новой администрации США в отношении польского кризиса: «Второй вопрос предельной потенциальной серьёзности – ситуация в Польше. Я хочу с самого начала ясно дать понять, что не будет никакого изменения позиции США в отношении невмешательства во внутренние дела Польши. Мы готовы делать всё, что

можем, чтобы помочь Польше решить свои серьёзные экономические трудности. И мы убеждены в том, что, если предоставить поляков самим себе, они вполне способны сами решать свои проблемы. Не хочу оставлять каких-либо сомнений в серьёзности, с которой США будут рассматривать усилия Советского Союза, чтобы повлиять на развитие событий в Польше путём военного давления или прямого вмешательства. Эта администрация полностью поддерживает выводы коммюнике Североатлантического союза от 12 декабря. Любое вмешательство в Польше принципиально изменит всю международную обстановку, и США со своими союзниками будут вынуждены действовать таким образом, какого потребует серьёзность ситуации»⁹.

Ответ Громыко не заставил себя ждать. В письме от 28 января 1981 года он обвинил США и другие западные страны в попытках повлиять на ситуацию в Польше. Причём начал он с обвинений в адрес «Голоса Америки» и других американских радиостанций: «Представляя собой открытое вмешательство во внутренние дела Польши, эти радиопередачи направлены на разжигание среди польского населения недружественных настроений в отношении Советского Союза. Есть также факты, говорящие о том, что вмешательство западных держав в польские дела не ограничивается только радиопередачами». Далее в тексте телеграммы словно слышится привычная интонация Громыко: «Здесь снова возникает вопрос: какую цель преследуют попытки американской стороны ввести «польскую тему» в советско-американский диалог и сделать одновременно неуместные «предупреждения» в адрес Советского Союза?». Таким риторическим вопросом в своей любимой манере задаётся Громыко и далее утверждает: «Что касается Польши, мы, со своей стороны, руководствуемся положениями совместного заявления, которое, я полагаю, вы знаете, принято в начале декабря прошлого года в Москве на встрече лидеров Варшавского договора. Этот документ излагает

коллективную позицию стран Варшавского договора, в том числе самой Польской Народной Республики, чьи руководители принимали участие в этой встрече»¹⁰.

В пояснительной записке к этому высказыванию Громько посол США в Москве Томас Уотсон сообщает, что речь идёт о заключительном заявлении саммита Варшавского договора, состоявшегося в Москве 5 декабря 1980 года. Тогда, 5 декабря 1980 года, в своей телеграмме из Москвы Уотсон информировал Вашингтон: «Судя по коммюнике, распространённому сегодня вечером, саммит Варшавского договора был призван оказать давление на режим Кани и ясно дать понять, что «братская помощь» не за горами». «Таким образом, угроза военного вмешательства, кажется, на данный момент утихла»¹¹, – делает вывод посол.

В архиве Госдепартамента далее представлен документ, в котором госсекретарь Хейг пишет: высказывания посла СССР Анатолия Добрынина свидетельствуют о том, что русские готовы начать движение в любое время. Указав на то, что, с точки зрения России, ситуация становится хуже, Добрынин заявил: «Мы будем делать то, что мы должны сделать». Хейг добавил, что Госдепартамент находится в процессе рассмотрения подробного контрольного перечня действий, которые станут возможным западным ответом на советское вторжение в Польшу.

14 февраля, то есть уже после замены премьер-министра Юзефа Пиньковского на Ярузельского, директор ЦРУ Уильям Кейси докладывал президенту Рейгану, что «польский режим как никогда близок к применению силы»¹². Из доклада полковника Рышарда Куклиньского¹³ (офицера в ближайшем окружении Ярузельского и агента ЦРУ) Кейси было известно, что «Советы совместно с поляками должны 13–14 февраля провести учения по введению военного положения, но, тем не менее, считают, что это стало бы самой крайней возможной мерой из-за огромного риска конфронтации и широкомасштабного насилия»¹⁴.

«Призыв польского правительства к сдержанности был воспринят в стране с большой степенью общественной поддержки»¹⁵, – пишет Гейтс в своих воспоминаниях. «Солидарность» ввела мораторий на забастовки, «явно отрезвленная назначением Ярузельского»¹⁶, свидетельствует бывший директор ЦРУ.

Однако временное затишье в Польше, продолжавшееся четыре недели, было обманчивым. Перебежавший впоследствии к американцам полковник Рышард Куклиньский сообщал в Вашингтон о советско-польских приготовлениях к введению военного положения.

23 февраля 1981 года в Москве начал работу XXVI съезд КПСС. И на второй день на нем выступил Каня, пообещав, что ситуация в Польше будет взята под контроль. Однако в тот же день Каня и Ярузельский вернулись в Варшаву. Аналитики американской разведки считали, что в развивавшейся в Польше ситуации руководители страны не могли себе позволить отсутствовать почти две недели. 3 марта Каня и Ярузельский вернулись в Москву, и вечером советские СМИ сообщили об их встрече с Председателем Совета Министров Николаем Тихоновым, к тому моменту сменившим Алексея Косыгина.

4 марта 1981 года на встрече советского и польского руководства Ярузельский представил на рассмотрение членов Политбюро ЦК КПСС пакет мер, касающихся введения военного положения. Советские СМИ сообщили, что связи социалистических стран нерушимы, а забота об этом есть дело не только каждого государства, но всего социалистического содружества.

Из воспоминаний Гейтса следует, что напряженность в Польше начала нарастать 28–29 марта. В ЦРУ стала поступать информация, от которой, как пишет Гейтс, «у каждого разведчика стынет кровь». В ночь с 28 на 29 марта польское воздушное пространство должно было закрыться «по техническим причинам». Появилась информация

о том, что 23 марта все железнодорожные платформы на территории ГДР не могут использоваться, поскольку должны находиться в резерве Совета национальной обороны. Советский Генштаб значительно расширил сеть управления, командования и связи, которая бы направляла ввод войск. Три оперативные группы советского Генштаба были командированы в Польшу. В американском политическом и разведывательном сообществе сложилось убеждение, что военное положение будет введено в ночь с 28 на 29 марта, возможно, с последующим вводом советских войск.

От полковника Рышарда Куклиньского ЦРУ стало известно, что 28 марта в Польшу по соглашению с Ярузельским и Каней прибыла группа высокопоставленных чиновников из КГБ, Минобороны СССР и Госплана для консультаций о введении военного положения. Они раскритиковали польские планы как неадекватные и потребовали полной передачи власти в руки военных и назначения советских военных советников на все уровни армейской иерархии ПНР. Польское руководство отказалось от советского предложения, однако пошло на ряд уступок.

«С расстояния более чем десятилетие легко забыть дурные предчувствия и опасения, связанные с этим или ему подобными кризисами времен холодной войны. Польский кризис, возможность советских военных действий создавали глобальную напряжённость, опасность просчёта и даже возможного военного конфликта между сверхдержавами»¹⁷, — пишет Роберт Гейтс.

9 апреля Кейси направил президенту Рейгану и руководству ЦРУ документ с оценкой того, как в СССР видят ситуацию в Польше. В нём говорилось, что, если Советы «отпустят ситуацию», они потеряют контроль над ключевым буферным государством, над страной, жизненно необходимой для их стратегических позиций в Европе. В документе ЦРУ цитировался Куклиньский, который писал, что поль-

ское руководство оказалось под сильнейшим давлением со стороны Советов, требующих ввести чрезвычайное положение, однако поляки отказались от советского плана военного положения, взяв всю ответственность в руки польских военных.

К меморандуму ЦРУ в адрес президента Рейгана Кейси приложил собственноручно написанную записку, где говорилось, что «Советы оказались перед лицом отчаянной дилеммы». «Если они войдут, они получают экономический хаос, который возникнет из-за их внешнего долга, остановку всей польской рабочей силы и вооруженное сопротивление миллионов поляков. Если они не войдут, они окажутся открытыми всему Западу и столкнутся с политической силой, которая подорвёт всю их систему. До того, как они решатся сами отправлять туда свои дивизии, они сделают всё возможное, будут на голове стоять, лишь бы поляки сами справились с этой ситуацией и восстановили бы порядок»¹⁸, – писал директор ЦРУ президенту США.

Во время первых двух недель апреля 1981 года, пока в Польше нарастала угроза всеобщей забастовки, в Варшаве и в Ватикане случился, как пишет Гейтс, один из самых мелодраматических эпизодов холодной войны. В нём участвовали Ярузельский, папа римский Иоанн Павел II, Валенса и глава польской Римско-католической церкви, примас Польши кардинал Стефан Вышиньский.

ЦРУ стало известно, что 4–5 апреля руководство ПНР получило информацию о том, что экстремистское крыло «Солидарности» готовится к захвату правительственных и партийных учреждений по всей стране с применением насилия.

Ярузельский в этих условиях считал, что всеобщая забастовка приведёт к тому, что он может ввести военное положение собственным решением. «Он и польские генералы делали всё, от них зависящее, чтобы убедить Советы не вмешиваться, а если и вмешиваться, то только в том слу-

чае, если ситуация выйдет из-под контроля»¹⁹, – отмечает бывший директор ЦРУ и бывший министр обороны США в своих воспоминаниях. Вероятно, опасаясь того, что они находятся на грани потери контроля и угрозы советской военной интервенции, Каня и Ярузельский обратились за помощью к кардиналу Вышиньскому со словами «Польша находится на краю катастрофы».

23 апреля во время встречи в Ватикане папа римский Иоанн Павел II сказал директору ЦРУ Кейси, что «Москва больше не будет терпеть движение «Солидарность» и отступление профсоюза является единственным способом избежать действий, которые имели бы катастрофические последствия для польского народа». В этих обстоятельствах, сказал папа римский директору ЦРУ, Римско-католическая церковь попросила «Солидарность» сделать тактическое отступление. Кардинал Вышиньский просил Валенсу отменить всеобщую забастовку.

Источник ЦРУ сообщал о встрече Валенсы с кардиналом Вышиньским, которая прошла, естественно, с благословения папы римского. К этому дню Каня и Ярузельский уже сделали всё, чтобы убедить Вышиньского в том, что Польша «стоит на краю катастрофы». Кардинал снова призвал Валенсу если не отменить, то хотя бы отложить всеобщую забастовку. Валенса и другие лидеры «Солидарности» отказались. Когда стало ясно, что тупик неизбежен, 80-летний кардинал, который был уже смертельно болен, встал на колени перед Валенсой, схватил его за пальто и сказал, что «будет оставаться в этом положении и молиться хоть бы и до самой смерти, если «Солидарность» не откажется от своих планов»²⁰.

Драматический жест удался. Валенса вспоминал, что он не смог устоять перед таким «эмоциональным шантажом». Всеобщая забастовка была отменена, и ситуация охладилась. Польское руководство отложило приготовления к военному положению, а советское – отменило подготов-

ку ввода войск. Кардинал Вышиньский умер несколькими неделями позже, 28 мая 1981 года.

В своих мемуарах Гейтс признаётся, что тогдашнее нежелание СССР вмешиваться побудило его написать ещё один меморандум Кейси со следующей мыслью: «Мы должны принимать во внимание возможность советского невмешательства и продолжения реформ». Исходя из этого Гейтс считал, что аналитикам ЦРУ следует подумать над тем, как будет развиваться ситуация в случае советского невмешательства «в Польшу и в дела других коммунистических союзников»²¹.

Однако успешный эмоциональный шантаж Вышиньского дал передышку всего лишь на несколько недель, продолжает Гейтс. Причина была ясна: Советы не могли принять статус-кво по ранее указанным причинам. В середине мая маршал Куликов²², Главнокомандующий войсками государств – участников Варшавского договора, вернулся в Польшу, где находился до середины июня, ведя консультации с Каней, Ярузельским и начальником Генштаба Войска Польского генералом Сивицким. По мере приближения съезда ПОРП нажим со стороны Советского Союза усиливался. ЦРУ снова предупреждало об опасности советских действий до или сразу после съезда партии.

За кулисами открывшегося в середине июня пленума ЦК ПОРП советские партийные чиновники попытались отстранить Каню и Ярузельского, однако попытка не удалась. Вместо этого произошли значительные кадровые перемены как в Политбюро, так и в региональных структурах ПОРП. Старая гвардия, так называемый «партийный бетон», ушла, уступив место более умеренным и либеральным деятелям.

В середине лета Ярузельский и маршал Куликов встретились опять, и Куликов потребовал более решительных шагов по введению военного положения. Офицеры советского Генштаба продолжали работать в Польше со своими

польскими коллегами, разрабатывая планы на случай чрезвычайной ситуации. Несколько дней позже пересмотренный план был представлен СССР генералом Сивицким, и к этому моменту в нём содержались такие меры, как закрытие границ, дополнительные действия управления и связи.

К осени польский кризис снова начал закипать. Куклиньский докладывал: 9 сентября генерал Флориан Сивицкий проинформировал узкую группу сотрудников польского Генштаба о том, что Польша «приближается к институционализации военного положения». На вопрос, получит ли режим помощь от Советов в том случае, если военное положение не решит проблему, Сивицкий ответил утвердительно. Сивицкий также сообщил, что прокламации о введении военного положения будут напечатаны в типографиях на территории СССР.

25 сентября Сивицкий пришёл к выводу, что политическое решение невозможно, и представил два варианта введения военного положения. Каждый из них не исключал обращения за помощью к СССР и Варшавскому договору. Другие источники ЦРУ сообщали, что к 29 сентября возможность советского военного вмешательства во второй половине октября обсуждалась среди руководства Генштаба СССР.

Развитие событий достигло своего пика в октябре. К 7 октября листовки о введении военного положения уже были напечатаны в Советском Союзе. Пятью днями позже в «Правде» появилась «чрезвычайно сердитая» статья о событиях в Польше, подписанная псевдонимом Петров, в которой содержалась угроза вмешательства в польские дела для наведения порядка.

В середине октября ЦРУ получило информацию о том, что у Брежнева состоялся ряд неприятных разговоров с Ярузельским, причём без участия Кани. ЦРУ получало информацию от полковника Куклиньского о том, что к этому времени советское влияние распространилось по всем

эшелоном польского правительства. «Постоянным припевом всех советских руководителей было то, что Польша должна предпринять немедленные и жёсткие действия против «Солидарности», – пишет Гейтс. «К этому моменту, – отмечает он, – мы уже знали, что Ярузельского убедили его собственные министры обороны и внутренних дел, а также советское руководство, ввести военное положение»²³.

Очередной пленум ЦК ПОРП, состоявшийся 16–18 октября, принял решение заменить Каню Ярузельским и сделал ряд жёстких заявлений, подтвердив, тем не менее, свою приверженность «обновлению». Началась активная атака на «Солидарность». На заседании Сейма 31 октября Ярузельский лично осудил забастовки и «кампанию ненависти», развернутую против Польши и её союзников.

На конференции в Яхранке в 1997 году генерал Анатолий Грибков²⁴ рассказал собравшимся, как в 1981-м происходило избрание Ярузельского Первым секретарем ЦК ПОРП. По его словам, политическое и военное руководство Советского Союза и Вооруженных сил Варшавского договора полностью доверяло Войцеху Ярузельскому. «В качестве примера могу рассказать, как мне пришлось выполнить одно задание. Это произошло во время заседания IV пленума ЦК ПОРП. В то время товарища Каню должны были освободить от обязанностей Первого секретаря ЦК ПОРП, и предлагалось избрать Войцеха Ярузельского. А он очень не хотел принимать эту должность. И может это сам подтвердить. Я в это время был в Москве. Звонит мне Устинов: «Ты знаешь, что сейчас в Варшаве проходит IV пленум?» – «Знаю». – «Знаешь, что Войцех не хочет быть Первым секретарем?» – «Знаю». – «Нужно сделать всё, чтобы передать Войцеху Ярузельскому: мы все в Политбюро и лично Леонид Ильич полностью ему доверяем, и чтобы он не отказывался от этой должности». Представьте себе, получил такое задание. Сажу в Москве, в штабе, а пленум проходит в Варшаве. Звоню Щеглову²⁵

(представителю Варшавского договора в Варшаве) по засекреченной связи и говорю: найди способ, чтобы передать записку Ярузельскому. Он отвечает: «А как я это сделаю? Там пленум. Меня туда никто не впустит». Тогда звоню нашему военному атташе генералу Хоменко и говорю ему то же самое: запиши и передай Ярузельскому. А он отвечает: «Есть!» Но он был из разведки. Через полчаса звонит мне генерал Хоменко и говорит: «Товарищ генерал, ваш приказ выполнен. Записка в кармане у Ярузельского» *(в этот момент на конференции в Яхранке раздался громкий смех. Бывший министр и бывший член Политбюро Чосек схватился за голову и повернулся спиной к залу, Раковский закрыл лицо руками, а Ярузельский стал красным как свёкла)*. Позвонил Устинову, но он в это время был в Кремле. Говорю адъютанту: как только Дмитрий Фёдорович появится, свяжи меня с ним. Через полчаса меня связали с Устиновым. Говорю: «Товарищ министр! Ваше приказание исполнено! Записка в кармане у Ярузельского!». А он отвечает: «Спасибо за хорошую работу! Мне только что Юрий Владимирович Андропов сказал, что Ярузельский уже не отказывается»»²⁶.

В своём выступлении в Яхранке, комментируя слова Грибкова, Ярузельский заявил, что не помнит о такой записке, и повторил, что категорически противился своему избранию, поскольку считал, что время для перемен не пришло. И всё же он был избран.

Последняя попытка примирения между властями и оппозицией была предпринята 4 ноября, когда Лех Валенса, кардинал Юзеф Глемп (сменивший легендарного примаса Польши Стефана Вышиньского после его кончины) и Войцех Ярузельский встретились в Варшаве. Ярузельский выдвинул жёсткие требования. Валенса, представлявший умеренное крыло «Солидарности», отказался их принять. Это была последняя черта, пишет Гейтс. 3–5 ноября министр иностранных дел Польши Юзеф Чирек и секретарь

ЦК ПОРП Стефан Ольшовский прибыли в Москву, где их ждал негостеприимный приём. Во время встреч в Кремле до их сведения довели, что, по мнению советских руководителей, польская партийная власть утратила контроль над ситуацией в стране и поставила под угрозу социализм во всем Варшавском договоре.

В СССР недвусмысленно отказались поддержать политику национального примирения, предложенную Ярузельским. Двумя неделями позже, 18–19 ноября, в Варшаву прибыла комиссия из девяти офицеров Генштаба Вооруженных сил СССР и Варшавского договора под руководством Сергея Николаева, заместителя начальника Главного оперативного управления Генштаба ВС СССР. Советские военные приехали, чтобы обсудить документы, необходимые для введения военного положения. Офицеры заявили, что документы полностью подготовлены и предложены полякам. «Поляки явно не хотели ничего делать»²⁷, – пишет Роберт Гейтс.

Последний акт этой драмы начался 25 ноября во время сидячей забастовки курсантов Высшего пожарного училища в Варшаве (по советскому образцу находившегося в подчинении МВД). 27–29 ноября Ярузельский обратился к польскому Сейму с предложением провести закон, запрещающий забастовки. 2 декабря бастующих курсантов вышвырнули из стен училища милиционеры и военные. Одновременно в Бухаресте проходила встреча министров иностранных дел, а в Москве – министров обороны стран – участниц Варшавского договора.

11–12 декабря в Гданьске собралась Всепольская комиссия «Солидарности». Встреча продолжалась вплоть до ночи с 12 на 13 декабря – до того момента, когда было введено военное положение. После этого начались аресты. «С советской точки зрения, сокрушение и поражение (хотя бы и временное) «Солидарности» было достигнуто ценой малых международных издержек»²⁸, – отмечает Р. Гейтс. Как видно, американская разведка была хорошо осведомлена

о планах и приготовлениях военного положения в Польше. Достаточно сказать, что близкий Ярузельскому полковник Рышард Куклиньский передавал в Лэнгли практически всё, что ему было известно²⁹.

Однако американские спецслужбы не поставили в известность людей из антикоммунистической оппозиции, из «Солидарности», об имеющейся в их распоряжении информации. Почему это произошло? В Америке на сей счет написано много трудов и статей. Высказывались предположения, что банкиры Уолл-стрит были заинтересованы в таком сценарии, при котором Польша оказалась бы в состоянии вернуть многомиллиардные кредиты, взятые во времена Герека. Поэтому якобы просили не мешать Ярузельскому наводить порядок. Некоторые объясняли невмешательство Рейгана тем, что ясновидящие, услугами которых он, как известно, пользовался, пообещали ему, что «Солидарность» будто бы придет к власти. Якобы поэтому окружение президента США попрिдержало информацию Куклиньского о военном положении. «Солидарность» действительно пришла к власти, но не в 1981-м, как надеялись Рейган и ЦРУ, а в 1989 году. Поэтому во время описываемых событий они некоторое время пребывали в шоке.

Осведомлённые люди рассказывали, что новость о введении военного положения в Польше пришла в Вашингтон ночью, когда Рейган спал. Его разбудили. Проинформировали о произошедшем. Однако спросонья он никак не мог понять, что именно произошло, и всё время повторял: наконец-то «Солидарность» пришла к власти. С большим трудом удалось объяснить, что всё произошло ровно наоборот. Недоумение Рейгана можно понять, и отнюдь не в связи с якобы существовавшими предсказаниями экстрасенсов. Если бы власть в руководстве ПОРП взял опиравшийся на СССР «партийный бетон» или если бы реализовался крайний вариант и советские Вооруженные силы вошли в Польшу, мы бы сейчас жили в совершенно другой Европе...

СЕКРЕТНАЯ ВСТРЕЧА В БРЕСТЕ

3 апреля 1981 года вечером в Бресте состоялась секретная встреча Войцеха Ярузельского и первого секретаря ЦК ПОРП Станислава Кани с председателем КГБ СССР генералом армии Юрием Андроповым и министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Дмитрием Устиновым.

Юрий Владимирович Андропов, работавший советским послом в Венгрии во время подавления восстания 1956 года, был одной из самых могущественных личностей в Советском Союзе. В его власти находился огромный аппарат спецслужб, который распространялся не только на пограничные войска, но на всю советскую разведку, осуществлявшуюся Первым главным управлением КГБ. Сотрудники этого ведомства действовали во всем мире под дипломатическим и журналистским прикрытием. Всё это кагэбэшное воинство обладало подлинной и тайной властью и большими возможностями, распространявшимися чуть ли не по всему миру. Буквально недавно, в декабре 1979 года, спецназ КГБ штурмовал в Афганистане дворец президента этой страны Хафизуллы Амина и прикончил его вместе с семьёй. Сотрудники КГБ подавляли всяческое инакомыслие внутри страны, изымали запрещенную литературу, выявляли подпольные типографии, в которых печатался так называемый самиздат. Андропов строго смотрел с официальных портретов колючим взглядом и воплощал в себе так называемое око недрёманное Советской власти.

Дмитрий Федорович Устинов, бывший сталинский нарком вооружения, был поставлен во главе всех советских Вооруженных сил после смерти министра обороны Андрея Гречко. В каждой воинской части висел его портрет в очках, из-за которых смотрел немного косоглазый строгий мужчина в маршальской форме, и каждый советский военный знал, что его судьба зависит только от решения Устинова.

Солдат, служивший в Советской Армии, в своём уме непрестанно держал стишок: «Пусть вам снится дом родной, баба с пышною..., бочка пива, водки таз и Устинова приказ». Этот приказ означал, что долгожданная свобода от действительной военной службы придёт и два года пребывания в казарме для солдата-срочника будут завершены.

1981 год был апофеозом того, что потом назовут «брежневским застоём». Советская экономика была перегружена военными расходами и существовала в обстановке тотального дефицита товаров народного потребления. Продукты питания распределялись в основном по заказам и распределителям, существовавшим на предприятиях и в учреждениях. Вслух об этом не говорили, а в газетах и на телеканалах шла неустанная пропаганда достижений социалистического строя и личного вклада Леонида Ильича Брежнева. Однако достижений становилось всё меньше и меньше: Советский Союз так и не смог запустить свой космический корабль многоразового использования и с завистью наблюдал, как приземляется американский челнок, взлетевший как ракета, а возвратившийся на землю как самолет. Третий год шла война в Афганистане. Данные о потерях и пленных тщательно скрывались. Была выпущена новая модель автомашины «Волга», которая использовалась номенклатурой среднего звена. В такси она не пошла как ненадежная.

Встрече в Бресте предшествовали визиты в Польшу Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами стран – участниц Варшавского договора Маршала Советского Союза Виктора Куликова. Как подсчитал адъютант Ярузельского, в 1981 году они встречались с маршалом 22 раза. «Можно пошутить, что я провёл с ним больше времени, чем с женой и дочерью»³⁰, – говорил генерал. «Куликов был твердый, но интеллигентный, – вспоминал Ярузельский. – Крутил мне дырки в животе тактично, но последовательно и методично»³¹. Основная аргументация и вывод Куликова сводились к тому, что развитие ситуации в Польше угрожает интересам Варшавского договора.

Очередная встреча произошла 27 марта, когда после событий в Быдгоще «Солидарность» объявила предупредительную забастовку. Вместе с Куликовым прибыла большая группа представителей штаба Вооруженных сил стран – участниц Варшавского договора: генералы Грибков, Мережко, Титов, Катрич, адмирал Михайлин. По словам Ярузельского, симптоматично было то, что в группе находился генерал-полковник Николаев, который в 1956 году участвовал в событиях в Венгрии, а в 1968-м – в Чехословакии. Он привёз и хотел вручить Генеральному штабу Войска Польского проект введения военного положения. Как вспоминал Ярузельский, проект этот был с благодарностью не принят.

Куликов продолжал оказывать давление на Ярузельского и Каню, чтобы ускорить принятие и подписание документов, касающихся введения военного положения. Кане дважды звонил Брежнев, который говорил о том, что «социализм в Польше оказался перед лицом смертельной угрозы»³². Требовал, чтобы польские руководители искали склады с оружием, которые прячет оппозиция. (Ярузельскому это напомнило «открытия», предшествовавшие советскому вторжению в Чехословакию в 1968 году.) Брежнев говорил о том, что всё закончится кровопролитием. В конце концов находившийся в Польше заместитель председателя КГБ Владимир Крючков предложил провести встречу с Андроповым и Устиновым.

Брест – «это город, который связан со множеством разнообразных исторических и политических совпадений»³³, – писал Ярузельский. Встреча была обставлена не без таинственности. Ярузельский и Каня не хотели, чтобы в Польше узнали о подлинном маршруте их поездки. Министр обороны ПНР проинформировал о том, куда они едут, только начальника своего секретариата генерала Михала Янишевского. Каню и Ярузельского сопровождал адъютант министра старший хорунжий Мариан Степновский.

«3 апреля в 17 часов Янишевский вызвал к себе в кабинет в здании управления делами Совета Министров на аллеях Уздовских старшего хорунжего Степновского и под присягой сообщил, что Станислав Каня и Войцех Ярузельский отправляются в Советский Союз. Нельзя исключать, что там они будут задержаны, а в стране будет введён порядок по образу и подобию того, что уже было. Ярузельский поначалу возражал против поездки адъютанта, но потом согласился. На прощание Янишевский обнял поручика и сказал: «Трудно, но что делать: такую профессию выбрал, надеюсь, что всё закончится хорошо».

Вскоре раздался телефонный звонок, и Ярузельский пригласил адъютанта в свой кабинет. Поднялся из-за стола, посмотрел в глаза и спросил: «Ну что? Летим?». Я взял портфель шефа. В дверях тот оглянулся и посмотрел на кабинет. Сев в автомобиль, сказал: «Едем к Кане». В машине все молчали. В аэропорту ждал советский самолет Ту-134. Возле самолета стоял только начальник штаба Варшавского договора генерал Анатолий Грибков, который предложил подняться по трапу. Ярузельский зло сказал: «Может быть, хотя бы проводите меня на борт?». Грибков поднялся вместе с троицей, но в самолет не вошёл. Кроме экипажа и стюардессы в салоне никого не было. После взлёта адъютант по солнцу определил, что самолет направляется не в Советский Союз, а в сторону Вроцлава и Легницы. Это была попытка обмануть наземные службы. Через некоторое время Ту-134 развернулся и полетел в северо-восточном направлении.

При заходе на посадку пилоты совершили такой манёвр, чтобы встать на поле со стороны, откуда даже в бинокль не будет видно, кто прилетел и кто будет сходить по трапу. К самолету подъехали три «Волги» с закрытыми занавесками окнами. Появилось несколько человек в гражданском, в шляпах и кожаных пальто – типичные кагэбэшные персонажи, как вспоминал адъютант. Шоссе было пустым. Вскоре свернули на другую дорогу, и впереди показался указатель «Брест». Въехали на железнодорожную станцию и прошли к вагонам, стоявшим на путях.

Адъютанта отделили от остальных и провели в отдельное купе, где предложили чай и бутерброды, до которых он не дотронулся. Адъютант слышал разговор, происходивший в соседнем купе, но содержания разобрать не смог. Поначалу были слышны громкие слова по-русски. Потом кто-то стукнул кулаком по столу. Хотя Ярузельский говорил обычно тихо, тут его голос звучал громко. Адъютант вспоминал, что про себя всё время шептал, что, если Ярузельский будет говорить громче, может быть, всё-таки удастся вернуться».

Ярузельский вспоминал так:

«В Бресте нас ждали Андропов и Устинов. Нас пригласили в железнодорожный вагон, который стоял на запасном пути. Переговоры проходили в салоне. И были трудными. Однако пусть никто не ищет сенсаций в моём рассказе. В целом тональность была деловой. Мы тогда были союзниками, друзьями. Это был наш союзник и в хорошем, и в плохом, временами в очень плохом смысле. Но союзник реальный, такой, а не другой. Многим полякам можно поставить пятёрку за смелость. Зато многие польские политики, как показывает наша история, заслужили двойку по истории и географии. За это мы не раз платили самую высокую цену. Мы не хотели её заплатить снова»³⁴.

По словам Ярузельского, это была продолжительная и чрезвычайно важная беседа. Советское руководство считало развитие событий в Польше очень опасным. Андропов и Устинов прямо спросили: не считаем ли мы, что провокация в Быдгоще является увертюрой к генеральному наступлению на социалистическое государство? Предупреждали, что польское руководство может потерять контроль за развитием ситуации. Устинов всё время повторял, что действовать нужно решительно, наступательно. Ссылаясь на предыдущие разговоры, советские собеседники нажимали на то, что, несмотря на обещания польских руководителей, ситуацию не удаётся взять под контроль. Напоминали, что Князь лично обещал Брежневу: регистрация «Солидарности»

крестьян-единоличников³⁵ не состоится, однако слова не сдержал. Приводились различные примеры, в том числе сообщения посольств и генконсульств СССР, а также воинских частей о том, что польское руководство слишком церемонится с оппозицией. Андропов и Устинов ссылались на обеспокоенность значительной части польского общества развитием событий.

«Мы с Каней пытались понять намерения наших собеседников. Понять их обеспокоенность стабильностью Варшавского договора в свете осложнившейся международной обстановки. Как всегда, мы играли дуэтом. Мне было легче, потому что переводчика у нас не было, а я легко говорю по-русски. В то время как Кане было труднее»³⁶, – писал Ярузельский в своих воспоминаниях. По его оценке, они с Каней постоянно пытались объяснить собеседникам специфику польских событий. Как вспоминал Ярузельский, хотя речь и шла о необходимости реформирования экономики, реформаторскую риторику использовали крайне осторожно, чтобы не разозлить «хозяев». Говорили о том, что с улучшением экономической ситуации удастся добиться политического решения кризиса. Согласились с тем, что от «Солидарности» исходит серьёзная угроза, но говорили и о том, что важно принять объективную реальность течения жизни. Сославшись на свою недавнюю встречу с примасом Польши кардиналом Стефаном Вышиньским, Ярузельский указал на важную стабилизирующую роль Римско-католической церкви и на то, что она может сыграть едва ли не решающую роль в достижении национального согласия.

Руководители ПНР высказали надежду, что в ближайшее время Сейм примет закон о прекращении забастовок хотя бы на два месяца. Более того, Ярузельский выразил готовность уйти в отставку с поста главы правительства, если его уход сможет смягчить позицию некоторых союзников по Варшавскому договору. Как писал Ярузельский,

переговоры завершились недовольством с обеих сторон. Но полякам предоставили поле для дальнейших политических манёвров, а это Ярузельский считал самым важным результатом встречи в Бресте. Советские руководители сообщили, что масштабные учения «Союз-81» будут завершены 7 апреля.

По воспоминаниям адъютанта, переговоры закончились в 2 часа ночи. На тех же самых черных «Волгах» вернулись в аэропорт. По дороге Каня угостил адъютанта эвкалиптовыми леденцами. Ярузельский и Каня в машине не перекинулись ни словом. Церемонии прощания в аэропорту не было. В темноте не было понятно, куда летит самолет. Только после приземления в Варшаве вздохнули с облегчением. У трапа ждал водитель председателя Совета Министров. Сначала отвезли домой Канию. При подъезде к дому Ярузельского на улице Икара адъютант решил поставить в известность генерала Янишевского, что они вернулись. Было около пяти утра. Ярузельский сказал: передай ему, что всё в порядке. Подхорунжий явился в Янишевскому лично, и когда тот увидел адъютанта, то столь стремительно выскочил из-за стола, что чуть не перевернул его. Адъютант подробно доложил, как всё происходило, естественно, за исключением содержания переговоров³⁷.

Ярузельский вспоминал, что вернулся в Варшаву с облегчением, потому что главным итогом встречи считал предоставленную ему отсрочку. «Хуже всего было понимать, что дальнейшего нажима избежать не удастся»³⁸, – писал он. По его оценке, разговаривать с Устиновым было труднее. Андропов же был более открыт к аргументам другой стороны и в целом, как вспоминал генерал, был человеком, склонным к размышлениям, обладал обликом и ментальностью интеллигента, спокойствием и культурой. «Я смог это почувствовать и тогда, когда в конце 1982 года он стал Генеральным секретарем ЦК КПСС»³⁹, – писал Ярузельский.

ВИЗИТ СУСЛОВА В ПОЛЬШУ

23 апреля 1981 года в Польшу прибыл Михаил Андреевич Суслов – второй человек в КПСС, секретарь ЦК по идеологии, считавшийся блюстителем партийных догматов и серым кардиналом при решении всех вопросов советской политики. Суслов обладал аскетической внешностью человека в футляре. Говорил он высоким, почти бляющим голосом, но при этом мог привести в ужас подчинённых или даже почти равных по положению в партии своим лаконичным замечанием человека, обладающего безграничной властью⁴⁰. Про него было известно, что он лично руководил подавлением антисоветского сопротивления в Литве после войны и при этом никогда особенно не церемонился в выборе средств. Суслов возглавлял секретную польскую комиссию ЦК КПСС, которую иногда называли «польским клубом». В её состав входили председатель КГБ Юрий Андропов, министр обороны Дмитрий Устинов, министр иностранных дел Андрей Громыко, секретарь ЦК КПСС по связям с соцстранами Константин Русаков, секретарь ЦК по вопросам идеологии Михаил Зимянин, заведующий Отделом внешнеполитической информации ЦК Леонид Замятин, сотрудник отдела Русакова Олег Рахманин.

Как отмечает Ярузельский, Суслов был человеком весьма культурным в обхождении и попросил о встрече со всем Политбюро ЦК ПОРП. «Несомненно, речь шла о том, чтобы донести советскую точку зрения до всей польской партии»⁴¹, – пишет Ярузельский. По его мнению, визит Суслова в Польшу стал своего рода выражением неодобрения деятельности как самого Ярузельского, так и Кани после встречи в Бресте с Андроповым и Устиновым. Суслов начал своё выступление с того, что, несмотря на предыдущие обсуждения, в том числе в Москве во время XXVI съезда КПСС, ситуация в Польше продолжает вызывать беспокойство.

«В Советском Союзе и в других социалистических странах существует большая тревога в связи с положением в Польше»⁴², – заявил он.

«Недавно состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором было решено, что следует проинформировать об этом беспокойстве руководство ПОРП»⁴³, – заявил Суслов и добавил, что «контрреволюция взяла партию за горло». Разумеется, имелась в виду партия польская. Одновременно, по мнению главного советского идеолога, «Солидарность» не только чувствует себя уверенно, но и смогла передать эту уверенность обществу, показать, что является силой, способной парализовать деятельность властей. Однако «Солидарность» боится Советской Армии и перехода конфликта на международный уровень и рассчитывает на мирную контрреволюцию, постепенный демонтаж социализма, смену политического строя, продолжал Суслов.

Второй человек в советском руководстве обвинил «Солидарность» в претензиях на власть и назвал это первой линией угрозы. Второй линией, по мнению Суслова, стало внутреннее состояние Польской объединенной рабочей партии, которую «Солидарность» пытается расколоть. «Не бойтесь настоящих коммунистов»⁴⁴, – заявил Суслов. «Требуется, чтобы здоровые силы в партии дали отпор оппортунистическим явлениям», – подчеркнул он и отметил, что иначе процесс разложения партии будет развиваться. (И, кстати, как в воду глядел!)

Суслов также отметил, что в Польше нарастает волна антисоветизма. «Можно заметить, кто дирижирует этой политикой и одновременно их безнаказанность»⁴⁵, – заявил он. И начал перечислять факты. Происходят осквернение памятников, построенных в знак благодарности Красной Армии, кладбищ, фальсификация истории. В некоторых школах сжигают учебники русского языка. Распространяются лживые утверждения об эксплуатации Польши со стороны Советского Союза, продолжал Суслов. Делается реклама

небольшому количеству порошкового молока, которое поставляют США, но не показывается реальная большая помощь Польше со стороны СССР. Суслов пожаловался, что вопреки обещаниям Станислава Кани не регистрировать так называемую «крестьянскую» «Солидарность» её существование было разрешено.

Далее главный советский идеолог сказал, что в средствах связи и на транспорте, а также на границах установилась весьма тревожная ситуация, и это уже касается не только внутренних дел Польши, а всего социалистического лагеря и обязательств ПНР перед союзниками. «Сложившаяся ситуация ставит под вопрос гарантии безопасности границ Польши»⁴⁶, – заявил Суслов, и эти слова вызвали немалое беспокойство Ярузельского. По мнению генерала, это был сигнал тревоги, новый акцент, который распространялся на вопросы отношения с Германией и становился поводом для размышления. Суслов также продолжал говорить о том, что в средствах массовой информации сложилась плохая обстановка и следует донести до сознания людей, что стране грозят контрреволюция и голод.

Под конец он решил немного подсластить пилюлю и отметил усилия руководства ПОРП, сказав, что у него нет намерения их принижать. Однако в общем подытожил, что ситуация развивается в неблагоприятном направлении.

Польские товарищи, и прежде всего Кая, начали докладывать о проделанной работе, а по сути дела, оправдываться. Среди прочих выступал первый секретарь Гданьского воеводского комитета ПОРП Тадеуш Фишбах⁴⁷, который заявил, что существует надежда на установление порядка и спокойствия. По его словам, кризис принял всеобъемлющий характер и стал ответом на потерю доверия, которое рабочие оказали Гереку в 1970 году. И именно поэтому они ожидают ответственности от руководства страны. Фишбах сказал, что рабочие всё меньше участвуют в деятельности «Солидарности», а переходят в так называемые отраслевые

профсоюзы. Он привёл такой пример: в Гданьске создан профсоюз судостроителей и хорошо развивается сотрудничество с советскими заказчиками, которые, по его словам, даже принимают недостроенные суда.

Интересно, что, по воспоминаниям самого Фишбаха, сделанным в 1989 году, Суслов перед началом заседания в Варшаве обратился к нему со словами: «Товарищ Фишбах! Возьмите слово и скажите, как вы в Гданьске решаете трудные проблемы, как можно договориться с «Солидарностью»». Как подтверждал Ярузельский, именно к этому совету прислушался Фишбах и именно этой рекомендации Суслова пытался следовать в своём выступлении.

В заключительном слове Суслов назвал выслушанные им оценки противоречивыми, поскольку ситуация очень трудная, кризис продолжается, враг силен, а партия ослабела. И продолжил: реакционные круги «Солидарности» ни перед чем не остановятся, поэтому следует проявлять бдительность. «Удастся ли решить кризис политическими средствами – это будет зависеть от того, какими будут собственные силы и какими будут силы противника. Нынешний процесс движется в неблагоприятном направлении»⁴⁸, – подытожил секретарь ЦК КПСС. По его словам, политическое решение становится всё менее реальным и следует быть готовым к другой форме действий.

Как вспоминает Ярузельский, после отъезда Суслова, 25 апреля, ТАСС распространил статью, посвящённую ситуации в ПОРП. В ней подвергались критике «ревизионистские элементы внутри партии», стремящиеся «парализовать польских коммунистов как передовую силу народа»⁴⁹. По мнению Ярузельского, этот комментарий ТАСС означал, что установилась официальная линия раздела на лучших и худших союзников.

Польская общественность выразила недовольство тем, что в ходе визита в ПНР Суслов отказался возлагать венок к могиле Неизвестного солдата в Варшаве.

БРЕЖНЕВ: ЕДВА ЛИ ПОМОЖЕТ ПОЛЯКАМ НАШЕ МЯСО

Лето и ранняя осень 1981 года характеризуется самой высокой за время польского кризиса динамикой и насыщенностью событиями. 5 июня ЦК ПОРП получает знаменитое письмо ЦК КПСС, в котором Кане и Ярузельский обвиняются в политике уступок и компромиссов с контрреволюцией, в результате чего над революционными завоеваниями польского народа нависла реальная угроза. «Здоровым силам» давался тем самым сигнал брать власть в свои руки. Характерно, что «письмо» по каналам советского посольства было передано сначала эти силам, а потом Кане. Выполняя поручение Москвы, группа «марксистов-ленинцев» во главе с Грабским на II пленуме ЦК ПОРП (9–10 июня) атакует Каню и Ярузельского за соглашательство с «Солидарностью» и ставит на голосование вотум доверия политбюро ЦК ПОРП. Это предложение проваливается при соотношении голосов 24 – за, 86 – против. Москва в очередной раз руками своих слуг испытывает Ярузельского на прочность. Как писал Владимир Иванович Воронков, вместе с Грабским Москва проигрывает первый раунд борьбы, но не желает смириться с этим.

12 июня в газете «Правда» публикуется текст письма ЦК КПСС, которое, по мнению советского руководства, следует опубликовать и в Польше. Не сумев свалить не оправдавших высокого доверия Каню и Ярузельского с помощью ЦК ПОРП, советское руководство пытается апеллировать непосредственно к партийным массам, а заодно и припугнуть «Солидарность», что оно не допустит посягательств на существующий в ПНР режим. 16 июня Брежнев звонит Кане и пытается дать ему понять, что тот утратил его поддержку и должен уйти в отставку. Как пишет В. Воронков, «тон разговора довольно бесцеремонный». Каню обвиняют

в том, что он чуть ли не добровольно «сдает власть контрреволюции». Политика бесконечных уступок контрреволюции окончательно показала свою несостоятельность, – заявляет Брежнев.

Старая площадь не выигрывает и решающий раунд – IX съезд ПОРП (июль 1981 года). Несмотря на все усилия, строителям советского социализма в Польше к власти прийти не удалось. Команде Брежнева стало понятно, что все эти так называемые здоровые силы не имели сколько-нибудь заметного влияния не только в польском обществе, но и даже в ПОРП. Зато «ошпортунистов и ревизионистов» (в понимании ЦК КПСС) в руководстве ПОРП заметно прибавилось. Каня остался первым секретарем ЦК ПОРП. В своей знаменитой публикации «События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади» Владимир Воронков, приводит выдержку из записки отдела ЦК КПСС с оценками итогов съезда.

«Съезд не выработал четкой политической линии по выходу партии и страны из кризиса. В ЦК ПОРП значительную прослойку составляют представители проревизионистских сил, группирующиеся вокруг Раковского, «Солидарности» и костела. До 20 процентов членов ЦК состоит в «Солидарности». Всё это ведет к тому, что нынешнее польское руководство не способно принимать эффективные решения, организовать решительную борьбу против антисоциалистических и других контрреволюционных сил и сплотить партию на марксистско-ленинской основе».

Таким образом, ЦК КПСС признал неудачу своего выработанного в начале 1981 года курса в отношении Польши. Беспрецедентные усилия советского руководства по достижению своих целей польскими руками не дали ожидаемых результатов. «Солидарность» разогнать не удалось, протолкнуть своих ставленников на руководящие посты в партии и государстве тоже. От «романтических» планов построить в Польше «советский социализм» пришлось временно от-

казаться. Как пишет Владимир Воронков, на повестку дня встал вопрос поисков более прагматичной линии.

Реакция «Солидарности» на итоги IX съезда ПОРП оказалась сравнительно сдержанной. Победа умеренного крыла в партии усилила позиции сторонников диалога с ней в «Солидарности». Как известно, это движение в силу своей массовости никогда не было монолитом. По словам одного из главных идеологов профобъединения Адама Михника, в нем всегда было крыло непримиримых и крыло, готовое к диалогу с коммунистами на любых условиях. Но самыми влиятельными, по словам Михника, были центристы, выступавшие за достойный компромисс с ПОРП. К ним Михник относил и Валенсу.

Как писала «Новая газета» 7 октября 2021 года по случаю 40-летия 1-го съезда «Солидарности», который прошел в Гданьске 5–10 сентября и 23 сентября, «Великий электрик» держался умеренной линии: постепенно в рамках законности расширять пространство свободы. Валенсу поддерживали эксперты «Солидарности» из диссидентского движения. Прежде всего активисты легендарного Комитета защиты рабочих (КОС-КОР) – Яцек Куронь, Адам Михник, Збигнев Ромашевский, Ян Ольшевский, Генрик Вуец, Эдвард Липиньский, Кароль Модзелевский.

Этот курс сталкивался с сильной оппозицией. Быдгощский инженер Ян Рулевский, кладовщик и пожарник Щецинской судоверфи Мариан Юрчик, электронщик из Гданьска Анджей Гвязда, варшавский металлург Северин Яворский, катовицкий слесарь Анджей Розпеховский – выступали за открытую конфронтацию с режимом. «Солидарность» должна как огромный молот разбивать тоталитарную систему!» – призывал Рулевский. Все они были лидерами региональных профцентров и непосредственно влияли на массы.

Важный политический акт был принят 8 сентября. Съезд «Солидарности» сделал «Обращение к трудящим-

ся Восточной Европы». Предложил идею варшавский врач Генрик Сициньский. После того, как инженер из Вроцлава Корнель Моравецкий (в скором будущем лидер радикального подполья «Борющаяся Солидарность», отец нынешнего премьер-министра Польши Матеуша Моравецкого) огласил послание от советских диссидентов, заканчивающееся словами: «Ваша борьба за права простых людей в Польше – это и наша борьба. Всё, чем вы способствуете гибели лжи и лицемерия, осуществлению фундаментальных нужд трудящихся, ослабляет и наш режим. Польша не станет свободной, пока не станет свободной Россия. (...) «Солидарность» сегодня указывает нам путь». Написали проект Обращения калишский юрист Богуслав Слива и варшавский математик Ян Литыньский. На голосование поставил проект Анджей Гвезда. Краткий текст Обращения заслуживает полного цитирования. Ибо есть ещё в Восточной Европе страны, для которых оно не утратило актуальности (текст приводится в переводе Наталии Горбаневской):

«Делегаты, собравшиеся в Гданьске на Первый съезд делегатов Независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность», приветствуют рабочих Албании, Болгарии, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Румынии, Венгрии и всех народов Советского Союза и выражают им свою поддержку. Как первый независимый профсоюз в нашей послевоенной истории мы глубоко ощущаем единство наших судеб. Заверяем вас, что, вопреки лжи, распространяемой в ваших странах, мы являемся подлинным 10-миллионным представительством трудящихся, возникшим в результате рабочих забастовок. Наша цель – борьба за улучшение существования всех трудящихся. Мы поддерживаем тех из вас, кто решился вступить на трудный путь борьбы за свободное профсоюзное движение. Мы верим, что уже скоро ваши и наши представители смогут встретиться, чтобы обменяться опытом».

Ярость властей НСРА, НРБ, ЧССР, ГДР, СРР, ВНР и СССР не поддавалось описанию. Леонид Брежнев высоко оценил Обращение: «Опасный и провокационный документ. Слов в нём немного, но все они бьют в одну точку». Генсек распорядился организовать на крупнейших советских заводах собрания с «гневным осуждением». «Его авторы хотели бы вызвать смуту в социалистических странах, взбудоражить группки разного рода отщепенцев», – заявил Леонид Ильич на заседании Политбюро при обмене мнениями по польскому вопросу.

«К этому времени стало уже неизменной традицией Москвы приурочивать к такого рода мероприятиям польской оппозиции крупномасштабные военные маневры либо советских вооруженных сил, либо объединенных сил ОВД вблизи польских границ», – писал Владимир Воронков. «Считалось, что таким образом охлаждался боевой пыл «экстремистов» из «Солидарности». 4–12 сентября на территории Белорусского и Прибалтийского военных округов в акватории Балтийского моря состоялись учения войск и сил флота вооруженных сил СССР со зловещим в тот момент для поляков названием «Запад-81», – писал В. Воронков. Руководил маневрами лично министр обороны маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов. «По каналам советских спецслужб на Польшу пошла очередная, сопутствовавшая таким событиям дезинформация о возможности оказания польским коммунистам «интернациональной помощи».

В сентябре – декабре 1981 года политика советского руководства в отношении Польши стала простой и по своему прагматичной – не тормозить, а где можно и подталкивать страну к внутренней конфронтации. Одновременно стремиться сужать возможности польских властей уходить от применения силы в отношении «Солидарности». Как считает Владимир Воронков, Москва стала меньше вмешиваться во внутренние дела ПНР. По сравнению с предыду-

щим периодом заметно сократилось, к примеру число непосредственных советско-польских контактов на высшем и высоком уровнях. С августа по 13 декабря состоялась всего одна встреча Брежнева с Каней и Ярузельским (14 августа в Крыму).

Далее Брежнев пошел на «изящный» шантаж поляков. Он заявил, что дальнейшее развитие советско-польских отношений будет зависеть от дальнейшего хода событий в ПНР. Будет Польша социалистической – будут интернационалистические отношения (как пишет Владимир Воронков, имелась ввиду советская экономическая помощь «друзьям»). Важно, чтобы это понимали не только политические деятели, но и широкая польская общественность. КПСС исходит из того, что польские коммунисты пойдут на все, чтобы не позволить увести страну в капиталистический лагерь. Крымская встреча стала последним звонком Москвы для Кани, пишет В. Воронков.

За смещение Кани на пленуме ЦК ПОРП 18 октября 1981 года проголосовало 104 члена ЦК, против – 79. Этот результат стал для Москвы показателем того, что насколько высшее руководство ПОРП «заражено капитулянтскими идеями», насколько ненадежно делать на него ставку в борьбе с «Солидарностью». Так называемые здоровые силы играли все более заметную роль в руководстве ПОРП. Брежнев сделал также немало, чтобы психологически сломать Канию, заставить его смириться с отставкой. «Пришел такой момент, – пишет в своих воспоминаниях В. Ярузельский, – когда возможности Кани руководить оказались исчерпанными. Ситуацию драматически заострил съезд «Солидарности». Советский нажим всё более усилился. Все это сказалось на огромных психологических перегрузках, которые почти невозможно стало выдержать. Работа в постоянном напряжении, ежедневная борьба ослабили его стойкость. Это состояние в силу разных причин опасно усиливалось. В последние, предшествовавшие пленуму недели дело дошло

до того, что в послеобеденное время Каня был просто не в состоянии работать».

Советское руководство, делая ставку на введение военного положения в Польше, было несмотря на свои претензии к генералу, обречено на него. Второго, равного ему авторитета в Войске Польском тогда не было. А Ярузельский, еще не заняв высшего поста в ПНР, уже становился заложником стремительно нарастающей конфронтации в стране и нажима Старой площади.

После избрания Ярузельского Первым секретарем ЦК ПОРП на пленуме ЦК КПСС в Москве 11 ноября 1981 года Михаил Андреевич Сулов (заседание было закрытым) заявил, что ЦК КПСС позитивно расценивает смену руководства в Польше. Однако дальнейший ход событий будет зависеть от того, насколько решительно будут действовать руководители Польши и лично Ярузельский. Поскольку, по мнению Сулова, Ярузельский зачастую проявляет чрезмерную осторожность, не всегда четко выражает взгляды по различным проблемам. Ярузельский нуждается в нашей поддержке при принятии принципиальных решений, заключил Сулов.

С учетом мнения Кремля о «податливости» генерала на советы из Москвы, к нему приставили соответствующего советчика в лице Главнокомандующего Объединенными Вооруженными силами государств Варшавского Договора маршала Советского Союза Виктора Георгиевича Куликова.

Генерал предпринимал отчаянные попытки в условиях усиливающегося цейтнота сохранить свободу рук в принятии решений. 4 ноября вопреки рекомендациям Кремля польское руководство принимает решение о вступлении в Международный валютный фонд. Власти рассчитывают на немедленную помощь – Запад выжидает, хотя решение поляков имеет явный политический подтекст – ослабить свою зависимость от Москвы. В конце ноября, когда обстановка резко обострилась, США и другие западные страны прини-

мают решение об оказании срочной экономической помощи ПНР. 21 октября вопреки рекомендациям Старой площади генерал встречается с кардиналом Юзефом Глемпом, а 4 ноября к ним присоединяется Лех Валенса – обсуждается идея Ярузельского о создании Фронта национального согласия с участием «Солидарности». В очередной раз полякам не удается договориться между собой даже в условиях надвигающейся катастрофы.

Москва резко отрицательно отреагировала на такого рода инициативы генерала Ярузельского. Чтобы оказать на него давление Кремль прекращает непосредственные контакты с Ярузельским, предпочитая разговаривать с ним со страниц «Правды», с помощью официальных протестов и представлений польской стороне, через передаваемые послом СССР от имени советского руководства устные послания. Всё направлено на то, чтобы изолировать генерала в своей же стране, загнать в тупик, выход из которого соответствовал бы замыслам Москвы. На встречу с Глемпом и Валенсой советские газеты реагируют серией статей с оскорбительно-провокационными по отношению к «Солидарности» содержанием. Достаточно привести только некоторые заголовки: «Реакции – решительный отпор» («Правда», 14 ноября), «Солидарность? Нет. Контрреволюция» («Литературная газета» 11 ноября), «Вешатель», «Гибрид» (статьи о членах руководства М. Юрчике и Я. Рулевском в «Литературной газете» 4 и 18 ноября) и, наконец, одобренная политбюро ЦК КПСС «забойная» статья «Солидарность рвется к власти» («Правда», 13 ноября).

22 ноября посол СССР передает Ярузельскому устное послание Брежнева, которое составлено как набор требований к первому секретарю ЦК ПОРП. В нем довольно откровенный намек на то, что генерал вслед за Каней продолжает сдавать власть противнику и необходимо неотложно начинать силовую конфронтацию с «Солидарностью».

Ярузельскому рекомендуют заняться чисткой рядов ПОРП, убрать оттуда капитулянтов, опереться на здоровые силы, и использовать «силовые структуры для наведения порядка в стране.

В ноябре в Польше произошло резкое ухудшение снабжения населения продовольствием. Карточки отоваривались далеко не полностью, отличительной чертой польских магазинов стало наличие в свободной продаже лишь одноуксуса... Ярузельский обратился в Москву с просьбой поставить в Польшу 30 тысяч тонн мяса – вопрос обсуждался на Политбюро ЦК КПСС. Мясо собирали по всей советской стране. На заседании Политбюро Брежнев говорит так будто мясо уже поставлено в ПНР, хотя Горбачев (секретарь по сельскому хозяйству) его и предупреждает: «По данным, которые мы имеем в результате телефонных разговоров с обкомами, крайкомами и ЦК компартий союзных республик, повсеместно этот вопрос обсужден на бюро».

БРЕЖНЕВ: Я всё думаю о том, хотя мы Польше и дали 30 тысяч тонн мяса, но едва поможет полякам наше мясо. Во всяком случае у нас нет ясности, что же будет дальше с Польшей. Никакой инициативы т.Ярузельский не проявляет. Может быть, нам подготовиться к беседе с ним⁵⁰.

22 октября «Солидарность» провела одночасовую общепольскую забастовку, в которой приняли участие более 2 миллионов человек с требованием улучшить снабжение населения продовольствием и прекратить репрессии против оппозиции. В ноябре забастовочное движение стало непрерывным – за месяц состоялось около 150 локальных акций протеста. В конце ноября произошла первая забастовка в силовых структурах – в высшем офицерском пожарном училище МВД, где часть преподавателей потребовала вывода училища из системы МВД. При разгоне забастовки власти использовали вертолетный десант и армейские подразделения. «Впервые за всё время польского кризиса используется сила – хотя жертв и пострадавших не

было, инцидент накалил обстановку до предела»⁵¹, – пишет Владимир Воронков.

3 декабря на расширенном заседании президиума Всепольской комиссии «Солидарности» в Радоме принимается решение отказаться от переговоров по поводу создания Фронта национального согласия. Поскольку они направлены на то, чтобы ввести в заблуждение народ. Конфронтация неизбежна и конфронтация произойдет, заявил Лех Валенса.

На сей раз оценки заявлений «Солидарности» и у официальной Варшавы, и у Москвы сошлись – руководство профобъединения приняло решение захватить власть в Польше. У Ярузельского не оставалось выбора – либо он вводит военное положение, либо угроза советского военного вмешательства в польские дела становилась реальностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Jaruzelski Wojciech. Stan Wojenny. Dlaczego... – Warszawa: BGW, 1992. – S. 13.*

² *MacEachin Douglas J. Amerykanski wywiad i konfrontacja w Polsce 1980–1981. – Poznan: Rebis, 2011. – S. 128.*

³ Через несколько месяцев, в апреле 1981 года, ортодоксальный сталинист и типичный представитель «партийного бетона» Тадеуш Грабский (1929–1982) возглавит комиссию по расследованию злоупотреблений во время правления Герека.

⁴ *Ibid.* – S. 131.

⁵ *Ibid.* – S. 133.

⁶ *Gates Robert M. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. – NY: Simon & Schuster, 1997. – P. 228.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.* – P. 229.

⁹ Telegram From the Department of State to the Embassy in the Soviet Union Washington, January 24, 1981, 0251Z19053. Subject: Secretary's Letter to Gromyko (из рассекреченных в 2016 году документов Государственного департамента США).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² *Gates Robert M. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.* – NY: Simon & Schuster, 1997.

¹³ Рышард Куклиньский (1930–2004) – легендарный польский полковник и агент ЦРУ, который сыграл огромную роль в подготовке выхода Польши из-под влияния СССР и потому многими поляками воспринимается как национальный герой. Сын погибшего в гестапо героя Сопротивления, Куклиньский делал неплохую военную карьеру и даже участвовал в подавлении Пражской весны, что сильно изменило его мировоззрение и после чего он и согласился работать на ЦРУ (за что, по утверждениям как его самого, так и представителей США, Куклиньский не получал никаких денег). Передал в Лэнгли тысячи страниц стратегически важных секретных документов и тем самым внёс немалый вклад в обеспечение превосходства НАТО над Варшавским Договором. В 1981 году под угрозой разоблачения вывезен в США, где стал первым иностранцем, получившим высшую награду ЦРУ Distinguished Intelligence Medal. Заочно приговорён военным трибуналом к смертной казни, но оправдан в 1995 году. После смерти в США его тело было перевезено в Варшаву и с почестями похоронено на военном кладбище.

¹⁴ Ibid. – P. 229.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. – P. 231.

¹⁸ *Gates Robert M. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.* – NY: Simon & Schuster, 1997 – P. 232.

¹⁹ Ibid. – P. 232.

²⁰ Ibid. – P. 233.

²¹ Ibid. – P. 233.

²² Виктор Георгиевич Куликов (1921–2013) был Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами стран – участниц Варшавского договора с 1977-го по 1989 год. Кстати, 3 июля 1981 года в связи с 60-летием со дня рождения Маршалу Советского Союза В.Г. Куликову было присвоено звание Героя Советского Союза.

²³ *Gates Robert M. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.* – NY: Simon & Schuster, 1997. В данном случае Гейтс несколько упрощает ситуацию, поскольку Ярузельский сам был министром обороны, а формально эти обязанности исполнял генерал Флориан Сивицкий, один из ближайших ему людей, начальник Генерального штаба.

²⁴ Генерал армии Анатолий Иванович Грибков (1919–2008) с 23 апреля 1976-го по 24 января 1989 года был начальником штаба Объединенных вооруженных сил государств – участников Варшавского договора.

²⁵ Афанасий Фёдорович Щеглов (1912–1995) – генерал армии, Герой Советского Союза, с апреля 1974 года являлся представителем Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств – участников Варшавского договора в Польше.

²⁶ *Wejda nie wejda: Polska 198–01982: wewnętrzny kryzys, międzynarodowe uwarunkowania: konferencja w Jachrance, listopad, 1997.* – London: Aneks, 1999. – S. 261. Резидент КГБ в Польше Виталий Павлов в своих воспоминаниях пишет, что Ярузельский долго не соглашался занять пост Первого секретаря ЦК ПОРП и вёл себя, как царь Иван Грозный, которого бояре умоляли вернуться к управлению русской землёй. «Зная эрудированность Ярузельского в нашей истории, я могу поверить, что он про себя думал: «Просите, уговаривайте, а я покуражусь», с тем чтобы исключить потом его генеральскую жёсткость в управлении. Во всяком случае так трактовал поведение Ярузельского один из источников резидента КГБ (Павлов В. «Сезам, откройся!» – М.: Терра-Книжный клуб, 1999. – С. 545).

²⁷ *Gates Robert M. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.* – NY: Simon & Schuster, 1997. – P. 235.

²⁸ *Ibid.* – P. 236.

²⁹ Однако профессор Анджей Пачковский, автор исследования «Война польско-ярузельская», считает, что Куклиньский «собирал сведения, которые выходили за пределы формально доступного ему круга информации», и что до сих пор неясно, какую информацию он мог передать. К тому же в ноябре Куклиньского вывезли из Польши из-за угрозы разоблачения. Подробнее см. приложение 1 и *Paczkowski Andrzej. Wojna polsko-jaruzelska. Stan wojenny w Polsce 13 XII 1981–22 VII 1983.* – Warszawa: Proszynski i S-ka, 2006. – S. 28–30.

³⁰ *Jaruzelski Wojciech. Stan Wojenny. Dlaczego...* – Warszawa: BGW, 1992. – S. 93.

³¹ *Ibid.*

³² *Ibid.*

³³ *Ibid.*

³⁴ *Ibid.*

³⁵ Осенью 1980-го – весной 1981 года сельхозпроизводители объединились в Независимый самоуправляемый профсоюз индивидуальных фермеров «Солидарность». Первый съезд 14 декабря 1980 года собрал около тысячи делегатов, представлявших почти 600 тысяч крестьянских хозяйств. В марте 1981 года в городе Быдгоще из-за нежелания властей регистрировать «сельскую» «Солидарность» произошли столкновения фермеров с милицией. В ответ вся «Солидарность» провела всеобщую многомиллионную забастовку по стране. «Крестьянский» профсоюз был зарегистрирован в мае 1981 года.

³⁶ *Jaruzelski Wojciech. Stan Wojenny. Dlaczego...* – Warszawa: BGW, 1992. – S. 98.

³⁷ *Ibid.* – S. 100.

³⁸ *Ibid.*

³⁹ *Ibid.*

⁴⁰ Как вспоминал Александр Николаевич Яковлев, во время обсуждения на Политбюро его работы как посла СССР в Канаде

Андропов высказал ряд претензий в отношении того, что Яковлев недостаточно сотрудничает с резидентом КГБ и не оказывает ему должной поддержки. Неожиданно Суслев произнёс с характерной окающей интонацией: «А товарища Яковлева послом в Канаду не КГБ направлял». Андропов растерянно плюхнулся в кресло и замолчал. Так главный идеолог партии продемонстрировал первенство партийной власти над спецслужбами.

⁴¹ *Jaruzelski Wojciech. Stan wojenny. Dlaczego... – Warszawa: BGW, 1992. – S. 125.*

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Тадеуш Фишбах (1935) его политическую судьбу сформировала «Солидарность», штаб которой находился на «подведомственной ему территории». Он возглавлял комитет ПОРП в Гданьском воеводстве и был кандидатом в члены Политбюро ЦК. Но из-за того, что подписал требования профсоюза, в 1982 году вылетел со всех постов. Позже работал в МИДе, был торговым представителем Польши в Финляндии и послом в Латвии. В новой Польше возглавил одну из созданных на обломках ПОРП партий, которая получила 39 мест в Сейме (где Фишбах стал вице-спикером) просуществовала недолго. На выборах президента в 2010 году поддерживал Ярослава Качиньского.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 48. Л. 4.

⁵¹ *Воронков В. И. События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади // Вопросы истории. 1995. № 10.*

ПОЛОЖЕНИЕ «W» И ОПЕРАЦИЯ «АЗАЛИЯ»

Ярузельский без военного положения – это всё равно что Сочельник без карпа.

*Из интервью Войцеха Ярузельского
Терезе Тораньской*

Каждый, кто пережил введение военного положения в Польше, вспоминает события того дня, той ночи и того утра по-разному. Будь то сами его организаторы, члены их семей или те, кто попал под интернирование, как Лех Валенса, или советские специалисты, служившие тогда в Польской Народной Республике как преподаватели или научные работники. Впрочем, есть и нечто общее. Все упоминают, как замолчали телефоны, как телевизор показывал только драматичное выступление Ярузельского, как по центральной улице Новый Свят ночью поехали танки, которые многие поначалу приняли за снегоуборочные машины.

Во время моей срочной службы в Советской Армии (1983–1985) любопытным воспоминанием поделилась жена одного из офицеров, с которым я служил, капитана Алексея Михайлова – Наташа. Она рассказывала, что перед введением военного положения в Польше, ещё 12 декабря, всех членов семей советских военных решили вывезти в Советский Союз, чтобы обезопасить на тот случай, если операция Ярузельского

провалится. С собой разрешили взять только личные вещи, поэтому нажитое добро вроде ковров и хрусталя пришлось оставить в квартирах. Чтобы всё это не досталось полякам, хрусталь решили перебить, а ковры порвать. Семьи погрузили в пассажирские вагоны и отправили в Брест. Ещё не успели поменять тележки вагонов под советскую колею, как стало известно, что Ярузельский провёл успешную операцию, так что всех жён и детей советских военных вернули обратно. Вагоны поехали в Польшу, к разбитому хрусталю и разорванным коврам. Когда я рассказал об этой истории Ярузельскому во время интервью в 2004 году, лёгкая ироничная улыбка пробежала по его лицу.

Но дело не ограничилось разбитым хрусталём. Было немало серьёзных семейных и житейских трагедий. Дочка Ярузельского Моника ушла из дома и не появлялась две недели, от вице-премьера Мечислава Раковского ушла жена – знаменитая скрипачка Ванда Вилкомирска, а его сын попросил политического убежища в ФРГ. Политического убежища попросили и послы ПНР в Японии и США. Выдающиеся деятели культуры стали выходить из ПОРП. Одним из них был скульптор Густав Земла, автор знаковых памятников, символизирующих польский дух. Как только стало известно о выходе Землы из партии, его немедленно лишили заказа на создание монумента «рязанцам» – польским военнослужащим 1-й дивизии имени Тадеуша Костюшко, чьи подразделения формировались на Оке, под Рязанью, и где проходил военную подготовку Ярузельский¹.

Генерал вспоминал, что последние дни перед принятием решения о введении военного положения стали для него сущим кошмаром. «Это было психическим и моральным мучением»², – писал он в книге воспоминаний «Военное положение. Почему...». «Не хочу вставать в позу героя, который принял решение и прямо шёл к цели. Я всё больше чувствовал, что выхода уже нет. Но по-прежнему на какой-то выход рассчитывал»³, – пишет он, отмечая роль епископа-

та, который вёл переговоры с лидерами «Солидарности» и, как считал Ярузельский, старался их укротить.

По воспоминаниям генерала, утром 7 декабря у него состоялся короткий телефонный разговор с Брежневым, который вопреки обыкновению не читал по бумажке, а постоянно отрывался от заранее заготовленного текста. Ярузельский пишет, что Брежнев упоминал события в Радоме⁴, но ничего не говорил о готовившейся демонстрации «Солидарности» 17 декабря. «Контрреволюция сидит у вас на спине. Если не предпримете необходимых мер, будет поздно. И тогда это уже будет делом всех нас»⁵, – сказал Брежнев. Ярузельский вспоминает, что постоянный нажим на него оказывал также посол СССР в Польше Борис Аристов, бывший первый секретарь Ленинградского горкома КПСС, не скрывавший своего критического восприятия ситуации в Польше.

Как пишет бывший сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Валерий Мусатов, окончательное решение о введении военного положения было принято генералом Ярузельским 12 декабря в 14 часов. До этого, 5 декабря, в пользу военного положения высказался весь состав Политбюро ПОРП. В Москве об этом, конечно, знали. Но дата начала операции держалась вначале в тайне, даже от Москвы. В последний день были предупреждены наиболее заинтересованные лица: Председатель Госсовета Генрик Яблоньский, члены Политбюро Стефан Ольшовский и Казимеж Барчиковский, а также примас Римско-католической церкви Юзеф Глемп. 12 декабря 1981 года Ярузельский позвонил в Москву Михаилу Суслову и Дмитрию Устинову⁶.

Операция «W» фактически началась днём 12 декабря. Воеводские коменданты милиции (*Milicja Obywatelska*, или МО) и командующие военными округами получили приказ вскрыть запечатанные конверты, хранившиеся в сейфах с марта. В них были инструкции по проведению операции «Азалия», которая сводилась к тому, что следует взять

под контроль средства связи, радио и телевидение, а также операции «Йодла», которая предусматривала интернирование активистов «Солидарности» и ряда деятелей ПОРП. При этом им сначала предлагали подписать документ о сотрудничестве с властями, а в случае несогласия отправляли в какой-нибудь дом отдыха в отдалённом районе Польши. Валенса, Куронь, Оньшкевич⁷, Михник, Мазовецкий⁸ – всех забирали среди ночи из тёплой постели и отправляли в пустующие дома отдыха. То же самое проделали и с Эдвардом Герекком – бывшим Первым секретарем ЦК ПОРП. Впрочем, целому ряду деятелей «Солидарности» удалось сбежать из-под ареста, в частности, Збигневу Буяку, Владиславу Фрасынюку, Богдану Борусевичу и Богдану Лису⁹.

Для управления страной был создан Военный совет национального спасения. Аббревиатура с названием этого органа звучала по-польски, прямо скажем, неблагозвучно – WRON и напоминала о вороне. Считается, что такое название было идеей генерала Чеслава Кищака¹⁰, а сам совет создали четыре генерала: Ярузельский, Кищак, Сивицкий и Янишевский. По официальной информации газеты «Трибуна люду» Военный совет был создан 12 декабря 1981 года и видимо, основан узким кругом внутри Министерства обороны, потому что даже некоторые заместители министра были поставлены в известность об этом решении позднее¹¹. Сейчас историки называют Военный совет неконституционным и созданным вопреки законодательству, иными словами, военной хунтой.

В своём выступлении по телевидению Ярузельский объявил запрет на проведение забастовок. Вводился милицейский час с 22.00 до 6.00. Все почтовые посылки подлежали цензуре, телефонная связь была прервана. Были закрыты границы. Деятельность всех общественных организаций, в том числе профсоюзов, запрещалась. Был также наложен запрет на выпуск газет и журналов. Дикторы зачитывали выпуски новостей в военной форме.

Выбор пал на 13 декабря, потому что на 17 декабря «Солидарность» назначила проведение огромной демонстрации в Варшаве. Кроме того, 18–20 декабря из Войска Польского в запас должны были быть уволены старослужащие солдаты, а это бы ослабило Вооруженные силы. И, наконец, дивизии Советской Армии стояли наготове как на территории самой Польши, так и на её границах на тот случай, если властям не удастся взять ситуацию под контроль собственными силами¹².

При проведении этой крупнейшей в истории XX века военно-полицейской операции были задействованы около 10 тысяч милиционеров из подразделений ОМОН, который в Польше назывался ЗОМО¹³ (ЗОМО), госбезопасности, 250 тысяч военнослужащих Войска Польского, тысячи танков и бронетранспортеров и такое количество военного снаряжения, каким современная Польша вообще не располагает¹⁴. В общей сложности было интернировано около 10 тысяч человек. Из них 5 тысяч человек (в основном активистов и экспертов независимого профсоюза «Солидарность») были арестованы сразу, ночью 13 декабря.

К удивлению организаторов военного положения, они не столкнулись с сильным сопротивлением, и в целом всё прошло гладко.

В августе 1991 года, когда я работал в Варшаве корреспондентом ТАСС, мы наблюдали за действиями ГКЧП в Москве, и многие коллеги задавались вопросом: почему Ярузельскому удалось сделать то, что не удалось путчистам в СССР? Как ни странно, но первый ответ таков: поляки более дисциплинированы и законопослушны, чем русские. Но были и другие факторы. Конечно, в 1981-м Советский Союз ещё не был в таком плачевном состоянии, как в 1991-м, и мог оказать Польше экономическую помощь. Важным обстоятельством была и смена поколений: хотя Ярузельский был значительно моложе кремлёвских старцев, он очень хорошо понимал их тип мышления, мотивацию и то, на что

они способны. Как мы знаем, поколение советских деятелей, вскормленных Сталиным и не останавливавшихся ни перед какими силовыми действиями, к 1991 году уже сошло с политической арены или ушло в мир иной. Из протоколов бесед советских лидеров с польскими следует, что с виду немощный Брежнев, которому оставалось жить-то чуть больше года, был в состоянии очень существенно давить на руководство «братской Польши» и выкручивать им руки вместе с главным идеологом Михаилом Сусловым, председателем КГБ Юрием Андроповым, министром обороны Дмитрием Устиновым и министром иностранных дел Андреем Громыко.

Анализируя ситуацию того времени, следует понимать, что Польша в обстоятельствах холодной войны была чрезвычайно важной для Советского Союза страной. Через неё не только осуществлялся воинский транзит в Группу советских войск в Германии (и, кстати говоря, Северная группа советских войск, размещавшаяся в ПНР, обеспечивала именно этот транзит). Как пишут военные историки, на территории ПНР находилось советское ядерное оружие¹⁵. Не менее важным было и то, что через территорию Польши в Европу проходили советские нефтетрубопроводы. И некоторые историки считают, что в конечном счёте именно это обстоятельство стало решающим фактором для Брежнева при предоставлении Ярузельскому карт-бланша на самостоятельные действия. Брежневу очень не хотелось, чтобы в результате каких-то советских действий непредсказуемые поляки стали бы взрывать нефтепроводы¹⁶. Всё это вместе взятое заставляло Политбюро ЦК КПСС относиться к Польше совсем не так, как к Афганистану, куда советские войска, как известно, вошли в декабре 1979 года.

Важным фактором успеха Ярузельского при проведении военно-полицейской операции в 1981 году была большая популярность польских Вооружённых сил в обществе. Войско Польское было для поляков своим, своей национальной армией¹⁷.

В своих поздних откровениях генерал говорил, что был поражён тем, что в действиях ГКЧП отсутствовали решительные меры по отношению к лидерам оппозиции: никого не интернировали, телефонная связь не была отключена, СМИ продолжали работать, причём как государственные, так и оппозиционные. Генерал Ярузельский позже отмечал: когда он наблюдал за происходящим в Москве, его не покидало ощущение какого-то спектакля. «Всё выглядело дилетантски, опереточно», – признавался генерал, подчёркивая, что его поразила беспомощность Советской Армии, боевые возможности которой он знал хорошо. (Пожалуй, точнее было бы сказать: беспомощность политического руководства.) Ярузельский говорил, что ГКЧП явно переоценивал свои возможности, считая народ по-прежнему боязливым и запуганным¹⁸.

В отличие от СССР в Польше военное положение было тщательно подготовлено. Официальная пропаганда утверждала, что военное положение преградило дорогу «контрреволюции и анархии», а может быть, и гражданской войне. Важнейшую роль в относительно мирном проведении операции по введению военного положения сыграла польская католическая церковь, которая всё же призывала к спокойствию, а не разжигала страсти. Министр внутренних дел Чеслав Кищак постоянно поддерживал связь с верхушкой епископата, в том числе с кардиналом Юзефом Глемпом, архиепископами Брониславом Домбровским и Алоизиєм Оршуликом, а также кардиналом Франтишекком Махарским¹⁹. В день «W» Глемп обратился к полякам со словами, которые не могли никого оставить равнодушным: «Молю вас и готов ещё молить на коленях и босиком, чтобы не пролилась ни одна капля братской крови». 19 декабря в Польшу прилетел архиепископ Луиджи Поджи с личным посланием от папы римского Иоанна Павла II для Ярузельского.

Из-за военного положения на некоторых предприятиях были объявлены забастовки, прежде всего в Гданьске,

Щецине, Катовицах, Варшаве и Вроцлаве. В Гданьске был создан забастовочный комитет, который потребовал отмены военного положения и освобождения интернированных. На усмирение забастовщиков были брошены значительные силы милиции и ЗОМО. В распоряжении армии и милиции были танки, бронетранспортеры и вертолеты. Танки пробивали ворота предприятий, за ними врывались бойцы ЗОМО, которые при помощи слезоточивого газа и дубинок выталкивали забастовщиков с территории предприятий. Наиболее резкое столкновение произошло на шахте «Вуек» («Дядюшка») под Катовице в Силезии, где бастующие шахтёры отказались покинуть предприятие и оказали сопротивление²⁰. Трех милиционеров захватили в плен. Через десять минут специальный взвод ЗОМО открыл по рабочим огонь из пулемётов. Шестеро шахтёров погибли, трое умерли в больнице.

После побоища на шахте «Вуек» забастовка закончилась, и протесты по всей стране также были подавлены. Люди поняли: власть не остановится ни перед чем, чтобы подавить сопротивление. Дольше всех сопротивление оказывали горняки шахты «Пяст», которые отказались покинуть забой и перенесли забастовку под землю. Они согласились прекратить забастовку только 28 декабря 1981 года.

Как отмечают польские историки, первоначальный успех операции «W» объяснялся очень организованными действиями армии и милиции, задержанием большинства лидеров оппозиции, прекращением связи, что затрудняло координацию действий оппозиции, и, конечно, усталостью людей от бесконечного общественного конфликта и ужасающей экономической ситуации. Возможно, большую роль сыграл страх, вызванный присутствием танков и военных на улицах польских городов, а также обещаниями строгих наказаний за сопротивление (об этом объявили по радио). Смертная казнь грозила за целый ряд действий, в том числе за забастовки на предприятиях ВПК и распространение

неверных сведений в печати (что означало распространение листовок и самиздатовских газет).

Однако обычные граждане стали прикреплять на одежду резисторы как символ протеста или намеренно опаздывали на работу, чтобы продемонстрировать свои политические взгляды (символами нового стиля работы стали улитка и черепаха). Во многих польских городах люди спонтанно кустарным методом изготавливали листовки и плакаты антиправительственного и антикоммунистического содержания и продавали их в общественных местах. На зданиях, особенно труднодоступных, рисовали антиправительственные граффити, например: «ВРОН за Дон», «Зима ваша – весна наша!», «Вороне орла не победить» или «Продолжение следует». Смыть граффити отправляли специальные группы, которые часто заменяли одни надписи на другие: например, «КОР = евреи» или «S = \$». В том смысле, что «Солидарность» и американские доллары – понятия идентичные.

Символом сопротивления стал знак победы V (виктория). Завоевал популярность рисунок зайца, который как бы создавал этот символ, поднимая уши. В подполье развивалась продажа филателистических марок так называемой «Почты «Солидарность»», которая собирала деньги для оппозиции. В народе также переименовывали названия улиц, например, в Новой Гуте переименовали Авеню Роз в Zomostrasse. Совершенствовались методы борьбы с милицией. Например, специальной краской замазывали окна милицейского или военного транспорта, появились специальные подшлемники, ограничивающие воздействие слезоточивого газа.

Моника Ярузельска пишет в своей книге «Товарищ паненка», что сначала она восприняла известие о введении военного положения несерьёзно, с юмором. Особенно когда мама со свойственным ей драматизмом заявила: «Началась война». Так, кстати, говорили многие поляки. Потом ока-

залось, что телефон в доме выключен и никому нельзя позвонить. И отца тоже нет дома. Время от времени приезжал адъютант, чтобы забрать чистую рубашку. Чувствовалось огромное политическое напряжение. Барбара Ярузельска очень плохо переносила происходящее. Перед домом стоял бронетранспортер. Дочь с матерью всё время переругивались.

Как вспоминает Моника, отец первый раз позвонил 16 декабря. Видимо, телефон уже был включён. И сказал совершенно изменившимся голосом: «Моника, случилось страшное... произошла огромная трагедия». Речь шла о шахтёрах, убитых на шахте «Вуек». «Именно тогда до меня дошла опасность всего происходящего, а самое главное – его ответственность за всё, – пишет дочь генерала. – Ноги у меня подкосились. Я сразу же поняла, что эта трагедия повиснет на всей нашей семье тяжёлым грузом навсегда»²¹.

Дочь Ярузельского рассказывает, что в её школе было много детей из семей оппозиционеров, в частности, друзья по школе близко общались с семьёй Яцека Куроня. Когда умерла жена Куроня – Гайя, приятельница позвонила Монике и попросила, чтобы та уговорила отца отпустить знаменитого оппозиционера на похороны жены. Моника позвонила и попросила отца. И Куроня отпустили. В 1990-е годы на одном из приёмов Куронь подошёл к Монике и поблагодарил. По её воспоминаниям, она очень смутилась.

Моника пишет, что даже большим потрясением, чем трагедия на шахте «Вуек», для неё стало то, что люди её отца записали разговоры Валенсы с братом и обнародовали их, чтобы скомпрометировать вождя «Солидарности». Именно тогда, по её словам, она пережила огромный моральный кризис. Трагедия на шахте не была заранее подготовленной экзекуцией, а стала возможной под воздействием эмоций того момента. И в общем можно было признать её несчастным случаем, которого никто не хотел. А вот запись бесед сделали с умыслом. «И я всегда чувствовала, что

это бесчестно, не по-офицерски, грязно по форме, и никакой высшей государственной необходимостью это объяснить нельзя»²², – утверждает дочь генерала.

По оценке КГБ, введение военного положения прошло относительно спокойно. Заместитель председателя КГБ Владимир Крючков, находившийся в Польше для наблюдения за операцией, был весьма доволен и докладывал, что Ярузельскому удалось застать противника врасплох и добиться эффекта полной неожиданности. «Большинство предводителей «Солидарности» взяли прямо с постелей, где они спали, когда патрули пришли их арестовывать», – сообщал Крючков в Москву. Вечером 13 декабря Брежнев позвонил Ярузельскому и поздравил с успешным проведением операции «W». Поступали поздравления от руководителей братских партий. В инструкциях советским послам говорилось: «Как вам известно, товарищи, польские власти приняли решение объявить военное положение, создать Военный совет национального спасения и изолировать наиболее крайние элементы «Солидарности», «Конфедерации независимой Польши» и других антисоциалистических группировок...»²³.

Тем не менее советское руководство было обеспокоено перспективами развития событий. По мнению Москвы, самыми опасными днями могли стать понедельник, вторник и среда 14–16 декабря. Обсуждалось даже, не следует ли сделать понедельник выходным днём. Однако ситуация развивалась достаточно гладко.

Как пишет Лех Ковальский в своей книге «ЧеКищак», в ситуации, которой не позавидуешь, оказался Лех Валенса, поскольку сотрудники госбезопасности, которые пришли его арестовывать, пытались напомнить ему, что в 1970-х годах он сотрудничал с тайной полицией и брал деньги за то, что рассказывал о делах своих товарищей. Как пишет Ковальский, генерал Кищак сообщил представителю КГБ, что Валенсу свели с одним из его бывших кура-

торов и беседа была записана. Дело получило шифр 333. Предполагалось, что во время пребывания под арестом Валенса размякнет и «наденет старые тапочки тайного осведомителя ГБ»²⁴. Ковальский считает, что в ломании людей Кищаку не было равных.

Лех Валенса был задержан в ночь с 12 на 13 декабря в своей квартире в Гданьске, откуда его отвезли на правительственную виллу в Хылицах под Варшавой. Оттуда Валенсу перебросили во дворец в Отвоцке, где лидер «Солидарности» подвергся обработке полковником Куцей, который знал о его агентурном прошлом. На следующий день его отвезли в Главную военную прокуратуру в Варшаву, где его допрашивали полковник Клиш и полковник Страшак. Как пишет Лех Ковальский, эти гэбэшники сломали не одного человека. В это время у Валенсы был статус «гостя» властей ПНР, что, с точки зрения «завравшихся в мундирах», как называет их Ковальский, означало, что Валенса не интернирован. Решение об интернировании было вручено Валенсе только 26 января 1982 года.

В мае 1982 года его перевезли в Арламов в Бещадах, в любимый дом отдыха Кищака. Как пишет Лех Ковальский, место это отличается необыкновенной красотой: эдакий оазис спокойствия с прекрасной конюшней, трамплином и другими приятными вещами. Валенсе там очень понравилось. Во время интернирования его 18 раз посещали жена Данута с детьми, а также брат Станислав, регулярно бывали священники и другие частные лица, в том числе гости из-за границы. Ковальский пишет, что тысячи других интернированных позавидовали бы такому месту ссылки Валенсы²⁵. Иногда его навещал министр внутренних дел Чеслав Кищак. Во время интернирования Валенса самостоятельно или в компании с посетителями употребил 85 бутылок водки, 35 бутылок вина, 29 бутылок виньяка и коньяка, 43 бутылки шампанского, а также 512 бутылок пива. Также получил 638 пачек сигарет. Информация, которую

получали от Валенсы в период его интернирования, офицеры Бюро охраны правительства передавали руководству МВД и госбезопасности, и вся операция получила название «Интерна»²⁶.

После освобождения Валенсы из-под стражи кампания по его дискредитации продолжилась. Лех Ковальский предполагает, что именно в это время госбезопасность попыталась использовать аудиозаписи бесед лидера «Солидарности» с его братом Станиславом. Эта запись стала основой телевизионного фильма «Деньга». Даже советские признавали, что все диалоги были смонтированы на основе вырванных предложений из разных публичных выступлений Валенсы, а также фрагментов его разговоров с братом. Всё это было связано вместе голосом одного варшавского актёра, который прекрасно имитировал голос Валенсы. Автор многих книг о Валенсе Славомир Ценкевич считает, что плёнки были не продуктом манипуляции, а подлинником. Лех Ковальский придерживается другого мнения и считает, что фильм был грубой подделкой, которая представляет Валенсу недостойным, коррумпированным деятелем. Кищак докладывал представителю КГБ в Варшаве, что Валенса – «это хамский интриган с гигантскими амбициями». Это мнение в то время было весьма распространено среди советской номенклатуры. Тем не менее, как отмечает Ковальский, «со стороны Советов продолжался нажим на Кищака и Ярузельского, оценивавших их деятельность как слабую и нерешительную»²⁷.

По сути дела, военное положение и методы, которые применялись при его введении, были крайней формой укрепления дисциплины, о которой мечтал Андропов. Применялся широкий набор репрессивных мер: от задержаний и арестов до запугивания и отправки на службу в армию. Однако все эти действия не привели к улучшению экономической ситуации в стране. В феврале 1982 года цены на продовольствие поднялись в среднем на 241 процент, а на

энергию и тепло – на 171 процент. Присутствие военных комиссаров на предприятиях должно было укрепить трудовую дисциплину и производительность труда. Многим руководителям предприятий такой стиль управления очень даже нравился. Нарастала милитаризация экономики.

К 23 декабря 1982 года количество интернированных составляло 10132 человека. Интернирование означало, что лишение свободы происходило без решения суда и суд не мог повлиять на судьбу интернированного. Решение в отношении интернированных мог принять только министр внутренних дел ПНР Чеслав Кищак.

Пока польское общество пыталось сопротивляться зажиму со стороны просоветских военных, в Москве начались перемены, связанные с борьбой за власть тех, кто хотел заменить в Кремле слабеющего и полуживого Брежнева. Наиболее серьёзным претендентом на пост Генсека был председатель КГБ Юрий Андропов. Но никогда ещё шеф тайной полиции не мог стать главой государства, не пройдя промежуточной ступени по пути на партийный Олимп. После смерти Суслова в январе 1982 года освобождается место второго человека в партии и секретаря ЦК КПСС. На это место избирают Андропова, а вместо него в КГБ назначают Виталия Федорчука, бывшего начальника управления военной контрразведки и председателя КГБ Украинской ССР. Для Андропова открывается путь в преемники Брежнева. 1 марта 1982 года Ярузельский прибыл с официальным визитом в Москву, где его на летном поле в аэропорту Внуково-2 приветствовали лично Брежнев и рота Почётного караула.

Весьма интересное описание этого визита сделал спичрайтер Ярузельского полковник Веслав Гурницкий в своих мемуарах «Теперь уже можно», изданных в 1994 году²⁸. Гурницкий отмечает, что принятое в Польше решение о введении военного положения вызвало в Москве большие сомнения. По его словам, военное положение было признано скорее за «идейный выверт», нежели за подлинную распра-

ву с контрреволюцией, и вызывало большие сомнения в отношении будущего Польши в составе социалистического лагеря. Кремлёвские старцы были крайне обеспокоены развитием ситуации в Польше в дальнейшем.

Прилетев в Москву, Ярузельский во время встречи в аэропорту должен был обмениваться объятиями и поцелуями с Брежневым. Гурницкий не без юмора называет эту процедуру «обменом медведем». «Так назывался братский поцелуй в нашей части мира», – пишет он. «Полный медведь предусматривал не какие-нибудь там поцелуи в щечку, а в губы, и по меньшей мере три раза, а также троекратное похлопывание по плечам в зависимости от роста встречающихся»²⁹, – пишет Гурницкий. После обмена «большим медведем» между главами делегаций переходили к «малым медведям» с другими советскими руководителями.

«Скажем, во время той встречи в отношении Громько Ярузельский проделал только три четверти «медведика». Маршал Устинов получил четверть, и в основном из инстинкта самосохранения, поскольку советские генеральские шапки были такими большими, что столкновение с польскими могло оказаться вредным для здоровья»³⁰, – иронизирует Гурницкий.

Во время пленарного заседания в Екатерининском зале Кремля атмосфера воцарилась очень недоброжелательная, когда Ярузельский начал докладывать о положении в Польше. Гурницкий пишет, что только личности, пребывающие в состоянии святой простоты, могут считать, что введение военного положения в Польше в Москве приветствовали криками радости и относились к генералу как к человеку, сделавшему своё дело³¹. «Хотя, конечно, исчезновение непосредственной угрозы на главном стратегическом направлении было облегчением для советского Генерального штаба, – отмечает он и поясняет: – Три четверти снабжения советских частей в ГДР шло через Польшу, а это были тонны продовольствия, медицинского оборудо-

вания и амуниции». В то время не вызывало никакого сомнения, что в случае обострения международной ситуации Центральноевропейский театр военных действий станет театром номер 1. По оценке Гурницкого, 1980–1982 годы были самым опасным периодом в послевоенной истории Европы и более опасным, чем Берлинские кризисы 1948 и 1961 годов. «Если бы не решение, принятое Ярузельским в Польше, судьбы нашего малого континента могли бы развиваться совершенно иначе»³², – пишет Гурницкий.

В воспоминаниях Гурницкого говорится, что он сидел на расстоянии в полтора метра от Брежнева, Громыко, Устинова, Сулова³³ (в присутствии последнего полковнику-спичрайтеру явно изменяет память, поскольку Сулов скончался более чем за месяц до указанной встречи – 25 января 1982 года). «Я видел их всех по другую сторону стола так отчётливо, как будто они непосредственно разговаривали со мной. Видел морщины на их лицах, полузакрытые глаза без выражения, незначительные движения локтей. Смотрел, как Брежнев безуспешно пытался открыть портсигар, в которой был установлен механизм, блокировавший его на 20 минут после взятия одной сигареты. Видел большие латинские буквы, которые Громыко чертил на лежавшем перед ним листе бумаги. Видел холодные глаза маршала Устинова, смотревшие из-за стёкол очков в тонкой золотой оправе, слышал, как тяжело дышит Черненко, и смотрел в спокойные глаза Андропова, с интересом наблюдающие за происходящим»³⁴, – писал Гурницкий.

По его мнению, Ярузельский прибыл в Екатерининский зал Кремля не как победитель, а как обвиняемый или, по крайней мере, как подозреваемый. В первых словах Ярузельский заявил, что военное положение позволило остановить экстремистские, контрреволюционные элементы, однако заявил, что недовольство польского рабочего класса невозможно сдерживать чрезвычайными средствами, необходимы далеко идущие экономические и обществен-

ные реформы, а также введение рабочего самоуправления. В этот момент на лицах советских руководителей, по воспоминаниям Гурницкого, как по команде появилось одинаковое выражение. Они словно хотели сказать: «Смотри-ка! Новый Тито явился!».

Брежнев прервал Ярузельского и заявил: «Товарищ Ярузельский! Мы высоко оцениваем вашу решимость в защите народной власти. Но правда такова, что вы пошли по ошибочному пути и пошли на какие-то бонапартистские действия с приуменьшением руководящей и направляющей роли партии. Пожалуйста, поясните, как вы представляете дальнейшее развитие событий в вашей, если можно так выразиться, социалистической стране?». После этих слов Суслов поставил на листе бумаги, который лежал перед ним, большой вопросительный знак³⁵.

Гурницкий вспоминал, что ещё за девять месяцев до встречи в Кремле руководство КПСС направило Центральному комитету ПОРП беспрецедентное по содержанию письмо, в котором Каня и Ярузельский осуждались «за отсутствие революционной принципиальности и потакание антисоциалистическим силам». «А тут шась-пась – и тот же самый пан Ярузельский появляется в Кремле как, прости господи, защитник социализма и говорит о необходимости реформ? А о каких именно реформах идёт речь? И зачем менять и без того отлично работающую систему»³⁶.

Почувствовав стусившуюся атмосферу, Ярузельский решил перевести разговор на другую тему. Как считал Гурницкий, у его шефа был особый слух на атмосферные перемены в отношениях с советскими властителями. Он прервал доклад и перешёл к личным воспоминаниям, заявив, что 1 марта исполняется 36 лет с тех пор, как Войско Польское при поддержке советских товарищей по оружию начало штурм Поморского вала, в котором он участвовал. Брежнев неожиданно задал вопрос: «Подождите, товарищ Ярузельский, а кто в то время возглавлял Войско Польское?».

– Генерал Михал Роля-Жимерский, – ответил Ярузельский.

– Как? Как? – переспросил Брежнев. – Роля? Жимерский? А что с ним сейчас?

– Маршал Роля-Жимерский чувствует себя прекрасно! – ответил Ярузельский.

– А что, он маршалом стал? – вступил в разговор Суслов.

– Маршал Роля-Жимерский не только здоров и активен, но и недавно был избран в состав ЦК, – сказал Ярузельский.

Брежнев на мгновение задумался и снова спросил: «А сколько ему лет, этому маршалу?».

– Девяносто два, Леонид Ильич! – отрапортовал Ярузельский.

В советской делегации возникло радостное оживление, резко контрастирующее с мрачным настроением, воцарившимся за несколько минут до того.

– Молодец! – вскричал Брежнев. – Смотрите, ему девяносто два года, а тут парень ещё членом ЦК остаётся, избранным, значит.

Возбуждение охватило всех восьмидесятилетних старичков с советской стороны. Все повторяли за генсеком: «Молодец!».

Как пишет Гурницкий, члены советского руководства стали стучать себе по коленям так, что они захрустели. «Даже у Суслова, человека с каменной губой, появились проблески человечности», – утверждал он³⁷.

В ноябре 1982 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев ушёл в мир иной³⁸. Его сменил Юрий Андропов, человек совершенно больной, можно сказать, обречённый. Еще до его прихода на высший пост в СССР говорили, что у него тяжёлое заболевание почек. Генерал КГБ Леонид Шебаршин пишет в своих воспоминаниях, что во время визита Андропова в Афганистан тот заболел оспой³⁹.

23 июля 1983 года военное положение в Польше было отменено – ещё при правлении Андропова. Пребывание

его у власти продолжалось больше года, до февраля 1984-го, но никаких признаков либерализации советской системы не принесло. После смерти Андропова следующим Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран близкий соратник Брежнева Константин Черненко, который не только не намеревался идти на реформы, но всячески демонстрировал старческую немощь и неосталинизм и успел восстановить в партии Вячеслава Молотова, на что не решились ни Брежнев, ни Андропов. Кстати, именно Черненко в 1983 году успел вручить Ярузельскому второй орден Ленина (самую высокую награду в СССР после Звезды Героя Советского Союза). В марте 1985 года закончилась череда кремлёвских похорон, называемых в народе «гонками на лафетах». Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Михаил Сергеевич Горбачев. Для Ярузельского и многих политиков его поколения, его положения и опыта начались новые времена. В 1986 году в Польше была объявлена амнистия для всех политзаключённых и интернированных.

Приложение

Профессор Анджей Пачковский
«Война польско-ярузельская»

Фрагменты из книги, посвящённой военному положению⁴⁰

Описывая события, символом которых является какая-то конкретная дата – день, месяц или год, мы не должны воспринимать её в дословном, календарном смысле. Ведь при более близком рассмотрении интересующего нас фрагмента прошлого мы обычно замечаем, что истоки событий лежат за пределами этой даты, уходя в прошлое либо проявляясь позднее, в будущем. Я не имею в виду естественной тенденции объяснять то, что произошло, углубляясь всё дальше в историю, чтобы там найти «прапри-

чины» явления, или попытки обнаружить момент, когда какой-либо план или намерение реализуются, превращаясь в настоящее, минутой, с которой фактически начинается отсчёт череды событий, а сам этот момент позднее приобретёт новый смысл – даты-символа, дав этим событиям имя или став частью этого имени. Именно так случилось с 13 декабря, которое в народном языке просто означает военное положение. Это 13 декабря началось не в ночь с 12-го на 13-е, а гораздо раньше.

Как следует из известных мне документов и свидетельств, окончательное решение о времени его объявления – 6 утра 13 декабря – было принято не позднее утра 11 декабря. Момент, который в военных документах имеет кодовое название «час G», в отличие от того, что должно было произойти позднее и что называли положением «W» (не столь информированные использовали название «положение «X»»). Выбор ночи с субботы (12 декабря) на воскресенье был очевидным; за 10 месяцев до этого во время первых серьёзных «прикидок» решили, что наиболее подходящим днём для начала действий является воскресенье, когда большая часть предприятий закрыта, а значит, немедленная забастовка и мобилизация «Солидарности» будут практически невозможны или, по крайней мере, серьёзно затруднены. На самом деле это политическое решение высшее руководство партии приняло 5 декабря на заседании Политбюро ЦК ПОРП, однако премьер-министру генералу Войцеху Ярузельскому предоставили право самому выбрать конкретную дату, которая не была – и не могла быть – определена участниками этого заседания. Также в ночь с 8 на 9 декабря, когда Ярузельский информировал о графике действий маршала Виктора Куликова, Главнокомандующего Объединёнными вооружёнными силами государств – участников Варшавского договора, который прибыл в Варшаву со своим личным штабом, точной даты он не назвал. Из этого можно сделать вывод, что

он её пока не определил. Наиболее вероятным представляется, что конкретная дата была определена после заседания Военного совета Министерства национальной обороны (МОН) – органа, в который входили командующие военными округами и всеми видами войск, а также руководство центральных структур МОН. Заседание состоялось ночью с 9 на 10 декабря. После его окончания, пишет в своих воспоминаниях генерал Ярузельский, «я подходил к каждому из них [участников собрания.– А.П.] поочерёдно (...) [и] обнимал».

Среди многих факторов, определивших выбор этой даты – ночь с 12 на 13 декабря, – был один весьма существенный, который в определённом смысле вынуждал ввести «положение W» до 15 декабря: в этот день заканчивался двухмесячный срок, на который была продлена военная служба 46 тысяч старослужащих – солдат срочной службы. Продление этого срока было возможно лишь при условии, что страна находится в состоянии войны. Новобранцам, которых считали «заражёнными» «Солидарностью», настолько не доверяли, что фактически был остановлен осенний призыв (призвали всего 17 тысяч человек). В этих условиях демобилизация прошедшей школу военной службы молодёжи означала бы временное сокращение численности Вооружённых сил, а на это инициаторы военного положения пойти не могли.

Итак, 11 декабря началась передислокация войск. В тот же день приступили к организации за пределами столицы резервного пункта командования (*Zapasowe Stanowisko Dowodzenia, ZSD*) фронта, или, формально говоря, всех соединений Войска Польского, входивших в состав формируемого – в рамках Варшавского договора – Поморского фронта, который обычно называли «Польский фронт». Этот пункт находился в районе Беньяминова. В этих мероприятиях были задействованы штабы трёх военных округов, которые в соответствии с планами на случай во-

йны переформировывали армию и переводили на новые позиции главные штабные органы: штаб Поморского военного округа – в лес под Короново, Силезского – в район Щепанова, а Варшавского – недалеко от Бялобжегов. В полдень 12 декабря эти три штаба доложили о своей готовности.

10 декабря группы офицеров Главного штаба боевой подготовки (обучения) были направлены в подразделения, которые должны были действовать в Варшаве, но временно располагались далеко от столицы. В соответствии с инструкциями этих офицеров в ночь с 11 на 12 декабря началась передислокация 13-го механизированного полка (5-й танковой дивизии) в район Торуня (12 декабря в 5.30 был в окрестностях Гнезно), а также 55-го механизированного полка (16-й танковой дивизии) на полигон Мушаки. В течение дня 11 ноября в состояние готовности были приведены специальные подразделения, которые должны были принять участие в первой фазе действий, а также столичный гарнизон.

С начала декабря в состоянии повышенной готовности находилось всё Министерство внутренних дел, что означало, в частности, приостановление отпусков. Согласно распоряжениям министра от 7 и 10 декабря началась мобилизация около 4,5 тысячи резервистов в резервные отделы гражданской милиции (*польск.* ROMO), срок готовности – утро 12 декабря; 11 декабря поступил приказ бдительно следить за лицами, которых предполагалось интернировать. До полудня 12 декабря расквартированные подразделения, которые должны были принимать участие в операциях, – милицейские школы, внутренние войска, ROMO, ZOMO и т.п. – были приведены в состояние готовности, однако продолжали оставаться на местах своего постоянного пребывания.

Передвижения войск, хотя и незначительные, не могли, тем не менее, остаться незамеченными. Однако очевидцы наблюдали только единичные случаи перемещений. Даже командующие отдельными воинскими подразделе-

ниями и отрядами или группами внутренних войск не представляли масштаба операции. Она должна была проходить в соответствии с принятым ещё весной 1981 года «основным вариантом», получившим название «Введение военного положения с использованием фактора неожиданности». Поэтому сохранение строжайшей секретности было главным условием успеха предприятия. Правда, продолжавшаяся последние несколько недель эскалация конфликта – причём по обе стороны баррикады, разделившей страну, – однозначно свидетельствовала о близости кульминационного момента противостояния. Однако всё указывает на то, что инициаторам военного положения удалось сохранить в тайне не только подробности о сроках начала операции – это было легче всего – или график мероприятий, предшествующих часу «G», но прежде всего информацию о том, что произойдет позднее, когда будет введено положение «W»⁴¹.

* * *

«Специальные мероприятия» означали как операции по установлению контроля над центрами связи и радио- и телецентрами, так и блокаду городов, а также «проход через крупные политические и административные центры». Под термином «исправление положения» в контексте военного положения следовало понимать выход на исходные позиции для предстоящей блокировки городов. Секретность подготовки достигла такого уровня, что во время одного инструктажа руководящих кадров военных округов, родов войск и воеводских военных штабов, то есть всех старших офицеров, пользовавшихся доверием, участников этого мероприятия «не ознакомили с уже существующими планами». Точно так же обстояли дела и в Министерстве внутренних дел.

Отдельные элементы будущего плана «W» были известны сотням человек: в армии, Министерстве внутрен-

них дел и некоторых гражданских министерствах, таких как Министерство юстиции, Министерство путей сообщения, Министерство горнодобывающей промышленности и энергетики или Министерство связи. Во второй половине 1981 года, например, несколько министерств подписали с МВД или Министерством обороны постановления об охране объектов (в том числе тюрем). В некоторых из этих документов использовался термин «военное положение», в других – более осторожная формулировка «ситуация серьёзной угрозы безопасности государства». Однако никто из гражданских не имел полной информации о ходе подготовки, численности сил, которые планировалось использовать, графике действий. Даже офицеры Генерального штаба в большинстве своём знали лишь те разделы плана, в разработке которых принимали участие либо те, что были им необходимы для работы. То же самое можно сказать и о Комитете обороны страны (КОК, *Komitet Obrony Kraju*) – формально высшем военно-политическом органе в государстве. В КОК занимались прежде всего юридической стороной введения положения, однако информацией о подготовке отдельных армейских единиц и МВД там не располагали. Из подготовленного осенью 1981 года «Списка лиц, принимающих участие в планировании», состоявшего из фамилий 40 высших офицеров, представлявших все военные органы, следует, что только 8 из них читали 18 основных документов, оформленных в виде печатных текстов, а с 27 документами – так называемой «графической частью» плана (картами, таблицами сигналов, списками) – имели право ознакомиться только 9 человек. Так же и в штабе МВД: полной информацией о планируемых действиях армии обладал лишь узкий круг посвящённых.

Ещё более ограниченным было число тех, кто был осведомлён о точном сроке часа «G». Со всей определённостью можно утверждать, что об этом знали генералы из ближайшего окружения генерала Ярузельского – те, совместно с ко-

торыми он и принимал это решение: Флориан Сивицкий, начальник Генерального штаба, де-факто исполнявший обязанности министра обороны, поскольку сам министр занимал три ключевых поста (Первый секретарь ЦК ПОРП, премьер-министр, председатель КОК), Михал Янишевский – начальник канцелярии Совета министров, Чеслав Кищак – министр внутренних дел.

Возможно, также были проинформированы несколько высших офицеров Генерального штаба и генерал Тадеуш Тучапский – секретарь КОК, заместитель министра обороны. Возможно также, что кроме Кищака о часе «G» знали несколько человек из высшего руководства МВД. 11 декабря об этом были проинформированы один из ближайших политических соратников Ярузельского вице-премьер Мечислав Раковский, а также члены Политбюро, секретари ЦК Стефан Ольшовский и Казимеж Барчиковский: все трое должны были войти в орган исполнительной власти, создаваемый после введения военного положения. Ни сроки, ни детали предстоящей операции не были известны и министру по вопросам сотрудничества с профсоюзами Станиславу Чосеку, который неделями вёл секретные переговоры с церковью и зондировал ситуацию в «Солидарности». А пресс-секретарь правительства Ежи Урбан, на котором лежала ответственность за официальную интерпретацию действий власти, вспоминал позднее: «...я догадывался, что идёт подготовка к решительным действиям» и «легко сообразил, что они произойдут в ближайшую субботу». Но только именно в субботу узнал (от Раковского), что действительно «что-то готовится» и что я должен подготовить несколько статей, «соответствующих ситуации не определенного конкретно чрезвычайного положения»⁴².

* * *

11 декабря во второй половине дня о точном сроке был проинформирован маршал Куликов. Это означало, что дан-

ная информация стала известна советскому руководству, которое днём ранее во время заседания Политбюро ЦК КПСС выразило опасение, что польские товарищи могут снова – как в марте 1981 года – отступить и не принять ожидаемое (и необходимое) решение. Проинформировавший Куликова генерал Сивицкий заявил, однако, что «по уже принятому решению до сих пор не отдан приказ к исполнению». Кроме того, он сказал, что генерал Ярузельский хотел бы, чтобы Москва направила в Польшу кого-нибудь из высшего руководства партии, а также кого-либо из лиц, ответственных за экономическую сферу. Как мне представляется, это должно было гарантировать, что Советский Союз подтверждает свою политическую поддержку, в том числе военную, в случае осложнений при введении военного положения, но в первую очередь, что окажет экономическую помощь. Получить подтверждение по последнему пункту казалось тем более необходимым, что Ярузельский оценивал ситуацию в польской экономике как «драматическую», а в качестве одного из внушающих ему беспокойство фактов приводил пример с поставками нефти в Польшу, больше трети которых предназначались для Северной группы советских войск. Сивицкий заявил также, что действительно существует вероятность отложить час «G», но не более чем на один день, таким образом, ответ из Москвы должен прийти до полудня следующего дня (до 10.00, как он уточнил).

Во время разговора Куликов подталкивал поляков к действиям: «у вас есть реальная сила», «переносить срок нельзя», «знаю, какую работу вы провели», «друзья остаются друзьями». Маршал подбадривал, а посольство с утра вело подготовку к эвакуации семей своих сотрудников: в Окенче должны были стоять наготове два самолета, а в аэропорту недалеко от Бреста – ещё пять; для охраны посольства планировалось направить отдельную армейскую роту. Также за пределами города было подготовлено запасное помещение для штаба Куликова.

Часа «G» не знали, конечно, и в Центральном разведывательном управлении (ЦРУ), а значит, и в американской администрации. Полковник Рышард Куклиньский, их единственный серьёзный источник информации в Генеральном штабе, в связи с очень вероятным разоблачением был вывезен из Польши в начале ноября, когда точный срок ещё не был определён. Несмотря на многочисленные публикации, посвящённые полковнику, мне, собственно, до сих пор не ясно, ни какие именно документы, касающиеся военного положения, он смог передать, ни что именно было ему известно о деталях операции. Судя по упоминавшемуся выше «Списку лиц, принимающих участие в планировании», он, скорее всего, имел ограниченный доступ к информации. Однако понятно, что директивы – это одно, а реальная жизнь – другое. При подготовке материалов для американской разведки Куклиньский собирал сведения, которые выходили за пределы формально доступного ему круга информации. Среди того, что он передал и что рассказал после своего появления на берегах Потомака, самым важным было сообщение о том, что введение военного положения будет «польской операцией», то есть армии союзников участия в ней принимать не будут. Впрочем, эта информация до Белого дома не дошла. Почему – не совсем ясно, а официальные объяснения на сей счёт выглядят малоубедительными. Во всяком случае из Вашингтона «Солидарность» не получила ни информации, ни каких-либо сигналов, а американская администрация не изменила своей политики по отношению к Польше. Ситуацию, сложившуюся в результате «исчезновения» полковника Куклиньского вместе с женой и обоими сыновьями, обсуждали в Генеральном штабе 18–19 ноября вместе с группой советских экспертов, прибывших из Москвы. Решили, что будет достаточно сменить шифр некоторых элементов операции и внести отдельные изменения в график действий армии, что и было сделано безот-

лагательно, хотя и напрасно, поскольку ЦРУ засекретило сведения, которые передал Куклинский.

Подготовка к введению военного положения продолжалась более года. По меньшей мере дважды (в марте и ноябре) из Москвы приезжали специальные команды, которые знакомились с документацией и ходом подготовки. Маршал Куликов вместе со своими людьми из Генштаба появлялись в Варшаве каждые две недели, чтобы контролировать весь процесс, а также держать в тонусе поляков, подталкивая их к действиям. Работали в поте лица и очень старательно, неоднократно проверяли и обновляли документы, списки, таблицы и карты. Были подготовлены десятки проектов самых разных законодательных актов: начиная от решения Государственного Совета о введении военного положения, декретов Госсовета, распоряжений Совета министров и различных министерств и заканчивая приказами воевод и начальников воеводских комитетов обороны. 100 тысяч листовок о введении военного положения, напечатанных в Советском Союзе, ждали своего часа на строго охраняемых складах. Все основные документы хранились в сейфах, которые должны были быть открыты по условному сигналу. Были составлены списки военных комиссаров, которые должны были взять под свой контроль государственные органы власти – от министерств и центральных ведомств до городов и гмин, – а также предприятия. Были согласованы списки предприятий и учреждений, которые планировалось военизировать. Более тысячи военных оперативных групп начиная с середины октября проникли на территорию будущих действий – сначала в сельской местности, позднее в городах и на предприятиях.

Были назначены воинские части, которые должны были использоваться непосредственно при проведении операции: специальные подразделения, передовые части, подразделения автоматчиков, профилактические батальоны из внутренних войск (*Wojskowa Sluzba Wewnetrzna*), май

невренные батальоны. Все они получили индивидуальное задание. В каждом из таких батальонов была рота, оснащённая гранатами со слезоточивым газом и дымовыми пашками, приборами ночного видения, а также средствами для борьбы с гражданским населением. МВД – в рамках РОМО – неоднократно проводило учения для тысяч резервистов. Сотрудники ЗОМО в течение многих месяцев обучали их методам борьбы с толпой, прорыва заграждений и «очистения» фабричных цехов. В тюрьмах («центрах изоляции») подготовили камеры почти для 5 тысяч деятелей «Солидарности» и оппозиции, которые подлежали интернированию в соответствии со списками, составленными в январе 1981 года. Впоследствии списки регулярно обновлялись. Были сделаны описания мест проживания некоторых фигурантов этого списка. Для выполнения операции был назначен ряд служащих, в распоряжение которых предоставили необходимое количество наручников, ломов для выбивания дверей. Кроме того, были зарезервированы тюремные камеры для арестованных во время операций по «наведению порядка» (пацификаций) на предприятиях и на улицах.

В армии были подготовлены места для участников «полевых кампаний» – лиц из криминальной среды, которых планировали внедрить в армейские ряды после введения военного положения. Были подготовлены планы шахт, фабрик, верфей и портов, где, как ожидалось, начнутся оккупационные забастовки. Коллеги из министерств внутренних дел ГДР, ЧССР и СССР оказали помощь в виде щитов, шлемов, дубинок, водомётов, гранат со слезоточивым газом. Химические средства и оружие переместили с армейских складов в милицейские.

Служба безопасности закончила подготовку к назначению лиц, которые должны были занять кресла интернированных деятелей «Солидарности» в наиболее важных комитетах на предприятиях, в региональных про-

фсоюзам и тем самым установить над оппозиционным профсоюзом контроль и превратить его в «социалистическую «Солидарность»». Надо сказать, не так уж и много известно о качестве агентурной сети, действовавшей в «Солидарности». Однако мы знаем, что эта сеть была существенной, а среди агентов встречались, хотя и очень редко, такие «изюминки», как Элигиуш Нашковский, который сумел записать часть заседаний Краевой комиссии в Радоме 3 декабря и вынести плёнку, которая затем использовалась в пропагандистской кампании для обоснования введения военного положения⁴³.

* * *

С середины ноября, после избрания генерала Ярузельского Первым секретарем ЦК ПОРП (18 октября) и его неудачной попытки создать Фронт национального согласия, атмосфера всё больше накалялась. В то же самое время снижался уровень поддержки «Солидарности», ещё год назад очень высокий. Прежде всего большинство поляков со страхом думали о приближающейся зиме, а правительственная пропаганда умело подогревала эти опасения. 27 ноября в докладе Ярузельского на заседании ЦК угрожающе прозвучало заявление о внесении на рассмотрение Сейма проекта закона «О применении чрезвычайных средств во время действий, направленных на защиту граждан и государства». И, хотя текст этого закона обнародован не был, все считали – и совершенно справедливо, – что он является не чем иным, как законом о чрезвычайном положении. Тревожный звонок раздался 2 декабря: на глазах у сотен жителей Варшавы специальное подразделение гражданской милиции (МО) при поддержке вертолетного десанта разогнало оккупационную забастовку слушателей Высшей офицерской пожарной школы, которые требовали, чтобы на их вуз, находившийся в ведении МВД, распространялось действие закона о высшем образовании⁴⁴.

* * *

В то время как утром 12 декабря в зале ВНР (Охраны труда и техники безопасности – *Bezpieczeństwa i higieny pracy*) шли жаркие дискуссии об инициативах властей, возможных ответных действиях профсоюза и планах переустройства страны, неизбежно приближался момент, когда решение о введении военного положения станет «приказом к действию». В 9 утра в кабинете премьера Ярузельского собрались четыре генерала: кроме хозяина там были Сивицкий, Кищак и Янишевский. Как вспоминал Кищак, после констатации, что «всё подготовлено самым тщательным образом», все согласились, что, если придерживаться назначенного часа «G», решение о начале операции должно быть принято не позднее 14.00, чтобы «каскад» приказов мог дойти до исполнителей. На этом расстались. Кищак встретился с главой представительства КГБ в Польше генералом Виталием Павловым и проинформировал его о порядке действий. Возможно, опытный чекист по-прежнему не вполне доверял команде Ярузельского, так как якобы в своей депеше в Москву писал, что, если генерал дрогнет, партию может возглавить Ольшовский, которого в Кремле считали более подходящей альтернативой – сначала Станиславу Кане, а позднее Ярузельскому.

12 декабря Раковский писал в своём дневнике о «затруднениях по советской линии». Однако еще до полудня Ярузельский поговорил по телефону с Москвой: по «партийной линии» с Михаилом Суловым и по «военной» – с маршалом Дмитрием Устиновым, что, по всей вероятности, помогло устранить эти самые затруднения. Оба собеседника генерала были довольно пожилыми людьми, и век им предстоял короткий: Сулов, считавшийся главным идеологом КПСС, умер шесть недель спустя, министра обороны Устинова не стало через неполных три года. Но главным поводом для разговора с Суловым был не его талант идеолога, а тот факт, что он возглавлял Комиссию по польским

вопросам, созданную Политбюро в августе 1980 года. Как следует из мемуаров Ярузельского, его собеседники подтвердили позицию Москвы: «решительная поддержка решительных действий». Однако Ярузельский не пишет, просил ли он об оказании военной помощи в случае провала операции. Полагаю, что если даже он это сделал, то ни вопрос, ни ответ не могли быть сформулированы «открытым текстом». В конце концов все они хорошо знали язык, который использовался во время официальных контактов. Обе стороны понимали, что означает формулировка «братская помощь» или «интересы социалистического содружества»⁴⁵.

* * *

Известно совершенно точно, что 12 декабря около 14.00, как и договорились утром, генерал Ярузельский по телефону информировал сначала генерала Кищака, а затем генерала Сивицкого, что условленный срок часа «G» остаётся неизменным. Когда в зале ВНР Гданьской судоверёфи шла оживлённая дискуссия о референдуме и законе о выборах, из МВД уже как минимум с 15.00 уходили телеграммы, которые начинались такими словами: «Сообщаю пароль «Синхронизация». Информую и приказываю исполнение...». Далее следовали 10 кодовых названий между 62, которые находились в таблице символов, означавших отдельные действия. Ключевая информация, задававшая общий темп событиям, имела кодовое название «Комета» и обозначала час «G». Первой – еще до объявления о введении военного положения – должна была начаться операция «Азалия» (в 23.30), потом «Пихта» (в 24.00).

Вскоре после получения депеш в расположениях воеводских командований Министерства обороны начали собираться служащие СБ, по тревоге были подняты все воинские подразделения, некоторые из них покинули гарнизоны. Через два часа после объявления приказов министра внутренних дел начали поступать приказы, исхо-

дившие от министра обороны. В штабы военных округов, родов войск и центральных органов Министерства национальной обороны они поступали начиная примерно с 18.00. Первые шифрограммы касались операции «Азалия», которая проводилась совместно с Министерством внутренних дел. В 21.00 командиры двух упоминавшихся выше механизированных полков получили «боевой приказ № 1» начать в 3.00 перегруппировку в район Варшавы (55-й механизированный полк – в Кампиновску Пуцу, 13-й механизированный полк – в район Подковы Лесны).

Операция началась, и теперь даже Ярузельскому было бы трудно её остановить. Впрочем, нет никаких оснований полагать, что он об этом думал⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1943 году в Сельцах была сформирована 1-я Польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко; в 1944-м там же была сформирована и 3-я Польская пехотная дивизия имени Ромуальда Траугутта. В окрестностях села ныне располагается учебный центр РВВДКУ имени генерала армии В. Ф. Маргелова.

² *Jaruzelski Wojciech. Stan Wojenny. Dlaczego...* – Warszawa: BGW, 1992. – S. 388.

³ Ibid.

⁴ В городе Радоме 3 декабря 1981 года собрался президиум Всепольской комиссии «Солидарности», принявший решение об общенациональной забастовке и изложивший свои требования в «Радомской платформе».

⁵ *Jaruzelski Wojciech. Stan Wojenny. Dlaczego...* – S. 387.

⁶ Мусатов Валерий. Советский Союз и польский кризис 1980–1981 гг. Постоянный адрес статьи в Интернете: <http://viperson.ru/articles/sovetskiy-soyuz-i-polskiy-krizis-1980-1981-g>

⁷ Януш Онышкевич (1937) – в 1980-е годы преподаватель Варшавского университета, после 1989 года депутат Сейма, заместитель, а затем министр обороны. С 2004 года – депутат Европейского парламента, в том числе его вице-президент в 2004–2006 годах. Доктор математических наук.

⁸ Тадеуш Мазовецкий (1927–2013) – политик и журналист, основатель Клуба католической интеллигенции в Варшаве, в 1960-е годы – депутат Сейма от оппозиционной католической организации «Знак» (одного из организаторов студенческих демонстраций 1968 года). С 1981 года – главный редактор еженедельника «Тыгодник Солидарность». Первый некоммунистический премьер-министр Польши.

⁹ Збигнев Буяк, Владислав Фрасынюк и Богдан Лис – видные деятели «Солидарности», организаторы подполья, а затем участники «Круглого стола» и крупные политики посткоммунистической Польши. Богдан Борусевич (1949) – один из основателей Свободных профсоюзов побережья, из которых выросла «Солидарность», также несколько лет провёл в подполье. Впоследствии был депутатом Сейма и лидером «Солидарности» как партии, маршалом Сената, а с 2015 года – вице-маршалом (от «Гражданской платформы»).

¹⁰ Чеслав Кищак (1925–2015) – польский генерал и политик. Карьеру начал в военной контрразведке. В 1981–1990 годах – министр внутренних дел, одна из основных фигур военного положения. Был также ключевой фигурой при организации «Круглого стола» – переговоров правительства и оппозиции. В 1989 году назначен председателем Совета министров Польши, но не смог сформировать правительство.

¹¹ Об этом, в частности, пишет Анджей Пачковский: см. *приложение*. Paczkowski Andrzej. Wojna polsko-jaruzelska. Stan wojenny w Polsce 13. XII. 1981–22. VII.1983.– Warszawa: Proszynski i S-ka, 2006.– S. 26–27.

¹² Более подробно о военных деталях операции см. в *приложении*. Paczkowski Andrzej. Wojna polsko-jaruzelska. Stan wojenny w Polsce 13. XII. 1981–22. VII.1983.– Warszawa: Proszynski i S-ka, 2006.– S. 23.

¹³ Zmotoryzowane Odwody Milicji Obywatelskiej – Моторизованная поддержка гражданской милиции – аналог Отряда милиции особого назначения.

¹⁴ В первой фазе военного положения приняли участие 70 тысяч военнослужащих Войска Польского и 30 тысяч сотрудников милиции, которых поддержали 1750 танков, 1400 бронетранспортеров, 500 боевых машин пехоты, а также 9 тысяч военных и милицейских машин. Начиная с 14 декабря из резерва МВД стали призывать офицеров запаса. Тем не менее, как считает Лех Ковальский, ведущую роль во введении военного положения сыграли не сотрудники МВД и милиции, а именно военные.

¹⁵ Лавренов С. Я., Попов И. М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. – М.: Астрель. 2003. Постоянный адрес в Интернете: http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/index.html. В беседе с Яном Осецким генерал Ярузельский опроверг, что на территории Польши находилось советское ядерное оружие. По его словам, в соответствии с международными соглашениями в случае необходимости Советская Армия должна была передать польской стороне ядерные боеголовки и их следовало получить на польско-советской границе. См.: *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 312.

¹⁶ Об этом автору рассказывал известный российский специалист по польским проблемам Николай Иванович Бухарин, сотрудник Института мировой системы социализма, участвовавший в различных совещаниях по проблемам Польши.

¹⁷ В воспоминаниях польских военных часто упоминается случай польского полковника Савчука, который во время возлияний с советскими и гэдээровскими военными заявил: если вы сунетесь к нам, мы встретим вас огнём. Советские военные тут же потребовали наказать Савчука, но он не только не был наказан, но и повышен в звании до генерала и направлен на учёбу в Москву в Академию Генерального штаба.

¹⁸ *Борецкий Рудольф. Мой генерал.* – М.: Икар, 2008. – 115 с.

¹⁹ *Kiszcakowa. Tajemnice Generalowej. Maria Kiszcak w rozmowie z Kamilem Szewczykiem / Maria Teresa Kiszcak, Kamil Szewczyk.* – Warszawa: Prószyński Media, 2015. – S. 240.

²⁰ По данным современных польских историков, в первый раз оружие были применено во время введения военного положения 15 декабря на шахте «Июльский манифест» (сейчас она называется «Зофиувка»). Были ранены четыре шахтёра. Автором плана усмирения шахтёров был подполковник Казимеж Кудыбка из воеводской команды милиции в Катовицах.

²¹ *Jaruzelska Monika. Towarzyszka Panienka.* – Warszawa: Czerwone i Czarne, 2013. – S. 111.

²² *Ibid.* – S. 112.

²³ *Kowalski Lech. Jaruzelski. General ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.* – Poznań: Zysk i S-ka, 2012. – S. 574.

²⁴ *Kowalski Lech. CzeKiszcak, Biografia gen. broni Czesława Kiszcaka.* – Poznań: Zysk i S-ka, 2015. – S. 456.

²⁵ *Ibid.* – S. 483.

²⁶ Кryptonим 333. Internowanie Lecha Walesy w raportach funkcjonariuszy Biura Ochrony Rządu. – Chorzów: Videograf II, 2012. – S. 41–105. Цит. по: *Kowalski Lech. CzeKiszcak, Biografia gen. broni Czesława Kiszcaka.* – Poznań: Zysk i S-ka, 2015. – S. 483.

²⁷ *Ibid.* – S. 485. Как отмечает Лех Ковальский со ссылкой на документы «Архива Митрохина», особую обеспокоенность у советского руководства вызвал масштаб уличных манифестаций 31 августа 1982 года, в годовщину подписания Гданьских соглашений, когда на улицах польских городов произошли столкновения демонстрантов с силами милиции, в которых приняли участие 135 человек.

²⁸ *Gornicki Wieslaw. Teraz juz mozna. Ze wspomnien kulawego szery.* – Wrocław: Dolnoslaskie, 1994. – S. 11. Гурницкий пишет, что посол ПНР в Москве Казимеж Ольшевский сообщал в закрытой телеграмме, что приём по случаю визита польской делегации должен был состояться в Грановитой палате. Оказалось, для поляков это могло стать политической проблемой. Поскольку именно в этом зале пребывал предводитель польских войск, окку-

пировавших Москву в 1610 году, гетман Станислав Жолкевский. Посол сигнализировал в Варшаву, что место проведения приёма может привести к некоторым неожиданностям с точки зрения протокола. Как пишет Гурницкий, «в связи с этим шеф вызвал меня в нормальное для себя время, а именно в 3.30 ночи, и спросил, что делать, если Брежнев заведёт разговор о Жолкевском». Ярузельский согласился с тем, что глава Советского государства вряд ли поднимет эту тему, но всё же надо подготовить какой-то ответ. Поэтому к 5:46 утра Гурницкий подготовил ответ, в котором говорилось, что после изгнания поляков из России бояре выбрали на царство князя Романова и он положил начало династии Романовых, из-за которой произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Таким образом, отчасти СССР существует благодаря полякам. Гурницкий признавал, что его идею в целом можно оценить как весьма среднюю.

²⁹ *Gornicki Wieslaw. Teraz juz mozna. Ze wspomnien kulawego szerzy.* – Wrocław: Dolnoslaskie, 1994. – S. 15.

³⁰ *Ibid.*

³¹ В воспоминаниях Гурницкого приводится интересный эпизод встречи с генеральным директором ТАСС Сергеем Лосевым, которого он знал по работе в Нью-Йорке. Встреча состоялась 2 марта 1982 года в 8 утра, на следующий день после переговоров в Кремле. Лосев принимал Гурницкого в огромном кабинете, где стоял принтер с информацией для высшего руководства страны. Лосев пригласил Гурницкого ещё в одно помещение за кабинетом, где был накрыт стол с икрой, копчёной рыбой, салом, фруктами и стояло несколько бутылок первоклассной водки. Гурницкий пишет, что от водки он отказался, хотя было широко известно, что он человек весьма пьющий. Лосева Гурницкий характеризует как мрачного молчуна. Тем не менее он перешёл к делу довольно быстро и заявил, что партия, а не армия должна преградить дорогу контрреволюции. «Дожил до странных времён, – заявил Лосев. – В Кремле принимают руководителя партии кулаков и предводителя партии нэпманов в составе делегации, которую возглавляет Первый секретарь рабочей партии.» (Лосев имел в виду Романа Малиновского и Эдварда Ковальчика, которых Ярузельский включил в состав правительственной де-

легации, несмотря на недовольство Москвы.) Польская партия не смогла положить конец вражеским силам, заявил Лосев, потому что наводнила свои ряды всякого рода ревизионистами. В качестве примера ревизиониста Лосев привёл Мечислава Раковского: «Кто он такой? На даче у Кеннеди проводит уик-энды. С Брандтом ведёт себя, как с братом». Гурницкий пишет, что с Раковским его связывала многолетняя дружба. «Вы должны избавиться от двуликих ревизионистов, – заявил Лосев и добавил: – Зачем Ярузельский окружает себя такими людьми?». Гурницкий считает, что к разговору с ним Лосева подготовили в польском секторе ЦК КПСС. «Товарищ Ярузельский, несомненно, фронтовой солдат и хороший министр обороны, но знаешь, что говорят о нём наши товарищи? «Интеллигент даже в форме остаётся интеллигентом», а это не настоящий марксист-ленинец.» Гурницкий считал, что его пригласили к Лосеву для того, чтобы он услышал то, что советское руководство не могло сказать Ярузельскому прямо в глаза. Было известно, что Гурницкий – близкий генералу человек и доложит ему о разговоре, поэтому его избрали в качестве альтернативного канала передачи информации. Гурницкий пишет, что резко встал из-за стола и заявил, что не имеет права выслушивать такого рода формулировки. И посоветовал Лосеву, чтобы тот свои рецепты работы с рабочим классом сначала опробовал в Караганде или Днепропетровске. Интересно, что во время моей (П.Ч.–Ред.) работы в редакции соцстран ТАСС в 1990–1991 годах я слышал отголоски таких разговоров о Ярузельском и Раковском, хотя С. А. Лосев к тому времени уже скончался.

³² Ibid. – S. 20.

³³ В том, что Михаил Андреевич Суслов участвовал в переговорах с делегацией ПНР 1 марта 1982 года, можно серьёзно усомниться, поскольку он умер 25 января 1982 года. Или Гурницкому изменила память, или он по журналистской привычке слегка приврал.

³⁴ Ibid. – S. 20.

³⁵ Ibid. – S. 21.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.– S. 23.

³⁸ Смерть Брежнева вызвала среди некоторых деятелей «Солидарности» радость, подобную той, что возникает у школьных хулиганов, которые не скрывают удовольствия от того, что «довели училку».

³⁹ *Шебаршин Леонид*. Рука Москвы. Разведка от расцвета до развала.– М.: Алгоритм, 2012.– С. 201.

⁴⁰ *Paczkowski Andrzej*. Wojna polsko-jaruzelska. Stan wojenny w Polsce 13. XII.1981–22. VII.1983.– Warszawa: Proszynski i S-ka, 2006.– 280 s. **Здесь и далее авторский перевод Валентины Веденеевой.**

⁴¹ Ibid.– S. 23.

⁴² Ibid.– S. 26–27.

⁴³ Ibid.– S. 28–30.

⁴⁴ Ibid.– S. 31.

⁴⁵ Ibid.– S. 39.

⁴⁶ Ibid.– S. 40.

«ЖИСТЬ» И РЕФОРМЫ»

Приход к власти Михаила Горбачева в 1985 году стал проявлением кризиса и ответом на кризис всей так называемой социалистической системы. Попытки реформировать политический строй в СССР и странах советского блока отразились и на советской системе информации о жизни в соцстранах. Начался отход от прежних формулировок «пролетарский интернационализм», «братство по оружию», «нерушимое единство» к гласности и попыткам называть вещи своими именами. Отдельного рассказа заслуживает то, как Горбачев постепенно завершал политику ограниченного суверенитета соцстран, которую на Западе называли доктриной Брежнева.

Как пишет в своих мемуарах политолог, историк Александр Ципко, «сегодня все забыли, что в конце 1985 – начале 1986 года ситуация в Польше была взрывоопасной»¹. Убийство офицерами МВД ксендза Ежи Попелушко² и его похороны в Варшаве, на которые пришли 300 тысяч человек, вызвали всплеск антикоммунистических настроений. «Достаточно было походить по костёлам Варшавы и послушать, как клянут коммунистов гиды-монахи»³, – пишет Ципко, работавший в Институте экономики мировой соцсистемы РАН и некоторое время – в Академии наук Польши. Костёл Святого Станислава Костки, где был похоронен Попелушко, напоминал осаждённую крепость. И всё это

на фоне экономической стагнации и катастрофического падения авторитета ПОРП.

По свидетельству Ципко, советское руководство было отлично информировано о происходящем в странах социалистического лагеря: «И наши посольства, и сидящие под их крышей работники КГБ и ГРУ оперативно информировали о малейших изменениях в руководстве этих стран, о поведении и тактике оппозиции». По его мнению, довольно просто определить время, когда ЦК КПСС отказался от брежневской доктрины ограниченного суверенитета: «Произошло это в мае 1986 года, когда Политбюро ЦК КПСС приняло и одобрило меморандум Горбачева о пересмотре отношений с «братскими компартиями» стран Восточной Европы»⁴. Ципко, в то время ставший консультантом отдела социалистических стран ЦК КПСС, пишет, что это был первый секретный документ, который он увидел, придя на работу на Старую площадь. В нём говорилось, что прежняя практика «окрика», «одёргивания», «понукания», «командования» нанесла огромный вред отношениям КПСС с коммунистическими партиями Восточной Европы, породила неискренность и формализм.

Примечательно, продолжает автор, что этот революционный меморандум был единогласно поддержан старыми членами Политбюро: Громько, Соломенцевым, Чебриковым. «Все три новых принципа, на основе которых Горбачев, начиная с 1986 года строил свои отношения со странами Восточной Европы, – принципы равенства, самостоятельности и экономической взаимовыгоды – были сформулированы Политбюро старого состава... Старики вместе с Горбачевым сдвинули колесо истории с мёртвой точки. Но, дав зелёный свет реформам в Восточной Европе, что неотвратимо вело к распаду социализма, они одновременно сами похоронили и «социалистическую Россию»»⁵, – отмечает Александр Ципко.

В 1986 году, когда Горбачев на встрече с руководителями социалистических стран заявил, что они больше не мо-

гут рассчитывать на помощь Советской Армии, чтобы спасти и сохранить свою систему власти, его объявление было встречено с некоторым скептицизмом по разным причинам. Отлично помню, как генерал КГБ Леонид Шебаршин сказал, подразумевая лидеров соцстран: «Их не учили основам политической борьбы, а только лояльности по отношению к Советскому Союзу».

Михаил Сергеевич Горбачев был человеком плоть от плоти Страны Советов. Он поднялся по карьерной лестнице, став первым секретарем Ставропольского обкома КПСС, где был замечен, по слухам, Андроповым и Сусловым и поднят на советский ареопаг – в Политбюро ЦК КПСС. Однако он просто в силу своего возраста не был отягощён сталинистским прошлым, участием в репрессиях... Во время учёбы в МГУ у него было много друзей из Чехословакии, живших вместе с ним в общежитии, которые рассказывали ему, как в 1968 году советские танки подавляли Пражскую весну и как был упущен шанс на реформы. Он был молод и думал об обновлении социализма, а не о сохранении сталинской модели власти.

Появление Горбачева, его стиль и манера были неожиданностью для многих как в самом СССР, так и на Западе. В первое время никто не мог поверить, что этот вполне системный человек, с привычками и манерами партийного начальника, так далеко зайдёт в своих реформах, точнее, они так далеко его заведут. Старцы в Политбюро поначалу вполне поддерживали Горбачева, потому что и сами понимали, в какой глубокий кризис зашла советская власть.

Гласность, принесшая отмену цензуры и публикацию многих литературных произведений, которые были запрещены и осуждены в СССР, таких как «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына или «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана, статей о сталинских преступлениях в «Московских новостях» и «Огоньке», вызвала в обществе логичный вопрос о смысле существования системы,

которая может что-то созидать только при помощи насилия и жестокости. И которая погубила столько невинных людей, зачастую лучших представителей общества, писателей, ученых, простых тружеников. «Нельзя добиться любви народа к коммунистам, рассказывая всю правду об их преступлениях»⁶, – отмечал Александр Ципко.

С одной стороны, Горбачев видел недостатки советской системы, и прежде всего абсолютное погружение в пьянство⁷ и какую-то безысходность (не зря он тогда поддерживал лозунг «Так жить нельзя!»), а с другой, искренне считал, что за годы существования советской системы все так привыкли к ней, что не представляли для себя ничего иного. Человек, воспитанный в многонациональной среде Юга России, считал национализм полностью изжитым в СССР предрассудком и не представлял себе последствий того, что произойдет, если этот национализм вырвется наружу. Он искренне верил в то, что народы Восточной Европы, если им дадут возможность выбора, захотят остаться в советской империи практически добровольно. Когда Украина заявила о своём желании выйти из состава СССР, Горбачев прореагировал очень непосредственно: «Да как же так? По живому-то резать?». В то же время он и его советники сомневались в том, что стоит удерживать систему, которую можно сохранить только с помощью танков.

Современные российские историки и публицисты любят упрекнуть Горбачева в злом умысле или даже государственной измене, в развале страны и империи. Но едва ли корректно столь критично судить об этом с позиции сегодняшнего дня. В то время действия Горбачева воспринимались куда более позитивно и по сути своей были ответом на глубокий кризис как социалистической системы, так и всего советского общества.

Не лучше обстояли дела и на национальных окраинах, в Прибалтике и на Кавказе. Даже такая зависимая от России и связанная с ней страна, как Армения, буквально была го-

това взорваться от недовольства установившимися в СССР порядками и ролью центра в управлении Союзом. Мне это довелось наблюдать собственными глазами в Ереване, когда я попал туда весной 1988 года. И видел, как вот-вот вспыхнет пламя конфликта в Нагорном Карабахе.

Между Войцехом Ярузельским и Михаилом Горбачевым установились прекрасные отношения. Это выглядело явным исключением по сравнению с другими лидерами, такими как Эрих Хонеккер, возглавлявший ГДР, или генсек компартии Чехословакии Густав Гусак, не говоря уже о Николае Чаушеску, руководившем Румынией. На фоне этих политиков довольно сталинистского или, в лучшем случае, брежневского толка Ярузельский выглядел сравнительно неортодоксально, даже несмотря на то, что над ним нависал тяжёлый груз военного положения. Польская объединенная рабочая партия, которую часто обвиняли в ревизионизме, стремилась к реформаторству, чтобы хоть как-то укрепить свои позиции в польском обществе.

Ярузельский вполне отдавал себе отчёт в том, что молодой советский лидер воплощает в себе не только смену поколений в СССР, но и отход от сталинских догматов, которыми было пропитано предыдущее советское руководство. В своей книге «Военное положение. Почему?», да и в других случаях, Ярузельский называет Горбачева человеком, который «является и останется в истории одной из крупнейших фигур нашего времени»⁸. Помню, во время беседы со мной в 2004 году он уже под конец разговора, когда был выключен микрофон, заговорил о Горбачеве и сказал: «Я очень высоко ценю книгу Михаила Сергеевича Горбачева «Жисть и реформы»». Причем слово «жизнь» он именно так и произнес: по-русски, с просторечным выговором, усвоенным в сибирской тайге, — «жисть».

Через несколько недель после избрания Генеральным секретарем Горбачев отправился в польскую столицу на встре-

чу глав государств Варшавского договора, во время которой в здании ЦК ПОРП состоялась пятичасовая беседа с глазу на глаз с Ярузельским. Как вспоминает Ярузельский, разговор был очень открытым: «Я высказал всё, что было у меня на сердце»⁹. Именно тогда впервые был поднят вопрос о белых пятнах в польско-советских отношениях: «Я поделился польским опытом, нашими по тем временам смелыми, новаторскими решениями и говорил о недостатках системы»¹⁰. Однако тогда ещё невозможно было ожидать распада мировой системы социализма, уточняет Ярузельский. «Нет! Тогда мы с Горбачевым говорили прежде всего о реформировании социализма... Могу с большим удовлетворением сказать, что тогда мы в Польше продвинулись гораздо дальше всех по этому пути»¹¹, — пишет генерал. «Наш первый долгий разговор с Горбачевым создал фундамент взаимного уважения и понимания, доверия и дружбы»¹², — отмечает Ярузельский.

И Ярузельский, и Горбачев искренне и крайне наивно считали, что при определённых косметических переменах как в СССР, так и в странах Варшавского договора можно соединить советский строй и образ жизни с человеческими потребностями, которые никак не могла удовлетворить советская экономическая модель. Как писал Ципко, «откуда могла у здорового, знающего историю Восточной Европы специалиста появиться вера в возможность спасения социализма в этих странах и, особенно, в Польше, где коммунисты всё время сидели как на вулкане и где они всегда делили власть с церковью?»¹³.

С высоты 2011 года, когда вышли мемуары Ципко, такой вопрос вполне уместен, а вот в 1986-м этот подход не мог сработать, потому что все лица в руководстве СССР, принимавшие решение, были членами КПСС и должны были следовать многим устоявшимся шаблонам и правилам. Думаю, советские коммунисты находились в плену собственных заблуждений и иллюзий, которые были

вбиты им в головы за десятилетия советского строя, когда никакое инакомыслие не принималось во внимание или принималось в очень дозированном виде. К полякам это относилось в меньшей степени, но и они явно недооценивали глубокий антагонизм, существовавший в польском обществе по отношению к промосковской правящей партии.

Как считают польские историки, Ярузельский пытался укрепить свой авторитет за счёт симпатии и популярности, которую Горбачев приобретал на Западе, а поначалу и в СССР. Несомненно, в отношениях стран-сателлитов с Советским Союзом важнейшую роль всегда играли личные отношения у их лидеров. Постоянно выступавший с тезисами об обновлении социализма Горбачев не всегда находил понимание среди своих соратников в партийном руководстве СССР. Зато Ярузельский понимал его хорошо. Полковник Веслав Гурницкий – спичрайтер Ярузельского, входивший в его ближайшее окружение, вспоминал: «Горби просто запал на Ярузела. Я трижды был свидетелем того, как в присутствии других он подчёркивал «пионерский вклад Войцеха Владиславовича в обновление социализма». Один раз публично заявил, что значительную часть своей известной на весь мир книги он написал под влиянием изучения текстов Войцеха Ярузельского»¹⁴.

В СССР тогда часто говорили о Польше как о «лаборатории перестройки». Среди руководителей «братских партий» у Горбачева был не такой уж большой выбор, и поэтому он принимал и демонстративно ценил союзника в лице Ярузельского. Однако под давлением польского общественного мнения Ярузельский был вынужден ставить перед советским лидером сложные исторические вопросы о так называемых белых пятнах, среди которых первое место занимало Катынское преступление.

Как писал в одной из статей видный деятель оппозиции Ян Литыньский, правда о Катыни ставила под сомне-

ние легитимность коммунистической власти в Польше. Ещё во время войны Катынское преступление стало причиной разрыва дипломатических отношений между СССР и правительством Польши в изгнании, что привело к созданию промосковского Польского комитета национально-го возрождения – так называемого Люблинского комитета. Сталинское преступление в Катыни, о котором в Польше знал каждый, было крайне неудобной темой для польских коммунистов и важнейшим «историческим оружием», которым располагали польская Римско-католическая церковь и оппозиция. И Ярузельский последовательно стремился закрыть эту тему.

Вопрос о так называемых белых пятнах в советско-польских отношениях начал возникать с 1986 года. Именно тогда в октябре Ярузельский впервые поднял вопрос о Катыни в беседе с Горбачевым¹⁵. Как вспоминал генерал в интервью известной журналистке Терезе Тораньской, вместо запланированного часа он разговаривал с Горбачевым с глазу на глаз и без переводчиков целых пять часов. «Для меня после Брежнева и Черненко, живых трупов, до которых не многое доходило, разговор с Горбачевым, открытым, свободным, обладающим чувством юмора, был надеждой», – вспоминал Ярузельский.

На вопрос о Катыни, рассказывал в этом интервью генерал, Горбачев ответил: «Мы должны что-то с этим сделать».

Тораньска уточняет: «Посмотрим?».

Ярузельский: «Нет, нет... Будем искать».

Тораньска: «Что искать?».

Ярузельский: «Доказательства. Разъяснения». И началась мучительная дорога¹⁶.

Генерал признавал, что вопрос о Катыни был важнейшим в обновлённых советско-польских отношениях, и он лично говорил об этом на встречах с Горбачевым, не доверяя даже министру иностранных дел Мариану Ожеховскому, который посещал СССР в феврале 1987 года.

Ярузельский прибыл в Москву 21 апреля 1987 года для празднования 42-й годовщины подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и ПНР и подписания совместной декларации о сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. Ярузельский неоднократно выражал благодарность Горбачеву за то, что на Алтае, где похоронен отец генерала, не просто был установлен новый памятник на его могиле, но и сделана специальная стела в память всех поляков, погибших в тех краях.

Вскоре после подписания документов в Москве была создана совместная советско-польская комиссия по изучению истории двух стран, на заседаниях которой разгорелась жаркая дискуссия. По воспоминаниям участников, советская сторона пыталась свести дело к менее противоречивым вопросам, таким как оценка деятельности Молотова или позиции СССР в отношении Варшавского восстания. Из телеграммы посла ПНР в СССР Влодзимежа Наторфа следовало, что советская сторона пытается любой ценой избежать темы Катыни¹⁷.

Именно с этого момента начался новый этап советско-польских отношений. Как отмечает Павел Коваль, подписание декларации в определённой степени отвечало ожиданиям Ярузельского и стало началом процесса заполнения белых пятен¹⁸. Это было время перестроечных реформ в СССР, что давало Ярузельскому и его команде возможность позволить себе некоторые отступления от советской модели. Это был период суровых оценок преступлений сталинизма, а также последних попыток оздоровления Варшавского договора и укрепления его политической роли. Коваль считает, что неудачи этих проектов привели к очередным переменам во взаимных отношениях. Следующая, и последняя, фаза в отношениях СССР и ПНР началась летом 1988 года во время визита Горбачева в Польшу.

ВИЗИТ ГОРБАЧЕВА В ПОЛЬШУ В 1988 ГОДУ

С отмены военного положения в Польше прошло пять лет, с объявления амнистии политическим заключённым – всего два года. Ярузельский очень надеялся на то, что поездка молодого советского руководителя по Польше, встречи с представителями интеллигенции станут своеобразным ответом на визиты папы римского Иоанна Павла II и укрепят шансы социализма в условиях так называемого обновления. Как отмечал Павел Коваль, важным элементом визита Горбачева в Польшу были встречи в Кракове с молодёжью и интеллектуалами, а также совместное прослушивание песенки Анджея Росевича «Веет весна с Востока», посвящённой Горбачеву¹⁹.

Во время визита Горбачева предпринимается попытка организовать его встречу с иерархами Римско-католической церкви Польши. Глава Управления по делам религий Владислав Лоранц обращается к епископу Ежи Домбровскому с просьбой избегать в проповедях и в публикациях католической прессы высказываний, которые смогут навредить визиту высокого гостя. Также он просит, чтобы при посещении Горбачевым Мариацкого кафедрального костёла в Кракове его принимал не просто настоятель, а кто-нибудь из епископов. Однако польская Римско-католическая церковь пыталась ускользнуть от использования в пропагандистской кампании, связанной с приездом Горбачева. Журналисты обращают внимание на то, что в программе визита нет встречи с примасом Польши кардиналом Юзефом Глемпом и архиепископом Краковским Франтишекком Махарским – другом молодости папы Войтылы. Польские власти восприняли протокольную игру иерархов как ответ на неприглашение в Москву на 1000-летие крещения Руси папы римского Иоанна Павла II.

Власти ПНР задействовали все возможности СМИ для надлежащего освещения визита Горбачева. Было аккредити-

товано 800 журналистов. Акцент делали на неформальном и спонтанном характере встречи, а также на непосредственности Раисы Максимовны и Михаила Сергеевича. От ТАСС в Варшаву на время визита едет огромная бригада во главе с генеральным директором Сергеем Лосевым – в дополнение к пяти корреспондентам, работавшим в польском корпункте.

Горбачев посещает Варшаву, Закопане, Поронин (где в 1913–1914 годах находился Ленин), Краков и Щецин. Первый день включает торжественное приветствие, обед в здании Управления делами Совета министров и прогулку по Варшаве в сочетании со «спонтанными» разговорами с людьми на улицах. Горбачев и Ярузельский выступают в польском Сейме. Генерал тщательно готовится к выступлению, особенно в части, касающейся исторических проблем между СССР и ПНР. На следующий день происходит встреча с краковскими интеллектуалами, в которой принимают участие современный композитор-классик Кшиштоф Пендерецкий, актёр и депутат Сейма Ежи Треля, всемирно известный театральный режиссёр Тадеуш Кантор и профессор, председатель Общества охраны памятников Виктор Зин. Участие во встрече выдающихся художников должно было не только перебросить мостик ко встречам папы римского с интеллигенцией, но и продемонстрировать, что влиятельные польские интеллектуалы и деятели культуры и искусства поддерживают Горбачева.

Толпы, приветствующие Горбачева, особенно многочисленные в Щецине, давали команде Ярузельского ощущение и надежду, что личность Горбачева позволит восстановить доверие поляков к существующему строю. Как и Иоанн Павел II, Горбачев начал и завершил свой визит в Варшаве. 14 июля произошла встреча с интеллигенцией в Королевском замке. Участвовали в ней не только интеллектуалы, связанные с властями. Присутствовали Кшиштоф Занусси, журналист и писатель Рышард Войнаковский, публицист и сценарист

Кшиштоф Теодор Тёплиц и Януш Пшимановский – автор сценария телесериала «Четыре танкиста и собака». Философ Марчин Круль задал вопрос о доктрине ограниченного суверенитета, так называемой доктрине Брежнева. Однако Горбачев уклонился от ответа.

Во время визита Горбачева Ярузельский снова осторожно пытается заговорить о необходимости выяснить правду о Катынском преступлении. Интересно, что к этому его всячески подталкивал Веслав Гурницкий, составитель речей генерала. Подчинённый раскритиковал Ярузельского за то, что тот не осмеливается поднять этот вопрос в беседах с Горбачевым, в том числе в готовящемся выступлении в Сейме, когда там будет находиться Генеральный секретарь ЦК КПСС. После того как Гурницкий прочитал правленный Ярузельским проект речи, откуда были вычеркнуты такие слова, как «Катынь», «Воркута» и «Колыма», подполковник написал комментарий в драматичном тоне:

«В соответствии с вашим приказом вычеркнул из текста все дразнящие названия и фамилии. Не являюсь главой государства и не знаю всех условий. В мои служебные обязанности входят исполнение приказа, а также умение уловить атмосферу, которой соответствуют эти приказы. Однако прошу, чтобы товарищ генерал сам себе задал вопрос: если не сейчас, то когда? Если не Ярузельский, то кто?»²⁰.

Гурницкий продолжал настаивать, ссылаясь на личный опыт Ярузельского, и нажимал на «элементарную солидарность с теми поляками, которым не так повезло, как Войцеху Ярузельскому». В расследовании правды о Катыни Гурницкий видел возможность для расширения общественной поддержки Ярузельского, «шанс на то, чтобы поймать общую тональность, общую моральную мелодию с этим несчастным, потерянным и поглупевшим народом»²¹. Так он отзывался о своих соотечественниках.

В итоге в своём выступлении в Сейме ПНР Горбачев заявляет:

«Особенно хочу сказать о работе советских и польских историков в отношении исследований так называемых белых пятен. Наша совместная история – это богатое, содержательное действие двух народов-соседей. У нас есть чем гордиться, есть что раскрывать и представлять. Существуют в ней, однако, и сложные моменты, те, что носят названия белых пятен. Вокруг них появляются понятия, основанные больше на эмоциях, чем на точном научном знании».

Как считает Павел Коваль, все попытки Ярузельского выяснить правду потерпели фиаско. В июле 1989 года он проиграл своё наступление на Горбачева. Можно сказать, что московский патрон перехитрил его. Оказалось, отнюдь не консерватизм советских историков, а решение самого Горбачева было препятствием для высказывания правды об этом преступлении, хотя эта правда и получила подтверждение в исторической литературе. Как пишет Павел Коваль, одной из причин поражения Ярузельского и его команды был психологический фактор, который глубоко укоренился в сознании польских коммунистов и не позволил им пойти до конца: они и сами знали правду о Катыни, однако не обладали отвагой, чтобы самостоятельно заявить об этом²².

Бывший пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачёв писал в своих воспоминаниях:

«Горбачев крутил, врал, тянул резину. Верю, что было именно так. Фактом является то, что копии архивных документов по этому вопросу приказал передать польской стороне только Борис Ельцин. Хотя Горбачев наверняка знал об их существовании. (Фалин пишет, что президент знал об этом, но приказал шефу КГБ держать этот факт в тайне)»²³.

Ярузельский, тем не менее, продолжал оставаться при своем мнении и защищал Горбачева в связи с тем, что тот не смог сказать правду о Катыни в своем выступлении в Варшаве. В 2011 году генерал написал письмо популярной телевизионной журналистке Монике Олейник, объясняя, почему он так и не решился публично высказать-

ся на тему Катыни во время июльского визита Горбачева в 1988 году. По словам Ярузельского, во время долгих разговоров неоднократно поднималась тема Катынского преступления. Горбачев подчёркивал своё желание довести дело до конца, но одновременно просил понять его, поскольку в своей стране он сталкивается с постоянным сопротивлением, в том числе в процессе поиска документов, подтверждающих виновность НКВД в расстреле. В этой ситуации Ярузельский считал нетактичным призывать Генерального секретаря ЦК КПСС к официальному заявлению. «Конечно, в глазах польской общественности я набрал бы очки, но какой ценой? Это могло только ужесточить советскую позицию»²⁴, – писал Ярузельский. «Горбачев оказался бы в ситуации, в которой как минимум мог решить самоустраниться. А его противники получили бы дополнительные козыри. В результате это бы не ускорило, а, наоборот, затормозило и заблокировало бы официальное признание преступления»²⁵, – считал генерал.

Даже то, как визит Горбачева освещался по телевидению – приветствие гуралей, толпы людей, встречавших советского лидера в аэропорту и по пути следования его кортежа, свидетельствовали о том, что руководство ПНР хочет использовать приезд для внутренних целей и укрепления авторитета власти. Набиравшая силу в западных странах «горбимания» чувствовалась и в Польше. По окончании визита 26 июля пресс-секретарь польского правительства Ежи Урбан объявил на пресс-конференции, что СССР согласился на отсрочку выплаты долга ПНР в полтора миллиарда долларов. Однако, как пишет Павел Коваль, правда заключалась в том, что визит не привёл к каким бы то ни было существенным успехам, а оппозиция подвергла Ярузельского критике за то, что он не поднял в беседах острых исторических вопросов и избегал темы белых пятен.

Несмотря на это, из Москвы продолжали поступать всё новые сигналы, свидетельствующие о том, что Кремль до-

пускает ослабление просоветских режимов в бывших соцстранах и что «Солидарность» уже не вызывает у него аллергии. В августе 1988 года один из ближайших соратников Ярузельского Мечислав Раковский проинформировал Веслава Гурницкого о своих встречах в Крыму с сотрудником международного отдела ЦК КПСС Георгием Шахназаровым. Он заявил, что перестройка допускает новые подходы к политике в отношении Восточной Европы и не исключает финляндизации Польши, поскольку ««Солидарность» всё равно будет вынуждена считаться с СССР, потому что не может не считаться»²⁶. Иными словами, Раковскому дали понять, что Советский Союз допускает, что польским коммунистам придётся поделиться властью с оппозицией. Как пишет Павел Коваль, это неприятно удивило команду Ярузельского, которая делала ставку на Горбачева и рассчитывала на его поддержку.

Польша: студенты и диссиденты

- В сентябре 1988 года я в группе студентов факультета журналистики МГУ приехал на преддипломную практику в Варшавский университет. После длительного перерыва между учебными заведениями и странами восстановились контакты, отчасти благодаря договорённостям между Ярузельским и Горбачевым в 1987 году.

К сентябрю 1988 года, когда мы приехали в Варшаву, по всей Польше прокатилась новая волна забастовок, которую как-то сумел взять под контроль Лех Валенса. Всё это происходило в августе, вскоре после визита Горбачева, которого встречали довольно доброжелательно и который назвал Польшу «лабораторией реформ», тем самым одоблив перемены, причём не только экономические, но и политические.

Ярузельский сопровождал Горбачева в поездке, присутствовал на встрече с интеллигенци-

ей, где было задано довольно много острых вопросов. Помимо Варшавы советский лидер посетил Краков, Щецин, где встретился с рабочими судовой верфи. Во время заключительной беседы с Горбачевым 14 июля Ярузельский обратил внимание на то, что визит отразил глубокое понимание польской специфики, уважение национальных чувств поляков.

Вся обстановка, дух времени говорили о том, что грядут перемены. Перед Горбачевым выступил популярный певец, который исполнил песенку «Михаил, Михаил, ты построишь новый мир, не английский, не французский, новый русский богатырь». Правда, на варшавских улицах тогда пели и другие песенки. Например, особенно мне запомнилась та, что начиналась словами: «Там, за Бугом, неприятности снова у большевиков...» («Там, за Bugiem, jaja znow u bolszewikow»).

Своими глазами я наблюдал отсутствие продуктов в варшавских магазинах. Полки были пустыми. Однако в так называемом частном секторе можно было купить такие вещи, о которых в Москве даже не мечтали. В советском торговом представительстве нам, студентам, выдали карточки на мясо, но на прилавках лежали только кости. Мы обедали в так называемых молочных барах для бедных или в столовой Дома журналиста на улице Фоксаль, где подавали вполне приличные и недорогие обеды и куда нас прикрепили по просьбе руководства факультета журналистики Варшавского университета. Общежитие выглядело довольно обшарпанным и бедноватым. Пахло дезинфекцией. Моим соседом по комнате был студент географического факультета МГУ. Этажом ниже жила аспирантка Главной школы планирования и статистики Ирина Ясина. Поляки приглашали нас на совместные посиделки, где водка лилась рекой и всё заканчивалось тяжелейшим опьянением.

Я бродил по холодной Варшаве, тратил деньги на газеты и журналы с острыми статьями о советской

Памятник кардиналу Стефану Вышиньскому в Варшаве.
Рисунок Петра Черёмушкина, 1988 год

и польской действительности, всё было как-то промозгло, серовато, голодновато. На Центральном вокзале звонил в Москву и рассказывал моей маме, восторженной полонофилке, что не всё так просто в этой польской действительности. Польские друзья моих родителей иногда подбрасывали мне денег, просто так, без возврата. В ответ я приносил им советские шампанское, икру и халву, которые ценятся в Польше.

Вокруг шла какая-то совершенно другая жизнь, далеко опередившая советскую реальность. Университет жил не столько учебным процессом, сколько встречами студентов с лидерами оппозиции и протестами против задержаний студентов во время демонстраций с требованиями зарегистрировать Независимый союз студентов. На моих глазах милиция арестовала самого активного участника протеста. Во дворе университета продавалась пока ещё запрещённая литература, в том числе книга Леха Валенсы «Дорога надежды».

В ноябре 1988 года вместе с польскими студентами я стал зрителем телевизионных дебатов между главой легальных профсоюзов: Всепольского соглашения профессиональных союзов – Альфредом Медовичем и Лехом Валенсой, которого в официальных СМИ называли «частным лицом». Медович с треском проиграл Валенсе, и тот вернулся в общественное пространство уже лидером оппозиции.

На встречах студентов с оппозицией я впервые услышал выражение «Круглый стол» как способ переговоров с властями. Вскоре на стене университета появляется граффити «Круглый стол – это всё равно что квадратное яйцо: полякам нужен не круглый стол, а стол, обильно заставленный едой». Студенты были настроены довольно скептически в отношении «Круглого стола», но политики продолжали их обхаживать. Именно в Варшавском университете проходили наиболее острые выступления представителей оппозиции, собиравшие полные аудитории.

Польша жила подготовкой к «Круглому столу», который потом назовут «проектом гэбухи», что отчасти было верно, потому что без согласия Ярузельского и Кищака и формального одобрения Москвы, которое, как мы теперь понимаем, больше напоминало фразу «катитесь на все четыре стороны», власть и оппозиция не смогли бы сесть за один стол.

* * *

Забастовки, вновь прокатившиеся по Польше летом 1988 года, стали поводом для начала устойчивого взаимодействия власти и оппозиции. Хронологию развития событий, которые в конце концов привели к «Круглому столу», довольно точно описывает российский журналист и историк Станислав Кувалдин²⁷.

Так, посредниками в переговорах между властью и «Солидарностью» были стоявший у истоков профсоюза известный деятель оппозиции Анджей Стельмаховский²⁸ и член Политбюро ЦК ПОРП Юзеф Чирек²⁹. Стельмаховский и Бронислав Геремек³⁰ составили список вопросов для возможных переговоров и передали его Чиреку 24 августа³¹. В записке предлагалось обсудить проблемы профсоюзов, вопросы общественно-политического плюрализма и «антикризисного пакта» (именно по этой схеме будут рассматриваться спорные вопросы на заседаниях «Круглого стола» в 1989 году). Также власть обратилась за посредничеством к церкви. «Феномен такой структуры, как Польская католическая церковь – оппозиционная коммунистическим властям, но поддерживающая с ними рабочие отношения, сочувствующая оппозиции, но принимающая в расчёт существующий порядок вещей и при этом имеющая громадный моральный авторитет, – также был важным фактором в завязывающемся диалоге»³², – пишет Кувалдин.

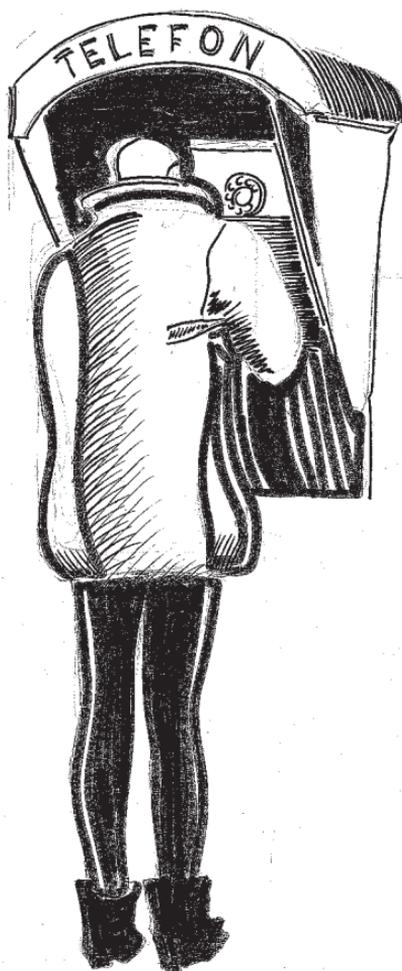
25 августа Лех Валенса официально, через СМИ, предлагает правительству начать переговоры. 27 августа министр

внутренних дел Чеслав Кищак официально соглашается. 31 августа Валенса и Кищак встречаются на городской вилле МВД в Варшаве на улице Заврат. Итогом переговоров стало совместное решение о проведении «Круглого стола»³³.

За происходившим в Польше с огромным вниманием следили дипломаты, журналисты и разведка – причём как советская, так и американская, и французская, или немецкая. На регулярные пресс-конференции Ежи Урбана³⁴ собирались журналисты со всего мира. Было много американцев и англичан польского происхождения, которые, затаив дыхание, следили за происходившем на земле их предков.

Темой моего диплома в Варшавском университете было освещение американской газетой «Нью-Йорк таймс» происходившего в Польше. Интернета тогда не было, и вырезки со статьями я получал от моего тогдашнего тестя, в то время работавшего в ООН, Александра Алексеевича Кокорева³⁵. В моём советском сознании от увиденного и прочитанного складывалась некоторая каша, точнее это можно было бы назвать запутанным двоемыслием. Статьи в американской газете были очень лаконичны и прямолинейны и называли вещи своими именами, а советская пресса упаковывала происходившее в Польше во всевозможные иносказания про то, что перестройка означает «больше социализма», и как бы успокаивала общественное мнение в своей стране, которая полным ходом шла к I Съезду народных депутатов СССР.

У Горбачева были сомнения относительно возможных сценариев развития событий в Польше. Но он всё ещё надеялся, что сможет сохранить советскую систему и придать ей «человеческое лицо». На встрече в Кремле 23 сентября 1988 года с секретарем ЦК Юзефом Чиреком Горбачев задаёт вопросы, которые свидетельствуют о его сомнениях и страхах насчёт того, как «пошёл процесс». Так, он спрашивает: «В чём смысл и причина предложения о проведении «Круглого стола»? Это манёвр или реальность, с которой нельзя не считаться? Нет ли у вас испуга и давления

Варшава. Девушка в телефоне-автомате.
Рисунок Петра Черёмушкина, 1988 год

злобы дня? Адекватен ли ваш ответ значению и реальному влиянию оппозиции? Может быть, ещё не потеряно время для работы в коллективах?»³⁶. Эти вопросы показывают, что лидер СССР слабо представлял, что может быть другая система, кроме советского социализма. Горбачев спрашивает, а Чирек послушно отвечает первому человеку в Москве, как и в старые времена. Ни он, ни советский генсек ещё не понимают, что дни их политической жизни сочтены. Каждый пытается выяснить у другого, как система будет работать в новых условиях. Но ни один, ни другой не знают ответа.

Чирек пытается убедить Горбачева в том, что оппозиция не является антисоциалистической: «она ведёт себя осторожно и боится ударов», «нас ждёт успех партии и правительства» и т.д., и т.п. Чирек вообще использует традиционный советский лексикон. Он говорит, что тактика руководства ПОРП в том, чтобы «разъединить оппозицию, вовлечь её в реалистическое конструктивное русло вместе с Валенсой, в процесс национального примирения и возрождения»³⁷. Легко заметить, что представитель Польши считает самым важным договорённость между самими поляками, а Советский Союз уже никак не может на это повлиять.

Внезапно произошло, казалось бы, не самое значительное событие с участием религиозного Валенсы, полностью подтверждающее поговорку «Случайность – второе имя Бога». Как остроумно замечает Станислав Кувалдин, «неизвестно, чем бы закончилась эта дискуссия, если бы в дело не вмешался случай. В переговорах о «Солидарности» заинтересованной стороной были не только власть и оппозиционные структуры, но также официально признанное Всепольское соглашение профессиональных союзов (ВСПС). Эта структура заменила ликвидированные после введения военного положения профсоюзы – как официальные, так и неофициальные. Разумеется, она была вполне лояльна властям, но, тем не менее, степень её независимости была гораздо выше, чем у официальных профсоюзов. Когда обсуждение «про-

фсоюзного плюрализма» стало набирать обороты, руководитель ВСПС Альфред Медович официально предложил Леху Валенсе открытые телевизионные дебаты по данному вопросу. Валенса с готовностью принял вызов»³⁸.

Как позднее писал Ежи Урбан, «хотите – верьте, хотите – нет, но Медович предложил эту дискуссию... без согласования с кем бы то ни было»³⁹. Лидеру провластного профсоюза устроили разнос на заседании ЦК ПОРП и предложили найти уважительную причину для отказа от дискуссии. Особенно настаивал на этом Урбан, который, как человек, работавший со СМИ, прекрасно понимал силу телевидения. Однако напрямую запрещать дискуссию не стали. В итоге Валенса совершенно неожиданно получил доступ в телеэфир⁴⁰.

Как говорилось ранее, в теледебатах 30 ноября 1988 года Альфред Медович, глава связанного с властью профсоюза, потерпел сокрушительное поражение, а Валенса, придя на передачу как «частное лицо» и выступая спокойно и разумно, вышел из студии готовым национальным лидером. Как верно заметил Кувалдин, после этого вопрос легализации «Солидарности» уже твёрдо встал в повестку дня.

Начались сложные, тщательные, конкретные переговоры по организации «Круглого стола». Было много предварительных встреч в узком кругу представителей власти и оппозиции при участии иерархов католической церкви. Главным куратором переговоров со стороны властей был министр внутренних дел Чеслав Кищак, и большинство этих встреч проходило на загородном объекте МВД в дачном посёлке Магдаленка. Как отмечает Кувалдин, «поскольку эти встречи проходили в закрытом режиме, Магдаленке суждено было стать нарицательным словом. Бывшие партийные деятели сумели неплохо устроиться в посткоммунистической Польше, и существует распространённое мнение о том, что в Магдаленке произошёл «сговор элит»»⁴¹.

Так Ярузельский, на воззрения которого явно повлияло опасение повторить судьбу Александра Дубчека и Имре Надя, человек, который долгие годы искал компромисс, чтобы удержать свой народ в рамках системы «реального социализма» без серьёзных потерь, и который наконец-то встретил вызывающего у него доверие советского политика – Горбачева, подошёл к черте, перешагнув которую, он мог с облегчением сказать себе: «Дело сделано». Так он вступил на путь, который нёс свободу его стране и вечное проклятье ему лично...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ципко А. С. Исповедь одессита-антисоветчика. Агент «Солидарности» в команде Горбачева. Мемуары. – М.: Навона, 2011. – С. 302.

² Ежи Попелушко (1947–1984) – священник и активист «Солидарности», проповеди которого собирали многотысячные толпы у костёла и огромную аудиторию слушателей на радио «Свобода». Был избит до смерти тремя офицерами службы безопасности МВД ПНР. В 2010 году причислен к лику святых. История его жизни рассказана в фильме Рафала Вечиньского «Попелушко: свобода среди нас», биографические мотивы также легли в основу фильма Агнешки Холланд «Убить священника».

³ Ципко А. С. Исповедь одессита-антисоветчика. Агент «Солидарности» в команде Горбачева. Мемуары. – М.: Навона, 2011. – С. 60.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 62.

⁷ Интересно, что в Польше одной из причин сближения Ярузельского с Горбачевым считают общее понимание важности антиалкогольной кампании. Ярузельский, как человек, абсолют-

но не пьющий, всегда уделял много внимания борьбе с пьянством. На этом они и сошлись с Горбачевым, считают польские историки.

⁸ *Jaruzelski Wojciech. Stan Wojenny. Dlaczego...* – Warszawa: BGW, 1992. – S. 125.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ *Цунко А. С. Исповедь одессита-антисоветчика. Агент «Солидарности» в команде Горбачева. Мемуары.* – М.: Навона, 2011.

¹⁴ *Gornicki Wieslaw. Teraz juz mozna. Ze wspomnien kulawego szerypu.* – Wroclaw: Dolnoslaskie, 1994. – S. 122.

¹⁵ Любопытно, что в сентябре 1986 года Ярузельский посетил КНДР и вёл переговоры с Ким Ир Сенем, обставленные по всем канонам Северной Кореи с помпезной встречей. Однако команда Ярузельского уже требовала от Горбачева правды о Катынском преступлении и двигалась в сторону экономического сближения с Западом. Моника Ярузельская опубликовала весьма забавные воспоминания о пребывании в Пхеньяне.

¹⁶ *Toranska Teresa. Byli.* – Warszawa: Swiat Ksiazki, 2006. – S. 54.

¹⁷ AMSZ, ZD38/89, Szyfrogram nr 2096/II 7 maja 1987 r, w 16. Цит. по: *Kowal Pawel. Koniec systemu wladzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989.* – Warszawa: RIO, 2015.

¹⁸ *Kowal Pawel. Koniec systemu wladzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989.* – Warszawa: RIO, 2015. – S. 308.

¹⁹ Сегодня в Youtube можно без труда найти клип с этой песенкой, в котором видно, что её исполнитель явно пародирует певцов русского эмигрантского ресторана в Париже, а слушающие его молодой Горбачев, царственная Раиса Максимовна, а также Вадим Медведев, Эдуард Шеварднадзе и Войцех Ярузельский просто покатываются со смеху.

²⁰ «Melodia moralna» z narodem. Notatka na temat sprawy Katynia w przemowieniu gen. Wojciecha Jaruzelskiego. – 11 lipca 1988. Цит. по: *Kowal Pawel. Koniec systemu wladzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989.* – Warszawa: RIO, 2015. – S. 192.

²¹ Ibid.

²² *Kowal Pawel. Koniec systemu wladzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989.* – Warszawa: RIO, 2015.

²³ *Грачев Андрей.* Горбачев. Человек, который хотел, как лучше... – М.: Вагриус, 2001.

²⁴ List Wojciecha Jaruzelskiego do Moniki Olejnik (TVN24). – 18 stycznia 2011.

²⁵ Ibid.

²⁶ Цит. По: *Kowal Pawel. Koniec systemu wladzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989.* – Warszawa: RIO, 2015. – sS333; Wieslaw Gornicki. Zapisy ze spotkan i rozmow politycznych dot // Okraglego stolu. – 1998. – S. 9.

²⁷ *Кувалдин Станислав.* Зачем договариваться с оппозицией // Полит.Ру. – 13 декабря 2005. – Постоянный адрес страницы: <http://www.polit.ru/research/2005/12/13/kuvaldin.html>

²⁸ Анджей Стельмаховский (1925–2009) – профессор Вроцлавского, а затем Варшавского университетов, один из президентов Клуба католической интеллигенции (создан во время оттепели 1956 года, впоследствии тесно взаимодействовал с «Солидарностью» и сыграл существенную роль в организации «Круглого стола»). Маршал Сената, затем помощник президента Леха Качиньского.

²⁹ Юзеф Чирек (1928–2013) – с 1952 года сотрудник МИД ПНР. Министр иностранных дел в 1980–1982 годах, затем член Политбюро и ЦК ПОРП, где курировал международные отношения и вёл переговоры по организации «Круглого стола». Ближайший соратник Ярузельского, после отставки которого ушёл из политики.

³⁰ Бронислав Геремек (1932–2008) – учёный, диссидент. В 1968 году вышел из ПОРП в знак протеста против ввода войск в Чехословакию. После 1989 года – депутат Сейма, министр иностранных дел, депутат Европарламента.

³¹ *Dudek Antoni. Pierwsze lata III Rzeczypospolitej.* – Krakow: Arcana, 1997. – S. 16. Цит. по: Кувалдин Станислав. Зачем договариваться с оппозицией // Полит.Ру. – 13 декабря 2005.

³² *Кувалдин Станислав.* Зачем договариваться с оппозицией // Полит.Ру. – 13 декабря 2005.

³³ Там же.

³⁴ Ежи Урбан (1933) – пресс-секретарь Правительства ПНР при Ярузельском. После прихода к власти «Солидарности» основал издательство и сатирический журнал «Nie». Известен саркастическими и неординарными поступками и высказываниями. Например, провёл «круглый стол» проституток как пародию на международные переговоры. Резко критикует нынешнюю власть в Польше, не стесняясь в выражениях: «мы живём в сумасшедшем доме», «ненавижу новую власть» и далее в том же духе.

³⁵ Кокорев Александр Алексеевич (1931–1992) – советский дипломат-американист, специалист по проблемам разоружения. Чрезвычайный и полномочный посланник 1-го класса. Доктор исторических наук. См., напр.: *Кокорев А. А. Силовая «дипломатия» Вашингтона (расчёты и просчёты). Серия Империализм: События. Факты. Документы.* – М.: Мысль, 1985. – 256 с.; *Кокорев А. А. Куда же ты идёшь, Америка?* – М.: Молодая гвардия, 1984.

³⁶ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М.С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. – М.: «Весь Мир», 2010. – С. 558.

³⁷ Там же. – С. 559.

³⁸ *Кувалдин Станислав.* Зачем договариваться с оппозицией // Полит.Ру. – 13 декабря 2005.

³⁹ *Ćwikliński Przemysław, Gadzinowski Piotr, Urban Jerzy.* Jajakobyły: Spowiedź życia Jerzego Urbana. – Warszawa: BGW, 1992. – S. 158. Цит. по: *Кувалдин Станислав.* Зачем договариваться с оппозицией // Полит.Ру. – 13 декабря 2005.

⁴⁰ *Кувалдин Станислав.* Зачем договариваться с оппозицией // Полит.Ру. – 13 декабря 2005.

⁴¹ Там же.

1989 ГОД

1989-й был годом огромных событий и важнейших перемен, в которые погрузился мир в конце XX века. Год I Съезда народных депутатов в Москве и событий на площади Тяньаньмэнь, год кончины имама Хомейни и академика Сахарова, год убийства румынского лидера Чаушеску и падения Берлинской стены. 1989-й стал годом, который определил ход дальнейшей мировой истории и положил конец послевоенному устройству Европы. Недавние политические заключённые и поэты становились политиками и президентами. Историк Виктор Себестьен назвал его «годом триумфа народной воли над тиранией»¹. Фрэнсис Фукуяма заявил, что «наступил конец мировой истории» в смысле окончания идеологических конфликтов в мире. Первый шаг к этому, конечно, сделал Горбачев в Москве, но подлинные перемены начались в Польше – с «Круглого стола» между властями и оппозицией и июньских выборов 1989 года.

Справедливости ради следует сказать, что в начале года немного предвещало столь бурное и стремительное развитие событий. Конечно, в Кремле уже почти три года находился Михаил Горбачев, который провозгласил перестройку и гласность вместе со своими соратниками Александром Яковлевым и Эдуардом Шеварднадзе, но никто не мог предположить, что они начнут подлинный демонтаж советской системы. Да, скорее всего, в их планы это и не входило.

Советский Союз оказался в тисках сложнейших экономических проблем и был уже не способен обеспечить населению нормальную жизнь тем минимумом товаров, которые с большим скрипом предоставляла так называемая распределительная система брежневских времён. К тому же гласность оказала на советское общество абсолютно раскрепощающее воздействие. Горбачев ощутил это, когда во время демонстрации на Красной площади в адрес стоявшего на высокой трибуне Мавзолея генсека, посыпались проклятия.

Джеймс Бейкер, тогдашний госсекретарь США, говорил: каждый, кто утверждает, что заранее знал, как в Европе произойдёт падение коммунизма, «пускает пыль в глаза»². За развитием событий публика наблюдала по телеканалу Си-Эн-Эн с любопытством, сравнимым с тем, с каким болельщики следят за исходом последнего матча первенства мира по хоккею. «Это была первая в мире революция, которую передавали в прямом эфире»³, – написал Виктор Себестьен.

Главным вопросом того времени был вопрос о том, использует ли Советский Союз, разместивший в Восточной Европе многомиллионную армию, свои возможности для подавления народного недовольства и удержания коммунистами власти. Иными словами, дойдёт ли дело до кровопролития? Когда официальный представитель советского МИДа Геннадий Герасимов заявил, что вместо доктрины Брежнева теперь будет так называемая «доктрина Синатры» в том смысле, что отныне каждый может идти своим путём, многие решили, что Советский Союз блефует и просто хочет проверить, как прореагирует население соцстран.

По оценкам многих историков, важнейшим фактором неготовности Советского Союза применить силу в Восточной Европе были его проигрыш в Афганистане, огромные человеческие потери и тяжёлые внешнеполитические последствия этой войны. Почти столетия Советский Союз поддерживал свою внешнюю империю в Восточной Европе, но к концу 1980-х оказался не в состоянии и дальше тя-

нуть эту лямку, а тем более применять силу для сохранения «системы социализма». Все эти страны – Болгария, Чехословакия, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния – находились в состоянии разной степени зависимости или независимости, по-разному участвовали в военной интеграционной системе Варшавского договора или в экономической СЭВ, но все свои решения принимали с оглядкой на Москву. Так называемый железный занавес, отделявший советскую систему от западной, казалось, установлен навечно. Но в 1988 году, после Афганистана, Советский Союз был уже не в состоянии тратить столько сил на поддержание внешней империи. Она трещала по швам, и даже группы советских войск в этих странах, всегда элитарные и получавшие лучшее снабжение, испытывали немалые сложности.

Важнейшим событием политической жизни Польши января 1989 года стал X Пленум ЦК ПОРП, на котором партийное руководство принимает решение, до какой степени оно способно отпустить вожжи и допустить легализацию оппозиции. Собственно, пленум начинается ещё раньше, в декабре предыдущего года, но определяющие решения он принимает в 1989-м, во время своего второго заседания. Ярузельский и его команда столкнулись тогда с довольно сильной оппозицией внутри партии и подверглись резкой критике со стороны консервативных сил, которые представлял заместитель министра внутренних дел ПНР Владислав Пожога⁴. Его выступление о происках иностранных разведок, попытках заокеанских центров развалить социализм в Польше прозвучало довольно неприятно для партийных реформаторов.

16 января 1989 года начинается вторая часть X Пленума. Как отмечает Павел Коваль, Ярузельский и его команда отдавали себе отчёт в том, что проведение свободных выборов невозможно без соглашения с оппозицией. Последняя добивалась легализации «Солидарности» и признания её партнером за «Круглым столом». Однако дискуссии на пле-

нуме шли в таком тоне, что появилась серьёзная угроза победы противников переговоров с оппозицией. Что интересно: драматические события пленума транслировались по телевидению. Дошло до того, что несколько партийных лидеров во главе с Ярузельским пригрозили уйти в отставку в том случае, если курс на соглашение с оппозицией не получит поддержки пленума. В эту группу входили самые близкие Ярузельскому деятели: Кищак, Сивицкий и Раковский. Наиболее последовательно идею переговоров отстаивал Мечислав Раковский.

Как говорил Пожога, команда Ярузельского устроила своего рода спектакль. «Именно этот своеобразный шантаж принёс победу сторонникам «линии соглашения», хотя можно предположить, что аналогичного эффекта можно было бы добиться и без демонстрации»⁵, – пишет Павел Коваль. Он считает, что опасения Ярузельского насчёт того, что пленум отвергнет его предложения, были сильно преувеличены. С этим сложно согласиться, поскольку дискуссия на пленуме развернулась весьма острая и драматичная. По её итогам 17 января 143 члена ЦК ПОРП поддержали предложение ЦК о профсоюзном плюрализме. Но и против проголосовали 32 человека, а 14 воздержались.

Другие историки полагают, что победил прагматизм: партия не отважилась свергнуть своих лидеров, хотя и сомневалась в их программе. Партийные деятели весьма опасались, что, если ускорить проведение выборов и вписать название «Солидарность» в декларацию о профсоюзном плюрализме, это приведёт к поражению ПОРП.

Принятое пленумом постановление открывало путь к дальнейшим переговорам за «Круглым столом». Теперь власть могла исполнить одно из условий оппозиции, а именно пойти на легализацию профсоюза «Солидарность».

Итак, весной 1989 года в Магдаленке и в Президентском дворце в Варшаве были приняты важнейшие решения о том, как будут проводиться выборы, как распределяются места

в Сенате и Сейме. «Круглый стол» открылся 6 февраля в Президентском дворце в центре Варшавы и работал два месяца. В общей сложности состоялись два пленарных заседания и около 97 встреч в группах, собраний и заседаний рабочих групп⁶.

В дискуссиях участвовали 56 представителей партии и правительства и «Солидарности» (многие из которых впоследствии стали, и являются до сих пор, крупнейшими деятелями политического Олимпа Польши). Как указывает Станислав Кувалдин, ещё во время подготовки к переговорам ПОРП заявила о создании «коалиции», то есть о выступлении единым фронтом с «союзными партиями»: Объединенной крестьянской и Демократической. Это стало одной из основ будущей формулы компромисса, заключённого в ходе заседаний «Круглого стола». В переговорах также принимали участие представители ВСПС, организаций светских католиков, польской Римско-католической церкви (в качестве наблюдателей), а также «независимые авторитеты»⁷. Среди посредников от конфессий указывался также епископ лютеранской церкви. Вопросы для обсуждения были разделены на три темы, или рабочие группы (или «столики», как их называли в польской прессе⁸): по вопросам политической реформы, профсоюзного плюрализма, а также экономической реформы и социальных отношений.

Во время подготовки и проведения «Круглого стола» сформировалась команда, которую Ярузельский уполномочил принимать решения. Руководил всем от имени Ярузельского политический штаб во главе с генералом Кищакком, состоявший из члена Политбюро (а до того и после – президента Польского национального банка) Владислава Баки, члена Политбюро и будущего посла в России Станислава Чосека, директора Института психологии Польской академии наук Януша Рейковского и вице-премьера Иренеуша Секулы. Они модерировали дискуссии по трём тематическим направлениям. Важную роль

в работе «Круглого стола» сыграли Александр Квасъневский и Ежи Урбан. В партийном аппарате сформировалась значительная группа молодых партийных деятелей, которые были критически настроены по отношению к существовавшим порядкам.

Представители оппозиции предлагали различные варианты эволюции политической системы. Так, Яцек Куронь, Адам Михник и Бронислав Геремек склонялись к постепенному реформированию. Как пишет Павел Коваль, они не отвергали проекта полностью демократических выборов, но были склонны принимать аргументы правительственной стороны и в результате согласились с тем, что процесс перемен должен иметь эволюционный характер, который растянется на четыре года. Иных взглядов придерживались Лех и Ярослав Качиньские, требовавшие проведения выборов и допускаявшие конфронтацию с властью. Как считает Коваль, этими различиями во взглядах внутри оппозиции пользовалась команда Кищака⁹. В результате переговоры за «Круглым столом» представляли собой настоящие политические баталии, а не их имитацию и симуляцию демократии, как ранее считали некоторые.

На заседании секретариата ЦК министр внутренних дел Кищак представил следующие предложения, выработанные «Круглым столом»: избирательная процедура должна основываться на принципах равенства выдвижения кандидатов, одинаковое число кандидатов на одно место, все кандидаты должны находиться в одном избирательном бюллетене, побеждает получивший наибольшее число голосов, представители всех политических сил должны находиться в общем избирательном списке. В конечном счёте ПОРП получила гарантию закрепления за собой 173 мест, что давало ей 37,6 процента мест в Сейме. Другие партии получали меньшее число мандатов. Однако в общей сложности правящая коалиция (формально в ПНР существовала многопартийность) получала 67 процентов мест в парламенте.

Итогом «Круглого стола» стали следующие решения¹⁰:

- «Солидарность» признавалась в качестве независимого профсоюза;
- оппозиция принимала участие в выборах, однако 67 процентов мест в Сейме резервировалось за ПОРП и союзными ей Объединенной крестьянской и Демократической партиями. Полностью свободные выборы проводились во вновь учреждённую высшую палату парламента – Сенат;
- в Польше вводился пост президента, который удерживался за ПОРП;
- оппозиция обязывалась не призывать к забастовкам и поддерживать правительственный курс на реформы;
- изложенный порядок вещей принимался в качестве компромисса на 4 года, после чего должны были последовать полностью свободные выборы в парламент.

«Польша – за перемены»

- Весной 1989 года я вернулся в Москву из Варшавы, где провёл почти шесть месяцев на преддипломной практике как студент факультета журналистики МГУ. В Польше продолжала бурлить политическая жизнь, за которой Москва внимательно и осторожно наблюдала, предполагая, что нечто подобное будет происходить и в Советском Союзе.

Можно сказать, что в Польше я был не слишком сосредоточен на учении. Мы ходили на встречи в университет, где выступали лидеры оппозиции – Куронь, Михник, Мочульский¹¹ и другие. Мы пили со студентами и пришли к выводу, что главная основа польско-советской дружбы – это водка. Я также регулярно посещал отделение ТАСС в Варшаве, где остроумные и компетентные журналисты обрабатывали последние новости и угощали меня колбасой и солёными огурцами из магазина «Peweks».

Писал заметки о том, что происходит в студенческой среде, и иногда они попадали на ленту ТАСС. Я был молод, искал работу, и ТАСС в то время был неплохим вариантом для трудоустройства. В Варшаве тассовцев было пять человек, и все они интересовались политической жизнью Польши. Они подробно описали процесс подготовки «Круглого стола», встречи Ярузельского с духовенством и Валенсой. Тассовцы рассказывали не только о дебатах в правящей партии, но и о выходках «Борющейся Солидарности»¹², которую, конечно же, называли экстремистской организацией. Несмотря на то что советское руководство погрузилось в свои собственные проблемы, происходящее в Польше вызывало немалый интерес.

Уже когда я был в Москве, вероятно в апреле или мае, и спешно пытался закончить свою дипломную работу, вдруг зазвонил телефон. Звонивший представился офицером КГБ и сказал, что хочет поговорить со мной. Мы встретились в парке за зданием факультета журналистики.

Среди вопросов, которые задал мне Олег Алексеевич – вежливый блондин в кожаной куртке, так и не назвавший своей фамилии, был следующий: «Вы недавно вернулись из Варшавы. Как вы думаете, чем закончатся выборы в Польше?». Очень хорошо помню, что избежал ответа на этот вопрос. И помню почему. Правдивый ответ на этот вопрос человеку, который представлял КГБ (все мы знаем, что КГБ был ответственным за борьбу с диссидентами), мог иметь неприятные последствия. Однако для себя ответ на этот вопрос я сформулировал следующим образом: «Если вы (в смысле – Советы) не станете обманывать на этих выборах, как обманули во время референдума в 1946 году, когда советские советники МГБ сфальсифицировали результаты, поляки отправят на свалку истории ваших польских друзей». Для меня лично было не очень понятно, будет ли Советский Союз заниматься этим на гря-

дущих польских выборах или нет. Больше Олег Алексеевич мне не звонил.

В начале 2000-х я впервые прочитал статью историка из общества «Мемориал» Никиты Петрова о том, какое активное участие Министерство госбезопасности СССР принимало в организации референдума в Польше в 1946 году¹³. Статья укрепила моё представление о ложных и мошеннических методах, использовавшихся при создании советской власти. Сегодня мы должны признать, что 1989 год был уникальным моментом в истории, когда Россия разжала руки и ослабила хватку. Полякам удалось умело использовать это в свою пользу.

В 1989 году польские коммунисты, строго говоря, были не коммунистами, а социал-демократами, раздражавшими представителей старшего поколения московских сталинистов, которых Горбачев постепенно вытеснил с правящего Олимпа. Польские левые надеялись, что они смогут найти общий язык с обществом, но явно не оценили усталости поляков от своего правления. Горбачев также недооценивал степень утомлённости общества и говорил о необходимости совершенствования социализма в надежде, что его политика приведёт к власти в социалистических странах таких людей, как он или как Дубчек. Но эта возможность была безвозвратно потеряна с тех пор, как Москва подавила Пражскую весну.

Выборы в Польше прошли, но Советский Союз был слишком слаб, чтобы вмешаться в их результаты. В июне 1989 года в еженедельнике «Собеседник» была опубликована моя статья о выборах в Польше, моя первая настоящая аналитическая статья о текущей международной политике под заголовком «Польша – за перемены»¹⁴.

* * *

Итак, утром 5 июня 1989 года после первых свободных выборов поляки проснулись в новой стране. У них полу-

чилось. Успех «Круглого стола» изменил ход истории не только в Польше, но во всём советском блоке, да и во всей Европе. Но давайте посмотрим, о чём писали на следующий после выборов день советские газеты. Главная тема – Съезд народных депутатов. Ещё одна важная тема – авария на Транссибирской магистрали. На международной полосе – события на площади Тяньаньмэнь в Китае и смерть Хомейни. На первой странице «Правды» – комментарий из Варшавы к Съезду народных депутатов. «Трибуна люду» пишет, что съезд в Москве проходит в атмосфере такой открытости, которой никто не ожидал.

«Правда» сообщает о выборах в Польше под заголовками «Когда решает каждый голос» и «Поворот к демократии». Собственный корреспондент газеты пишет из Варшавы: «Плакаты, листовки, наклейки привели к ещё одной проблеме – как потом отскрести, отмыть эту наглядную агитацию». «Подавляющее превосходство на использование визуальной пропаганды, конечно, у «Солидарности», – признаётся «Правда».

При этом журналист главной газеты СССР напоминает, что у общенационального списка нет никакой альтернативы, что он включает в себя кандидатов от правящей партии. Как обычно, корреспондент «Правды» отмечает «иностранное вмешательство в избирательный процесс в Польше»: «В Варшаву срочно прилетел из Соединённых Штатов уже давно известный политолог Збигнев Бжезинский. В интервью «Газете выборча» он сказал: «Если не будет победы «Солидарности», безусловно, это вызовет удивление, а последствия могут быть отрицательными»...». «Литературная газета» также пишет о присутствии Бжезинского, который для советской, а позже российской прессы – монстр, основа международного заговора против интересов России.

Советская пресса охотно подогревает миф об иностранной интервенции со стороны Вашингтона в польские выборы. Спустя 25 лет эта тенденция в российской прессе не

изменится. Враги и заговорщики против России останутся прежними, и во главе них по-прежнему будет стоять Збигнев Бжезинский.

И «Правда», и «Литературная газета» упоминают о прибытии в Польшу известного французского певца Ива Монтана. «Правда» традиционно сообщает о том, что этот факт вывал возмущение у ветеранов: «Группа польских ветеранов вынуждена обратиться к правительству, протестуя против такого недвусмысленного вмешательства в жизнь Польской Народной Республики».

На следующий день, 6 июня, «Правда» публикует сообщение ТАСС из Варшавы «Быть второму туру». Это означает, что результаты выборов ещё не являются окончательными и всё может измениться. 9 июня в «Правде» выходит текст Олега Лосото, известного эксперта в польских вопросах, под бессмысленным названием «И реформы, и стабильность». Он признаёт, что результаты выборов в Польше указывают на значительный успех кандидатов от оппозиции: «Конечно, в Польше сегодня сложилась новая общественно-политическая ситуация. Её характерная черта – растущее влияние оппозиции». На советском новоязе это означало полный провал правящей партии.

* * *

Несмотря на то что места в Сейме были зарезервированы за правящей коалицией, коммунисты набрали 3–4 процента голосов. Как отмечали западные наблюдатели, выборы стали своего рода референдумом о доверии коммунистам и советскому правлению. В первом туре «Солидарность» набрала 33 из зарезервированных за ней 35 мест. Коммунисты получили зарезервированные 65 процентов мест в Сейме и проиграли места в Сенате на 99 процентов. Проиграли практически все руководители страны, включая Кищака, Раковского и министра обороны Флориана Сивицкого. Несмотря на то, что в руках у правящей партии были день-

ги, контроль за телевидением, которое они использовали по полной программе, это не спасло ПОРП от поражения.

Валенса опасался, что население, привыкшее к политической апатии, не пойдёт голосовать. Но и его опасения, и страхи лидеров «Солидарности» насчёт того, что скороспелые выборы не позволят им консолидировать силы и возможности, оказались напрасными. В то время как государственное телевидение находилось в руках правящей партии, Польская служба Би-би-си и Радио «Свободная Европа» на польском языке оказали полную поддержку кандидатам от «Солидарности». Довольно быстро «Солидарность» организовала и начала выпускать «Газету выборчу», которая критиковала партийных кандидатов. Главным редактором газеты стал Адам Михник, который набрал на работу молодых и талантливых журналистов. Значительную поддержку «Солидарности» оказала Римско-католическая церковь.

Среди тех, кто довольно точно предсказал исход выборов, был посол США в Варшаве Джон Дэвис, который завершал свою карьеру и почти шесть лет занимал пост главы дипмиссии в Польше, что является крайне необычным по продолжительности для американской дипломатической службы. У него сложились прекрасные отношения с лидерами оппозиции, которые часто бывали у него в гостях, смотрели новые американские фильмы и поглощали бефстроганов. Невзирая на то что такие деятели «Солидарности», как Геремек и Мазовецкий, были пессимистично настроены в отношении исхода голосования, Дэвис докладывал в Вашингтон, что «Солидарность» победит с большим отрывом. При этом он высказывал опасение относительно такого исхода голосования, потому что это может привести к дестабилизации во всей Восточной Европе и негативной реакции со стороны правящей партии. Геремек высказывался примерно так: «Да, мы знаем, что победили, но все пушки остались у них в руках»¹⁵. Ярузельский был глубоко-

ко встревожен проигрышем и обвинял во всем представителей епископата. «Мы верили им, а они оказались иезуитами», – сказал Станислав Чосек¹⁶.

Считается, что Ярузельский всерьёз рассматривал возможность введения нового военного положения. После поражения на выборах он организовал встречу военного совета и Генштаба. Вместе с Кищакком они стали обсуждать, не стоит ли отменить результаты выборов и объявить чрезвычайное положение¹⁷. Но он также понимал, что в этом случае уже не получит никакой поддержки из Кремля. Москва продолжала призывать к политическому урегулированию ситуации. Ярузельский объявил, что примет результаты выборов и сможет их пережить. Однако он погрузился в глубочайшую печаль. По воспоминаниям помощников генерала, он был глубоко оскорблён замечанием Раковского, который сказал: «Народ нас больше не хочет»¹⁸. Ярузельский не понимал, в чём причина такого отношения. Он был убеждён, что выбрал верный путь компромисса и не должен быть за это наказан. Ярузельский всегда считал себя подлинным патриотом, который действует, исходя из национальных интересов своей страны.

Новая политическая реальность, сложившаяся в Польше после выборов 4 июня 1989 года, вызвала беспокойство в Москве. В Варшаву прибыл председатель КГБ Владимир Крючков, который должен был оценить ситуацию и доложить Горбачеву, как действовать. Ситуация осложнялась тем, что в Кремле не знали никого из победившей в Польше оппозиции: до сих пор, чтобы не обидеть правящую партию, советские дипломаты не общались с лидерами «Солидарности». Крючков встретился с Ярузельским и Мазовецким и пришёл к выводу, что всё не так уж плохо. Тогда, кстати, польская оппозиция предпринимает первый шаг для установления контактов с Москвой: летом в советскую столицу вместе с кинорежиссёром Анджеем Вайдой приезжает Адам Михник, который прилюдно в Доме кино

пожал руку Ельцину, поговорил с Сахаровым, а также побывал в ЦК КПСС¹⁹.

Комментируя итоги июньских выборов в Польше в октябре 1989 года, Горбачев докладывал на Политбюро о встрече с Мечиславом Раковским и говорил: «На последних выборах была проявлена недопустимая самонадеянность, и их результаты повергли в шок. ПОРП, находясь под зонтиком госбезопасности, оказалась не готовой к политической борьбе. Какая махина, говорит, эта наша партия (ПОРП), и какая беспомощность! Как и у нас – один к одному»²⁰.

Находясь в плену стереотипов, советские лидеры, и прежде всего Горбачев, стали жертвой своих собственных заблуждений насчёт того, что советскую модель можно улучшить, что люди могут смириться с происходящим и систему можно реформировать. Но было слишком поздно. После удаления фактора силы, исключения военных и полицейских методов советская власть оказалась сломленной. Однако к этому моменту основной задачей правящей команды ПНР было добиться избрания Ярузельского президентом, как это и предусматривал план, принятый на «Круглом столе». Правящей партии нужно было получить 35 процентов голосов в Сейме, что было невозможно без поддержки «Солидарности». Пост президента был создан специально для него, и соглашения следовало соблюдать. Валенса опасался, что если не исполнить эту часть соглашения, то весь комплекс договорённостей, так сказать, в пакете, распадётся. Некоторые военные даже угрожали, что, если Ярузельский не будет избран, это станет угрозой лично для них и они будут вынуждены сделать определённые шаги по пересмотру соглашений «Круглого стола» и результатов выборов. Иными словами, существовала возможность военного переворота.

Кищак встретился с главой польской Римско-католической церкви кардиналом Глемпом и представителями епископата и предупредил: если Ярузельский не

будет избран, страна окажется перед лицом дестабилизации, и тогда всему процессу политической трансформации будет положен конец. Потому что никакому другому президенту не согласятся подчиняться служба безопасности и армия²¹. Сомнения же самого Ярузельского зашли столь далеко, что он уже не был так уверен в том, что ему стоит баллотироваться в президенты. Дошло до того, что Ярузельский предложил выдвинуть вместо себя Кищака. Однако эта кандидатура была абсолютно неприемлема для оппозиции.

19 июля 1989 года Ярузельский всё-таки был избран президентом – с перевесом всего в один голос²². Генерал поручил формировать правительство Кищаку, который, однако, с этой функцией не справился. Ещё раньше, 3 июля, главный редактор «Газеты выборчей» опубликовал статью «Ваш президент, наш премьер», в которой предлагал выдвинуть в премьер-министры представителя оппозиции. В конце концов первым после окончания Второй мировой войны некоммунистическим премьер-министром Польши 24 августа 1989 года был избран Тадеуш Мазовецкий.

Месяцем раньше, 9 июля, произошло ещё одно событие, которое не так часто вспоминают, когда описывают бурный 1989 год, но оно того стоит: в Польшу с официальным визитом прилетел президент США Джордж Буш. С ним была свита из 900 человек – со временем огромное количество сопровождающих лиц в делегациях президентов США всё увеличивалось. Буша также сопровождал госсекретарь Джеймс Бейкер. Президент США начал визит с переговоров с Ярузельским и практически сразу задал особенно интересовавший его вопрос: каким образом будет развиваться ситуация с избранием президента? Как отмечает Павел Коваль, для Ярузельского встреча с Бушем стала, по сути дела, «личным успехом».

Ещё несколько лет назад генерала практически бойкотировали американские власти, а с представителями адми-

нистрации Рейгана он мог встречаться только на частной территории. Сейчас он фактически получил поддержку президента США в борьбе за президентское кресло, даже несмотря на то, что его партия проиграла частично свободные выборы. Как отмечают многие историки, помощь, которую Буш хотел оказать Ярузельскому, была связана с одновременной поддержкой Горбачева, чьи дела в Москве шли не лучшим образом. Успех Ярузельского, его избрание президентом отбирали козыри у противников Горбачева, которые критиковали его реформаторский курс в отношении Восточной Европы. И их голос звучал всё громче и громче. Американцы были вынуждены к этому прислушиваться и по возможности подправлять ситуацию.

10 июля Джордж Буш выступил на совместном заседании Сейма и Сената и воздал должное генералу за его роль в проведении реформ. Открывая заседание, Ярузельский вспомнил историческое значение польско-американских отношений, 70 лет дипломатических отношений, прокламации Вудро Вильсона 1918 года и гуманитарную помощь Герберта Гувера. Вспомнил и о выступлении Михаила Горбачева в Сейме годом раньше и особенно отметил вопросы разоружения. Заговорил о Варшавском договоре и призвал к одновременному роспуску обоих военных блоков, закапыванию топора войны раз и навсегда и полному выводу иностранных войск с территорий других государств. Это можно было считать призывом к выводу как американских войск из Германии, так и советских войск из стран Восточной Европы.

Выступление Буша было встречено аплодисментами, ему пропели «Sto Lat». Затем во время обеда, который был дан в его честь, Буш неоднократно выражал своё уважение генералу и восхвалял его заслуги в деле трансформации ПНР в демократическое государство.

19 июля в голосовании по выборам президента приняли участие 544 депутата Сейма и сенатора. 537 голосов были

признаны действительными. Чтобы занять президентский пост, Ярузельский должен был получить 269 голосов. Он получил 270. 233 человека проголосовали против и 34 воздержались. Из состава правительственной коалиции против Ярузельского проголосовали 11 депутатов. После объявления результатов выборов Ярузельский принял присягу президента и обратился с обращением к парламентариям, в котором подчеркнул сложность стоящих перед депутатами и государством задач, выразил готовность к сотрудничеству с Сеймом и Сенатом в интересах страны.

7 ноября 1989 года Ярузельский с супругой отправились в посольство СССР на приём по случаю годовщины Октябрьской революции. Тереза Кищак в своих воспоминаниях, описывая этот приём, отмечает, что на него были приглашены и деятели «Солидарности», которых раньше не звали. Столы ломились от икры, салатов, пирожных, водки и коньяка. «Я стояла и смотрела, как мир, который ещё недавно был мне знаком, меняется на глазах. Все эти генералы уже понимали, что заканчивается период приёмов, заграничных поездок, привилегий. Кончается их время»²³, – говорила Тереза Кищак в интервью журналисту Камиллю Шевчику.

Во время приёма жена одного из польских генералов сказала: «Эти, из «Солидарности», – и показала на стоявших неподалёку представителей недавней оппозиции, – если бы могли, повесили бы нас на фонарях». При разговоре присутствовала жена Ярузельского Барбара. Жена Кищака ответила, что скоро в этом не будет необходимости, потому что ПОРП распадётся, а люди, которые делали в этой партии карьеру, разойдутся по другим политическим организациям. В этот момент к группе женщин подошёл Кищак, и тут Ярузельска ему говорит: «Ваша жена – большая оптимистка!». На следующий день Кищак пришёл домой совершенно расстроенный. Оказалось, Барбара Ярузельска немедленно доложила мужу о разговоре в посольстве, и Кищаку

пришлось давать объяснения по поводу слов своей супруги о «распадающейся партии». На это Тереза Киштак ему сказала: «Вы что, действительно настолько дурни, что не понимаете и не видите, как грядёт распад и конец партии?»²⁴. Киштак очень обиделся и не разговаривал с женой несколько дней. Однако прошло чуть меньше полугода, и в январе 1990 года некогда правящая и могущественная Польская объединенная рабочая партия была распущена. На её месте возникла новая организация – Социал-демократия Республики Польша, главой которой стал Александр Квасьневский, впоследствии президент Польши.

29 декабря Сейм принял изменения в Конституцию. Из названия государства исчезло слово «народная», орёл на гербе Польши получил корону. Из Основного закона были исключены слова о том, что ПОРП является направляющей политической силой, а также такие выражения, как «трудящиеся» и «социалистическое государство». Выступая с новогодним обращением к соотечественникам, Ярузельский, первый президент Третьей Республики, заявил, что настоящее время, как он выразился, насыщено событиями и быстрыми переменами. «Все мы должны были прийти к диалогу, к компромиссу... Мы шли по дороге с ухабами... Вопреки всевозможным противодействиям она привела нас к политическому реализму, взаимопониманию, демократии. И, хотя это не так часто встречается в нашей истории, поляк оказался мудрым перед лицом неприятностей»²⁵.

Если в Польше 1989 год завершался мирными переменами, это не означало, что в других социалистических странах всё происходило точно так же. В ГДР в октябре 1989-го многолетний лидер страны, глава коммунистов Эрих Хонеккер добровольно отказался от власти, передав её своему соратнику Эгону Кренцу. Новая власть ГДР была вынуждена смягчить пограничный режим между Восточным и Западным Берлином. Это привело к массовому переходу границы в ноябре 1989 года и в конце концов к паде-

нию Берлинской стены 9 ноября. В декабре глава Румынии Николае Чаушеску, которого называли «гением Карпат», бежал на вертолете от разъярённой толпы в Бухаресте, но был пойман и расстрелян без суда вместе со своей супругой Еленой. Ярузельского и Кищака чаша сия миновала: они умерли своей смертью в Варшаве спустя многие годы, прокливаемые соотечественниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Sebestyen Victor. Revolution 1989: The Fall of the Soviet Empire.* – London: W&N, 2009.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ Владислав Пожога (1923–2015) – первый начальник созданной в 1981 году Службы разведки и контрразведки МВД ПНР, замминистра внутренних дел. После войны был заочно приговорён к смертной казни радикальным право-националистическим крылом сначала антифашистского, а после разгона Армии Крайовой антисоветского подполья. Большую часть карьеры провёл в контрразведке и системе МВД. Ушёл из политики в 1991 году с должности посла Польши в Болгарии.

⁵ *Kowal Pawel. Koniec systemu wladzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989.* – Warszawa: RIO, 2015. – S. 527.

⁶ *Garlicki Andrzej. Rycerze Okrągłego Stołu.* – Warszawa: Czytelnik, 2004. – S. 250.

⁷ *Кувалдин Станислав. Зачем договариваться с оппозицией // Полит.Ру.* – 13 декабря 2005. – Постоянный адрес страницы: <http://www.polit.ru/research/2005/12/13/kuvaldin.html>

⁸ Там же.

⁹ *Kowal Pawel. Koniec systemu wladzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989.* – Warszawa: RIO, 2015.

¹⁰ *Кувалдин Станислав*. Зачем договариваться с оппозицией // Полит.Ру. – 13 декабря 2005. – Постоянный адрес страницы: <http://www.polit.ru/research/2005/12/13/kuvaldin.html>

¹¹ Лешек Мочульский (1930) – журналист, историк, политик. В юности был связан с антикоммунистическим подпольем и людьми из довоенного окружения Пилсудского. Один из основателей правонационалистической Конфедерации независимой Польши. В 1980-е после нескольких арестов несколько лет прожил в вынужденной эмиграции. Скептически относился к «Круглому столу». Один из организаторов Чеченского информационного центра в Польше в середине 1990-х.

¹² «Борющаяся солидарность» – радикальное движение, сформировавшееся на базе подполья во время военного положения и провозглашавшее своей целью насильственное свержение коммунистического режима. Основатели – физик из Вроцлава Корнель Моравецкий и специалист по информатике Павел Фалицкий.

¹³ *Петров Никита*. Роль МГБ СССР в советизации Польши: Проведение референдума и выборов в Сейм в 1946–47 гг. // Сталин и холодная война. – М., 1998. – С. 102–124.

¹⁴ *Черёмушкин Пётр*. Польша – за перемены // *Собеседник*. – 1989.

¹⁵ *Kowal Pawel*. Koniec systemu wladzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989. – Warszawa: RIO, 2015.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ *Sebestyen Victor*. Revolution 1989: The Fall of the Soviet Empire. – London: W&N, 2009. – P. 291.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Во время поездки Михника в Москву мне довелось познакомиться с ним и поговорить. Он остановился в квартире московского корреспондента газеты «Монд» Бернара Гетта, где я и сделал интервью с ним, которое потом никто не захотел печатать. Впоследствии каждая встреча с Адамом происходила на каком-то важном жизненном этапе. В декабре 1989 года именно он помог мне провести интервью с Лехом Валенсой в посольстве Польши в Москве. В августе 1991 года мы случайно встретились с ним возле магазина советской книги в Варшаве, и он

предсказал ГКЧП. После провала августовского путча он дал интервью мне и моему коллеге Михаилу Малчуну для журнала «Эхо планеты». В 2013 году Михник опубликовал в «Газете выборчей» мою статью «Почему русские журналисты защищают Ярузельского?».

²⁰ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / Общ. ред. А. С. Черняева, А. Б. Вебера. – М.: Весь Мир, 2010. – С. 574.

²¹ Цит. по: *Sebestyen Victor. Revolution 1989: The Fall of the Soviet Empire. London: W&N, 2009.* – P. 292.

²² Про эти выборы тогда говорили: Ярузельский избран единогласно, в том смысле, что единственным голосом.

²³ *KiszczaKowa. Tajemnice Generalowej. Maria KiszczaK w rozmowie z Kamilem Szewczykiem / Maria Teresa KiszczaK, Kamil Szewczyk.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2015. – S. 226–227.

²⁴ Ibid.

²⁵ *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 632.

ЯРУЗЕЛЬСКИЙ – ПРЕЗИДЕНТ

1 января 1990 года Войцех Ярузельский становится президентом Польши. Сейм избирает его с перевесом в один голос. Как отмечал журналист из еженедельника «Политики» Кшиштоф Бурнетко, «оказывается, что он неплохо справляется со своей ролью»¹.

Все без исключения члены первого некоммунистического правительства Тадеуша Мазовецкого признавали, что президент-коммунист Ярузельский не блокировал реформ. Ни экономических, весьма радикальных, предложенных Лешекком Бальцеровичем, ни политических, в том числе затрагивавших силовые структуры. Пакет законов для так называемого «плана Бальцеровича», или плана «шоковой терапии», Ярузельский подписал 30 декабря 1989 года – на следующий день после утверждения законов парламентом. Участники событий свидетельствовали, что Ярузельский сделал это без каких бы то ни было сомнений.

Историки отмечают, что Ярузельский за время президентства ни разу не использовал право вето. Он попытался воспротивиться только один раз – в октябре 1990 года, во время обсуждения закона, разрешавшего продажу государственных земель иностранцам. Экономический советник Мазовецкого Вальдемар Кучиньский вспоминал также, что Ярузельскому особенно тяжело дался указ об отмене главного государственного праздника Польской Народной Республики, который отмечался 22 июля.

В апреле 1990 года происходит то, чего Ярузельский так долго добивался: Михаил Горбачев первым из советских руководителей признал ответственность СССР за Катынское преступление – убийство в апреле 1940 года в разных частях СССР польских офицеров, интернированных в 1939-м, после начала Второй мировой войны. По воспоминаниям тогдашнего польского посла в СССР Станислава Чосека, Ярузельский заявил, что не посетит Советский Союз с официальным визитом, если эта тема не будет подниматься². Тем более что это был год 50-летия Катынской трагедии: соотечественники могли бы не понять своего президента. Во время визита Ярузельского в Москву Горбачев передал ему первые документы, касающиеся убийства в Катыни. К слову сказать, полностью все официальные материалы так и не были переданы вплоть до сегодняшнего дня.

В связи с этим событием ТАСС распространяет заявление³, в котором говорится, что данные, обнаруженные в архивах, позволяют судить о непосредственной ответственности за преступление в Катынском лесу Берии, Меркулова и их подельников. «Советская сторона выражает глубокое соболезнование в связи с Катынской трагедией и заявляет, что оно является одним из жесточайших преступлений сталинизма»⁴, – говорится в заявлении. Также сообщается, что в последнее время советские архивисты и историки открыли некоторые документы о польских военнослужащих, которые находились в лагерях НКВД в Козельске, Старобельске и Осташкове. Из них следует, что в апреле и мае 1940 года из около 15 тысяч офицеров 394 были переведены в лагерь в Грязовце. Значительная часть была передана в распоряжение управлениям НКВД соответствующих областей: Смоленской, Ворошиловградской и Калининской – и больше никогда не упоминалась в документах НКВД.

На обратном пути из Москвы в Варшаву 14 апреля 1990 года Ярузельский посещает с визитом Катынь, где позже будет создано военное мемориальное кладбище⁵. Вне вся-

кого сомнения, визит в Катынь становится для Ярузельского важнейшим событием его карьеры и жизненного пути. Он добивается от властей СССР того, о чём было немислимо говорить вслух на протяжении десятилетий существования советской власти. В Катыни вместе с почётным караулом генерал-президент воздаёт воинские почести жертвам сталинизма и возлагает венок к их могилам.

В соответствии с Конституцией Польши срок полномочий Ярузельского должен был закончиться только в середине 1990-х годов. Однако уже в первые месяцы 1990 года пошли разговоры о досрочных выборах президента, поскольку власть в стране якобы не отражала текущей расстановки сил. В Сейме начался сбор подписей за то, чтобы провести досрочные выборы президента и внести изменения в Конституцию, позволяющие избирать президента всенародным голосованием.

Ранней весной 1990 года Ярузельский предлагает Сейму сократить свой президентский срок. Таким образом он реагирует на динамику политических перемен, происходящих в стране и в мире: Варшавский договор прекращает своё существование, падает Берлинская стена, в Праге происходит «бархатная революция», в Венгрии полностью меняется власть. В июне 1990 года Ярузельский прибывает в Москву вместе с премьер-министром Тадеушем Мазовецким на де-факто последнее заседание Политического консультативного комитета государств – участников Варшавского договора. Вскоре эта организация будет распущена. Как глава государства Войцех Ярузельский дважды посещает Москву с визитами, что подчёркивает роль и значение, которые он уделяет России в формировании политики Третьей Республики.

В своём письме к маршалу Сейма Ярузельский пишет, что с полным пониманием относится к переходу от выборов президента Сеймом ко всеобщим выборам как к последствию демократизации государства и реформирования его самых важных органов управления. 27 сентября депутаты

вносят очередные изменения в Конституцию. Эти поправки устанавливают, что срок пребывания на посту президента будет составлять пять лет. Начинается стремительно развивающаяся избирательная кампания...

10 декабря 1990 года первым президентом Польши, избранным всенародным голосованием, стал Лех Валенса. Сам Ярузельский в выборах не участвовал. 11 декабря Ярузельский выступил с телевизионным обращением, в котором попрощался с соотечественниками. Он заявил, что история каждого народа – это сумма не только тех результатов, которых удалось достичь, но и тех, которых удалось избежать. «Пусть достижения прошлого станут для всех нас наукой и предостережением», – заявляет генерал. И продолжает:

«Ошибаться – дело житейское. Ошибался и я. Но я не заблудился на бездорожье. Мною руководило стремление к лучшему для страны, к её авторитету, стабильности и нерушимости границ, избавлению Польши от трагедии, а людей – от терпения сверх меры. Этой дорогой я и старался идти. Понимаю, что человеческие судьбы нельзя измерять статистикой. Каждая неприятность, боль, несправедливость имеют свои имена. Отдаю себе отчёт в том, что их было немало. Они лежат на моём сердце тяжёлым грузом. Как военный, я знаю, что командир отвечает за всех подчинённых и за каждого в отдельности. Слово «простите» прозвучит высокопарно, но другого слова у меня нет. Хочу просить лишь об одном: если в ком-то не угас гнев или недовольство – пускай они будут направлены против меня»⁶.

Несколькими днями ранее уходящий президент попрощался с армией как главнокомандующий. Церемония прошла на территории той самой воинской части, где 12 декабря 1981 года, накануне введения военного положения, записывалось его телеобращение. Он снова заявил, что принимает личную ответственность за всё на себя. «Совесть моя чиста. История решит, имел ли я на это право»⁷, – говорит генерал.

22 декабря 1990 года завершается участие Войцеха Ярузельского в государственной жизни Польши. Уходящего президента не приглашают на инаугурацию его преемника. Однако на следующий день Лех Валенса принимает генерала в президентском дворце – Бельведере. Как пишет Кшиштоф Бурнетко, «это ещё один пример того, какие проблемы с Ярузельским возникают у демократического государства: с одной стороны, его нельзя игнорировать, а с другой, невозможно воздавать ему почести»⁸. В Польше на Ярузельского не распространяется ни амнистия, ни амнезия, замечает Бурнетко.

Одной из вех, завершающих эпоху ПНР, становится передача президентом Польши в изгнании Рышардом Качоровским хранившихся в Лондоне властных регалий Леху Валенсе. С помощью этого символического жеста польская политическая эмиграция признала свою миссию выполненной.

К 1993 году уже не существует ни одного государства, с которым Польша граничила за три года до этого. ГДР оказалась включённой в состав ФРГ, вместо Чехословакии возникли Чехия и Словакия, на востоке Польша отныне соседствовала с четырьмя государствами, образовавшимися после распада СССР: Россией (Калининградской областью), Литвой, Белоруссией и Украиной.

Историк и политолог Ярослав Шимов точно сформулировал, что важнейшим качеством Ярузельского оказалось умение вовремя уйти. Шимов также справедливо отмечает, что среди коммунистических лидеров Восточной Европы, правивших с благословения Москвы во второй половине прошлого века, трудно было найти людей интересных и выразительных:

«Они «выбивались в люди» в рамках системы, которая поощряла лояльность, исполнительность и серость. Хранить верность, по крайней мере внешнюю, коммунистическим догмам и советскому «старшему брату», выступить с долгими реча-

ми на партийных съездах и пленумах да защищать свой неказистый трон от поползновений конкурентов-интриганов из той же партийной среды – к этому, собственно, и сводилось политическое искусство вождей стран социализма. Исключений из этого правила было немного»⁹.

Он справедливо называет бывшего президента Польши Войцеха Ярузельского одним из исключений в этом ряду. «Не будем идеализировать генерала: он защищал свою власть и тот строй, которому служил много лет. Но вышло так, что при этом Ярузельский победил охватившее поляков революционное нетерпение – и открыл дорогу постепенным мирным переменам»,¹⁰ – отмечает Ярослав Шимов.

По его оценке, Ярузельский никогда не был для большинства поляков однозначно черной фигурой. Даже сейчас, по данным опросов, почти половина граждан страны считает, что введение военного положения в момент острейшего политического кризиса было шагом трагическим, но верным. Как отмечает политолог, главный аргумент Ярузельского – то, что альтернативой его действиям могло стать советское военное вторжение в Польшу, – давно поставлен под сомнение. Документы из рассекреченных советских архивов не подтвердили, что в Москве тогда действительно хотели двинуть армию через западную границу. Возможно, Ярузельский предотвратил другое: не вторжение, а кровавую преждевременную революцию, которая в начале 1980-х вряд ли могла рассчитывать на победу.

Давно известно, что от долгого разговора в памяти остаются прежде всего последние фразы. То же относится и к долгим политическим карьерам: люди лучше всего помнят, как и при каких обстоятельствах политик ушёл, что после него осталось. Войцех Ярузельский сумел уйти красиво – после «Круглого стола», завершившегося первыми частично свободными выборами в июне 1989-го, и короткого пребывания на президентском посту. Он не цеплялся за власть, вовремя поняв, что, говоря словами Солженицына,

«часы коммунизма своё отбили». «Заключительная фаза перехода от коммунистического режима к демократии в Польше наконец оказалась мирной – и в этом есть заслуга Ярузельского, хотя, конечно, не его одного»¹¹, – справедливо отмечает Ярослав Шимов.

В своей деятельности по завершению коммунистической системы и российского доминирования в Польше Ярузельский полагался не только на поддержку Горбачева, приход которого к власти в СССР открыл возможность для перемен, но и на свою команду единомышленников. Эта группа сначала поддержала его во время подготовки и введения военного положения, а затем способствовала политической трансформации в стране, когда появилась такая возможность. В эту команду входили такие деятели, как Чеслав Кищак, Флориан Сивицкий, Мечислав Раковский, Михал Янишевский, Станислав Чосек, Веслав Гурницкий, Ежи Урбан. Неприятие ими движения «Солидарность» и согласие на применение против него силы не прошли для них бесследно. «Как интеллектуальные создатели реформ, они сначала с убеждением взяли на себя труд рационализации решения генерала от 13 декабря 1981 года и полностью идентифицировались с этим решением. После прихода к власти Горбачева в СССР и амнистии в Польше в 1986 году они создали некое подобие перестроечной команды Советского Союза»¹² и повели Польшу по пути перемен, но в результате этих перемен были отодвинуты на обочину политической жизни.

ЗАЯВЛЕНИЕ ТАСС ОТ 14 АПРЕЛЯ 1990 ГОДА

«На встречах между представителями советского и польского руководства, в широких кругах общественности длительное время поднимается вопрос о выяснении об-

стоятельств гибели польских офицеров, интернированных в сентябре 1939 года. Историками двух стран были проведены тщательные исследования Катынской трагедии, включая и поиск документов.

В самое последнее время советскими архивистами и историками обнаружены некоторые документы о польских военнослужащих, которые содержались в Козельском, Старобельском, Осташковском лагерях НКВД СССР. Из них вытекает, что в апреле–мае 1940 года примерно из 15 тысяч польских офицеров, содержащихся в этих трёх лагерях, 394 человека были переведены в Грязовецкий лагерь. Основная же часть «передана в распоряжение» управлений НКВД соответственно по Смоленской, Ворошиловградской и Калининской областям и нигде больше в статистических отчётах НКВД не упоминается.

Выявленные архивные материалы в своей совокупности позволяют сделать вывод о непосредственной ответственности за злодеяния в Катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных.

Советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с Катынской трагедией, заявляет, что она представляет собой одно из тяжких преступлений сталинизма.

Копии найденных документов переданы польской стороне. Поиск архивных материалов продолжается.

13 апреля 1990 года Президент СССР М. С. Горбачев передал Президенту Республики Польша В. Ярузельскому во время его официального визита в Москву копии найденных советскими архивистами и историками списков и других материалов бывшего Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. В переданных копиях списков значатся фамилии польских граждан».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Burnetko Krzysztof. Zdjecie generala // Polityka.* – № 49. 4 grudnia 2010. – S. 23–25.
- ² *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 633.
- ³ См. Заявление ТАСС.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Мемориальный комплекс «Катынь» в Смоленской области.
- ⁶ *Jaruzelski Wojciech. Stan Wojenny. Dlaczego...* – Warszawa: BGW, 1992. – 437 s.
- ⁷ Цит. по: *Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.* – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014. – S. 635.
- ⁸ *Burnetko Krzysztof. Zdjecie generala // Polityka.* – № 49. 4 grudnia 2010. – S. 23–25.
- ⁹ *Шимов Ярослав. Умение уйти // Россия в глобальной политике.* – 26 мая 2014. Адрес статьи в Интернете: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Umenie-uiti-16664>.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Kowal Pawel. Koniec systemu wladzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989.* – Warszawa: RIO, 2015. – S. 572.

ГЕНЕРАЛ-ИНТЕЛЛЕКТУАЛ

Несмотря на то что в юные годы Ярузельский воспитывался в католическом монастыре у отцов-марианов, он считал себя человеком «глубоко неверующим». Тем не менее католическое воспитание, несомненно, наложило свою печать на его личность и характер. Как вспоминает дочь Моника, он постоянно подчеркивал важность терпения и послушания. От него часто можно было услышать слова, странные для коммуниста, особенно когда он говорил: «Следует нести свой крест». Все обвинения в свой адрес, обрушившиеся на него в конце жизненного пути, судебный процесс, покушение, ежегодные демонстрации перед домом на улице Икара генерал принимал с покорностью и стоически.

По мнению дочери, у Ярузельского никогда не было враждебного отношения к религии и Римско-католической церкви, что неудивительно для человека, воспитывавшегося у монахов, но странно для коммуниста. (Ярузельский, впрочем, скорее был социал-демократом, несмотря на своё большевистское воспитание в Советском Союзе, в сибирской ссылке и военных лагерях в Рязани. Его подчеркнутая симпатия к Горбачеву оставалась неизменной и после отставки последнего, чего нельзя сказать об отношении к Брежневу и Черненко, которых он называл «живыми трупами», демонстрируя хорошее знание русской литературы.)

Мать Ярузельского Ванда была человеком глубоко религиозным и придерживавшимся католических правил. Однако широко известно, что на её похоронах в 1966 году во время отпевания генерал не вошёл в костёл, а оставался на улице. В то время он был начальником Главного политического управления Войска Польского и явно не хотел демонстрировать своим подчинённым и воспитуемым, что его слова расходятся с делами. Когда он узнал, что тёща тайком крестила дочь, особого возмущения это не вызвало. Тем более что бабушка сказала Монике, что крестивший её ксёндз – это такой парикмахер в черной одежде, который польёт ей голову водой ¹.

Как глава государства, Ярузельский вёл постоянные переговоры с примасом Польши кардиналом Юзефом Глемпом ² о положении в стране. В одном из своих поздних интервью Ярузельский говорил: «Заметьте, какой парадокс: примас происходил из бедной рабочей семьи, ходил в социалистическую школу, принадлежал к социалистической организации – стал примасом, главой польской Римско-католической церкви. А я, родившийся в помещицкой семье, выпускник католической гимназии, член молодежного марианского братства, стал первым секретарем партии, называемой коммунистической немного на «вырост»».

По понятным причинам Ярузельский никогда не упоминал, что его семья принадлежала к одному из старейших дворянских родов Польши, а фамильным гербом был так называемый Слеповрон, или попросту ворона. Позже поляки часто смеялись над тем, что аббревиатура Временного совета национального спасения выглядела как WRON, то есть ворона.

Как настоящий военный, Ярузельский был человеком спортивным и занимался верховой ездой. У польского дворянства страсть к лошадям была в крови, но тут она совпала с первыми годами службы Войцеха во взводе конной

разведки просоветской Армии Людовой. Даже в поздние годы, когда Ярузельский садился на коня, никто из специально обученных адъютантов и сотрудников охраны не мог за ним угнаться.

В интервью после отставки генерал часто говорил, что жалеет о том, что согласился стать министром обороны и что его вообще затянуло в политику. «Гомулка рявкнул, я подчинился и таким образом оказался в большой политике», – говорил Ярузельский в интервью еженедельнику «Впрост». Первый секретарь ЦК ПОРП Гомулка был для него непрекаемым авторитетом, узником сталинской тюрьмы, который многое сделал для сохранения суверенитета своей страны. Однако генерал неизменно подчёркивал, что власть в сочетании с необходимостью соблюдать всевозможные условности и формальности тяготила его.

Из свойств характера Ярузельского наибольшее недоумение всегда вызывало категорическое неприятие не только пьянства, но и употребления алкоголя вообще. На фоне воинского образа жизни это выглядело по меньшей мере странно. Начальник личной контрразведки генерала Артур Готувко вспоминал, что тот никогда не пил. «Иногда, крайне редко, бокал вина», – говорил он. Офицерский корпус, конечно, в большинстве своём не ограничивал себя насчёт употребления спиртных напитков. Но Ярузельский, ставший министром обороны ПНР в 1968 году, оказался не просто исключением в этом смысле, но и злейшим врагом пьянства в военной среде. Первым вопросом, который он задавал, когда надо было узнать положение в той или иной воинской части, был такой: «Много ли пьют водки?». Позднее известный польский журналист Ежи Урбан, прославившийся своим цинизмом и враждебным отношением к «Солидарности», назвал Ярузельского «абстинентом пьяной страны». В устах главного редактора сатирического журнала «Нет», который никогда не лез в карман за острым словом, это был комплимент.

Бывший министр внутренних дел ПНР Чеслав Кищак особой приверженностью к трезвому образу жизни не отличался и любил вспоминать об одном из своих визитов в Москву в период горбачевской антиалкогольной кампании. Увидев на столе одни только соки, Кищак на вопрос тогдашнего председателя КГБ Виктора Чебрикова «Что будете пить?» ответил: «И пиво тоже!». Это вызвало необыкновенное веселье у чекистского коллектива. Кищак отмечал свои дни рождения в больших компаниях, в которых собиралось по 50–60 гостей. По воспоминаниям генерала, к которому Чебриков и прочие советские высокопоставленные чекисты и гэрэушники обращались не иначе как «Чеслав Янович», на такие сборища труднее всего было затащить Ярузельского. Когда приближался день рождения самого Ярузельского, коллеги делегировали Кищака, чтобы тот заранее звонил шефу и предупреждал, что все намерены заявиться с поздравлениями. Причём только мужчины, без женщин. Ярузельский ворчал, но соглашался. Кищак вспоминал, как однажды он осмелел и предложил генералу «поставить бутылку хорошей водки». Ярузельский категорически отказался. Но, когда все собрались, достал из шкафа маленькую бутылочку наливки, разлил по напёрсткам и спрятал бутылку обратно. Как говорил Кищак, наверное, опасался, «чтобы мы не напились окончательно».

Моника Ярузельска пишет, что единственной слабостью отца были сладости, в которых он тоже себе отказывал, со значением похлопывая по животу. Из семейных воспоминаний известно, что Ярузельский однажды дал слабинку во время родов жены, когда на свет появилась Моника. «Вместо того чтобы пойти с друзьями пить водку, он сидел дома, поглощая килограммы шоколадных конфет, а обёртки разбрасывал вокруг себя»³, – говорится в очерках дочери «Товарищ паненка».

«В отличие от мамы и бабушки отец никогда не придавал значения деньгам, – вспоминает Моника, – и считал, что

обладание большими деньгами – это дурной тон, а выстав-
лять их напоказ вообще никуда не годится»⁴. Всю зарпла-
ту генерал отдавал жене, а затем просил карманные день-
ги на парикмахера, пишет дочь.

Войцех Ярузельский женился поздно, будучи уже пол-
ковником, когда статус холостяка начал превращаться в пре-
пятствие для карьеры. Как рассказывала Моника, со своей
будущей супругой Барбарой Яскольской он познакомил-
ся в 1955-м во время Международного конкурса пианистов
имени Фредерика Шопена. Несмотря на военную профес-
сию, Ярузельский не был чужд прекрасному, что опять же
выдаёт в нём личность сложноорганизованную и отяго-
щённую хорошим воспитанием. На концерт китайской пи-
анистки Фу Цен – участницы конкурса – он пришёл вме-
сте с директором Центрального ансамбля песни и танца
Войска Польского Адамом Верником, который во время
войны играл в знаменитом ансамбле «белого Армстронга»
Эдди Рознера. Будущая супруга генерала закончила балет-
ную школу и танцевала, как говорили тогда, «в военном
коллективе». На концерте она появилась одна и сидела на
приставном кресле. Ярузельский сказал Вернику: «Смотри,
такая красивая девушка – и без места». На что Верник отве-
тил: «Так это же Бася!» и пригласил её в ложу, где они си-
дели. А после антисемитских чисток 1968 года в ПНР вре-
мён Гомулки эмигрировал в Швецию.

Моника Ярузельска даёт такое описание Барбары:
«Мама – экстраверт, личность доминирующая, склонная
к нарциссизму и, как всякая бывшая танцовщица, необык-
новенно яркая». «На мой вкус – даже чересчур», – добавляет
дочь. Прекрасная, всегда безупречно одетая и ярко на-
крашенная. Происходила из городской семьи, владевшей
рестораном в Люблине. Из дома вынесла стремление к ро-
скошной жизни, которая ассоциировалась у неё с предво-
енными духами марки «Герлен». Как и Нэнси Рейган, она
вошла в некоторое противоречие с супругой Генерального

секретаря ЦК КПСС, когда во время официального визита Горбачева в Польшу в 1988 году ей пришлось ладить с Раисой Максимовной и уступать её стилю и привычкам.

В беседе с дочерью 18 января 2014 года Барбара Ярузельска вспоминала, что отказалась от приглашения на новый спектакль, которое последовало после первого знакомства с бравым полковником на конкурсе Шопена. Но два билета на спектакль «Порги и Бесс» были присланы с водителем, и грех было ими не воспользоваться. А в следующий раз она уже и не думала отказываться, потому что речь шла о театре из Англии из Стратфорда-на-Эйвоне (родины Шекспира) со спектаклем «Титус Андроникус», где играли Вивьен Ли и Лоуренс Оливье. «Слава богу, он оказался в гражданской одежде, но одна вещь ввергла меня в расстройство – у него был галстук на резинке». «А тебе не пришло в голову, что он просто не умеет завязывать галстук?» – спросила дочь во время интервью-воспоминания. «Да он до сих пор ботинки завязывает, как дошкольник!» – ответила мать. Выяснилось, что впоследствии галстуки Ярузельскому всегда повязывал адъютант. Кстати, по многим отзывам, в отношениях с подчинёнными, с обслуживающим персоналом генерал был совершенно лишён того, что в советских реалиях называлось «комчванством».

Моника вспоминает, что отец всегда с особым почтением относился к тем, кто был ниже его по социальному статусу. Отношение к другим, более бедным, менее образованным, он всегда считал особенно важным. «С одной и той же вежливой куртуазностью он целовал руку пани премьеру Великобритании Маргарет Тэтчер или пани Боде, поварихе из военного дома отдыха»⁵, – пишет Моника. Во время пребывания в этом самом военном санатории он говорил дочери: «Моника, детка, прибери немного в комнате, а то скоро придёт пани уборщица»⁶.

Тогда, в начале 1960-х, вскоре после шекспировского спектакля, он снова пригласил Барбару, на сей раз в ресто-

ран, весьма недешёвый, где оказалось, что полковник пришёл не один, а со своей матушкой и заявил: «Мама, позволь представить тебе госпожу Барбару Галиньску...»⁷. Супруга генерала так отзывалась о тёще в своих воспоминаниях: «Весьма симпатичная немолодая госпожа, очень воспитанная». Ванда Ярузельска тогда сказала своим подругам, что Войтек, судя по всему, наконец-то женится. Однако брак пришлось отложить на три года, поскольку Ярузельский был назначен служить командиром дивизии в Щецине. Войцех и Барбара расписались в 1960 году. Барбара Ярузельска сторонилась политики, но не светской жизни. Супруга Кищака не без злорадства отмечала её болтливость и желание постоянно быть на первом плане.

Отношения Ярузельского с матерью отразились в переписке, которую он вёл во время войны. Это интересный литературный памятник эпистолярного жанра первой половины XX века, и поражает он тем, насколько молодой человек переживает происходящее, стремится разобраться в нём, а также поделиться с матерью своими впечатлениями об окружающем мире, об обстоятельствах, в которых он находится в офицерской школе под Рязанью. Письма написаны прекрасным литературным языком, который Ярузельский усвоил в юные годы. Польскую литературу, и особенно поэзию, он знал хорошо, свои выступления впоследствии перемежал цитатами из польских классиков, в том числе поэтов, среди которых особенно выделял Юлиана Тувима. У него был прекрасный спичрайтер Веслав Гурницкий, которому было присвоено звание полковника не столько за воинские достижения, сколько за участие в написании речей генералу.

Польские филологи отмечали насыщенность выступлений Ярузельского метафорами и образными сравнениями. Как писал Марек Йежиньский, изучавший язык партийной пропаганды и так называемый коммунистический новояз, «нужно отметить, что польский язык генерала Ярузельского

можно назвать безукоризненным – как с точки зрения построения фразы, так и словарного запаса; его выступления построены идеально – в соответствии с канонами классической античной школы риторики. Язык выступлений первого секретаря необычайно богат, он использует множество стилистических приёмов и фигур речи: неологизмы, фразеологические обороты, риторические вопросы, цитаты, иносказания. Язык выступлений Ярузельского просто искрится от метафор, успешно выполняющих свои основные функции: образотворческую и смыслопорождающую»⁸.

«Мы – лишь капля в потоке польской истории. Она состоит не только из славных страниц. В ней есть и тёмные стороны: liberum veto, своекорыстие, распри. И как следствие – распад и поражение... Давайте общими усилиями остановим призрак гражданской войны. Не будем возводить баррикады там, где нужен мост».

Эти слова, произнесённые 13 декабря 1981 года, звучат ярко и убедительно. Исследователи отмечают, что язык Ярузельского резко отличается от стиля его предшественников Герека и Гомулки, не говоря уже о лидерах сталинского времени, пользовавшихся шаблонами. По их мнению, язык Ярузельского служит для демонстрации таких востребованных в обществе черт, как хорошее воспитание, умение говорить, а также образование и высокие личностные качества. «Таким образом Ярузельскому удаётся манипулировать аудиторией с целью улучшения общественного восприятия действий аппарата власти»⁹, – пишет современный филолог Марек Ёежиньский.

Уже находясь в отставке, в 2006 году, когда не было возможности прибегать к помощи спичрайтеров, Ярузельский пишет открытое письмо тогдашнему президенту Польши Леху Качиньскому, который сначала присваивает генералу медаль «Крест сосланных в Сибирь»¹⁰, а затем отбирает её обратно, ссылаясь на то, что в администрации президента допустили ошибку и наградили генерала медалью по недо-

разумению. Ярузельский, как депортированный в 1940 году из Виленского края на Алтай, имел полное право на награждение такой медалью. И некрасивый жест с лишением уже выданной награды, конечно, вызвал недоумение, возмущение и сожаление. В своём письме Ярузельский писал со свойственной ему стилистической точностью: «Наград у меня и так немало, но Вашу я возвращаю»¹¹. Но и в этом письме проявился отточенный и безупречный стиль возмущённого педанта.

В 2010 году, когда в авиакатастрофе под Смоленском погибли президент Польши Лех Качиньский с супругой и ещё многие военные и государственные деятели, Ярузельский написал письмо брату покойного президента Ярославу Качиньскому, лидеру партии «Право и справедливость» и своему политическому оппоненту, с соболезнованиями, из которых следует, что генерал был неплохо знаком со многими членами семьи Качиньских¹².

В последние годы жизни генерал много болел, постоянно перемещался из одного госпиталя в другой. Ему даже приписывали роман с сиделкой, которая была к нему приставлена. После кончины отца Моника Ярузельска установила на его могиле памятник из грубо обработанного камня, своими формами напоминающий очертания современных границ Польши, сохранение которых генерал неизменно отстаивал. По сути дела, он всегда руководствовался интересами своей страны так, как понимал с учётом обстоятельств времени, при котором ему пришлось жить.

В Польше продолжается дискуссия о наследии советских времён, когда страна входила в Варшавский договор и строила свою общественную модель по образу и подобию государственного устройства в СССР. Те, кто считает, что в условиях того времени были большие преимущества и возможности, или испытывает ностальгию по социализму, составляют меньшинство. Большинство уверено, что во времена ПНР страна утратила независимость,

а суверенитет её был ограничен, в том числе присутствием советских войск на территории Польши. Образ генерала Ярузельского и оценка его деятельности носят в основном негативный характер.

В своих многочисленных интервью и выступлениях генерал говорил: «Я служил той Польше, которая существовала, а не той, которую кто-то хотел видеть»¹³. За границей отношение к Ярузельскому более доброжелательное и, можно сказать, сбалансированное. В обширном некрологе, опубликованном в «Вашингтон пост» в 2014 году, говорилось: «Некоторые видели что-то неподкупное в аскетичном и дисциплинированном офицере»¹⁴.

Вне всякого сомнения, Ярузельский был человеком не только благородным по происхождению и воспитанию, но и придерживался собственных, впитанных в детстве принципов, которые сегодня выглядят старомодными. Вряд ли история будет к нему снисходительна, но многие стороны его личности не позволяют трактовать его как монстра. Скорее, как заложника истории и обстоятельств. В одной советской песне были такие слова: «Время выбрало нас». Это время, жить в которое он не выбирал, выбрало для решения непростых задач Войцеха Ярузельского. И он подошёл к решению поставленной судьбой задачи с максимальной ответственностью и осторожностью.

ЯРУЗЕЛЬСКИЙ – МАТ

«Отец очень любил русские анекдоты»¹⁵, – пишет Моника Ярузельска. В речи никогда не употреблял матерных слов, однако считал допустимым вставить острое словцо в анекдот. Моника, как и многие поляки, придерживается мнения, что в российских анекдотах матерное слово, вульгаризм звучат особенно обаятельно. «Кто знает этот певучий

язык, наверняка знает и об этом», – утверждает дочь генерала в книге своих воспоминаний. Русские шутки любили и Чеслав Милош, и Юзеф Чапский, и Ежи Гедройц. Особенно последний, всегда, как и Ярузельский, осторожный, скупой в словах и эмоциях. Гедройц любил матерные слова, то есть самые сильные русские ругательства. Во всяком случае, так всегда говорили люди, навещавшие его в уважаемом парижском пригороде Мезон-Лаффит.

Один из самых любимых анекдотов Ярузельского был таким. В колхозе организовали экскурсию в Москву. Вечером – посещение Большого театра и прослушивание оперы «Отелло». Когда Отелло задушил Дездемону, он начинает бегать вокруг неё со словами: «Что делать? Что делать?». В этот момент раздаётся голос одного из колхозников из зала: «Е... пока теплая!». Другой любимый анекдот был таким. Секретарь райкома приезжает в колхоз, и вдруг во время встречи чувствуется страшная вонь. Кто-то явно испортил воздух. Председатель колхоза вскакивает с места и кричит: «Иван Степанович, пошёл вон!». Секретарь осторожно спрашивает у председателя: «А как вы узнали, кто это сделал?». На что председатель отвечает: «Я свои кадры знаю!».

Следующий русский анекдот из числа любимых, который в каком-то смысле был иллюстрацией жизненного пути самого Ярузельского, звучал так. Во время революции 1917 года Бог узнал о репрессиях в отношении священнослужителей и решил послать на землю одного из своих святых – Святого Луку. Тот долго не возвращался, потом прислал телеграмму: «Сижу в ЧК. Святой Лука». Тогда Бог решил послать Святого Илью. Тот долго не возвращался, а потом прислал телеграмму: «Сижу и я. Святой Илья». В такой ситуации Бог понял, что тут не до шуток, и решает отправить кого-то более компетентного. Отправляет Святого Петра. Проходит много времени, приходит телеграмма: «Жив-здоров. Комиссар Петров».

Ещё один звучал так. Русский генерал проводит смотр войск в Сибири. Во время посещения одного из батальонов, где бойцы стоят перед ним по стойке смирно, решает проявить отеческую заботу и говорит:

- Руки у вас замёрзли?
- Замёрзли, товарищ генерал!
- Ноги у вас замёрзли?
- Замёрзли, товарищ генерал!
- Х.. и у вас замёрзли?
- Нет, товарищ генерал!
- Как нет?
- Мы женский батальон!

По воспоминаниям дочери, когда Ярузельский был уже старым и совсем немощным, рассказывая эти анекдоты, он на глазах становился бодрее, а голос его звучал тверже и громче. Сибирская закалка давала о себе знать...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее цит. по: *Jaruzelska Monika. Towarzystwo Paniienka.* – Warszawa: Czerwone i Czarne, 2013. – 280 s. Воспоминания дочери генерала должны были сыграть важную роль в развенчании демонизации Ярузельского в глазах соотечественников.

² Юзеф Глемп (1929–2013) – примас Польши с 1981-го по 2009 год. Ранее архиепископ Варшавы. Сподвижник примаса Стефана Вышиньского.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Разночтение в фамилиях объясняется тем, что для супруги Ярузельского это был второй брак. Поэтому в воспоминаниях

дочери фигурирует как девичья фамилия Барбары, так и фамилия по первому мужу.

⁸ *Jezinski Marek*. Metafora w przemowieniach politycznych Wojciecha Jaruzelskiego, Stan wojenny, fakty, hipotezy, interpretacje / Zbior studiow pod redakcja Arkadiusza Czwołka, Wojciecha Polaka. – Torun: Wydawnictwo naukowe Uniwersytety Mikolaja Kopernika, 2008. – S. 407–417.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ Также иногда переводится как «Сибирский ссыльный крест», *польск.* Krzyż Zesłańców Sybiru.

¹¹ Jaruzelski zwrócił order prezydentowi Kaczyńskiemu // *Gazeta Wyborcza*. – 30.03.2006. Постоянный адрес в Интернете: <http://wyborcza.pl/1.76842.3247791.html>

¹² <http://www.gp24.pl/polska-i-swiat/art/4726933.wojciech-jaruzelski-napisal-list-do-jaroslawa-kaczynskiego-w-sprawie-trages-dii-pod-smolenskiem>

¹³ Эти слова Ярузельский довольно часто повторял в своих интервью после отставки и в выступлениях в суде.

¹⁴ *Finn Peter*. Poland's last communist leader had to bow to change // *The Washington Post*. – 27 May 2014. – B5.

¹⁵ *Jaruzelska Monika*. *Towarzyszka Panienska*. – Warszawa: Czerwone i Czarne, 2013. – 280 s.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ОТСТАВКИ

Отсидевший в коммунистической тюрьме Адам Михник называл Ярузельского, как и генерала Кищака, «человеком чести». Однако эту точку зрения в Польше разделяли далеко не все. Жизнь Ярузельского после отставки нельзя назвать лёгкой, а отношение к нему соотечественников – однозначным. Тёплый прием Ярузельский мог найти разве что у политических единомышленников – представителей левых партий, которые стремительно теряли поддержку электората. Аплодисментами его встречали, когда он появлялся на съездах Союза демократических левых сил под руководством Александра Квасьневского. В 2013 году тот организовал празднование 90-летия Ярузельского.

Ежегодно 13 декабря, в годовщину введения военного положения, у окон его дома на улице Икара собирались демонстрации и контрдемонстрации. Участники требовали суда над генералом, зажигали свечи, выкрикивали лозунги. На одном из плакатов было написано: «Ярузельский, мы помним твои преступления!». Известная журналистка Тереза Тораньска приходила со съёмочной группой в дом Ярузельских на улице Икара и снимала, как обитатели дома, в котором потушен свет, наблюдают за происходящим у них под окнами. В Интернете появились оскорбительные ролики со стихами и песнями, высмеивающими генерала, причем многие из них нельзя было назвать приличными.

В 1994 году на Ярузельского совершается покушение: ему наносит удар камнем некий Станислав Хельский. Как утверждал сам злоумышленник, он сделал это в отместку за развал его крестьянского хозяйства, завершившийся тюремным заключением. Хельский получает условный срок. У него находится много сторонников.

Пока президентами Польши были Валенса и Квасьневский, Ярузельского не трогали. У него даже был свой кабинет со службой охраны и секретарем на Аллеях Иерусалимских в Варшаве, неподалеку от Центрального вокзала. Там в 2004 году он принял меня для интервью, позднее опубликованного в журнале «Профиль». Вообще Ярузельский охотно принимал российских журналистов, которые в большинстве своём берут его сторону при объяснении причин введения военного положения. Особенно долго он беседовал с Валентином Оскоцким, который, кстати, очень помог мне в организации интервью с Ярузельским. Один из российских журналистов, Рудольф Борецкий, собственный корреспондент журнала «Новое время» в Польше, издал свои интервью и воспоминания о встречах с Ярузельским отдельной книгой «Мой генерал»¹.

Ещё в 1991 году вносится предложение о судебных обвинениях в отношении Ярузельского и других лиц, ответственных за введение военного положения. Дело в течение пяти лет рассматривает комиссия Сейма и в итоге замораживает его. В 2006 году комиссия Института национальной памяти², изучающего преступления против польского народа, обвиняет Ярузельского в «руководстве преступным союзом» и в принуждении Государственного совета к превышению полномочий путём введения военного положения. Судебный процесс начинается двумя годами позднее. Институт национальной памяти также упоминает, что имя Ярузельского фигурирует в книгах тайных сотрудников военной контрразведки сталинских времён под псевдонимом Вольский.

В 1997 году на международной исторической конференции в Яхранке, посвященной обстоятельствам введения военного положения, вместе с историками присутствовали и участники событий того времени. Среди них был и бывший Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран – участниц Варшавского договора (1977–1989) Маршал Советского Союза Виктор Куликов. Одним из наиболее драматичных моментов конференции, по воспоминаниям её организатора профессора Анджея Пачковского, стал следующий: советский маршал достал какую-то тетрадь и, размахивая ею, заявил, что в ней находятся доказательства того, что генерал Войцех Ярузельский в декабре 1981 года добивался заверений, что в случае неудачи военного положения он получит военную помощь со стороны СССР.

В перерыве американский историк Марк Крамер взял эту тетрадь и сделал ксерокопию её фрагмента. По мнению некоторых историков, в их руки попал важнейший документ, касающийся польско-советских отношений того времени. Это была так называемая тетрадь полковника Виктора Аношкина – адъютанта Виктора Куликова. Он делал рабочие записи бесед, которые вёл его шеф. Некоторые заметки были сделаны в весьма сокращённом виде, порой даже не позволяющем понять, о чём речь. Однако в записях, касающихся 10 декабря 1981 года, содержалась сенсационная фраза, ставшая потом поводом и предметом многочисленных трактовок и интерпретаций.

Аношкин докладывал: маршал Куликов узнал от советского посла в Варшаве Бориса Аристов, что по распоряжению Ярузельского ему позвонил секретарь ЦК ПОРП Мирослав Милевский и спросил: «Можем ли мы рассчитывать на помощь по военной линии со стороны СССР (о дополнительном вводе войск)?». Аристов связался с секретарем ЦК КПСС Константином Русаковым и, как утверждает Аношкин, получил ответ: войска вводиться не будут. Для

поляков это казалось страшной новостью. Оказалось, что после продолжавшихся полтора года разговоров о вводе войск всё отпало³.

Запись Аношкина дополняла информацию, которую поляки получили за четыре года перед конференцией в Яхранке от Президента России Бориса Ельцина. Он доставил папку советских документов с 1980-го до 1981 года, среди которых находился протокол заседания Политбюро ЦК КПСС от 10 декабря 1981 года. На нём было принято решение, о котором Русаков проинформировал Ярузельского через Милевского. Согласно этому документу председатель КГБ Юрий Андропов заявил примерно следующее: если говорить о проведении операции «Х», мы не намерены вводить войска в Польшу; это правильная позиция, и мы должны следовать ей до конца. «Не знаю, как будет с Польшей, но, даже если Польша окажется под властью «Солидарности», – это одно дело. А если на Советский Союз накинута капиталистические страны, а у них уже есть соответствующие решения в отношении экономических и политических санкций, это для нас окажется очень тяжело», – сказал Андропов⁴. И Громыко, и Сулов на этом заседании поддержали решение о том, чтобы войска не вводить.

Понятно, что генерал Ярузельский не мог знать о подробностях этого заседания, равно как и не мог не принимать во внимание позицию советских военных, которые наверняка имели план «Б» на случай провала операции под руководством самих поляков. Упоминания о позиции Устинова в этих документах нет. Советская сторона оказывала большое давление на Ярузельского насчёт того, что с контрреволюцией следует расправиться силовыми методами. Впрочем, из записей Аношкина следовало, что Ярузельский не только знал, что советские войска не войдут в Польшу, но и требовал от них оказания военной помощи при операции «Х», как советские товарищи называли введение военного положения.

Вся эта открывшаяся информация в глазах многих поляков усугубляла вину Ярузельского за введение военного положения и представляла всё в таком свете, будто бы он со своими близкими сотрудниками ввели его, чтобы спасти свою шкуру. У меня нет прямых доказательств того, что до суда над Ярузельским дело не могло дойти, пока главой Ватикана оставался папа римский Иоанн Павел II. Но существуют письменные документы о многочисленных встречах этих двух известных поляков, которые, несмотря на различие политических взглядов, всегда находили общий язык. С одной стороны, сказывалось католическое воспитание Ярузельского, с другой, то, что папа римский происходил из страны советского блока и, как считали многие, испытал влияние марксистской философии. 2 апреля 2005 года закончился земной путь Кароля Войтылы. Польша вновь опустила на колени, скорбя о скончавшемся понтифике. В Ватикане меняется власть, и никто больше не мог угрожать полякам пальчиком, если считал, что они переходят моральные границы, или призвать польских политиков к соблюдению этических правил.

Появляются требования о лишении Ярузельского всех президентских привилегий. Предложение вносит Ярослав Качиньский. В январе 2007 года в канцелярии президента Леха Качиньского начинается работа над проектом такого закона. В 2006 году после объявления о награждении Ярузельского «Крестом сосланных в Сибирь» он сказал в интервью, что рад тому, что президент Лех Качиньский сумел подняться выше партийных предпочтений. Немедленно после этого канцелярия Президента Польши опубликовала заявление, согласно которому награда вручена Ярузельскому незаслуженно (почему незаслуженно – не разъяснялось), и если бы Качиньский видел фамилию Ярузельского в списке кандидатов на получение Креста, то он бы не допустил его награждения. Это заявление возмутило генерала, и он вернул награду в президентскую канцелярию. Ярузельский весьма достойно отказывается

от Креста, сопровождая свой отказ очень разумным открытым письмом действующему президенту, где говорится, что «награда у меня и так хватает, а вот поведение Вашей администрации трудно назвать приличным»⁵.

В 2008 году Сейм принимает закон, в соответствии с которым понижаются пенсии бывшим сотрудникам госбезопасности, а среди них и членам Военного совета национального спасения и Ярузельскому. Однако Конституционный трибунал приостанавливает действие этих законов.

«Почему же победило не польское благородство, которым мы в России так часто восхищались, а местечковые, провинциальные рефлексы? На мой взгляд, ответ прост: поляки утратили моральные ориентиры, установленные для них авторитетом папы римского Иоанна Павла II. При жизни Кароля Войтылы судилище над Ярузельским было бы невозможным. Но после смерти польского папы римского шавки сорвались с поводка. Генералу Ярузельскому пришлось сполна испить чашу скорби, протянутую ему собственным народом. Остаётся только посочувствовать Войцеху Владиславовичу»⁶, – писал я, пожалуй, если смотреть с сегодняшних позиций, излишне эмоционально, но по сути своей не так уж и неправильно.

Роль Ярузельского оценивалась в мире, особенно в России, несколько иначе, чем в Польше. Его с удовольствием принимали в Москве. 9 Мая 2005 года он участвует в праздновании 60-й годовщины Победы и присутствует на параде. На трибуне на Красной площади он стоит в первом ряду, в то время как тогдашнему Президенту Польши Александру Квасьневскому место нашлось только в третьем. Пресс-служба Кремля распространяет фотографию его рукопожатия под зонтом с Президентом России Владимиром Путиным. В Москве Ярузельскому вручают юбилейную медаль «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 2009 году премьер-министр Дональд Туск не приглашает генерала на празднование годовщины начала Второй мировой войны в Гданьске на Вестерплатте. Однако в мае 2010 года Ярузельский сопровождает исполняющего обязанности президента Бронислава Коморовского в его поездке на празднование 65-й годовщины окончания Второй мировой войны в Москве. Это происходит всего через несколько дней после того, как под Смоленском разбился самолет с Президентом Польши Лехом Качиньским и сопровождавшими его общественными деятелями. «Всё это показывает ментальные, политические и правовые проблемы, с которыми польская демократия сталкивается, когда приходится иметь дело с бывшим коммунистическим предводителем»⁷, – отмечает журналист «Политики».

После ухода с государственных постов Ярузельский продолжает неустанную кампанию в свою защиту, особенно в связи с обстоятельствами введения военного положения. Он пишет книги воспоминаний и выступает на публике, представляя свою версию событий. Как бы его ни оценивали, личная судьба генерала – важный и занимательный фрагмент польской истории. Времени ПНР – с подавлением рабочих протестов на Балтийском побережье в 1970-м и движения «Солидарность» в 1981-м, высоким положением в Министерстве обороны в конце 1960-х годов, когда в Польше происходили антисемитские чистки в государственных и партийных учреждениях, подавление Пражской весны в 1968 году. Но и, конечно, генерал активно участвует в политической трансформации конца 1980-х годов. «И, хотя исторические заслуги Ярузельского весьма значительны, в историю он войдет прежде всего как автор и организатор военного положения»⁸, – совершенно точно отмечают биографы.

Ярузельский получает письмо от одного из легендарных поляков, сообщившего миру о Холокосте, Яна Карского, информацию которого поначалу проигнорировали. Он отвечает на письмо Ярузельского:

«Как и в прошлом, оценка такого рода материалов (полученных от вас – Ярузельского) невозможна современным поколением в польских условиях, а только историками. История оценит деятельность пана иначе, чем современное, политически разделённое и эмоционально реагирующее поколение. Так было в истории Польши с князем Адамом Чарторыйским, Тадеушем Костюшко, маршалом Юзефом Пилсудским, генералом Владиславом Сикорским, Станиславом Миколайчиком, Винцентом Витосом и многими другими. Из сообщений прессы и по другим высказываниям узнаю, что жизнь не скупится на удары по вам, но вы принимаете их с достоинством. Жаль, что приходится ещё справляться со здоровьем...

Уже 300 лет Польша остаётся территорией нестабильности, заслуженных и незаслуженных перемен. Для оценки в каждом случае требуется историческая перспектива. Я уже старый господин – мне 84 года. У меня польское сердце, но мировоззрение сформировано моей второй родиной – Америкой, которая чтит меня и сверх меры окружает вежливостью и признанием. Именно поэтому я иначе смотрю на ход событий в моей бывшей стране, чем многие патриоты, которые в ней живут. Вижу лес, тогда как они видят только деревья. Желая пану президенту здоровья, сил, выносливости и погоды духа, остаюсь с выражением наивысшего уважения, Ян Карский»⁹.

В последние годы жизни состояние здоровья Ярузельского значительно ухудшается. Весной 2011 года он попадает в больницу в связи с серьёзными дыхательными проблемами. Врачи диагностируют рак лимфы. Состояние здоровья генерала вызывает интерес у СМИ. Однако все попытки связаться с ним оказываются тщетными. К телефону подходит пани Барбара и никому не даёт возможности поговорить с мужем. В 2011 году генерала в больнице навещает Лех Валенса, к тому моменту президент в отставке, демонстрируя примирение между бывшими политическими противниками. На странице Валенсы в Интернете появляется фотография рукопожатия двух бывших президентов, а Валенса делает к ней приписку «Выздоровливайте, генерал!».

Генеральша даёт интервью газете «Супер экспресс», в котором сообщает, что дом на улице Икара превратился в хоспис. Каждый вечер приходит медсестра, чтобы сделать обезболивающие уколы. Каждое утро врач проводит осмотр. «До болезни Войцех много работал, писал и читал, а сейчас у него нет сил ни на какую работу»¹⁰, – говорит Барбара. Когда состояние здоровья Ярузельского, проходившего курс химиотерапии, резко ухудшилось, генеральша заявила журналистам «Супер экспресса»: «Временами нам кажется, что мы хотели бы просто спокойно умереть».

Однако в жизни четы Ярузельских в феврале 2014 года неожиданно разразился скандал, подхваченный бульварными газетами. Супруга экс-президента обвинила мужа, которому в июле прошлого года исполнилось 90 лет, в измене. По словам Барбары Ярузельской, генерал мог изменить ей с 50-летней домработницей, сиделкой, которая трудилась у них 4 месяца назад. «Если мой супруг не порвёт с этой женщиной, я обращусь в суд с требованием о разводе», – заявила она. При этом выяснилось, что некая Малгожата П. ещё и постоянно пользовалась алкогольными запасами дома Ярузельских. Чета Ярузельских считается одной из наиболее крепких семей политиков в мире, писала в этой связи «Новая газета». Войцех и Барбара прожили вместе 53 года, и в ответ на обвинения жены бывший Президент Польши заявил, что она не права и развода не получит.

25 мая 2014 года Ярузельский скончался в военном госпитале в Варшаве, о чём сообщил представитель больницы, отметив, что генерал перенёс инсульт. О его смерти сообщили все мировые СМИ. Написанный мною некролог был опубликован на сайте Газета.ру¹¹. Американская газета «Вашингтон пост» опубликовала 27 мая обширный текст, посвящённый генералу, авторства Питера Финна – бывшего собкора газеты в Москве, под заголовком «Последний

коммунистический лидер Польши вынужден был поклониться переменам»¹². Ёмко и в краткой форме американский журналист изложил жизненный путь генерала, завершив словами о том, что «весь он принадлежит прошлому». Историк Норман Дэвис писал: «Ярузельский был офицером, состоявшим на службе советской империи от молодых лет до выхода на пенсию»¹³.

На похоронах, состоявшихся 30 мая в Варшаве, среди сотен поляков присутствовали бывшие президенты Польши Лех Валенса и Александр Квасневский в сопровождении массового почётного караула. Затем тело было кремировано и похоронено с воинскими почестями на мемориальном воинском кладбище Повонзки рядом с могилой Болеслава Берута – первого коммунистического лидера Польши после Второй мировой войны. Решение похоронить Ярузельского в главном военном некрополе Польши, где покоится прах польских солдат, защищавших Отечество с XIX века, вызвало протесты. Через год Моника Ярузельска установила на могиле отца памятник.

Приложение

**Фрагмент стенограммы заседания Политбюро
10 декабря 1981 года,
состоявшегося за три дня до введения
военного положения в Польше¹⁴**

Мнение Андропова: «...что касается проведения операции «Х», то это целиком и полностью должно быть решением польских товарищей, как они решат, так тому и быть. Мы не будем настаивать на этом и отговаривать не будем». Сбившись ненадолго на тему экономической помощи, снова вернулся к главному: «Если т. Куликов действительно сказал о вводе войск, то, я считаю, он сделал

это неправильно. Мы не можем рисковать. Мы не намерены вводить войска в Польшу. Это правильная позиция, и нам нужно её соблюдать до конца. Я не знаю, как будет обстоять дело с Польшей, но если даже Польша будет под властью «Солидарности», то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договорённость с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия».

Громько: «Никакого ввода войск в Польшу быть не может. Я думаю, что об этом мы можем дать поручение нашему послу посетить Ярузельского и сообщить ему об этом. Наведение порядка в Польше – дело Польской объединенной рабочей партии, её Центрального Комитета, Политбюро».

Суслов: «Пусть сами польские товарищи определяют, какие действия им предпринимать. Если войска будут введены, то это будет означать катастрофу. Я думаю, у нас у всех здесь единодушное мнение, что ни о каком вводе войск речи быть не может».

Устинов: «Нам не надо навязывать им каких-либо своих решений».

Гришин: «О вводе войск не может быть и речи».

Черненко, резюмируя заседание: «В наших отношениях с ПНР в дальнейшем исходить из определенной по этому вопросу общеполитической линии ЦК КПСС».

Брежнев: «Какое мнение у товарищей?».

Все [формулировка протокольной записи]: «Очень правильное решение сформулировал т. Черненко, все предложения, их надо принять».

Постановление принимается.

Таким образом, 10 декабря 1981 года, за три дня до введения военного положения властями Польши, Политбюро ЦК КПСС в составе Андропова, Гришина, Громько, Кириленко,

Пельше, Сулова, Устинова, Черненко, Демичева, Пономарёва, Соломенцева, Капитонова, Долгих, Русакова под председательством Брежнева приняло однозначное решение: советские войска на территорию ПНР не вводить. Это было предположительно единодушное решение, хотя некоторые из присутствующих (менее влиятельные) и воздержались от выступлений.

Единственной «поправкой» к решению можно считать реплику Андропова в ходе заседания: «Что касается коммуникаций, которые ведут из Советского Союза в ГДР через Польшу, то мы должны, конечно, что-то сделать и предпринять для их охраны».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Борецкий Рудольф*. Мой генерал. – М.: Икар, 2008. – 115 с.

² Институт национальной памяти – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа (ИНП) – государственное историко-архивное учреждение, занимающееся изучением деятельности органов госбезопасности в 1944–1990 годы с целью расследования преступлений по отношению к польским гражданам в этот период, а также осуществления люстрационных процедур. Учреждён в соответствии с законом 18 декабря 1998 года. Помимо прочего в соответствии с законом о люстрации публикует списки граждан, сотрудничавших с органами госбезопасности.

³ Излагается по: *Wejda nie wejda: Polska 1980–1982: wewnętrzny kryzys, międzynarodowe uwarunkowania: konferencja w Jachrance, listopad, 1997.* – London: Aneks, 1999.

⁴ Это высказывание Ю. В. Андропова, сделанное на заседании Политбюро ЦК КПСС в 1981 году, широко цитируется в польской историографии как доказательство того, что СССР не имел намерений вводить войска в Польшу. Цит. по: *Цурганов Юрий*. «Польские события» в рассекреченных документах ЦК // Посев. –

№ 1-22007. Адрес страницы в Интернете: <http://www.posev.ru/files/articles/58.htm>. См. *приложение*.

⁵ Jaruzelski zwrócił order prezydentowi Kaczyńskiemu // Gazeta Wyborcza.- 30.03.2006. Постоянный адрес статьи в Интернете: <http://wyborcza.pl/1,76842,3247791.html>

⁶ Черёмушкин Пётр. За что поляки судят Ярузельского // Известия.- 7 октября 2008. Постоянный адрес статьи в Интернете: <http://izvestia.ru/news/341490>

⁷ Burnetko Krzysztof. Zdjecie generala // Polityka.- № 49.- 4 grudnia 2010.- S. 23-25.

⁸ Osiecki Jan. Generał. Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.- Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.- 656 s.

⁹ Цит по: Kowal Pawel. Koniec systemu wladzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986-1989.- Warszawa: RIO, 2015.- S. 575-576.

¹⁰ Afryka żyje rozwodem generała Jaruzelskiego! // Wiadomosci.- 11.02.2014. Постоянный адрес статьи в Интернете: http://www.se.pl/wiadomosci/swiat/afryka-zyje-rozwodem-generalajaruzelskiego_380542.html

¹¹ Черёмушкин Пётр. Генерал в тёмных очках // Газета. ru.- 26 мая 2014. Постоянный адрес статьи в Интернете: https://www.gazeta.ru/politics/2014/05/25_a_6047961.shtml

¹² Finn Peter. Poland's last communist leader had to bow to change // The Washington Post.- 27 May 2014.- B5.

¹³ Цит. по: Kowalski Lech. Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.- Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012.- 672 s.

¹⁴ Цит. по: Цурганов Юрий. «Польские события» в рассекреченных документах ЦК // Посев.- № 1-22007. Адрес страницы в Интернете: <http://www.posev.ru/files/articles/58.htm>

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В продолжающейся дискуссии о том, был ли опыт Польской Народной Республики положительным или отрицательным, побеждают сторонники второй точки зрения. В Польше преобладает мнение, что после 1945 года советское доминирование лишило страну и народ суверенитета, несмотря на существование формальных признаков независимого государства. Историки старшего поколения, пережившие времена ПНР (Ежи Эйслер, Анджей Фришке), стремятся оценивать этот период не так однозначно, в контексте тогдашних реалий холодной войны, существования Советского Союза. Сторонники такого нерадикального подхода отмечают, что правившая в ПНР партия не изменила национального гимна и герба (белого орла только лишили короны), и якобы это связано с тем, что, как гласит легенда, лично Сталину очень нравились «Мазурка Домбровского» и сам белый польский орёл. Скорее всего, эта версия соответствует истине, поскольку послевоенные польские коммунисты отличались особой сервильностью в отношении Кремля и без капли сомнения исполняли пожелания Москвы.

Действительно, в первые послевоенные годы, да и позже, суверенитет Польши был ограничен Советским Союзом¹. При Сталине практически все решения о том, кто займёт государственные должности в Польше, принимались Кремлём. После 1956 года ситуация изменилась: Хрущев, Брежнев

и, конечно, Горбачев постоянно говорили о том, что отношения СССР с ПНР носят «партнёрский характер». Первый секретарь ЦК ПОРП Станислав Каня рассказывал: несмотря на то что Брежнев кричал на него и предъявлял претензии, Кане позволялось высказывать своё мнение и пытаться убеждать советское руководство в верности своей точки зрения².

Всё это создавало определённые стиль и атмосферу в отношениях между руководителями СССР и ПНР. После того как была опубликована стенограмма телефонного разговора Ярузельского с Брежневым 1981 года, во время которого Генеральный секретарь поздравлял Ярузельского с избранием первым секретарем и говорил ему запросто «Здравствуй, Войцех!», а генерал обращался к нему «Здравствуйте, дорогой и многоуважаемый Леонид Ильич!», в Польше раздались упрёки в подобострастности, проявленной генералом. Однако их вряд ли можно принимать всерьёз: таковы были реалии того времени, сказывались также разница в возрасте между двумя руководителями и даже некоторое отеческое внимание, которое Брежнев проявлял к Ярузельскому. Генерал в своих выступлениях после отставки неоднократно заявлял, что служил той Польше, которая существовала, а не той, которую некоторые хотели бы видеть.

Историки считают, что Польская Народная Республика хотя и была несовершенной, но всё-таки была формой польской государственности. В частности, Ежи Эйслер отвергает концепцию, согласно которой практически все люди, которые жили в ПНР, входили с властью в те или иные соглашения, заключали так называемые «гнилые компромиссы», чтобы получить какую-либо выгоду³. Если стоять на такой позиции, то каждый, кто в ПНР получал талон на автомобиль, награду или государственную должность, не мог бы называться человеком чести, считает польский историк. «Тогда придётся изгнать из нашей истории половину мира литературы, актёрского мира, спорта и науки»⁴, — от-

мечает Ежи Эйслер. Он весьма остроумно заметил: люди его поколения и старше не родились 4 июня 1989 года, в день частично свободных выборов. «Наверняка не всё, что мы делали во времена ПНР, сегодня заслуживает похвалы. Мы в массовом порядке давали взятки, называя их мелкими сувенирами, покупали телятину «у бабы», товары из-под прилавка, обходили законы различными путями, вставляли в наши сочинения цитаты из классиков марксизма-ленинизма, часто ввали, когда этого требовало оруэлловское двоемыслие»⁵, – пишет профессор. «Однако был ли коллаборантом учитель, который хотя и не рассказывал ученикам о Катюни, но говорил о Тадеуше Костюшко или Юлиуше Словацком?» – задаётся вопросом историк. «Правду о Катюни говорить не разрешалось, но и не требовалось публично врать о том, что это злодеяние совершили немцы»⁶, – утверждает Ежи Эйслер.

Исследователи подчёркивают, что тяжелейшей национальной травмой для поляков стала Вторая мировая война, которая привела к колоссальным потерям как среди населения, так и национального богатства. По разным оценкам, потери населения составили 6 миллионов человек (третья по величине цифра после СССР и Третьего рейха). В результате репрессий, переселений, изменений границ, эмиграции население Польши после войны снизилось с 35 до 24 миллионов человек. «После такой травмы у общества не было значительных сил защищаться, а в последующие годы процесс приспособления поляков к жизни в новой системе власти был значительно сильнее, чем многим сейчас хотелось бы признать»⁷, – делает вывод Ежи Эйслер.

В этих условиях оценка личности генерала Войцеха Ярузельского и его взаимоотношений с СССР и Россией требует глубокого и разностороннего подхода, что и было предпринято на страницах этой попытки биографии. В своём выступлении в суде генерал отмечал, что, «невзирая на политическую конъюнктуру, всегда и по настоящий момент,

в реалиях того мира Советский Союз был государством союзническим. Решающей была роль Советской Армии в разгроме немецкого фашизма. Из десяти погибших немецких солдат восемь погибли на Восточном фронте. Это Советская Армия вымела из Польши человеконенавистнического оккупанта, погасила печи крематориев. Благодаря советской позиции мы смогли получить и сохранить постоянные границы и наиболее выгодную на протяжении всей истории территориальную форму Польши»⁸, – говорил Ярузельский.

«Конечно, это не означает, что следует забывать о Катыни, о других преступлениях, о депортациях, которой я сам подвергся, – событиях болезненных, жестоких, плохих, среди которых в том числе и горечь зависимости послевоенных десятилетий. Не буду здесь их называть. За меня это делают многочисленные политики, историки, публицисты с неопитским запалом. Не пойду лёгким путём. Не буду перекрашиваться, чтобы получить несколько пунктов в опросах общественного мнения. Не буду, как это сейчас часто случается, дистанцироваться от современной политики, утверждая, что «всегда и везде и во всём виноваты русские»». Ярузельский отмечал, что явные следы русофобии можно заметить в некоторых течениях современной политики и публицистики. По мнению генерала, это приносит вред национальным интересам Польши. «Они имеют преувеличенный характер. Именно потому, что интересы эти имеют характер особый, они должны быть избавлены от предрассудков, комплексов и излишних эмоций. Я позволю себе это отступление, поскольку не хочу, чтобы моё дальнейшее обширное выступление, касающееся реалий тогдашней внешней угрозы, каким-то образом отразилось на сегодняшних и будущих польско-российских отношениях. Это, однако, другая эпоха»⁹, – говорил генерал.

Ярузельский отмечает, что в обвинительном акте по отношению к нему утверждается, что в декабре 1981 года не существовало угрозы военного вторжения в Польшу, что

подтверждают участие СССР в войне в Афганистане, резкая позиция США и папы римского Иоанна Павла II.

В обвинительном акте говорится, обращает внимание Ярузельский, что при приготовлениях к введению военного положения предпринимались попытки скрыть фактические причины его введения под предлогом вымышленной угрозы вторжения и того, что Ярузельский пытался «добиться такого вторжения или как минимум получить обещание о нём»¹⁰. По словам Ярузельского, «этому не представлено ни одного доказательства». «Вынужден додумываться, о чём идет речь, на основе различных разработок и публикаций прокуратуры Института национальной памяти. Нельзя снять такое тяжёлое обвинение общими фразами. Это требует более широкого объяснения»¹¹, – заявил он в последнем слове.

«Во-первых, не следует ссылаться на папу Иоанна Павла II просто так. Его роль в процессах, которые привели к историческим переменам, широко известна. Однако нельзя переносить её на обстановку ситуации декабря 1981 года, искусственно приписывая ему влияние на тогдашние решения Кремля»¹², – справедливо отмечает Ярузельский. Во-вторых, позиция США стала определённой только по прошествии нескольких дней после введения военного положения. И, в-третьих, ошибочен взгляд в отношении того, что участие Советской Армии в боевых действиях на территории Афганистана исключало интервенцию в Польшу. В пиковый период афганской кампании там находилось около 110 тысяч советских солдат. В 1981 году там их было 80 тысяч. Это был контингент, происходящий главным образом из азиатской части СССР, Туркестанского военного округа, а именно сформированной на его основе 40-й армии, которой командовал генерал Юрий Тугаринов.

Ярузельский напоминает, что в то время Советский Союз держал под ружьём около 5 миллионов человек. Если исключить войска, подчинённые МВД, КГБ, пограничные

войска и другие формации, Советская Армия насчитывала 4 миллиона человек. В 1981 году только в Сухопутных войсках насчитывалось 173 дивизии, из них 119 механизированных, 46 танковых и 8 воздушно-десантных. Три четверти из них находилось на европейской территории, главным образом на западном направлении. Часть была в разной степени откадрирована, однако в течение нескольких дней могла быть полностью укомплектована. Эти силы формировались на территории Украины, Белоруссии, Литвы, в Московском военном округе, Калининградской области, ГДР, Чехословакии и в Северной группе войск в Польше. Это объяснение относится к тем, кто утверждает, что в 1981 году возле польских границ не было войск, которые могли использоваться для интервенции. Правда заключается в другом: даже если бы их не было, достаточно было нескольких часов, чтобы перегруппировать дивизию, в том числе из гарнизонов, отдалённых на несколько сотен километров, для условий их полного перевода на условия военного времени. Именно столько потребовалось некоторым польским дивизиям для подобного рода перегруппировки в ночь с 12 на 13 декабря 1981 года, напомнил Ярузельский в своём последнем слове в суде.

Тем, кто сомневается или даже отрицает реальность военной интервенции, предлагаю обратить внимание на следующее, говорил генерал. «Советский Союз и Варшавский договор не были склонны к военной авантюре. Термоядерные арсеналы сверхдержав были способны перевернуть вверх ногами не только Европу, но и всю планету. Было полное сознание того, что в тех реалиях тот, кто начнёт войну, был бы убийцей и самоубийцей одновременно. Но Советский Союз, хотя и переживал трудности, был державой и на локальном уровне и обладал полной способностью к интервенционистским действиям. Для нас в Польше в 1981 году это было полностью очевидно»¹³, — отмечал Ярузельский.

Из высказываний генерала несложно сделать вывод о том, что он обладал обширными знаниями о советской военной системе, поскольку принадлежал к сформировавшейся в Советской России высшей военной касте генералов и маршалов, психологию и настроения которой отлично знал. Эти знания Ярузельский усвоил не только в сибирской ссылке или в военных лагерях на берегу Оки в Рязани, но и на крымских пляжах, где проводил отпуска с семьёй в советских военных санаториях¹⁴. Ярузельский тепло вспоминает, как встречался с маршалом Родионом Малиновским, когда вместе с министром обороны ПНР Марианом Спыхальским отдыхал недалеко от Аю-Дага¹⁵. Во время застолья, когда подошла его очередь произносить тост, Ярузельский прочитал один из крымских сонетов Мицкевича. Недалеко от Ялты, в «Нижней Ореанде», в августе 1981 года происходили трудные переговоры Кани и Ярузельского с Брежневым, Громыко, Черненко и Русаковым.

В своём последнем слове в суде Ярузельский напомнил, что 21 июля 1983 года во время его выступления в Сейме после отмены военного положения он говорил, что «доверие со стороны братских стран облегчило Польше решение внутренних проблем собственными силами». По его мнению, если бы это доверие, союзническая надёжность были бы легкомысленно предоставлены для опасной проверки, ни к чему хорошему это бы не привело. «Я хорошо знал и как политик, и как генерал несомненную логику разделённого в то время мира. Также знал железный принцип «равновесия безопасности сторон», который иначе называется «равновесием страха»», – говорил генерал.

По его оценке, нарушение этого порядка в таком ключевом месте, как Польша, могло привести к дальнейшим последствиям. Советская реакция на ситуацию в Польше 1980–1981 годов была последовательным подтверждением этого. «На этом фоне особенное значение имели слова

Брежнева, Громыко, Устинова: а кто гарантирует вам западную границу?» – напомнил генерал. «От российских военных кругов также исходили голоса о том, что гарантии эти не были безусловными, касались они только союзнической, дружественной, стабильной Польши. За счёт нашей снижающейся позиции в Варшавском договоре росли акции ГДР. Хонеккер, власти ГДР подталкивали государства блока к военному вторжению, разрабатывали планы собственного участия в них, которые назывались «Развитие событий после получения сигнала»», – говорил Ярузельский.

«У нас было сознание, что дестабилизация в Польше может привести к территориальным пертурбациям, даже к изменению границ. Предчувствие этого можно было оценить на примере конфликта в отношении водного пути Щецин – Свиноуйсьце. Граница, проходившая по Одере и Нейсе, была на протяжении 45 лет предметом нашего беспокойства. Эту границу Советский Союз сначала установил силой, а затем гарантировал. Только Польша, остающаяся в сфере его влияния, могла иметь такой шанс. Никакая другая страна восточного блока не имела такой пограничной проблемы», – говорил генерал. «Оставаясь в составе Варшавского договора, Польша имела большое преимущество. Получали что-то за что-то. 45 пять лет ограниченного суверенитета были и прошли, но у Польши существуют устоявшиеся границы, и это границы, которые мы бы не получили при другом соотношении сил. Если в 1944–1945 годах Польша каким-то невообразимым чудом могла стать государством полностью суверенным и демократичным, то исключительно территориально ограниченным, в усечённом состоянии. Польша не получила бы ни Львова и Вильнюса, ни Вроцлава и Щецина, ни широкого доступа к морю», – говорил он.

По словам Ярузельского, тогда, в 1981 году, об этом следовало бы особенно помнить. Далее он цитирует профессора Збигнева Бжезинского, который в 1964 году писал:

«Поляки, вражески настроенные в отношении коммунизма и России, должны помнить, что бы могла означать Польша западного покроя. Она бы занимала место после Америки, Германии, Франции, Италии и многих других стран. В связи с особенным значением Германии для США она бы проиграла в каком бы то ни было польско-немецком конфликте. В социалистическом лагере пропорции были другими. Польша стала самой большой «Народной демократией», третьей после Советского Союза и второй в Европе». «Не знаю, подтвердил бы профессор Бжезинский ту оценку, но в условиях того мира это понимание было реалистичным», – считал Ярузельский.

Высшая советская военная прослойка, к которой принадлежал Ярузельский, обладала многочисленными привилегиями. И на этом фоне образ жизни лидера Польши и высшего военного лица отличался бросавшейся в глаза скромностью. Как отмечает в своих воспоминаниях полковник Артур Готувко, Ярузельский всегда тщательно следил за тем, чтобы не давать ни малейшего повода для того, чтобы кто-то мог представить его в невыгодном свете с точки зрения злоупотребления властью. «В этом вопросе он был недостижимым мастером»¹⁶, – говорил Готувко, не исключая при этом так называемой «коммунистической ментальности», способствовавшей, с точки зрения полковника, «жизни в изолированном мире». «Они ничего не покупали, не устраивались, не стояли в очередях, им всё доставляли, устраивали, и притом по смешно низким ценам. Зачем было стремиться к собственности у моря или в горах, если каждый год можно было ездить в прекрасные правительственные дома отдыха, партийные или военные, жить в прекрасном апартаменте с обслуживанием вежливого персонала, который считал за честь обслуживать высокого гостя?»¹⁷ – отмечает полковник.

По мнению Готувко, выбор советских начальников пал на Ярузельского в соответствии со старой имперской россий-

ской традицией, когда ставка делалась на людей, прошедших через Колыму и ГУЛАГ, Лубянку и прочие места такого рода. «Для реализации своих имперских целей Кремль всегда выбирал людей, которые познали вкус ада»¹⁸, – считает Готувко. По его мнению, существует три группы людей, прошедших испытание советскими порядками. Первая – которая демонстрирует непреклонность, твердую линию. Такие обычно уничтожаются. Вторая – это те, кто ломается при первых испытаниях, их охватывает апатия, они выходят из борьбы и тоже уничтожаются. Третья группа, наименее многочисленная, переходит на сторону сильнейшего. Они предпочитают бить, нежели быть битыми. Готувко отмечает, что для него как для сотрудника спецслужбы «самым трудным является обнаружение именно такой личности». «Поэтому я склоняю голову перед не известным мне энкавэдэшником, который, вероятно, тогда, ещё в 1940-х годах, на советской земле, заметил молодого, ничем особенно не выделявшегося человека и сказал: это он, тот, кто нам нужен»¹⁹, – говорил Готувко. По его мнению, Ярузельский был не единственным и даже поначалу не был лидером группы кандидатов на правление Польшей. «До генерала появлялись другие, которые по разным причинам не выдержали конкуренции»²⁰, – отмечал бывший начальник личной контрразведки министра обороны. Войцех Ярузельский прошёл испытание Россией до конца и с честью. И выдержал проверку временем, что история подтвердит ещё не раз.

Бежавший в США полковник Рышард Куклиньский во время дебрифинга в ЦРУ дал довольно подробную и объёмную характеристику Ярузельскому, и прежде всего его связям с Советским Союзом и отношению к советским порядкам. (После того как этот обширный документ был раскритикован, его можно найти в Интернете.) Куклиньский отмечает, что генерал был крайне чувствителен и осторожен в отношении критики советского строя, особенно советской военной системы, маршалов и генералов, существовавших

в их среде обычаев. Полковник рассказывает о двух случаях, когда офицеры Генерального штаба Войска Польского были наказаны и отправлены служить в дальние гарнизоны за публично высказанные сомнения в правильности советских действий или советско-польских отношений. Куклиньский уточняет: эти решения были приняты Ярузельским не потому, что он не знал многих дефектов советской системы, а потому, что опасался, что его обвинят в поощрении таких разговоров и сомнений²¹.

В воспоминаниях современников, более благожелательных к генералу, чем полковник Куклиньский, скажем, спичрайтера Веслава Гурницкого, описываются случаи, когда Ярузельский шёл против воли советских товарищей и напрямую высказывал своё недовольство. В частности, Гурницкий вспоминает: когда возмущение поляков глупостью и невежеством завсектором Польши в Международном отделе ЦК КПСС достигло немыслимых размеров, Ярузельский потребовал его отставки. Точно так же генерал поступил и с председателем Общества советско-польской дружбы, председателем Совета Союза Верховного Совета СССР Алексеем Шитиковым, который во время визита в ПНР продемонстрировал верх великодержавности и покровительственного тона²². Среди хамов, которых Ярузельский, по мнению спичрайтера, слишком долго терпел, был Леонид Митрофанович Замятин – заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС²³. Но, как справедливо отмечает Гурницкий, Москва не состояла тогда из одних сусловых и замятиных, в ней жило довольно много «истинных друзей польского народа».

То, что Ярузельский был «человеком своего времени» и действовал в рамках допустимого, тщательно стремясь, с одной стороны, не нарушить советские табу, а с другой, защитить интересы своего народа максимально доступными методами, – слабое утешение для нынешних критиков польского прошлого и порядков в ПНР. Однако для России

оценка личности Ярузельского важна в силу её постоянного присутствия почти во всех исторических процессах XX века, имеющих отношение к СССР и России, в его долгой биографии. Так или иначе, от молодых лет и до самой старости генерала СССР и Россия были частью его жизни и судьбы. В своих поздних интервью Ярузельский часто говорил, что связан с российским народом общей бедой, прошёл испытание военным лихолетьем, сталинскими репрессиями, депортацией и совместно пролитой кровью на полях Великой Отечественной войны. В этом не было лукавства или рисовки, потому что именно так дело и обстояло²⁴.

В результате многих общественных метаморфоз, произошедших после 1985 года, как в СССР и России, так и в странах Центральной и Восточной Европы появилась надежда: перемены приведут к улучшению и общего политического климата на постсоветском пространстве, и российско-польских отношений, а обновлённая, теперь уже полностью суверенная, не зависящая от СССР Польша установит равноправные, партнёрские отношения с демократической Россией. Однако этого не произошло. В Польше, прошедшей фундаментальную трансформацию экономической и политической системы, к 2016 году, конечно, сложилась демократия, основанная на глубоких традициях национально-освободительной борьбы. Но общественная ситуация и по сей день вызывает у Европейского Союза сомнения, а у России – серьёзные подозрения, граничащие с враждебностью. Давно забыто, как выглядел мир в условиях холодной войны и конфронтации двух общественных систем. То время заслоняет современная повестка дня. Поэтому тем более важно использовать уроки истории, самый главный из которых таков: ни в одном государстве невозможно решить внутренние проблемы насильем, каким бы изощрённым способом оно ни разрабатывалось (как было организовано военное положение в Польше под нажимом СССР).

При комплексном изучении биографии Войцеха Ярузельского неизбежно приходишь к выводу, что сложнейшую систему отношений своей страны с СССР и Россией он выстраивал в соглашательском, подчинённом ключе ровно настолько, насколько этого требовала международная обстановка того времени. В наши дни, когда Россия оказалась в конфронтации со многими соседями на Западе, как ближними, так и дальними, возникает соблазн заявить: существовавшая в советские времена система отношений, иерархия подчинённости окраин империи Центру были оптимальными для взаимодействия с такими странами, как Польша. Однако весь жизненный путь генерала Ярузельского не позволяет согласиться с таким мнением. Его политическая биография показывает, насколько сложными и неоднозначными были эти отношения, какими многочисленными факторами они определялись и как непросто складывались. По многим причинам повторить такую модель отношений уже не удастся хотя бы потому, что не осталось подобных Ярузельскому кадров, способных на такую ювелирную, до мелочей просчитанную политику. Да и России сегодня следует гораздо больше сосредотачиваться на внутренних проблемах, нежели на внешних.

Российские и польские исследователи биографии Ярузельского вряд ли в ближайшем будущем сойдутся в оценке роли генерала в истории Польши и достигнут примирения. Как и не придут к примирению два многомиллионных народа... Хотя лично мне приходилось встречать как поляков, негативно оценивающих генерала, так и поляков с позитивным к нему отношением. Но, как бы то ни было, от чего хотелось бы предостеречь новое поколение исследователей и тех, кто будет пытаться судить генерала, так это от упрощения и откровенной глупости при оценке роли Ярузельского в истории Польши и польско-российских отношений.

Ярузельский не был учёным или деятелем культуры. Это был военный, в силу необходимости ставший политиком. В истории такое случалось не раз. И довольно часто военные приходили в политику не столько для того, чтобы способствовать общественным переменам, сколько для того, чтобы подавлять. Ярузельский сумел справиться с обеими задачами. Деятельность генерала Ярузельского на посту главы государства поставила его в ряд выдающихся политических фигур XX века. А его непростая судьба и не поддающиеся поверхностным суждениям решения неразрывно сплетены с чрезвычайно важной ролью СССР и России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иногда это принимало очень странные формы. Помню, когда в конце 1970-х годов Польская академия наук решила избрать моего деда, члена-корреспондента АН СССР Вацлава Леоновича Кретовича, иностранным членом, это решение должно было быть согласовано с ЦК КПСС. И, хотя мой дед был на хорошем счету у советского руководства, вместо него предложили избрать иностранным членом ПАН академика Юрия Анатольевича Овчинникова, что и было сделано.

² *Eisler Jerzy. Polska «ludowa», ale Polska // Pamięc. pl.– Biuletyn IPN.– № 4–5/2012.– S. 29.*

³ *Ibid.* – S. 31.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.* – S. 31.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.* – S. 30.

⁸ *Jaruzelski Wojciech. Być może to ostatnie słowo (wyjaśnienia złożone przed Sądem).* – Warszawa: Comandor, 2008. – S. 193.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Моника Ярузельска пишет в своих воспоминаниях, что каникулы, проведённые в Крыму, были лучшим временем её общения с отцом.

¹⁵ *Jaruzelski Wojciech*. Stan Wojenny. Dlaczego... – Warszawa: BGW, 1992. – S. 232.

¹⁶ *Piecuch Henryk*. Bylem gorylem Jaruzelskiego. – Warszawa: Agencja Wydawnicza CB, 2001. – S. 28.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. – S. 117.

¹⁹ Ibid. – S. 118.

²⁰ Ibid.

²¹ The Vilification and Vindication of Colonel Kuklinski // CIA Library. – Center for the Study of Intelligence. Studies Archive Index. – Vol. 44. № 3. Прямая ссылка в Интернете: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol44no3/html/v44i3a03p.htm>

²² *Gornicki Wieslaw*. Teraz juz mozna. Ze wspomnien kulawego szery. – Wroclaw: Dolnoslaskie, 1994. – S. 30.

²³ Ibid. – S. 31.

²⁴ Любопытно, что целый ряд советских политических и военных деятелей (Константин Константинович Рокоссовский), а особенно советских учёных, прошедших сталинские тюрьмы и лагеря, добивались больших успехов в карьере, верно служили советской власти и были ею обласканы. К их числу можно отнести Андрея Николаевича Туполева, Сергея Павловича Королева, Акселя Ивановича Берга, Александра Львовича Минца, Александра Александровича Баева, Дмитрия Сергеевича Лихачева и ряд других. В этом смысле данный феномен распространяется и на Войцеха Витольда Ярузельского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Gajdzinski Piotr.* Gierek, Człowiek z Węgla.- Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2014.- 380 s.
- Gornicki Wiesław.* Teraz już można. Ze wspomnień kulawego szeryfa.- Wrocław: Dolnośląskie, 1994.- 400 s.
- Jaruzelska Monika.* Towarzyszka Paniienka.- Warszawa: Czerwone i Czarne, 2013.- 280 s.
- Jaruzelski Wojciech.* Starsi o 30 lat.- Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2011.- 204 s.-
- Jaruzelski Wojciech.* Stan Wojenny. Dlaczego...- Warszawa: BGW, 1992.- 437 s.
- KiszczaKowa.* Tajemnice Generalowej. Maria KiszczaK w rozmowie z Kamilem Szewczykiem. / Maria Teresa KiszczaK, Kamil Szewczyk.- Warszawa: Prószyński i S-ka, 2015.- 272 s.
- Kostikov P., Rolinski B.* Widziane z Kremla. Moskwa-Warszawa. Gra o Polskę.- Warszawa, 1992.- 266 s.
- Kowal Paweł.* Koniec systemu władzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986-1989.- Warszawa: RIO, 2015.- 524 s.
- Kowalski Lech.* CzeKiszczaK, Biografia gen. broni Czesława KiszczaKa.- Poznań: Zysk i S-ka, 2015.- 728 s.
- Kowalski Lech.* Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego.- Poznań: Zysk i S-ka, 2012.- 672 s.
- MacEachin Douglas J.* Amerykański wywiad i konfrontacja w Polsce 1980-1981.- Poznań: Rebis, 2011.- 296 s.

Osiecki Jan. Generał Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim.– Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.– 656 s.

Paczkowski Andrzej. Wojna polsko-jaruzelska. Stan wojenny w Polsce 13 XII 1981–22 VII 1983.– Warszawa: Prószyński i S-ka, 2006.– 280 s.

Pawłow Witalij G. Generał Pawłow. Byłem rezydentem KGB w Polsce. –Warszawa: BGW, 1994.

Piecuch Henryk. Byłem gorylem Jaruzelskiego.– Warszawa: Agencja Wydawnicza CB, 2001.– 286 s.

Stan wojenny, fakty, hipotezy, interpretacje / Zbiór studiów pod redakcją Arkadiusza Czwołka, Wojciecha Polaka.– Toruń: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2008.

Szlachcic Franciszek. Gorzki smak władzy: wspomnienia.– Warszawa: Fakt, 1990.– 350 s.

Toranska Teresa. Byli.– Warszawa: Świat Książki, 2006.– 318 s.

Wejda nie wejda: Polska 1980–1982: wewnętrzny kryzys, międzynarodowe uwarunkowania: konferencja w Jachrance, listopad, 1997.– London: Aneks, 1999.

Gates Robert M. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.– NY: Simon & Schuster, 1997.

MacEachin Douglas. U.S. Intelligence and the Confrontation in Poland, 1980–1981.– Pennsylvania State Univ Pr, 2002.– 256 p.

Sebestyén Victor. Revolution 1989: The Fall of the Soviet Empire.– London: W&N, 2009.– 497 p.

Ачалов В. А. Я скажу вам правду.– М.: Ист-Факт, 2006.– 336 с.

Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. акад. А.В. Торкунова, проф. А.Д. Ротфельда.– М.: Аспект Пресс, 2010.– 823 с.

Борецкий Рудольф. Мой генерал. – М: Икар, 2008. – 115 с.

Грачев Андрей. Горбачев. Человек, который хотел, как лучше... – М.: Вагриус, 2001.

Гришин Я. Я. Братская помощь или военное положение: монография. – Казань: Татар. кн. издательство, 2002.

Мусатов Валерий. Советский Союз и польский кризис 1980–1981 годов. – 2015.

Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М. С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. – М: «Весь Мир», 2010. – 900 с.

Оскоцкий Валентин. Ярузельский Войцех. Нельзя бесконечно жить болью // Дружба народов. – 2000. – № 3.

Павлов В. «Сезам, откройся!». – М.: Терра-Книжный клуб, 1999. – С. 545.

Ципко А. С. Исповедь одессита-антисоветчика. Агент «Солидарности» в команде Горбачева. Мемуары. – М.: Навона, 2011.

Пётр Черёмушкин

**Ярузельский:
испытание Россией**

Книга печатается
в авторской редакции

Дизайн и верстка
О. Г. Фирсов

Формат 60x90/16
Объем 24,6 п.л.

Тираж 500 экз. (1-й завод - 100 экз.).
Гарнитура Book Antiqua.
Печать офсет. Бумага офсетная.
Подписано в печать 12.11.2021.
Отпечатано с оригинал-макета
издательства «АИРО-XXI»